

И.Ш.Шифман

СИРИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ЭПОХИ ПРИНЦИПАТА

(I-III вв. н.э.)

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

И. Ш. Шифман

СИРИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО
ЭПОХИ ПРИНЦИПАТА
(I—III вв. н. э.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1977

Ответственный редактор
А. Г. ЛУНДИН

Работа посвящена социальной структуре и политической организации сирийского общества. По-новому раскрывается существо взаимоотношений между полисом и императорской властью, с новых позиций анализируются положение различных слоев общества и их политическая линия в условиях кризиса Римской империи в III в. н. э.

10603-193
Ш $\frac{013(02)-77}{123-77}$

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1977.

ВВЕДЕНИЕ

После битвы при Акциуме, в последние три десятилетия I в. до н. э., страны Западной Европы и Средиземноморского бассейна, сплоченные римским мечом в единое громадное (и громоздкое) государство, вступили в новый этап своей истории. Ушли в прошлое изнурительные Гражданские войны. Железной рукой подавляя непокорных, римские властители поддерживали желанный для всех мир, насаждали спокойствие и порядок. Правда, уже события 60-х годов I в. н. э. (борьба за власть в Риме после гибели Нерона, восстание Цивилиса, Иудейская война) показали непрочность этого порядка. Тем не менее Римская империя сумела выйти из кризиса окрепшей и усилившейся, прежде всего благодаря расширению социальной базы императорской власти. Если раньше римское правительство рассматривало завоеванные или иным способом покоренные общества и территории только как объект грабежа, только как поле охоты за рабами, то теперь оно стремится привлечь на свою сторону по крайней мере верхушку этих обществ, включить ее в число тех, кто осуществляет реальную власть и пользуется ее плодами,— политика, намечающаяся уже при династии Юлиев — Клавдиев. Существенное значение имел и компромисс, достигнутый между императорами и римской консервативной аристократией. В результате было обеспечено процветание городов, оживление торговли и ремесел, накопление богатства. Тем более странным и неожиданным кажется при таком внешнем блеске и видимом полном благополучии тяжелый, затяжной социально-экономический кризис, из которого Римская империя вышла коренным образом преобразенной.

Определить его характер и причины, выяснить пути перехода от принципата к доминату и внутреннее содержание этого процесса и в конечном итоге закономерности перехода от античного, рабовладельческого общества к средневековому, феодальному можно только на основе изучения социально-экономического развития Римской империи в течение первых трех веков нашей эры. Сказанным определяется и интерес к данной тематике, характерный для современного антиковедения, и ее актуальность. Для марксистской историографии настоящая необходимость исследовать весь этот сложный комплекс проблем стала особенно очевидной после того, как выявилась научная несостоятельность

известного тезиса о «революции рабов», которая будто бы привела к гибели Римскую империю, а с нею и всю эллинистическо-римскую цивилизацию.

Исследование, предлагаемое вниманию читателя, посвящено социально-экономической истории Сирии I—III вв. Эта страна, расположенная на стыке важнейших торговых и военных путей Ближнего Востока, имела исключительное хозяйственное и военно-политическое значение. Обладание Сирией обеспечивало доступ к торговым путям Месопотамии и в конечном итоге господство не только над Передней Азией, но и на всем Восточном Средиземноморье. Сирийские ремесленники и купцы, ведшие интенсивную посредническую торговлю, внесли огромный вклад в формирование экономического и культурного единства Империи (в тех пределах, в каких оно могло быть достигнуто). Соответственно процессы, имевшие место в Сирии, не могли не сказаться на жизни и развитии всей Империи.

Интересующая нас территория охватывает обширное пространство от юго-восточной оконечности полуострова Малая Азия до верховьев реки Иордан и от северо-восточного побережья Средиземного моря до долины Тигра и Евфрата. Общность исторических судеб позволяет присоединить к этой области и эллинизованное Заиорданье — область Десятиградия с такими крупнейшими греческими городами, как Гераса и Босра, а также Набатейское царство. Показательно, что античные авторы относили их к сирийскому региону, основываясь, разумеется, на реальном положении вещей. В то же время Палестина, которая прошла во многом своеобразный путь развития, определявшийся не в последнюю очередь тем, что ее общественно-политическая организация восходила к организации Иерусалимской гражданской общины, путь, отмеченный необычным для Ближнего Востока обострением классовой и освободительной (против римского господства) борьбы, должна быть выделена как объект самостоятельного исследования.

Географически Сирия естественно делится на три зоны: плодородное финикийское побережье; идущие параллельно берегу горные цепи, начинающиеся от отрогов Тавра и наибольшей высоты достигающие в горах Ливана и Антиливана, главные вершины которых поднимаются более чем на 3 км (между ними расположено плоскогорье Бека^с, откуда берут начало важнейшие реки страны — Оронт и Леонт); равнинная часть — плодородная на севере и постепенно переходящая в пустыню на юге. Это природное районирование нашло свое отражение и в античной историко-географической литературе. Страбон (р. 749) писал, что в состав Сирии входят: Коммагена и Селевкидская область, долинная Сирия (Келесирия) и Финикия. Он же приводит и другое, менее дробное районирование, распространенное в современной ему и более ранней географической литературе: Келесирия (в том числе, видимо, и Селевкидская область) и Финикия. Аппиан (Prooem., 2)

считал возможным, исходя, естественно, из принятых в его время (II в.) географических воззрений, выделить следующие области: приморскую Финикию, долинную Сирию и пески Пальмирены. Как можно видеть, расхождения между Страбоном и Аппианом несущественны; с некоторыми уточнениями это деление в общем соответствует природным условиям Сирии и политической ситуации I—III вв.

Этнический состав населения Сирии в изучаемый период был чрезвычайно неоднороден: финикияне, жившие вдоль морского побережья; греки — потомки колонистов, создавших здесь ряд крупных городов и селившихся также в древних центрах доэллинистического происхождения; сирийцы-арамеи — эллинизированные древние (примерно с конца II тысячелетия до н. э.) насельники этой страны; кочевники-арабы, обитавшие в пустынных и некоторых горных районах и постепенно оседавшие в ряде крупных центров страны (Пальмира, Дамаск); римские ветераны и их потомки, жившие в колониях, основанных Августом, — Берите и Гелиополе, а также в других сирийских городах и поселениях. Во многих пунктах Сирии имелись общины иудеев. Эта этническая пестрота до известной степени скрадывалась нивелирующим воздействием развившейся в III—I вв. до н. э. эллинистической цивилизации, распространением греческого языка и образованности (под властью Рима, при интенсивной поддержке провинциальной администрации)¹, появлением синкретических култов. Римская колонизация, размещение на территории Сирии императорских войск, деятельность легата Сирии и его чиновников активно способствовали внедрению в делопроизводство и быт определенных кругов населения латинского языка. Однако местные языки, и в особенности арамейский, продолжали существовать как языки литературы и канцелярии, а коренное население сохраняло и свои собственные древнейшие традиции. Все эти обстоятельства не могли не оказывать определенного воздействия на жизнь общества, в целом значительно более сложную, чем это удастся проследить по дошедшим до нас источникам.

Хронологически интересующий нас период ограничен I—III вв., иными словами, периодом, когда нашли свое логическое завершение те формы и принципы организации общества, основы которых были заложены еще до установления римского господства, а в некоторых аспектах — даже до походов Александра Македонского, подготавливая тем самым почву для возникновения отношений, характерных для домината. I—III вв. в истории Сирии были не только временем процветания, как его принято характеризовать в исследовательской литературе, но и периодом значитель-

---

¹ Еще Н. П. Кондаков отмечал активную положительную роль римской администрации в эллинизации Ближнего Востока. См.: Н. П. Кондаков, Археологические путешествия по Сирии и Палестине, СПб., 1904, стр. 36.

ных общественных сдвигов; определить их характер и направление — одна из целей предлагаемой работы.

История римской Сирии в общем слабо освещена в исследовательской литературе ². Книга Э. Бушье, специально посвященная изучаемому периоду ³, слишком описательна и в общем поверхностна; к тому же она устарела и по объему использованных источников. Подробнейшая (таков, судя по всему, был замысел автора) монография И. Добиаша осталась незавершенной; опубликован только первый том, содержащий детальное изложение политических событий времени образования провинции ⁴. Единственное известное нам исследование, специально посвященное экономическому строю римской Сирии, принадлежит перу Ф. Хайхельхайма ⁵. С большой тщательностью и на обильном фактическом материале автор изучил проблемы земельных отношений, развития ремесла и торговли. Однако, сосредоточившись на чисто экономических проблемах, Ф. Хайхельхайм оставил в стороне вопросы социальной структуры и политической организации общества. К тому же нарисованная им картина страдает известной статичностью: автор почти не прослеживает взаимосвязи с предыдущим и последующим периодами в истории изучаемой страны. Специальную обзорную статью о римской Сирии написал и М. И. Ростовцев ⁶.

Целый ряд работ имеют своей целью описание отдельных городов эллинистической Сирии. Среди них особый интерес вызвали Антиохия ⁷, Пальмира ⁸, Гераса ⁹ и Дура-Европос ¹⁰. Эти исследования позволили уточнить целый ряд деталей социально-экономической и политической истории названных центров, а также наметить пути изучения общих проблем истории римской Сирии.

Естественно, что эта страна занимает важное место и в общих работах по истории римской экономики и римских провинций —

---

² К сожалению, нам оказалась недоступной специальная монография Дж. Харпера (G. A. H a r p e r, *Studies in the History of the Roman Province of Syria*, Princeton, 1915).

³ E. B o u c h i e r, *Syria as a Roman Province*, Oxford, 1916.

⁴ J. D o b i a s, *Dějiny římské provincie Syrske*, d. I, Praha, 1924.

⁵ F. H e i c h e l h e i m, *Roman Syria*, — *An Economic Survey of Ancient Rome*, vol. IV, Baltimore, 1938.

⁶ M. R o s t o v t z e f f, *La Syrie Romaine*, — *«Revue historique»*, vol. 175, 1935.

⁷ C. O. M ü l l e r, *Antiquitates Antiochenae*, Gottingae, 1839; E. S. B o u c h i e r, *A Short History of Antioch*, Oxford, 1924; G. H a d d a d, *Aspects of Social Life in Antioch of the Hellenistic-Roman Period*, Chicago, 1949; G. D o w n e y, *A History of Antioch in Syria From Seleucus to the Arab Conquest*, Princeton, 1961.

⁸ J.-G. F é v r i e r, *Essai sur l'histoire politique et économique de Palmyre*, Paris, 1931; J. S t a r c k y, *Palmyre*, Paris, 1952. В этой связи следует указать на многочисленные специальные работы А. Сеприга и Д. Шлюмберже, а также на монографии К. Михаловского и М. Гавликовского.

⁹ H. K r a e l i n g (ed.), *Gerasa*, New Haven, 1938.

¹⁰ M. R o s t o v t z e f f, *Dura-Europos and Its Art*, Oxford, 1938.

традиция, начатая еще Т. Моммзенем¹¹. Среди книг этого рода наиболее значительным до сих пор остается труд М. И. Ростовцева, посвященный социальной и экономической истории Римской империи¹². Здесь обобщен громадный фактический материал, подведен определенный итог изучению отдельных областей римского мира и заложен фундамент для дальнейшей работы. Картина, нарисованная М. И. Ростовцевым, до сих пор не подвергалась сколько-нибудь существенному пересмотру. Сводится она в основных своих чертах к следующему.

Период римского господства в Сирии был периодом мира, безопасности и процветания. Однако он не был временем радикальных перемен: сирийский Восток продолжал оставаться тем, чем он был прежде. Урбанизация страны не сделала сколько-нибудь существенного прогресса, хотя и возникло несколько полугреческих городов и некоторые группы сельского населения стали жить в городах. Масса народа жила по-старому, поклоняясь своим богам в своих храмах, обрабатывая свои поля и пася свои стада.

Северную Сирию составляли в основном округа Антиохии, Селевкии, Апамеи и Лаодикеи. Здесь происходил процесс постепенной концентрации земельной собственности в руках горожан-землевладельцев, эксплуатировавших, видимо, уже в эллинистический и раннеримский периоды сельское население — мелких арендаторов и батраков, живших в поселениях, подчиненных городу (местных жителей, которые даже и мечтать не могли о том, чтобы стать гражданами). Характеризуя ситуацию, существовавшую повсеместно в Империи, М. И. Ростовцев неоднократно говорит о появлении нового слоя городской «буржуазии» (землевладельцев, торговцев, хозяев ремесленных мастерских), которая вытесняла прежнюю аристократию. Очевидно, он считает что этот процесс имел место и в Сирии. За пределами городской территории существовали полунезависимые храмовые земли. Храмы пользовались иммунитетом, были собственниками земли и собирали доходы, причем *ἀγορᾶ* надзирали за храмовой ярмаркой и представляли храм в его контактах с городскими властями. Положение крупных торговых центров, таких, как Дамаск, Эмесса и Пальмира, М. И. Ростовцев считает более близким к положению Боспорского царства, нежели собственно провинциальных городов. Их господствующие слои быстро вошли в состав имперской аристократии и начали принимать активное участие в управлении Империей; в то же время Эмесса, Дамаск, Пальмира и Эдесса были, как и прежде, резиденцией царей-жрецов. В Заиорданье происходила постепенная эллинизация страны; эллинистические города стали центрами развитой торговли и разбогатели; кочевники начали переходить к оседлому образу жизни, а их

---

¹¹ Т. Моммзен, История Рима, т. V, М., 1949.

¹² M. Rostovtzeff, The Social and Economic History of the Roman Empire, Oxford, 1926.

политическая организация приняла, по крайней мере внешне, греческий облик.

В дальнейшем М. И. Ростовцев обратил особое внимание на посредническую караванную торговлю, которая определяла, по его мнению, экономическую и культурную жизнь Петры, Герасы, Пальмиры, Дура-Европос. Основываясь на своих исследованиях эпиграфического, нарративного и археологического материала, он попытался воссоздать облик так называемого «караванного» города, самим своим возникновением обязанного развитию торговли¹³. Исследование документов из Дура-Европос позволило М. И. Ростовцеву более отчетливо представить себе и земельные отношения, и способы эксплуатации, и административное устройство города.

В характеристике сирийского общества, предложенной М. И. Ростовцевым, нашли свое отражение некоторые важные явления реальной действительности: концентрация земельного фонда, приход в господствующие слои «новых» людей (хотя тезис о появлении новой городской «буржуазии» едва ли можно считать доказанным: речь идет, скорее, об имущественной нестабильности отдельных семей и о том, что новые семьи разбогатели, встав в один ряд с прежними владыками), значительный рост торговли и влияние, которое торговля оказывала на жизнь общества. Тем не менее ряд положений, высказанных М. И. Ростовцевым, не находят подтверждения в источниках (о роли храмов, о царях-жрецах в Дамаске и Пальмире). К тому же остались неясными многие важные вопросы: положение, существовавшее за пределами полисной округи, в частности на императорских землях; соотношение различных форм собственности и владения; правовой статус отдельных групп населения и городов в рамках Империи (правда, по другому поводу он говорит весьма неопределенно об утрате городами-государствами политической свободы и сохранении местного самоуправления и даже о политике Августа, направленной на превращение Империи в сообщество самоуправляющихся городов, однако замечания М. И. Ростовцева слишком общи и не позволяют представить себе реально происходившие в обществе процессы и их социальные предпосылки); семейные отношения. Все же, несмотря на эти пробелы, наблюдения М. И. Ростовцева впервые дали возможность хотя бы в общих чертах, приблизительно представить себе положение, существовавшее в провинции; они дали начало планомерному изучению ее социально-экономической истории.

Другое изображение Сирии мы находим у А. Б. Рановича¹⁴. Он указывает на экономическую разнородность и политическую раздробленность отдельных областей провинции (об этом, впрочем,

¹³ M. R o s t o v t z e f f, *The Caravan Cities*, Oxford, 1932.

¹⁴ А. Б. Р а н о в и ч, *Восточные провинции Римской империи в I—III вв.*, М—Л., 1949, стр. 127—165.

говорил и М. И. Ростовцев), что существенно затрудняло ее освоение римскими властями, и включение, отдельных царств, сохранявших формальную самостоятельность (по существу же все цари, тетрархи и т. д. были, по мнению А. Б. Рановича, лишь римскими уполномоченными), в ее состав. Положение «вольных» городов Сирии мало отличалось от статуса городов в других районах Империи, однако их привилегии постепенно сходили на нет, поскольку власти стремились заменить органы самоуправления бюрократическим аппаратом; пышные титулы часто скрывали пустоту. Дольше всех благодаря своей изолированности, торговому значению и близости к Парфии пользовалась самостоятельностью Пальмира. Римляне подавляли демократию, упраздняли народные собрания и поддерживали цензовую аристократию. На чужбине сирийцы создавали землячества (прежде всего культовые) и сохраняли связь со своим родным городом. Обращаясь к экономической жизни страны, А. Б. Ранович констатирует концентрацию земли в руках крупных землевладельцев — императора, членов его семьи, а также частных лиц, и существование арендных отношений. Положение селевкидских *λαιοί* едва ли, по его мнению, существенно изменилось в римский период; мелкие владельцы обязаны были платить за свои участки подать верховному собственнику земли. Владельцы «царской земли», не будучи собственниками, могли все же продавать и покупать свои участки. Отмечается значительное развитие ремесла и торговли, в том числе посреднической. Наконец, А. Б. Ранович говорит о римской налоговой и повинностной системе.

Эта характеристика также не может быть признана вполне удовлетворительной, несмотря на то что автор, хотя, как нам кажется, и в искаженной форме, отметил некоторые особенности развития провинции. Когда он говорит, что привилегии городов постепенно сходили на нет и власти стремились заменить органы самоуправления бюрократическим аппаратом, имеется в виду объективный, не зависящий от воли тех или иных политических сил процесс постепенного исчезновения полисного и становления абсолютного императорского суверенитета. Однако и А. Б. Ранович не определил особенности правового статуса различных слоев населения провинции и его изменения, поэтому ему не удалось выяснить действительные причины данного процесса, которые он видит лишь в определенном направлении политики, т. е. в конечном итоге в намерениях отдельных лиц и группировок. К тому же А. Б. Ранович, насколько об этом можно судить, преувеличивает интенсивность этого процесса: дошедшие до нас источники показывают, что демократические органы государственной власти существовали и реально функционировали в Сирии еще в III в., а тот или иной титул давал городам ощутимые привилегии. А. Б. Ранович, несомненно, прав, когда он говорит о концентрации земельной собственности. Однако и здесь остается невыясненным правовой статус крупных землевладений на император-

ских и полисных землях; не прослежены также различные типы крупных земельных владений. Существование *λαοί* в римское время не засвидетельствовано. Постулируя (без достаточных, на наш взгляд, оснований) наличие в Сирии римского времени верховной собственности на землю, автор связывает с этим поземельную подать и в то же время считает, что, не будучи собственниками, владельцы могли отчуждать свои земли. Эти положения теоретически несостоятельны.

Все изложенное определяет общее направление и задачи настоящей работы. Как уже было сказано, она посвящена изучению социально-экономической структуры и политической организации Сирии периода римского господства (время принципата). Речь идет об отношениях собственности на орудия и средства производства, имущественной и социальной дифференциации общества, роли торговли и товарного производства (и в связи с этим о месте, которое занимали так называемые «караванные города»), о формах и методах эксплуатации непосредственных производителей, о гражданском статусе населения и соответственно о сирийском городе и его взаимоотношениях с верховными властями. Ее цели заключаются в том, чтобы определить основные тенденции развития сирийского общества в I—III вв. и в результате место, которое «римский эпизод», пользуясь выражением М. И. Ростовцева, занимал в истории этой страны. Политическая история Сирии указанного периода, и в частности история римско-парфянских и римско-сасанидских войн, неоднократно исследовалась в специальной и излагалась в учебной литературе. Мы будем обращаться к ней только в тех случаях, когда окажется возможным на этой основе попытаться охарактеризовать социальные движения в стране.

* * *

Автор считает своим приятным долгом выразить глубокую благодарность за ценные советы и указания коллективам Кабинета Ближнего Востока Ленинградского отделения Института востоковедения Академии наук СССР и кафедры древней Греции и Рима исторического факультета Ленинградского государственного университета. Без их постоянного участия, помощи и поддержки данная работа не могла бы быть написана.

СИРИЯ НАКАНУНЕ РИМСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ

Накануне римского завоевания Сирия была страной с давними и прочными традициями эллинистической государственности. Правда, римской провинцией она стала в условиях, когда власть Селевкидов над ее территорией практически уже перестала существовать, однако представление о царе из этой династии как о единственно возможном «законном» правителе страны сохранялось, как увидим, еще в середине I в. до н. э., в обстановке полного развала, и римляне были вынуждены так или иначе с этим представлением считаться.

В рамках Селевкидской державы на территории Сирии отчетливо выделялись, во-первых, полисные округа, иначе говоря, земли, на которые распространялся суверенитет городов, подвластных царю, и, во-вторых, собственно царская область, находившаяся непосредственно под суверенитетом государя¹.

ГОРОД И ГОРОДСКАЯ ТЕРРИТОРИЯ

Значительная часть сирийских городов естественно сложилась в глубокой древности, задолго до греко-македонского завоевания. К их числу относятся финикийские города Средиземномор-

---

¹ На исследовательскую литературу об эллинизме решающее влияние оказали взгляды М. И. Ростовцева, который основной характерной чертой царских земель признавал отсутствие городов и невозможность здесь какого-либо права собственности, за исключением царского; лица, обрабатывавшие землю, должны были выплачивать *φύρον*, представлявшие собой патуральный налог (M. R o s t o w z e w, Studien zur Geschichte des römischen Kolonates, Leipzig, 1910, стр. 246—249). Позже М. И. Ростовцев выделял две основные группы земельных фондов: 1) земли, зависевшие непосредственно от царя (*χωρά βασιλική* или, вероятно *χωρά* вообще; в последнем случае: *χωρά βασιλική* составляла лишь часть ее, личные владения царя); 2) земли, бывшие собственностью городов, храмов и, возможно, некоторых племен. Промежуточное положение, по его мнению, занимали земли, предоставленные царем из *χωρά* или *χωρά βασιλική* различным учреждениям, группам лиц и частным лицам (M. R o s t o v t z e f f, The Social and Economic History of the Hellenistic World, Oxford, 1941, стр. 456). Существенный недостаток этой далекой от строгости и последовательности классификации заключается, по нашему мнению, в том, что в ней при характеристике земельного фонда смешаны понятия собственности и суверенитета.

ского побережья — Арад, Библ, Берит, Сидон и Тир, а также Пальмира (Гадмор) и Дамаск в глубине страны. Интенсивная греко-македонская колонизация в конце IV в. до н. э. имела своим последствием создание целого ряда греческих городов как в собственно Сирии, так и в Заиорданье. По инициативе, под эгидой и контролем эллинистических властителей здесь появляются такие крупные полисы, как Антигония² и сменившая ее затем Антиохия³, Селевкия Пиерия⁴, Апамея⁵, Лаодикея⁶, Дура-Ев-

---

² Антигония была построена на р. Оронт в 306 г. как важный политический и военный центр, столица государства, создававшегося Антигоном. Наш источник (Diod., 20, 47, 5) особо подчеркивает, что ее благоприятное стратегическое положение сыграло решающую роль в выборе, который был сделан этим претендентом на власть. Однако его военно-политическое поражение сделало существование города непродолжительным. Как полагал В. Чериковер, полностью список городов, сооруженных Антигоном, нам неизвестен. По его мнению, некоторые из них, как, например, Апамея, лишь на определенном этапе своей истории стали рассматриваться как основанные Селевком I Никатором. См.: V. Tschirikover, Die hellenistischen Städtegründungen von Alexander dem Grossen bis auf die Römerzeit, Leipzig, 1927, стр. 154—160. Этому противоречит, однако, история Антиохии, основанной повторно на другом месте (Diod., 20, 47, 6), и самой Апамеи (см. ниже, прим. 5). Нет доказательств, что по отношению к другим городам, заложенным Антигоном, Селевк притерживался иной политики.

³ Антиохия была заложена Селевком I Никатором на р. Оронт в 300 г. до н. э. (Diod., 20, 47, 6; App., Syr., 57). По-видимому, первоначально Селевк предполагал, как считает Дж. Дауни (G. Downey, A History of Antioch in Syria From Seleucus to the Arab Conquest, Princeton, 1961, стр. 57—59), сделать своей резиденцией Селевкию Пиерию, куда перевел из Антигонии монетный двор и где был похоронен (App., Syr., 63). Однако в конце концов его выбор пал на Антихию. Столица Селевкидов, она естественно превратилась в I в. до н. э. в центр римской провинции. Версия о том, будто Александр посетил место, где позже возникла Антиохия, и основал храм Зевса Боттиэйского (Liban., Or., II, 72—77, 87, 250), как показал Дж. Дауни (G. Downey, A History, стр. 54—56), имела целью поднять и укрепить славу и авторитет Антиохии, но вряд ли соответствует реальной действительности.

⁴ Селевкия Пиерия построена Селевком I вскоре после ликвидации Антигонии (App., Syr., 57). Согласно Diod., 20, 48, туда была переселена часть граждан последней.

⁵ Апамея основана Селевком I Никатором (App., Syr., 57). Интересна традиция (Strabo, 752), согласно которой поселенцы-македоняне называли Апамею Пеллой по названию македонской метрополии, родины Филиппа и Александра. Малала (Chronogr., p. 203) дает этому факту иное объяснение: по его словам, Апамею назвал Пеллой сам Селевк I, потому что богиня-покровительница Апамеи носила именно это имя, да к тому же и сам Селевк происходил из македонской Пеллы. Последняя версия представляется несколько противоречивой: трудно представить себе ситуацию, при которой божество-покровительница данного города носило бы имя города другого. Гораздо более естественно думать, что это имя богини соответствовало раннему названию города, первоначально бытовавшему в народной среде. Показательно, однако, что название Апамея все же вытеснило Пеллу. Приведенный материал показывает, что обстоятельства переименования города неясны. Окончательное официальное название (Апамея) могло быть дано в тот момент, когда Селевк был провозглашен ойкистом города.

⁶ Лаодикея приморская основана Селевком I (App., Syr., 57).

ропос, Берэя ⁷, Пелла, Дион, Гераса ⁸ и другие города позднейшего Десятиградия.

Причина столь бурной греческой колонизации в раннеэллинистический период известна. Социальный кризис IV в. до н. э., выразившийся в обезземелении свободных мелких производителей, вызвал в Балканской Греции стремление на Восток, где разоренные крестьяне и другие лица, не удовлетворенные своим положением на родине, рассчитывали обрести желанное благоденствие. Отсюда — призыв к войнам на Востоке, для того чтобы отнять у «варваров» их землю, призыв, имеющийся уже в речах Исократы (33, 6), но с особенной силой прозвучавший в речах Исократы, в частности в его «Панегирике». Отсюда и тот поток поселенцев, ко-

⁷ Берэя основана Селевком I (App., Syr., 57).

⁸ Основание Диона, Пеллы и Герасы традиция приписывает Александру (V. Tsch er i k o v e r, *Städtegründungen*, стр. 75—77; A. H. M. J o n e s, *The Cities of the Eastern Roman Provinces*, Oxford, 1937, стр. 238—239). Относительно Диона это указание дает Стефан Византийский (s. v. Διονῦστις Ἀλεξανδρου). Что касается Герасы, то аналогичное указание имелось в комментарии Ямвлиха на сочинения Никомаха из Герасы (St. Byz., ed. Berckel, p. 269). В легенде одной монеты из Герасы, которая датируется временем Коммода (H. S e u r i g, *Antiquités syriennes* 87, Alexandre le Grand, fondateur de Gêrasa, — «Syria», vol. 42, 1965, стр. 25—28), идеализированный портрет македонского царя сопровождается надписью: «Алекс(андр) Мак(е)донский», осно(ватель) Герасы». Тем самым опровергаются попытки приписать основание Герасы Пердикке или Антигону (V. Tsch er i k o v e r, *Städtegründungen*, стр. 159; его же, *Hellenistic civilization and the Jews*, Philadelphia, 1959, стр. 105), либо одному из Селевкидов, возможно Антиоху IV Эпифану (O. E i s s f e l d t, *Tempel und Kulte syrischer Städte in hellenistisch-römischer Zeit*, Leipzig, 1941, стр. 10). См. по этому поводу также: С. Н. К r a e l i n g (ed.), *Gerasa*, New Haven, 1938, стр. 28—29. Тем самым опровергается и интерпретация надписи G, 137, согласно которой Аврелий, сын Авита, соорудил статую Пердикки. Предполагают, что в Герасе существовала традиция, считавшая именно Пердикку создателем города (A. H. M. J o n e s, *Cities*, стр. 239), однако в тексте подобные указания отсутствуют и мотивы, по которым воздвигнута статуя, приходится признавать неясными. Античная традиция сохранила интересные указания по вопросу о значении слова «Гераса». В уже упоминавшемся комментарии Ямвлиха название города рассматривается как дериват от слова γέροντες («старики»), которым обозначались поселенные там ветераны Александра, *Etymologicum Magnum* (s. v. Γερασῆνός) дает данному слову иное толкование: Александр уничтожил при взятии города всю молодежь, оставив живыми только стариков (γέροντες), которые заново основали город. В обоих случаях перед нами народная этимология. Однако последняя из них невероятна уже по той причине, что Заиорданье находилось в стороне от путей, по которым двигались войска Александра Македонского. Более правдоподобна первая версия, однако и она не может быть признана доказанной. Набательская форма названия города — gršw (J. S t a r c k y, *Nouvelle épitaphe nabatéenne donnant le nom sémitique de Petra*, — «Revue Biblique», 1965, I, стр. 95—97) воспроизводит арабское произношение и восходит, по-видимому, к арабизированному греческому прототипу. Во всяком случае, существование доэллинистического поселения на территории Герасы археологически пока не засвидетельствовано. После того как Заиорданье вошло в состав Селевкидской державы, Гераса была названа Антиохией при Хрисорое, по-видимому Антиохом III (Kraeling (ed.), *Gerasa*, стр. 30). Это название встречается еще в надписях римского времени (G, 30, 56/57, 58, 69, 143—145, 153, 192, 251).

торый, хлынув в Месопотамию, Сирию и Египет, создал материальную основу эллинистического градостроительства.

Оно было выгодно и эллинистическим царям. Несомненно, важно было то, что полисы избавляли царский аппарат от взимания налогов, осуществляя эти функции на своей территории без вмешательства центральной власти⁹. Однако это обстоятельство было отнюдь не самым главным. Охотно играя роль основателя города, беря его тем самым под свое покровительство, цари приобретали более или менее надежную опору в борьбе со своими политическими противниками. Основание города, и прежде всего крупного политического центра, имело целью также закрепить реально и символически власть завоевателя над покоренными территориями. Чрезвычайно показательно в этом отношении поведение Селевка I Никатора. Как известно, он не пожелал воспользоваться в качестве столицы Антигонией, созданной его врагом, и перенес оттуда все учреждения, переселив одновременно и жителей, в город, основанный им самим. Несомненно, движущим мотивом в этом случае было желание ликвидировать какую бы то ни было традицию, связанную с Антигоном, и показать, что развитие начинается, так сказать, «с пустого места». Этим, надо полагать, объясняется и его нежелание воспользоваться каким-нибудь древним сирийским городом, в том числе и таким крупным, как Дамаск.

Как известно, некоторые греко-македонские колонии были созданы там, где раньше находились города и поселения коренных обитателей страны. Так, Антиохия основана на месте «поселения, называемого Боттия» (M a l a l a, Chronogr., p. 200); Апамея — на месте поселения Фарнака, а Лаодикея — на месте поселения Мазабда (M a l a l a, Chronogr., p. 203). Стефан Византийский (s. v. Λαοδίκεια) сохранил иную традицию: он называет поселение, на месте которого появилась Лаодикея, — Рамита¹⁰. Какая из этих двух традиций достоверна, трудно сказать. Существен, однако, самый факт возникновения подобных преданий, отражавших, судя по всему, явления, происходившие в реальной действительности. Наконец, Берэя была создана на месте одного из стариннейших сирийских городов — Халеба.

Наши источники не содержат сведений о судьбе коренных жителей этих поселений. Можно представить себе следующие возможные ситуации: либо они были вовлечены в новую гражданскую организацию, либо эти поселения были разгромлены, а их жители уничтожены или изгнаны. Не исключено и сохранение

---

⁹ Ср.: М. М. Дьяконов, Очерк истории древнего Ирана, М., 1961, стр. 171.

¹⁰ Ср. по этому поводу: G. S a a d é, Histoire de Lattaquie, t. I, Damas, 1964. Автор предпринял остроумную попытку отождествить Рамиту с Йаримутом, упоминаемым в документах из эль-Амарины, однако, и это признает сам Сааде, доказательствами в пользу подобного отождествления мы не располагаем.

поселения, оставшегося за пределами городской, вновь созданной организации. Правда, рассказ Иоанна Малалы (*Chronogr.*, pp. 202—203) об основании Лаодикеи, учитывая, конечно, легендарный характер этой поздней традиции, показывает, возможно, что здесь имело место преобразование поселения в город: «основал этот же Селевк Никатор и другой приморский город в Сирии, Лаодикею, во имя своей дочери, ранее бывший поселением по имени Мазабда». Еще более выразительно его повествование (там же) об основании Апамен: «основал этот же Селевк Никатор и другой большой город в Сирии, во имя своей дочери Апамы, найдя поселение, ранее называвшееся Фарпака, и окружив его стеной, этот Селевк наименовал его городом, назвав Апамеей, совершив жертвы». Тем не менее, что произошло с жителями этих поселений при указанных обстоятельствах, ничего определенного мы сказать не можем. Представляется наиболее правдоподобным, учитывая, что эллинистические колонии должны были быть замкнутыми гражданскими коллективами, следующее решение: жители названных поселений не могли входить в их состав и, видимо, лишались своих земель. В противном случае основание города не могло бы состояться.

Во всяком случае, как можно видеть, согласно представлениям эллинистического времени акт основания города не обязательно предполагал создание нового населенного пункта в необитаемой местности. Он мог происходить на базе ранее существовавшего города или поселка, причем имелось в виду в этом случае проведение следующих мероприятий: привлечение нового населения, определение политического статуса, переименование. Отсюда возможность повторного и многократного основания города, а также предоставления царям и видным политическим деятелям почетного титула ойкиста. В этом последнем случае акт основания города сводился к простой формальности.

Тем не менее создание новых политических центров повлекло за собой интенсивное градостроительство, — если город и не воздвигался заново, то, во всяком случае, осуществлялись значительные перестройки. Как правило, города строились по общему, так называемому «гипподамову» плану¹¹; общность планировки обнаруживается, в частности, в Антиохии, Берзе, Дура-Европос, Лаодикее.

Агора селевкидской Антиохии находилась на берегу Оронта; городские стены были возведены по прямоугольнику; улицы ориентированы применительно к господствующему в данной местности направлению ветров и потока солнечных лучей — с северо-востока на юго-запад (продольные) и с северо-запада на юго-восток (поперечные). Основные продольные улицы, хотя и

---

¹¹ Общую его характеристику см.: М. М. М а к с и м о в а, Планировка и строительство городов, — Эллинистическая техника, М.—Л., 1948, стр. 161—170.

не вполне четко, были спланированы в соответствии с направлением реки¹². Лаодикея была ориентирована, насколько об этом можно судить, значительно более четко: в направлении с севера на юг и с востока на запад,— план, нашедший свое отражение и в структуре современной Латакии¹³. Такою же была планировка Апамеи и Берэи. В Дура-Европос продольные улицы были направлены с северо-запада на юго-восток, а поперечные — с юго-запада на северо-восток. С севера на юг и с запада на восток была ориентирована Гераса.

Все эти обстоятельства показывают, что основание городов представляло собой в раннеэллинистический период далекий от стихийности процесс, планировавшийся не только в больших масштабах, но и чрезвычайно детально. Наряду с Селевкидами градостроительную деятельность вели в Сирии и правители местного происхождения, как зависимые, так и более или менее самостоятельные. Надпись из Арсамии на Нимфее коммагенского царя Антиоха I (I в. до н. э.)¹⁴, опубликованная в 1963 г. Ф. К. Дернером, позволяет выявить основные черты политической структуры таких колоний и их роль в жизни страны. Во вводной части своей надписи Антиох повествует о том, что Арсамию основал его предок Аршам, деятельность которого издатель надписи справедливо, на наш взгляд, относит к III в. до н. э. и даже к первой его половине. Согласно тексту, Аршам обнес город, расположенный на двух холмах, стеной. Учитывая природные особенности местности, основатель установил в нем двухчастную организацию и назвал его своим именем. В надписи подчеркивается результат деятельности Аршамы: его попечением и на его средства создана неприступная преграда и безопасное убежище для населения на случай нападения извне. Из дальнейшего текста очевидно, что в Арсамии находился царский гарнизон во главе с фрурархом.

Чрезвычайно интересно перечисление в *Námos*, включенном в надпись, лиц, имеющих право участвовать в сакральных пиршествах, установленных в честь обожествленных предков Антиоха I. Последний устанавливает следующую обязанность жреца в святилище, о котором идет речь в надписи: «И общее пиршество для всех воинов гарнизона и граждан пусть он устраивает, нагрузив царские столы изысканными яствами, а чаши обильно наполнив смешанным вином. И, принимая вместе с фрурархом как войско, охраняющее страну, так и всех местных жителей, пусть он доставит общее наслаждение от праздника». В этом перечислении выделяются две параллельные пары:

¹² См.: G. D o w n e y, *Ancient Antioch*, Princeton, 1963, стр. 31—34.

¹³ J. S a u v a g e t, *Le plan de Laodicée-sur-Mer*,— «Bulletin d'études orientales (Institut Française de Damas)», t. IV, 1934, стр. 81—114.

¹⁴ F. K. D ö r n e r, *Kultinschrift von Antiochus I von Kommagene für das Hierotheseion des Mithradates Kallinikos in Arsameia am Nymphaios*,— «Arsameia am Nymphaios» (Istanbuler Forschungen, Bd. 23), Berlin, 1963, стр. 36—93.

[φ]ρουρῶν ἀπάντω[ν]
καὶ πολιτῶν

φύλακα χωρίου [σ]τρατιάν
ὅχλον τε ἐπιχῶριον

Нам представляется очевидным, что в первом перечислении имеются в виду войска, находящиеся в пределах города, и граждане, тогда как во втором — войска, несшие службу за пределами городской стены, и население округа, не имевшее гражданских прав. Мы, однако, не имеем пока оснований говорить о зависимости этих людей от граждан или от города. Бесспорно только, что граждане в этой ситуации представляли собой замкнутый и, надо полагать, привилегированный коллектив.

Таким образом, в эллинистической Сирии в конце IV—III вв. до н. э. сложился конгломерат городов как местного, так и греческого происхождения, городов, игравших исключительно важную роль в экономике и политической жизни страны.

Сведения о земельных отношениях, существовавших на территории эллинистического города, крайне недостаточны, однако они показывают безраздельное господство частной собственности. Уже в приписывавшемся Аристотелю сочинении по экономике (Ps.—Arist. Оec., 2, 3, 5) при характеристике городского хозяйства упоминается налог, получаемый от расположенных в округе частных владений. Об их существовании говорит и надпись JMI, IV, 1261 из Лаодикеи Приморской, датируемая январем 174 г. до н. э. Ситуация, о которой идет речь, весьма сложна. Жрецы Сараписа и Исиды, имена которых Гор, Аполлодор и Антиох, обратились к магистратам со следующей жалобой. Городом было принято постановление, согласно которому каждый, кто просил у города место, чтобы воздвигнуть там статую, обязан был выплачивать в связи с этим определенную сумму денег. При этом имели место случаи, когда «некоторые» просили место в храме. Между тем земли, прилегавшие к святилищу, равно как и оно само, являлись собственностью упомянутых лиц и их родственников. Эта клаузула интересна и сама по себе: она показывает, что в данном случае перед нами — земельный участок, принадлежавший неразделившейся большой семье, в роли представителей которой выступают трое братьев. Так как в постановлении не было точно оговорено, каков характер платежей, взимаемых при установлении статуи, заявители стали испытывать опасения, что они могут в результате лишиться своих собственнических прав, поскольку эти διάρρα могут быть истолкованы как плата за землю. В связи с этим пелиганы (члены совета; см. ниже, стр. 22) принимают постановление, согласно которому плата взимается не за место, но как пошлина за возведение статуи. Тем самым интересы заявителей были ограждены.

Надпись показывает, таким образом, что в Лаодикее Приморской уже во II в. до н. э. существовала частная собственность на землю и возможность ее отчуждения, в том числе и за плату. Полисные власти охраняли неприкосновенность и нерушимость

частной собственности. Подобным, несомненно, было положение, существовавшее и в других городах эллинистической Сирии.

Вряд ли можно сомневаться в том, что города эллинистической Сирии были важными центрами ремесленного производства. Однако конкретными материалами по этому вопросу, которые бы относились непосредственно к эллинистическому периоду, мы не располагаем. Тем не менее очевидно, что в финикийских городах должна была продолжаться традиция развитого судостроения, очевидно существование повсеместно строительного ремесла, скульптуры; имелись, несомненно, специалисты по изготовлению надписей, мастера керамики и т. п.

Более подробно и обстоятельно наши источники эллинистического времени позволяют охарактеризовать роль, которую сирийские города, и прежде всего финикийские, играли в мировой торговле той эпохи. Они поддерживали связи с важнейшими рынками эллинистического периода, и прежде всего с Делосом¹⁵.

Значительный интерес представляет в этой связи серия надписей, опубликованная С. Рейнаком¹⁶, найденная при обследовании святилища посейдониастов и датируемая, очевидно, II в. до н. э. Одна из них (OGIS, 591) гласит: «Богиню Рима, благодетельницу, — сообщество беритских посейдониастов — купцов, и корабельщиков (*ναυκλήρων*), и торговых агентов, благоволения ради к сообществу и отечеству, когда архифиаситом был вторично Мнасей сын Дионисия, благодетель. Мелан афинянин изготовил». Параллель этой надписи составляет Reinach, III, 5, также в честь богини Рима, но датированная временем архифиасита Дионисия сына Сосипатра. Наряду с этим в датировочной формуле мог упоминаться и жрец (Reinach, III, 4). С. Рейнак опубликовал и ряд строительных надписей из этого фонда: постройки выполнялись либо коллегией (Reinach, IV, 3), либо частными лицами в ее пользу (Reinach, IV, 2).

Сообщество беритских посейдониастов представляло собой сакрально-профессиональное объединение лиц, так или иначе связанных с морской торговлей; во главе его стояли архифиаситы и жрецы. Та и другая коллегиальные должности были эпонимными. Архифиасит мог становиться таковым несколько раз; он был смеяем (способен замены и сроки его полномочий неизвестны). Коллегия располагала своими денежными средствами и могла принимать постановления по интересовавшим ее вопросам. Существование подобной коллегии свидетельствует, несомненно, о глу-

¹⁵ См. также: M. L a c r o i x, Les étrangers à Délos pendant la période de l'indépendance, — «Mélanges Gustave Glotz», vol. II, 1932, стр. 501—525.

¹⁶ S. R e i n a c h, Fouilles de Délos, — BCH, 7, 1883, стр. 462—476. См. также: P. R o u s s e l, Délos, colonie athénienne, Paris, 1916, стр. 90—92. П. Руссель указывает, что святилище коллегии посейдониастов было расположено к северо-западу от Священного озера. Здание включало «капеллы», большой двор с колоннами, складские помещения. Оно, по его словам, могло служить как храм, так и «биржей».

боких и прочных интересах Берита на Делосе. Показательно и неоднократное чествование богини Рима — свидетельство активных и дружественных контактов беритских купцов с Римом и выходцами из Италии, ведшими свои операции на Делосе.

Однако этот пример нельзя считать единственным в своем роде. Объединение тирян, поклонников Геракла, также существовало на Делосе; до нас дошла его большая надпись¹⁷, датируемая, очевидно, первой третью II в. до н. э. и позволяющая до известной степени судить о его структуре и сфере деятельности. Как и в предыдущем случае, коллегия включала лиц, профессионально связанных с морской торговлей (ср. формулу: «поставило сообщество тирян, почитателей Геракла, — купцов и корабельщиков»). Во главе его стояли архифиасит и верховный жрец; судя по одной из датировочных формул, заключающей надпись, и та и другая должности были эпонимными («при архифиасите Дионисии сыне Дионисия, когда был жрецом Патрон сын Дорофея»). Помимо этого в надписи упоминаются казначей и секретарь, которым вместе с архифиаситом вменяется в обязанность претворение в жизнь принятого постановления.

Не менее интересно и существо дела: по предложению уже упоминавшегося Патрона сына Дорофея, в честь которого надпись составлена, коллегия направила посольство в Афины для того, чтобы получить разрешение приобрести там участок земли и воздвигнуть святилище Геракла. В роли посла выступал сам Патрон, который успешно выполнил возложенное на него поручение. Основание коллегияльного святилища Геракла в Афинах имело, надо полагать, не только религиозное значение: речь шла об упорочении контактов Тира с Афинами через Делос.

Привилегии, которые приобретает Патрон, сводятся к следующему: его рисованный портрет устанавливается в святилище Геракла и в других местах, где он пожелает; кроме того, он освобождается от взносов и коллегияльных повинностей, связанных с устройством собраний. На жертвоприношениях и собраниях коллегии должна была провозглашаться формула увенчания Патрона. Таким образом, имущества коллегии складывались из взносов отдельных ее членов.

Показателем исключительно прочных связей Делоса с Сирией являются и многочисленные декреты делосских властей в честь отдельных выходцев из Сирии, датируемые II—I вв. до н. э. Подобные декреты обычно были наградой за услуги, оказанные полису; они тем самым закрепляли складывающиеся связи и придавали им официальный характер. Во многих случаях чествуемому лицу, провозглашавшемуся прокшеном и благодетелем Делоса, даровалось право приобретать на Делосе дома и земли (ἱγῆ καὶ

¹⁷ P. Foucart, *Les associations religieuses chez les Grecs: thiasos, éranes, orgéons*, Paris, 1873, стр. 223—225, № 43. Ср.: P. Roussel, *Délès*, стр. 89—90. По его словам, эта коллегия должна была быть одной из древнейших на острове. Однако данными в пользу этого тезиса мы не располагаем.

οἰκίας ἑκτηρός). Среди лиц, почтенных подобного рода декретами, мы находим выходцев из Тира (IG, XI, 777), Селевкии (IG, XI, 815: согласно надписи, чествуемый персонаж оказывал у себя на родине услуги делосцам; IG, XI, 772; 773—774), Арада (IG, XI, 816; 601), Антиохии (IG, XI, 600; 11141). Последняя надпись представляет особый интерес: она установлена в честь антиохийца Гелиодора сына Эсхила, «однокашника» царя Селевка IV Филопатора и одного из важнейших чиновников (ἐπὶ τῶν πραγμάτων τεταγμένον); ее воздвигли в его честь «торговые агенты и корабельщики» из Лаодикеи. Здесь показательна не только связь между Лаодикеей и Делосом, без которой лаодикейцы просто не смогли бы воздвигнуть на Делосе свою надпись, но и в особенности покровительство, которое селевкидская администрация оказывала сирийской торговле, явно рассчитывая тем самым укрепить свое положение как внутри страны, так и за ее пределами.

П. Руссель¹⁸ собрал и обильный дополнительный материал, характеризующий роль, которую играли на Делосе выходцы из Сирии. Так, среди посвящений эфевов мы находим надписи выходцев из Сидона, Тира, Дамаска (117/6 г. до н. э.), Марафона (102/1 г. до н. э.), Селевкии, Тира, Берита и Апамен (105/4 — 103/2 гг. до н. э.). Иными словами, значительная группа сирийцев пользовалась на Делосе гражданскими правами; при этом финикийцы с точки зрения сакральной не отличались от эллинов. Участвовали выходцы из Сирии и в деловых операциях с имуществом, принадлежавшим храму Аполлона (антиохийцы и сидоняне).

Само собой разумеется, что Делос был далеко не единственным центром эллинского мира, с которым финикийские и другие сирийские города поддерживали прочные отношения. Известно, что община сидонян существовала в Афинах еще в I в. до н. э. (см. KAI, 53, 54, 58—60), жили в Афинах и выходцы из Китиона (KAI, 55, 57; Ditt., Syll., 355). Организация этих общин существенно не отличалась от организации финикийских общин на Делосе: во главе колонии сидонян в Афинах стояли лица, именовавшиеся титулом πρῶτος; ее постановления принимаются на собраниях всех членов сообщества. Наконец, оно именуется двумя терминами: bd — «колония» и hgw — «сакральная корпорация». До нас дошло и послание «совета и народа» Тира «совету и народу» Дельф (SEG, II, 330), которое можно датировать II в. до н. э., показательно, что граждане Дельф именуются здесь «родичами» тирян; речь идет в надписи об увековечении благодеяний царей по отношению к Дельфам и Тиру. Другая надпись того же вре-

---

¹⁸ P. Roussel, *Délos*, стр. 85—86, 149—158. Ср. также: J. Daux, *An Economic History of Athens under Roman Domination*, New York, 1942, стр. 67, п. 100. Дж. Дэй указывает на надпись 119/8 г. до н. э., опубликованную П. Русселем (BSH, 55, 1931, стр. 438—439), в которой содержится список 41 эфеба, 28 *παρεμβατοῖ* и 22 иеропеев храма Аполлона. Среди них упомянуты выходцы из Антиохии, Тира, Арада, Берита, Сидона, Птолемаиды, Лаодикеи, Анфедона и Апамен.

мени (SEG, IV, 601) содержит постановление Теоса, в котором подтверждается дружба с Тиром «с древних времен», Тиру предоставляется право и место, чтобы воздвигнуть стелу, а послам Тира в Теос оказываются почести. Оба памятника являются свидетельством оживленной дипломатической деятельности Тира в Греции и Малой Азии; термин *συγγενεῖς* показывает, быть может, что тиряне претендовали на родство с греками и формально были признаны эллинами.

Интересно, что в списке членов коллегии сабазиастов из Пирея (103/2 г. до н. э.) встречаются имена 17 иностранцев, в том числе выходцев из Антиохии, Апамеи и Лаодикеи (IG, II—III, 1335). Согласно IG, II—III, 2358 (135 г. до н. э.), руководителем одного из эрапосов в Афинах был Ириней из Антиохии. Надгробные надписи из Афин эллинистического времени указывают на выходцев из Сирии (более 50), в том числе из Антиохии (39 человек), Гиераполиса (2 человека), Селевкии (Пиерии или на Тигре — 4 человека), Сидона (11 человек) ¹⁹.

Прочные и, надо полагать, традиционные торговые связи поддерживала Сирия с Египтом уже в раннеэллинистический период. Среди предметов сирийского экспорта в Египет значительное место занимала пшеница (PSI, 324 и 325; P. Col. Zen., II, 69), ввоз которой объясняется обычно ее высокой урожайностью, тем, что она дает два урожая в год ²⁰. В PCZ, 59012 (май—июнь 259 г. до н. э.), представляющем собой документ о взимании торговых пошлин с принадлежавших Аполлонию имуществ, доставленных на двух кораблях из Сирии в Пелузий, названы масло, вино, мед, сыр, орехи, смоквы, гранаты, мясо и рыба различных сортов и т. п. Целый ряд товаров был доставлен из Эгейского бассейна через Сирию в Египет; упоминаются в этой связи хиосское вино, аттический и родосский мед и т. п. ²¹.

Значительное место занимала, несомненно, и торговля с близлежащими районами Передней Азии. P. Col. Zen., 2 (соотв. CPJ, 2e; 259 г. до н. э.) говорит о перевозках зерна из Сирии в Галилею. В PCZ, 59093 (257 г. до н. э.) речь идет о некоем тирянине (?) Менекле, который доставил из Газы в Тир рабов и товары и содержал их в Тире, не объявляя сборщикам пошлин, а также не имея разрешения на вывоз рабов. Очевидно, при наличии подобных разрешений такие операции оказывались легальными.

Нет оснований думать, что в римский период эти связи были прерваны.

К сожалению, мы почти не располагаем данными, которые позволили бы обоснованно судить об имущественном положении

¹⁹ J. D a y, *An Economic History of Athens*, стр. 80—81.

²⁰ A. C e r i q o b e r, *Hayyehudim ba'olam hayyewani weharomi*, Tel-'A b i b — Y e r u š a l a y i m, 5721, *там*. 37. Ср.: H. A. T h o m p s o n, *Syrian Wheat in Hellenistic Egypt*, — «Archiv für Papyrusforschung», Bd. 9, 1930, стр. 201—213.

²¹ A. C e r i q o b e r, *Hayyehudim*, стр. 69.

свободного населения сирийских городов эллинистического времени и соответственно о степени социальной дифференциации. Тем не менее весьма примечательным кажется существование наемных воинов — выходцев из различных городов Сирии. В погребальной надписи из города Иасо в Кари (SEG, XVIII, 450; около 200 г. до н. э.), где перечислены наемники, служившие в войсках этого города, упомянуты антиохийцы Дорион сын Дориона, Главкий сын Эпайнета, Эпайнет сын Главкия, Лисимах сын Йасона, Родон сын Эпайнета и, кроме того, арадиец Кердон сын Антипатра и сидонянин Гераклид сын Зенодота. В другой, почетной надписи (SEG, XVIII, 446; II в. до н. э.) из Идимы дважды упоминают лаодикеец Лисимах. Иными словами, в сирийских городах II в. до н. э. имелись люди, лишенные средств существования и вынужденные уходить на чужбину в поисках заработка.

В нашем распоряжении имеются лишь отрывочные сведения, позволяющие представить себе внутреннюю организацию сирийского города эллинистического времени. Однако декрет о предоставлении гражданских прав Аристолоху принимает в Селевкий Пиерии народное собрание²². В надписи JMI, IV, 1261 (Лаодикейя Приморская, январь 174 г. до н. э.) имеется формула $\delta\epsilon\delta\omicron\chi\theta\alpha\iota\ \tau\omicron\iota\varsigma\ \pi\epsilon\lambda\iota\gamma\acute{\alpha}\nu\epsilon\varsigma$ — «постановили пелиганы», которая получила свое объяснение по данным Гесихия (s. v. $\pi\epsilon\lambda\iota\gamma\acute{\alpha}\nu\epsilon\varsigma$): «Пелиганы — знатные, а у сирийцев — члены совета». Аналогичное указание, только применительно к другим обществам, было отмечено и у Страбона (VII, фрагм. 2): «У феспротов и молоттов старость называют $\pi\epsilon\lambda\iota\alpha\varsigma$, а старцев $\pi\epsilon\lambda\iota\omicron\upsilon\varsigma$, так же и у македонян: пелигонами они называют тех, что в чести, как у лаконцев и массалиотов, старцев». Перед нами, следовательно, македонский термин, принятый в некоторых греко-македонских городах эллинистической Сирии и равнозначный обычному буле (такова позиция Жалабера и Мутерда); первоиздатель надписи II. Руссель²³ полагает, что речь идет о совете старейшин, примитивной, по его мнению, социальной организации, существовавшей в III—II вв. до н. э. во многих городах Малой Азии. Однако с мыслью о примитивности этой организации вряд ли можно согласиться. Характерно, что надпись излагает, как уже говорилось, решение об охране собственностических прав владельцев земельного участка, что, видимо, входило в компетенцию данного совета. Интересна и процедура принятия решения, которая весьма отчетливо выявляется структурой надписи, делящейся на две части. Первая часть вводится формулой: «мнение Асклепиада — эпистата и архонтов». Она содержит предложение, вносимое магистратами и царским намест-

²² H. Seyrig, *Antiquités syriennes* 7. Décret de Séleucie et ordonnance de Séleucus IV, — «Syria», vol. 13, 1932, стр. 255—258; JMI 1, III, 1183.

²³ P. Roussel, *Décret des péliganes de Laodicée-sur-mer*, — «Syria», vol. 23, 1942—1943, стр. 21—32; Ср.: G. Klaffenbach, *Epigraphische Studien* 3, — «Philologus», Bd 97, 1948, стр. 376—379; REG, t. 63, 1950, стр. 208—209.

ником Лаодикеи на рассмотрение совета пелиганов. Вторая часть, собственно решение, вводится приведенной выше формулой. Какие-либо специфические черты деятельности, которые бы отличали совет Лаодикеи Приморской от обычных буле, не прослеживаются. Не случайно поэтому Гесикий в приведенном выше толковании ставил знак равенства между понятиями «пелиганы» и «булевыты». Внедрение и сохранение македонского термина объясняется, видимо, происхождением населения города, которое было македонским по преимуществу и принесло на новую родину привычную для себя терминологию. Как уже сказано, «совет и народ» Тира упоминаются в послании этого последнего Дельфам (SEG, II, 330). Таким образом, есть основания утверждать, что в сирийских городах III—I вв. до н. э. функционировали совет и народное собрание.

Из магистратов источники упоминают архонтов (JMI, IV, 1261; Par. Gourob)²⁴; сидонский архонт упомянут в P. Mich, Zen. 3. Согласно указанию Иосифа Флавия (Fl. Jos., Antt., 12, 169) архонты финикийских и других городов Сирии, когда эти последние находились под властью Птолемеев, принимали участие в откупе налогов.

Последние указания особенно важны: они показывают, что уже в III в. до н. э. произошла эллинизация административного аппарата финикийских городов, сопровождавшаяся ликвидацией царской власти.

Вопрос о характере взаимоотношений между царской властью и городами неясен²⁵, хотя и очевидно, что они не были стабильными.

---

²⁴ M. H o l l e a u x, *Rémarques sur le papyrus de Gourob*, — BCH, vol. 30, 1906, стр. 331—348.

²⁵ Вопрос о характерных особенностях эллинистической государственности на протяжении более полувека оживленно дискутируется в современной антиковедческой литературе. Еще Ю. Кэрет (J. K a e r s t, *Studien zur Entwicklung und theoretischen Begründung der Monarchie im Altertum*, München—Leipzig, 1898, стр. 40—41), ссылаясь на предыдущие исследования, подчеркивал, что монархия Александра не может быть объяснена ни из ситуации, существовавшей в Македонии, ни из «эллинского политического развития», но представляет собой тип государственной организации, выросшей из восточной почвы; правда, он признает, что монархические политические идеи, развивавшиеся в самой Греции, проложили ей дорогу. Социальный фундамент эллинистической монархии он видел в стремлении зажиточных слоев общества к созданию сильной власти, которая бы обеспечила безопасность и гарантировала неприкосновенность собственности (ср.: J. K a e r s t, *Geschichte des hellenistischen Zeitalters*, Leipzig—Berlin, 1909, Bd 2, стр. 309). По его мнению (а. а. О., стр. 327—330), в основе эллинистического государства лежали факт македонского завоевания и принцип личной власти могущественного индивидуума. Однако, исходя из этих, с нашей точки зрения правильных, посылок, Ю. Кэрет допустил известную односторонность в характеристике эллинистического государственного устройства. Он был безусловно неправ, когда утверждал (J. K a e r s t, *Geschichte*, Bd 2, стр. 339), что «народ» (ein Staatsvolk — так Ю. Кэрет переводит греческое *ἔθνος* — И. Ш.) в смысле гражданского коллектива эллинского полиса как таковой

Почти не встретив в Сирии сопротивления, Александр мог не проводить там более или менее существенные преобразования, сохраняя те же порядки, которые он застал. В тех немногих случаях, когда изменения все же происходили, речь шла обычно лишь о смене царей. В историческом сочинении Помпея Трога, дошедшем до нас в переложении Юстина (II, 10, 6—9), эта политика охарактеризована достаточно ясно и недвусмысленно. Юстин

в эллинистической монархии вообще не существует... Народ, — продолжает он, — в общем, только объект правительственной власти, а не субъект каких-либо общественных прав, не самостоятельный носитель государственной задачи». И далее: «государство эллинистического времени — это государство чиновников» (стр. 350). Характерно, что он в конце концов пришел к противоречию с самим собой, когда на стр. 354 этого же сочинения характеризовал взаимоотношения эллинистического правителя и эллинского полиса, входящего в сферу его господства, как союз (симмахию) при одновременном осуществлении над полисом верховной («имперской») власти (стр. 356—357). Но если «народ» как субъект государственности не существует, по мнению Кэрста, то с кем же эллинистические цари могли устанавливать союзнические отношения, коль скоро последние предполагают хотя бы теоретически двусторонние контакты и обязательства? В настоящее время широко распространено мнение, согласно которому эллинистические государства представляли собой своеобразные федеративные организации (U. K a h r s t e d t, *Syrische Territorien in hellenistischer Zeit*, Berlin, 1926, стр. 80—81). По мнению П. Занкан, для государства Селевкидов был характерен переход от союза суверенных государств, каким мыслится, например, держава Александра Македонского, к федеральному государству, где суверенитет составных частей ограничен (P. Z a n c a n, *Il monarcato ellenistico nei suoi elementi federativi*, Padova, 1934, стр. 57). По словам А. Хейсса, города юридически находились за пределами царской области, что приводило к противоречию между правовым их статусом и реальным положением вещей; специфической правовой основы, по его словам, у взаимоотношений между царем и городом не было (A. H e u s s, *Stadt und Herrscher des Hellenismus in ihren staats- und völkerrechtlichen Beziehungen*, Leipzig, 1937, стр. 172—215). Э. Бикерман наряду с городской автономией отмечал наличие полного суверенитета царя над городами (E. B i k e r m a n, *Institutions des Séleucides*, Paris, 1938, стр. 134—138, 141—145). С точки зрения М. И. Ростовцева (M. R o s t o v t z e f f, *The Social and Economic History*, стр. 524—530), сами города считали себя свободными и суверенными, тогда как Селевкиды рассматривали их исключительно как подданных (ср. также: А. Б. Р а н о в и ч, *Эллинизм*, стр. 144). Наконец, по словам В. Эренберга, в политическом строе эллинистических монархий наблюдается сочетание фактической зависимости полисов от монархии с более или менее фиктивной автономией (V. E h r e n b e r g, *Der Staat der Griechen*, II. Teil, Leipzig, 1958, стр. 44—47). Свое логическое завершение и наиболее четкую формулировку концепция федерализма получила в труде Ф. Гшнитцера (F. G s c h n i t z e r, *Gemeinde und Herrschaft*, Graz, 1960, стр. 8—11), который для эллинистического общества характерным считает противопоставление двух типов государственности — общинного, где носителем власти является гражданский коллектив, и монархического (*Herrschaftsrecht*), где власть персонифицируется в личности правителя и к ней восходит. Последний, по глубокому наблюдению Ф. Гшнитцера, не является выразителем в какой бы то ни было форме воли «государства, охарактеризованного через отношения к определенной стране или народу». Автор вскрывает предпосылки возникновения подобных отношений, существовавшие уже в классической Греции V и первых двух третей IV в. до н. э. Ср. также: Г. С. С а м о х и н а, *Держава первых Антигонидов*, Л., 1976.

пишет, что, вступив на территорию Сирии и столкнувшись там с многочисленными «восточными царями», Александр одних делал своими союзниками, а других смещал, ставя на их место новых правителей (*ex his pro meritis singulorum alios in societatem recepit, aliis regnum ademit suffectis in loca eorum novis regibus*). От этого, однако, ничего не менялось по существу. Среди вновь назначенных правителей Юстин особо выделяет ^cАбдалонима, которого Александр сделал царем Сидона. Среди новых союзников Александра был и царь Арада Стратон сын Герострата (С. Ruf., 4, 1, 5). Интересно, что, овладев после продолжительной осады Тиром, Александр сохранил в неприкосновенности царский род и оставил за ним власть (Iust., 18, 3, 19).

После смерти Александра Македонского отношения между городами и царем значительно осложнились; выявить какой-либо единый принцип, определявший характер и объем царского суверенитета над ними, не представляется возможным. Правда, в надписи Птолемея III Евергета из Адулиса (OGIS, 54; вторая половина III в. до н. э.) указывается, что, вторгнувшись в Сирию, он превратил тамошних правителей в своих подданных. Интересно, что в данном случае речь идет об единоличных правителях отдельных областей Селевкидского государства. Однако подобные «подданные» отношения в чистом виде для эллинистической Сирии, в общем, не были характерными. Об этом свидетельствует и документация, относящаяся к владениям Птолемеев за пределами Египта. Надпись из Пикурии (IG, 12, 506; III в. до н. э.) показывает, что Сидон входил в союз несиотов, а царь этого города Филокл был одним из инициаторов и участников принятия постановления в честь Птолемея II Филадельфа. Особенно важна в этой надписи общая характеристика политики Птолемея I Сотера: он «освобождал» города, «возвращал» им законы, восстанавливал «отеческий государственный строй» и облегчал подати. Этой же политики придерживается и чествуемый царь. Как мы увидим далее (стр. 48—49), эти же черты приписываются и политике римских властей на завоеванных римлянами территориях. Речь идет, в общем, о восстановлении суверенности подвластных Птолемеям политических образований; в создании объединений этих образований также находит свое внешнее выражение их суверенитет.

Единственная, насколько нам известно, попытка в общей форме определить политический статус полисов в пределах Селевкидской монархии имеется в надписи OGIS, 221 (соотв. WC, 11—13) о пожаловании Аристоклиду земель неподалеку от Илиона (время Антиоха I Сотера). Несмотря на то что события, о которых идет речь, разыгрываются в Малой Азии, некоторые принципы, нашедшие отражение в рескриптах Антиоха I, несомненно были действительными на всей территории Селевкидского царства, в том числе и в Сирии. Во втором рескрипте Антиоха I к сатрапу Гелеспонта Мелеагру он предоставляет Аристоклиду право при-

соединить полученную им землю πρὸς ἣν ἂν βούληται πόλιν τῶν ἐν τῇ χώρᾳ τε καὶ συμμαχίαι. Казалось бы, в документе противопоставляются одна другой две категории полисов. Это допущение, однако, опровергается аналогичной клаузулой в третьем рескрипте: πρὸς ἣν ἂν βούληται πόλιν τῶν ἐν τῇ ἡμετέρᾳ συμμαχίᾳ, καθάπερ καὶ ἐν τῇ πρότερον ἐπιστολῇ ἐγράφαμεν. Аналогичная формула: τῶν πόλεων τῶν ἐν τῇ ἡμετέρᾳ συμμαχίᾳ, καθάπερ καὶ πρότερον ἐγράφαμεν встречается в этом же рескрипте и несколькими строками выше. Из этого материала очевидно, что относящиеся к полисам фразы: ἐν τῇ χώρᾳ τε καὶ συμμαχίᾳ и ἐν τῇ ἡμετέρᾳ συμμαχίᾳ имеют один и тот же смысл. Юридически положение городов определяется сочетанием ἐν τῇ συμμαχίᾳ, тогда как слова ἐν τῇ χώρᾳ ограничивают круг городов, о которых идет речь в надписи, территориально²⁶. Очевидно, имеются в виду «союзные» Антиоху города, либо находящиеся в сфере его владений вообще, либо непосредственно на территории сатрапий, где находятся земли, служащие объектом пожалования. Из этих документов, казалось бы, следует, что «союзнические» отношения с городами рассматривались селевкидскими правителями как единственная политическая реальность, характерная для их владений. Рассмотрим, однако, эту проблему более детально.

Многочисленные документы, происходящие из канцелярии селевкидских царей, показывают, что статус отдельных городов устанавливается непосредственно царем либо распоряжением, отдаваемым царским чиновникам (Fl. Ios., Antt., 12, 138—144), если речь шла о завоеванной территории, либо в результате переговоров о союзе между царем и делегацией граждан (Polyb., 5, 68, 7), либо международно-правовым актом (OGIS, 257). В двух последних случаях город предстает перед нами как политический организм, находящийся с царской властью в определенных отношениях, а не как интегральная часть государства. Если бы ситуация не была такою, надобности в переговорах и в международных гарантиях статуса города не было бы. Разумеется, возникновение подобной ситуации можно было бы считать в значительной степени результатом ослабления Селевкидов. Она была бы, однако, невозможной, если бы правовой статус городов в Селевкидской державе вообще не содержал предпосылок для ее возникновения.

Сказанному, как кажется, противоречит постановление народного собрания Селевкии Пиерии о даровании гражданских прав Аристолаху²⁷. Оно принимается на основании рескрипта, поступившего от царя и приложенного к решению городских властей, но полностью до нас не дошедшего. Обращение царя к городу в документе, исходящем от городских властей, именуется πρὸςταγμα, т. е. «приказание». Подобное словоупотребление предпола-

²⁶ Ср.: P. Z a n s a n, Il monarcato, стр. 55—56.

²⁷ H. S e y r i g, Antiquités syriennes 7. Décret de Séleucie et ordonnance de Seleucus IV, — «Syria», vol. 13, 1932, стр. 255—258; JMI, III, 1183.

гают, казалось бы, абсолютную власть царя над полисом. Между тем и этот аспект представляется весьма существенным — царь не может действовать в сфере компетенции городских властей непосредственно, даровать, скажем, Аристолаху гражданские права своим декретом. Он может лишь обратиться к городским властям с предложением принять соответствующее постановление; последнее слово остается за ними. Разумеется, как и в данном случае, подобная процедура, видимо, зачастую сводилась к формальности, однако сама живучесть этой формальности весьма показательна. При определенных условиях, в случае ослабления царской власти, подобные формальности, несомненно, наполнялись реальным содержанием. Наконец, существенно важно и упоминание о посольстве Селевкии Пиерии к царю, которому (посольству. — *И. III.*) Аристолах оказал какую-то услугу при царском дворе. Отношения между царем и городом строились, как можно видеть, по образцу дипломатических отношений между формально самостоятельными контрагентами.

Интересно в связи с этим, что, как показывает надпись OGIS, 229, города, находившиеся под царской властью, могли вступать между собой в договорные отношения. Более того, как свидетельствует пример Тира (SEG, II, 330; IV, 601), города могли вступать самостоятельно и без каких-либо ссылок на волеизъявление царя в дипломатические отношения с городами, находившимися за пределами власти их повелителя и владыки.

Таким образом, вне зависимости от того, что правовой статус городов устанавливался царем, они вели себя как суверенные политические организмы и признавались таковыми. Более того, внутренняя сущность отношений полиса к царю определялась словом *εὐνοία* — «благодарность», «доброе расположение», и, с более специфическим оттенком в отношении города к царю, — «преданность» (OGIS, 12, 223, 229). Однако этим же словом обозначаются и дружественные, равноправные отношения между двумя независимыми друг от друга городами (SEG, IV, 601; II в. до н. э.), и отношения царского придворного к городу (OGIS, 55, 58, 213, 243), и отношение к царю отдельной личности (OGIS, 51, 113, 220, 247), и отношения между частными лицами (OGIS, 256; IGRR, III, 1102, 1017). Иными словами, термин *εὐνοία* не имел публично-правового характера и соответственно не определял статуса полиса. В то же время он использовался только в ситуации, когда требовалось определить не то место, которое полис занимал в данном политическом организме, но его отношение к данному царю или данному лицу в связи с проводимой им политикой.

В связи с этим, однако, возникают две проблемы: в чем конкретно проявлялась власть царя над полисом и какова социальная природа тех учреждений, в которых она находила свое внешнее выражение?

В дошедших до нас надписях, происходящих из различных

районов селевкидской Сирии, дважды упоминается эпислат — царский наместник в данном городе. В уже упоминавшемся выше постановлении народного собрания Селевкии Пиерии о даровании гражданских прав Аристолаху (JMI, III, 1183) содержатся формулы, показывающие, что предложение было внесено совместно эпислатом Феофилом и архонтами. Другой документ, также уже рассматривавшийся по другому поводу (JMI, IV, 1261), происходящий из Лаодикеи Приморской (см. стр. 22), также имеет аналогичную вводную формулу: Ἀσκληπιάδου ἐπιστάτου καὶ ἀρχόντων γνῶμη. Этот материал, конечно, слишком ограничен, чтобы можно было на таком фундаменте делать далеко идущие выводы. Ясно, однако, что эпислат мог совместно с архонтами вносить предложения как в совет, так и в народное собрание. Однако на этом основании вряд ли можно полагать, что эпислат формально действовал в роли советника и председателя действующей коллегии магистратов (ср. комментарий к надписи JMI, III, 1183). Не исключен и другой вариант: совместное предложение могло быть внесено по соглашению между эпислатом и коллегией архонтов в той ситуации, когда первый по каким-то причинам счел необходимым вмешаться. Эпислаты действуют далеко не регулярно, а только в тех случаях, которые представлялись им важными. Иными словами, участие эпислата в постановлении полисных властей не было обязательным, хотя его позиция, естественно, не могла не учитываться при решении тех или иных городских проблем. В то же время и эпислаты не могли принимать решения своею властью, минуя органы управления.

Показательно в связи с этим, что обращение царя к полису, как правило, облекалось в форму благопожелания, а отнюдь не в форму категорического приказа (ср. OGIS, 221). Термин πρῶταρχα, о котором говорилось выше, может рассматриваться соответственно как внешнее проявление вежливого отношения города к царю, но не более того.

Другим внешним проявлением царской власти над городом было взимание налогов и разного рода повинностей. Как известно, довольно подробные указания о характере налогообложения в Селевкидской державе имеются в псевдоаристотелевой «Экономике» (2, 1, 4), где поступления от налогов перечисляются, когда речь идет о βασιλικῇ οἰκονομίᾳ. Среди них автор трактата выделяет шесть видов поступлений: с земли, с частных владений, находящихся в пределах данной политико-административной единицы²⁸, с ввоза и вывоза товаров, с пошлин, налоги со скота, а также «прочие». В дальнейшем автор уточняет, что подать с земли рав-

---

²⁸ По мнению М. И. Ростовцева (M. R o s t o w z e w, Studien, стр. 241), ἵδμεα, о которых упоминает наш источник, были частными землевладениями, которые вносили налог деньгами и лишь в порядке исключения натурой. Впоследствии он изменил эту точку зрения (M. R o s t o v t z e f f, The Social and Economic History, vol. I, стр. 443—445) и видел в ἵδμεα личные владения царя.

нозначна налогу, именуемому ἐκφόριον (почти полная тождественность этого слова с обычным термином φόρος очевидна), или же десятине (имеется в виду количественная характеристика налога); с частных владений взимается золото, медь, либо серебро в соответствии с реальными возможностями; под платежами подразумеваются поземельные и торговые сборы; налог со скота составляет десятую долю приплода; наконец, «прочее» — это подушная подать и налог, взимавшийся с ремесленников.

Существенное дополнение к этому материалу дают указания первой книги Маккавеев, где в ряде случаев перечисляются налоги, взимавшиеся с населения Селевкидской державы. В одном отрывке (I Макк., 10, 29—30) речь идет об освобождении иудеев от форо́са, налога на соль, сборов на венец, сборов, соответствовавших стоимости трети семян, использованных для посева, а также половины древесных плодов. В другом отрывке (I Макк., 11, 34—36) говорится о предоставлении иммунитета от царских сборов, сборов с плодов земли и плодовых деревьев. Кроме того, упоминаются «прочие» десятины, платежи, соляные сборы, а также сборы на венец. В тексте Иосифа Флавия (Fl. Ios., Antt., 13, 49—50), соответствующем последнему, упоминаются форо́с, налоги на соль, на венцы, стоимость трети урожая зерновых и половины урожая садовых культур, а также подушная подать. Последнюю Иосиф Флавий упоминает и в Fl. Ios., Antt., 12, 155.

По-видимому, аналогичная ситуация существовала и в тех областях Сирии, которые находились под властью Птолемеев. Известный папирус SB, 8008 (262/1 или 261/0 г. до н. э.) упоминает два типа имуществ (в данном случае речь идет о скоте): подлежащее налогообложению и свободное от налогов. Царский указ, составляющий содержание первой части папируса, сильно фрагментирован; судя по его сохранившимся отрывкам, скот, как облагавшийся налогом, так и освобождавшийся от него, должен был быть представлен эконому соответствующей гипархии, очевидно для регистрации. Уклонявшиеся от выполнения этого указа теряли скот и подвергались наказанию. Кроме того, предписывалось регулярно проводить перерегистрацию скота, очевидно в фискальных целях.

Неоднократно в источниках, относящихся к сирийским владениям Птолемеев, упоминается и форо́с.

Таким образом, исходя из приведенных выше данных налоги, существовавшие в эллинистической Сирии накануне установления там римского господства, могут быть условно классифицированы следующим образом: поземельные; доля семян, урожая садовых культур и приплод от скота; налог, связанный с занятием ремеслом; торговые сборы и налог на соль; сбор на венец; подушная подать. Они, следовательно, отчетливо делятся на три группы: налоги, связанные с различными видами производственной деятельности; отчисления от торговой прибыли; налоги, устанавливаемые вне зависимости от того и другого. Соответственно с

этим все налоги, в том числе и поземельные, выступают в данном случае как осуществление публично-правовой власти, возникающей либо из союзнических отношений, либо в результате прямого насилия.

Как известно, в Птолемеевой державе налоги взимались путем откупа; эта система распространялась также и на Сирию (ср. Fl. Ios., Antt., 12, 169)²⁹. В Селевкидском государстве существовала, видимо, иная система: наш источник (I Макк., 3, 29) упоминает специальных царских чиновников, ведавших сбором налогов.

Таким образом, положение города в Селевкидской державе определялось следующими чертами. Города представляли собой теоретически суверенные политические организмы, однако их суверенитет зависел от волеизъявления царя, который, в свою очередь, осуществлял власть над городом, что выражалось в участии царских чиновников в управлении городом и в сборе налогов в пользу царя.

Интересно, что Полибий (15, 24а) не считал существенными даже те характерные для времени эллинизма особенности городского статуса, которые систематически отмечаются в дошедших до нас надписях. Он писал, что в начале своего правления цари всем предоставляют свободу, всех объявляют друзьями и союзниками, тогда как, закрепив свою власть, обращаются с ними не союзнически, а деспотически. Последнее указание относится, впрочем, уже не столько к правовому, сколько к реальному положению городов, к определению политики царей, фактически нарушающих в ряде случаев свои обещания.

Тем не менее эта система, являющаяся логическим развитием той ситуации, которая существовала на Ближнем Востоке в доэллинистический период, может быть охарактеризована, как нам кажется, как система двойного суверенитета: суверенитета города как формально самостоятельного политического организма и навязываемого сверху суверенитета царской власти над городом.

ЦАРСКИЕ ЗЕМЛИ

Царские земли впервые упоминаются, как известно, в указе Александра Македонского, касающемся Приены (OGIS, 1), в котором речь идет о том, что приенцы, живущие в Навлохе, сохраняют автономию и свободу, будут владеть землями, домами и округой. Другая группа земель объявляется царской. На этих землях живут поселенцы, которые обязаны выплачивать налог. Таким образом, царская земля — это в данном случае земля, отделенная

²⁹ М. И. Ростовцев, История государственного откупа в Римской империи, СПб., 1899, стр. 11—32.

от полисной, принадлежащая царю и приносящая ему определенный доход, взимаемый в виде подати ³⁰.

Однако на царских землях наряду с массивами, находящимися в собственности царя, имелись фонды, являвшиеся собственностью частных лиц. Согласно хорошо известному акту о продаже Антиохом II его разведенной жене Лаодике земельных владений в Паннукоме (OGIS, 225, соотв. WC, 18—20), Лаодика получает право приписать эти земли к тому полису, к какому пожелает. Подобная возможность гарантируется и тем лицам, которые купят или иным способом приобретут у нее эти земли, если она сама предварительного этого не сделает. Показательно, что в том случае, если бы Лаодика перед продажей присоединила земли к территории того или иного полиса, будущие покупатели не имели права изменять ее решение. Аналогичные клаузулы имеются и в переписке Антиоха I по поводу предоставления земли Аристоклиду (OGIS, 221; соотв. WC, 10—13). Как можно видеть, в царском указе о продаже земли Лаодике предусматривается возможность такой ситуации, при которой земля, находящаяся в собственности частного лица, не приписана к полису. Очевидно, такое положение мыслимо только в том случае, если допустить, что земля Лаодики, став собственностью частных лиц, продолжает оставаться в сфере непосредственного подчинения царю. Очевидным кажется и другое: в том случае, когда царь продавал или иным способом отчуждал принадлежавшие ему земли, покупатель не мог без санкции продавца изменить юридический статус земли (превратить ее из царской в полисную), хотя, с другой стороны, царь, пользуясь своею властью, мог разрешить ему проделать это. В то же время покупатель не был обязан при отсутствии царского повеления совершить подобный акт; не случайно и соответствующая формула из надписи Лаодики предусматривает именно *право*, а не *обязанность*. Ведь для включения данного земельного участка в полисный массив требовалось (хотя бы формально) согласие соответствующего полиса. В этом убеждает письмо геллеспонтского сатрапа Мелеагра, открывающее надпись OGIS, 221 и обращенное к властям Илиона. Сатрап выражает пожелание, чтобы власти Илиона приняли постановление в честь Аристоклида и совершили для него различные благодеяния, среди которых находится и разрешение присоединить полученные Аристоклидом земли к территории Илиона. И самая формулировка данного предложения, исключаящая мысль об обязанности полиса принять данную землю, и даже квалификация самого разрешения как благодея-

³⁰ Само по себе поступление доходов, взыскиваемых в виде подати, вопреки мнению некоторых исследователей, не может служить признаком существования царской собственности, верховной собственности и т. п. (ср.: E. B i k e r m a n, *Institutions des Séleucides*, Paris, 1938, стр. 185), поскольку в данном случае речь может идти только об осуществлении публично-правовой власти. О собственности или верховной собственности царя можно говорить только в том случае, если царь фактически осуществляет правомочия собственника.

ния — все эти обстоятельства явно свидетельствуют против предположения об обязательности изменения юридического статуса земли.

Итак, смысл оговорок OGIS, 221 и OGIS, 225 сводится к тому, что Лаодика и те лица, которые вступили бы во владение Паннукомом после нее, а также Аристодикид, приобретая у царя землю, имели право по своему усмотрению и с согласия соответствующего полиса изменить ее юридический статус, иными словами, изъять ее из царской юрисдикции и передать в сферу юрисдикции полисной.

Таким образом, на территории, находившейся под царской юрисдикцией, могли возникать частные землевладения либо путем продажи (даже фиктивной) царской земли, как это имеет место в случае с Лаодикой, либо в результате пожалования, как это имело место с Аристодикидом. В обоих случаях царь осуществляет функции не только суверена, устанавливая статус земли или давая разрешение на его изменение, но и собственника, отчуждая ее³¹. До сих пор мы рассматривали материалы о землевладении на царских землях, происходящие из селевкидской Малой Азии, однако имеющиеся в нашем распоряжении источники, относящиеся непосредственно к Сирии, показывают, что деловые операции, подобные сделке между Антиохом II и Лаодикой или пожалованию земли Аристодикиду, не были исключены и для этого района: переход земель и поселений в собственность частных лиц не был явлением, изолированным территориально. Согласно известной надписи на Бэтокеке (IGRR, III, 1020; соотв. OGIS, 262; соотв. Wadd., 2720a), поселение Бэтокеке, до того как один из Селевкидов передал его местному храму Зевса, принадлежало Деметрию сыну Деметрия сына Мнасея³².

Эта же надпись указывает на существование в пределах царских земель храмового землевладения, возникающего вследствие

---

³¹ Начиная с труда М. И. Ростовцева о колонате, присоединение царских земель, отчужденных в пользу частных лиц, к территории полиса рассматривается как обязанность этих лиц. Ср.: M. R o s t o w z e w, Studien, стр. 249—250; В. Т а р н, Эллинистическая цивилизация, М., 1949, стр. 137; А. Б. Р а н о в и ч, Эллинизм, стр. 154. E. B i k e r m a n, Institutions, стр. 183. Однако это противоречит тексту надписей Лаодики и Аристодикиды.

³² Истолкование глагола ἔχω как обозначения условного держания противоречило бы реальному содержанию этого слова, обозначающего пользование правами собственника. См.: A. K r ä n z l e i n, Eigentum und Besitz im griechischen Recht des fünften Jahrh. v. Chr., Berlin, 1963. Реальное содержание такого пожалования раскрывает параллельное указание Мишны (Бава Батра, 4, 7): «Тот, кто продает город (h^cur), продает дома, ямы, колодцы и пещеры, бани, голубятни, давилни и постоянный двор, но не движимость. А если он (продавец.— И. Ш.) сказал ему (покупателю.— И. Ш.): он, и все, что в нем, даже если есть в нем скот (bhmh) и рабы (b^cdym),— вот, все это продано». Поражает почти полное совпадение по содержанию этой формулы с содержанием документа о сделке с Лаодикой: и там и здесь для того, чтобы люди, являвшиеся объектом сделки, считались проданными, необходима специальная оговорка.

царского пожалования: в этом отношении храм не отличался от частного лица, которому Бэтокеке принадлежало ранее. Согласно письму Антиоха, этот царь отчуждает в пользу храма на вечные времена селение Бэтокеке вместе с принадлежащими ему в пределах существующих границ имуществами³³. Характерное отличие этого документа от документов Лаодики, сближающее его с документацией, касающейся Аристовидикида, заключается в том, что в ней ни словом не говорится о том, что отчуждаются также и люди, населяющие Бэтокеке³⁴. Речь идет только о предоставлении храму плодов текущего года. При этом оговаривается, что подати, взимаемые с населения, должны быть истрачены на совершение ежемесячных жертвоприношений. Кроме того, упоминаются и другие материальные поступления, которыми распоряжается жрец, направляя их на нужды храма; они сохраняются в пределах, установленных обычаем. Таким образом, одновременно с предоставлением храму прав собственности на данное поселение (речь идет, очевидно, о землях и разного рода сооружениях, владельцем которых становился храм) царь подтверждал уже существовавшее право храма на получение разного рода доходов и отчуждал в его пользу налоги, поступавшие прежде в царскую казну. Характерно, однако, что это отчуждение налога не является естественным следствием отчуждения поселения, как можно было бы ожидать: в противном случае была бы, как нам кажется, из-

³³ М. И. Ростовцев (M. Rostowzew, Studien, стр. 275) фразу *ὅθεν καὶ ἡ δύναμις τοῦ θεοῦ κατάρχεται* понимал в том смысле, что божество путем определенных проявлений своего могущества потребовало возвращения храму поселения, ранее уже принадлежавшего ему, но отобранного по каким-то причинам предшественниками дарителя. Однако в надписи нет упоминаний о том, что Бэтокеке ранее принадлежало храму, между тем столь важное обстоятельство, как возвращение незаконно отторгнутых владений, не могло быть обойдено. Составитель документа мотивирует свое пожалование тем, что именно в данном месте явно проявилось могущество божества; однако в какой форме и по какому поводу это произошло, остается неясным. Можно только думать, что это проявление было для царя благоприятным.

³⁴ Поэтому представляется необоснованной точка зрения М. И. Ростовцева (M. Rostowzew, Studien, 247—275), согласно которой одновременно с землей храму было пожаловано и право распоряжаться *λαοί*, населявшими Бэтокеке. Он полагал возможным, что население этого поселения состояло из *хатохои*, которые опубликовали и всю надпись, хотя он и считал неясным, имелся ли в виду культовый персонал в собственном смысле слова или все зависимое население. Как показал на материале эллинистического Египта О. О. Крюгер (Затворники в птолемеевском Египте.—«Проблемы социально-экономической истории древнего мира», М.—Л., 1963, стр. 248—254; там же и предшествующая литература вопроса), *хатохи* представляло собой добровольное затворничество в храме по обету, данному божеству. Это затворничество ограничивалось определенным сроком и заканчивалось освобождением. Ср. также точку зрения У. Вилькена (U. Wilcken, Urkunden der Ptolemäerzeit, Bd I, Berlin — Leipzig, 1927, стр. 65—70), который видел в *хатохи* добровольное посвящение божеству, при котором посвящающий себя избирается божеством, выполняет в храме определенные культовые обязанности и наделяется божеством сверхъестественной пророческой силой. Таким образом, в любом случае вряд ли есть основания видеть в *хатохои* какую-то категорию лично зависимого от храма населения.

лишней специальная оговорка на этот счет. Более того, отчуждается налог только за один год, хотя ожидалось бы отчуждение постоянное.

Как показывает следующее за рескриптом Антиоха «постановление города (Апамеи.— И. III.), посланное Августу», храм к I в. н. э. уже находился под юрисдикцией полиса, скорее всего, Апамеи. Соответственно и храмовое землевладение Бэтокеке из царской (соотв. императорской) юрисдикции перешло в полисную. Причину этих событий следует искать, очевидно, в политической неустойчивости времени последних Селевкидов и первых лет римского господства. Единственно прочным и надежным политическим организмом был полис, на который храмовое жречество предполагало опереться.

Значительный интерес в связи с этими обстоятельствами представляют и материалы, происходящие из Коммагены. Согласно уже цитировавшейся (стр. 16—17) по другому поводу надписи из Арсамии на Нимфее, царь посвящает храму для обеспечения жертвоприношений и культовых собраний землю из своего личного фонда, оставляя неизменными поступавшие с этой земли доходы. Как показывает относящееся к этой земле слово *καθίστασα*, она превращается в собственность божества, т. е. в конечном счете — храма. Другая формула: *καὶ προσόδους ἐκ ταύτης ἀκινήτους ἀπέταξα* — свидетельствует о том, что подати, поступавшие царю с посвященных земель, теперь должны были в том же объеме поступать в храм. Кроме того, в надписи устанавливается, что право распоряжаться указанными поступлениями царь передал жрецам. Отсюда, между прочим, следует, что возможны были ситуации, когда царь, отчуждая то или иное владение, не отчуждал одновременно поступающих от него доходов.

Аналогичную ситуацию мы находим и в надписи OGIS, 383, которую тот же коммагенский царь, Антиох I, увековечивал статус одного из местных храмов: *χῶραν τε ἱκανὴν καὶ προσόδους ἐξ αὐτῆς ἀκινήτους εἰς θεοῦ ὀφελὴν ἀπένευκα*. Содержащийся в этой надписи «закон», который, собственно, и регулирует положение храма и посвященных ему земель, это же обстоятельство излагает следующим образом: «подати получая с поселений, которые я посвятил». Чрезвычайно существенно указание этой надписи об объеме прав храма на данное поселение: не позволено никому его присваивать, отчуждать, изменять его правовой статус или наносить ущерб каким бы то ни было способом. Эти ограничения относятся также и к налоговым поступлениям, которые царь превратил в *κτῆμα δαιμόνων ἄσυλον*. В результате власть преемников Антиоха I над храмовыми землями оказывается ограниченной, а храм лишается права поставить свои земли под юрисдикцию полиса.

Наряду с существованием на землях, находившихся под царской юрисдикцией, земельной собственности частных лиц в эллинистической Сирии было широко распространено и владение

землей, обусловленное либо несением военной службы, либо какими-то иными обязательствами, прежде всего система клерухий. Последняя существовала не только на территориях, находившихся под властью Селевкидов или Птолемеев, но и в областях, которыми управляли местные владетели, в частности на территории Заиорданья, находившейся под властью династии Тобиадов (PCZ, 59003, соотв. CPJ, I) ³⁵. Правовое положение такого рода земель теоретически должно было определяться следующими факторами: собственником земли был царь; владение было обусловлено выполнением определенных повинностей и в случае прекращения последних также приостанавливалось ³⁶. Однако практически, как показывает известная надпись Мнесимаха ³⁷, датируемая концом IV в. до н. э., позволяющая вскрыть некоторые тенденции в землевладении этого типа, дело обстояло значительно более сложно.

Как известно, этот документ представляет собой, по справедливому указанию его издателей, *πρᾶξις ἐπὶ λύσει* — акт о продаже с правом последующего выкупа (ср. формулу: *ἀπέδοτο λύσιμα*) Мнесимахом ряда его имуществ храму Артемиды в Сардах, поскольку продавец не имеет средств, чтобы возратить храму истребованную последним сумму, ранее полученную покладной. В документе имеются клаузулы, защищающие храм от эвикции и предусматривающие штраф, который может быть наложен на Мнесимаха или его потомков в случае возбуждения виндикационного иска. Предусматривается также порядок возмещения убытков, которые храм может понести в том случае, если царь «из-за Мнесимаха» отберет у храма проданное имущество.

В связи с этой операцией упоминаются поселения, клеры (неоднократно употребляется термин *κλήρος*), хозяйства *λαοί* и рабов, сады и хозяйства самого Мнесимаха. Так как в надписи отсутствует начало, история этих имуществ до того, как они попали в руки Мнесимаха, остается неизвестной. Рассмотрим прежде всего поселения: Табалмура на Сардской равнине у горы Ила; пограничные с нею Тандуком и Комбдилирия (форос с этих поселений выплачивается в Пифейскую хилиархию и составляет пятьдесят золотых статеров в год); поселение Периасасостра в районе «воды Морста» (форос вносился в Сагорийскую хилиархию

³⁵ А. Чериковер (A. Geriqlber, Nauehudim, *Sam.* 60—61), комментируя этот папирус, высказал мысль, что система клерухий была введена в Заиорданье Птолемеем, перенесшими эту практику из Египта. Думается, однако, что в данном случае заиорданский владетель мог воспользоваться и местными традициями (ср., например, I Сам., 27). Аналогичное явление засвидетельствовано и в Новоассирийском царстве (И. М. Дьяков, Развитие земельных отношений в Ассирии, Л., 1949, стр. 149).

³⁶ Такое положение, во всяком случае, существовало во владениях Птолемеев. См.: R. Taubenschlag, The Law of Greek-Roman Egypt in the Light of the Papyri, Warszawa, 1955, стр. 178.

³⁷ W. H. Buckler, D. M. Robinson, Greek Inscriptions From Sardes I, — AJA, vol. 16, 1912, стр. 11—88.

и составлял ежегодно пятьдесят семь золотых стьтеров); Илукоме в районе Аттуды (ежегодный форо́с составлял три золотых обола и три золотых статера). Приведенный здесь материал показывает, что, если это специально не оговорено и если частновладельческие поселения продолжают оставаться под царской юрисдикцией, при их отчуждении форо́с по-прежнему вносится в царскую казну. Тем самым опровергается тезис, согласно которому при отчуждении поселения отчуждались именно повинности.

Другую группу владений Мнесимаха составляли, как уже говорилось, клеры. Среди них перечислены: клер в Кинарое, неподалеку от Табалмуры (годовой форо́с — три золотых статера); клер в водном районе Морста, в Нагриоз (форо́с вносится в хилиархию Сагария Корида и составляет три золотых статера и четыре золотых обола).

Судя по расположению, клеры и поселения должны были составлять единый массив. Как и с поселений, с клеров взимался денежный форо́с, размеры которого, судя по дошедшему до нас материалу, в обоих случаях определялись размерами земельного фонда в каждом конкретном землевладении и соответственно доходами, которые поступают от него. Кроме того, клеры, как и поселения, служат объектами сделки. Иными словами, статус обеих групп практически одинаков: они могут рассматриваться как собственность их владельца. Показательно в этой связи, что надпись не оговаривает, каков порядок выполнения повинностей, лежащих, как можно было бы думать, на клерах, которые являются объектами сделки. Объяснить это умолчание можно либо тем, что этот порядок был очевиден и не нуждался в специальном фиксировании, либо тем, что повинности исчерпывались выплатой форо́са. Первое предположение кажется маловероятным, коль скоро денежные платежи и порядок их уплаты в надписи указаны. Но если справедливо второе допущение, можно считать, что разница между клерами и поселениями в данном случае стерлась.

В сказанном убеждает и еще одно обстоятельство: все имущество Мнесимаха, включая клеры и *λαοὶ πανοικίαι* (см. о них стр. 42), участвовало в разделе, в результате которого Пифей и Адраст, лица, в надписи не охарактеризованные, получили в поселениях Табалмура и Периясасостра имущества, включавшие дома, огороды, *λαοὶ* и рабов.

Как бы то ни было, бесспорно, что уже в конце IV в. до н. э. клеры на территории Селевкидского государства могли превращаться в объекты сделки; на них распространялось «право отчуждения», которое было важнейшим элементом права частной собственности. Надпись, следовательно, обнаруживает существование тенденции, направленной на превращение клеров в собственность частных лиц.

Сказанному, казалось бы, противоречит уже упоминавшаяся возможность того, что царь «из-за Мнесимаха» отберет у храма

какие-либо поселения, клеры или другое имущество³⁸. В этом случае Мнесимах или его потомки должны были бы выплатить полностью сумму займа, ранее взятого у храма. В литературе было высказано предположение, согласно которому эта клаузула свидетельствует о том, что царь был верховным владельцем данной земли³⁹. Т. Завадзкий считает, что, хотя эти владения могли в любой момент быть отобраны царем, они находились в наследственном пользовании их владельцев, которые выражали свое признание права собственности царя тем, что выплачивали фторос⁴⁰.

С нашей точки зрения, ситуация, предусматриваемая интересующей нас клаузулой, складывается из следующих элементов. Прежде всего, формула διὰ Μνησίμαχον определенно показывает, что царь может отобрать землю у храма по какой-то причине, связанной с Мнесимахом. Но это означает, что, продавая землю храму на условиях πρᾶσις ἐπὶ λύσει, Мнесимах не утрачивал свои владельческие права и связанные с ними обязательства. Такой вывод не может показаться странным, поскольку операция πρᾶσις ἐπὶ λύσει (или, как предлагает ее называть Ф. Прингсхейм, ὥνη ἐπὶ λύσει) представляла собой, по существу, одну из форм заклада — впрямь до выкупа продавцом объекта сделки⁴¹. Другой вопрос: почему царь мог отобрать землю, принадлежавшую Мнесимаху?

Ответ на поставленные вопросы, очевидно, следует искать в решении более общей проблемы — вопроса о структуре и правовом статусе царского земельного фонда.

Весь изложенный материал показывает, что на царских землях имелись три категории землевладений: 1) собственность царя, 2) собственность частных лиц и 3) условные владения. Однако частная собственность в пределах царских земель была ограничена тем, что она, во-первых, возникала по воле царя, и, во-вторых, могла быть ликвидирована также по царскому произволу. Отсюда и парадоксальная на первый взгляд ситуация, когда земли, ранее принадлежавшие одному лицу, царь может передать другому и т. п. Иными словами, царь не только был сувереном, но и осуществлял на данной территории некоторые правомочия собственника, в частности распоряжался землей по своему усмотрению. Соответственно следует признать обоснованной концепцию М. И. Ростовцева⁴² о невозможности на царских землях полной

³⁸ По интерпретации Т. Завадзкого, эта формула могла обозначать: «через посредничество Мнесимаха» или «по вине Мнесимаха». Он склоняется ко второму варианту. См.: Т. Z a w a d z k i, Z zagadnień struktury agrarno-społecznej krajów Małozajtyckich w epoce Hellenizmu, Poznań, 1952, стр. 27.

³⁹ А. Б. Р а н о в и ч, Эллинизм, стр. 157.

⁴⁰ Т. Z a w a d z k i, Z zagadnień, стр. 71.

⁴¹ F. P r i n g s h e i m, The Greek Law of Sale, Weimar, 1950, стр. 117—119.

⁴² М. R o s t o w z e w, Studien, стр. 249—250; RC, стр. 96; В. Т а р н, Эллинистическая цивилизация, стр. 137; А. Б. Р а н о в и ч, Эллинизм,

частной собственности; ситуация, складывавшаяся здесь, может быть определена как разделенная собственность: верховная — царя и подчиненная — частного лица. Этим объясняются и предусмотренная в надписи Мнесимаха возможность того, что царь отнимет проданную храму землю, и передача земель, ранее принадлежавших Деметрию сыну Деметрия сына Мнесея, другому владельцу. Разрешение включить землю в полисный массив, которое получили Лаодика и Аристоидид, означало не только отказ от прав суверена, но и, как справедливо заметил М. И. Ростовцев ⁴³, отказ от прав царя как собственника данной земли.

Сказанное позволяет определить поземельные подати, взимавшиеся на царских землях, как налог-ренту ⁴⁴. В том случае, когда царь допускал возникновение частнособственнического хозяйства, он сохранял за собой право взимать налог-ренту; впрочем, последний мог быть передан (временно или навсегда) частному собственнику. Рента могла быть и поделена; в этом случае она поступала к царю в виде налога, а к частному собственнику в виде натуральных и денежных повинностей.

Одной из важнейших проблем социально-экономической истории сирийского общества времени, предшествовавшего римскому завоеванию, является вопрос о статусе той категории населения, которая обозначается в источниках термином *λαοί*, ⁴⁵ — вопрос,

---

стр. 154; T. Z a w a d z k i, *Z zagadnień...*, стр. 15—21. Э. Бикерман видит своеобразие положения в государстве Селевкидов в том, что здесь возникала «квазисобственность» местного населения на царские земли; царь в качестве *seigneur terrien* взыскивал денежные и натуральные повинности (E. B i k e r m a n, *Institutions*, стр. 180—183). По мнению Е. С. Голубовой, царь мог продавать и дарить землю и людей либо с правом полной собственности, либо без этого права; в ряде случаев имела место не только собственность царя, но и его подчиненных (Т. В. Б л а в а т с к а я, Е. С. Г о л у б о в а, А. И. П а в л о в с к а я, *Рабство в эллинистических государствах в III—I вв. до н. э.*, М., 1969, стр. 165). При этом не ясны юридический статус проданного имущества и соотношение владельческих прав.

⁴³ M. R o s t o w z e w, *Studien*, стр. 249—250.

⁴⁴ К. Маркс писал: «Если не частные земельные собственники, а государство непосредственно противостоит непосредственным производителям... в качестве земельного собственника и вместе с тем суверена, то рента и налог совпадают, или, вернее, тогда не существует никакого налога, который был бы отличен от этой формы земельной ренты (т. е. отработочной ренты.— *И. Ш.*)» (К. М а р к с, Ф. Э н г е л ь с, *Сочинения*, изд. 2-е, т. 25, ч. II, стр. 354).

⁴⁵ На решение этого вопроса решающее влияние оказала концепция М. И. Ростовцева, согласно которой *λαοί βασιλικοί* находились целиком на положении крепостных (*adscripti glebae*), будучи прикреплены к своему поселению и участку земли, хотя они и располагали свободой передвижения, а также какой-то корпоративной организацией (M. R o s t o w z e w, *Studien*, стр. 258; M. R o s t o v t z e f f, *The Social and Economic...* стр. 507—508.) Аналогичную концепцию см.: C. B r a d f o r d W e l l e s, *Royal Correspondence*, стр. 94; E. B i k e r m a n, *Institutions*, стр. 178—179; P. J o u g u e t, *L'impérialisme Macédonien et l'hellénisation de l'Orient*, Paris, 1926, стр. 420. По мнению А. Б. Рановича, наличие корпоративной организации *λαοί* свидетельствует против их рабского или крепостного состояния; «продажа» крестьян Лаодике в известном документе означает, как он думал,

неразрывно связанный с проблемой структуры населения царской территории.

Одним из важнейших документов эллинистического времени, содержащих упоминание $\lambda\alpha\sigma\iota$, является указ Птолемея II, которым этот царь пытался ограничить порабощение свободного населения принадлежавшей ему части Сирии (PER, 24552, соотв. SB, 8008). Во вводной формуле этого указа предусматриваются следующие способы порабощения свободных: покупка, увод, захват и — что достаточно неопределенно само по себе — какой-либо иной способ порабощения. Указ требует зарегистрировать купленных $\lambda\alpha\sigma\iota$ у эконома соответствующей гипархии под угрозой штрафа и последующего наказания; он запрещает на будущее

только передачу последней тех доходов, которые поступали с царской земли в казну (А. Б. Р а н о в и ч, Эллинизм, стр. 155—156; ср.: T. Z a w a d z k i, Z zagadnień...). Напротив, по мнению А. Г. Бокщанина, $\lambda\alpha\sigma\iota$ считались царской собственностью (А. Г. Б о к щ а н и н, Парфия и Рим, М., 1960, стр. 138—140; ср.: Т. В. Б л а в а т с к а я, Е. С. Г о л у б ц о в а, А. И. П а в л о в с к а я, Рабство, стр. 178). Как полагает К. К. Зельин, основное ядро $\lambda\alpha\sigma\iota$ составляли мелкие арендаторы царской, храмовой и частных земель, полурабские издольщики (К. К. З е л ь и н, Основные черты эллинизма, — ВДИ, 1953, № 4, стр. 148). И. С. Свенцицкая замечает, что к крестьянам применялись формы внеэкономического принуждения, которые могли быть выработаны только в условиях рабовладельческого общества (И. С. С в е н ц и ц к а я, Социально-экономические особенности эллинистического общества, М., 1963, стр. 16). Особое место в литературе о $\lambda\alpha\sigma\iota$ занимают замечания А. И. Тюменева и В. В. Струве. Хотя они и не изложили, а тем более не аргументировали подробно свою точку зрения, очевидно, что для них $\lambda\alpha\sigma\iota$ составляли (каков бы ни был их социальный статус) слой населения, противопоставленный пришельцам и эксплуататорам — грекам. А. И. Тюменев («Передний Восток и античность», — «Вопросы истории», 1957, № 9, стр. 39) видел в $\lambda\alpha\sigma\iota$ βασιλικοί «местное население», составлявшее «главную рабочую силу в сельском хозяйстве Передней Азии, входившей в состав империи Селевкидов». В. В. Струве свое основное внимание сосредоточил на положении $\lambda\alpha\sigma\iota$ в Египте — тема, находящаяся за пределами настоящей работы. По его мнению, они составляли основное население египетских деревень, неоднородное в имущественном отношении (имелись как имущие, так и бедняки; см.: В. В. С т р у в е, Проблема кризиса рабовладельческого строя и генезиса феодализма, — «Вопросы истории», 1956, № 9, стр. 190). Судя по его изложению, он считал $\lambda\alpha\sigma\iota$ лично свободными. В другой своей работе, обратившись к материалам папируса SB, 8008 (В. В. С т р у в е, Общественный строй эллинистического Египта, — «Вопросы истории», 1962, № 2, стр. 83), он характеризовал $\sigma\acute{\omega}\mu\alpha\tau\alpha\ \lambda\alpha\iota\kappa\acute{\alpha}\ \epsilon\lambda\epsilon\upsilon\theta\epsilon\rho\alpha$ как «свободных представителей местного населения». Однако ни А. И. Тюменев, ни В. В. Струве не поставили вопрос о правовом и имущественном положении $\lambda\alpha\sigma\iota$ (не говоря уже о распылчатости термина «местное население»), ограничившись только весьма общими и неопределенными указаниями. Заметим также, что в нашем распоряжении нет достаточного материала для того, чтобы судить, какое место занимали $\lambda\alpha\sigma\iota$ в сельскохозяйственном производстве. Наконец, И. М. Дьяконов видит в $\lambda\alpha\sigma\iota$ класс эксплуатируемых, подвергающихся прямому внеэкономическому насилию, но не являющихся непременно частной собственностью представителей господствующего класса; по его мнению, они принципиально близки ассирийским шапку — посаженным на землю военнопленным (И. М. Д ь я к о н о в, Проблемы экономики, — ВДИ, 1968, № 4, стр. 29). Представляется, что такое определение игнорирует различие между отдельными группами $\lambda\alpha\sigma\iota$; к тому же эти последние не обязательно во всех случаях выступают в роли эксплуатируемых.

покупку или продажу свободных *λαοί*; те же, которые уже были куплены, подлежали освобождению.

Издатели и комментаторы этого текста справедливо, на наш взгляд, полагают, что в данном контексте слово *σῶμα* не означает строго юридически раба, как это имеет место во многих других случаях. По-видимому, в данном контексте оно использовано в значении, аналогичном русскому «лицо», «персона». В подтверждение такого понимания можно указать на словоупотребление надписи IG, XII, 386 из Эгиалы (III в. до н. э.), где речь идет о ночном нападении пиратов на город, во время которого они «захватили девушек, и женщин, и других лиц, и свободных, и рабов, всего более 30». И далее: «освободить лиц свободных, и некоторых из вольноотпущенников, и рабов».

Что же касается формулы *σῶμα λαϊκὸν ἐλεύθερον*, то она обычно рассматривается как обозначение свободных, принадлежавших к социальным низам и одновременно к коренному населению Сирии ⁴⁶. Высказывалось также предположение, что сочетание *σῶματα λαϊκὰ ἐλεύθερα* обозначало свободных, которые превращены в рабов ⁴⁷. Нам представляется наиболее правдоподобной трактовка лиц, упоминаемых в папирусе, не столько как свободного коренного населения, сколько как свободного населения, принадлежащего к сословию *λαοί* ⁴⁸, на что прямо указывает прилагательное *λαϊκόν*. К этому сословию могли принадлежать и люди несвободные, служившие объектом разного рода сделок. В интересующем нас документе упоминаются *σῶματα λαϊκὰ οἰκετικά*, которые могли быть проданы на законном основании. В том случае, если дознанием устанавливается, что данное лицо продано, уже будучи рабом, оно должно быть оставлено у владельца.

Из всего сказанного следует, что принадлежность к социальной группе *λαοί* не была связана с сохранением или утратой личной свободы ⁴⁹. Заметим еще, что в папирусе упоминаются катэки и

---

⁴⁶ H. Liebesny, Ein Erlass des Königs Ptolemaios II Philadelphos über die Deklaration von Vieh und Sklaven in Syrien und Phönikien, Aegyptus, t. 16, 1936, стр. 257—288; U. Wilcken, Urkunden-Referat, Archiv für Papyrusforschung, Bd 12, 1936, стр. 222; R. Taubenschlag, Papyri and Parchments from the Eastern Provinces of the Roman Empire outside Egypt, JJP, vol. 3, 1949, стр. 49—50.

⁴⁷ W. L. Westermann, Enslaved Persons Who Are Free, — AJPh, vol. 59, 1938. А. И. Павловская считает, что сочетание термина *σῶμα* с определением *ἐλεύθερον* производит впечатление соединения двух противоположных начал — рабства и свободы. «По-видимому, только по отношению к *λαοί*, — пишет она, — можно говорить о *σῶματα ἐλεύθερα* или *σῶματα οἰκετικά*, только в этой среде грани между свободой и рабством стирались и переход из одного статуса в другой происходил достаточно часто, чтобы стать ordinарным явлением и получить отражение в терминологии» (Т. В. Блаватская, Е. С. Голубцова, А. И. Павловская, Рабство, стр. 232).

⁴⁸ L. Wenger, Jüristische Litteraturübersicht IX, — Archiv für Papyrusforschung, Bd 14, 1949, стр. 185.

⁴⁹ Ср.: W. L. Westermann, The Slave Systems of Greek and Roman Antiquity, Philadelphia, 1955, стр. 52.

воины, живущие в Сирии и Финикии, женатые на женщинах λαοί; в этой ситуации они освобождаются от обязанности регистрировать их в качестве σώματα λαϊκὰ ἐλεύθερα.

Указ Птолемея II Филадельфа показывает, таким образом, что существовали две категории лиц, принадлежавших к сословию λαοί: свободные и рабы. Это обстоятельство представляется нам решающим при определении статуса проданных λαοί, с чем мы встретимся в ряде документов.

Заметим, прежде всего, что в документах, происходящих из канцелярии Селевкидов, продажа λαοί всегда оговаривается. Так, в надписи, содержащей переписку о продаже Лаодике поселения Паннукоме (OGIS, 225, соотв. WC, 18—20), указывается, что покупательница получает в собственность наряду с прочим τόποι, которые могли находиться на территории Паннукоме, с относящимися к ним λαοί со всем их имуществом. В пользу Лаодики передаются и те λαοί, которые, происходя из данных τόποι, переселились в другие места. Таким образом, владельческие права Лаодики, приобретенные ею при операции купли-продажи, распространялись не только на поселения и τόποι, но и на личность и имущество λαοί, которые служат одним из объектов сделки. Аналогия с приведенным выше документом из канцелярии Птолемея показывает, по нашему мнению, что эти λαοί были царскими рабами и только поэтому могли отчуждаться.

Своеобразие их положения заключалось в том, что они были административно связаны с определенными τόποι и через них с κοίμη, являвшимся, надо полагать, административным центром для τόποι. Эта связь, как можно было видеть, не прерывалась и при переселении λαοί из одного места в другое. Она не препятствовала передвижениям этих лиц: употребленный в надписи глагол μεταφέρωμαι по своему содержанию не дает указаний на то, что переселение λαοί на новое место жительства могло происходить в данном случае противозаконным путем; оно, следовательно, должно было иметь место только с ведома соответствующих органов царской администрации, коль скоро речь шла о лицах, зависящих от царя. Если бы переселения λαοί противоречили установленному порядку, вряд ли подобная возможность (а в документе речь идет о возможности, а не о реальной ситуации) могла быть особо оговорена. Против таких следовало бы просто принять полицейские меры для возвращения их на место. То обстоятельство, что в нашем документе трактуется лишь возможность подобного положения, объясняется, по-видимому, неосведомленностью царя: конкретное положение вещей должно было быть уточнено на месте, при воле Лаодики во владение.

Не ясно, однако, и наш источник не дает на этот счет никаких указаний, чем была вызвана связь продаваемых λαοί с τόποι, каковы причины этого своеобразного явления. Теоретически можно представить себе два пути возникновения подобной категории населения. Один из них — посадить рабов на землю, превратить

их в зависимых земледельцев. Другой — превратить на завоеванной территории находившееся там население в зависимое. В течение войн, во время которых формировались или сталкивались между собой эллинистические государства, массовые переселения, хотя бы отдаленно напомиавшие то, что в свое время проделывали ассирийские цари, не имели места. Поэтому можно предполагать, что в данном случае мы имеем дело со вторым путем.

Документы о сделке между Антиохом II и Лаодикой почти не содержат сведений о тех повинностях, которые зависимые *λαοί* должны были выполнять по отношению к их владельцам. Единственное указание, которое может быть отнесено к этому, — клаузула о передаче Лаодике доходов за текущий год в размере 30 талантов. Однако эти доходы могли поступать к царю как налоги, взыскиваемые в порядке осуществления его публично-правовой власти. Не случайно они отчуждаются только на один год: царская казна не могла при всех условиях лишиться регулярных налоговых поступлений. Повинности царских *λαοί* должны были взыматься, очевидно, помимо общегосударственных налогов.

Более подробные сведения на этот счет содержит уже упоминавшаяся (стр. 35—37) надпись Мнесимаха из Сард. Как уже говорилось, его хозяйство состояло из ряда поселений и клеров, приносивших их владельцу доход, обозначенный термином *φόρος*. В одной из клаузул этой надписи понятие *φόρος* конкретизируется: *καὶ τοῦ φόρου τοῦ ἀργυρικοῦ καὶ τοῦ ληττουργικοῦ*. Иными словами, он может быть либо денежным, либо трудовым, либо тем и другим. В связи с этим не исключено, что повинности тех зависимых *λαοί*, о которых говорится в документе Лаодики, носили как денежный, так и трудовой характер. При этом человек, переселившийся из данного τόπος, обязан был вносить свой *φόρος ἀργυρικός* в том τόπος, к которому он был приписан. Что же касается *φόρος ληττουργικός*, то переселенец, очевидно, либо вызывался для его обработки, либо вносил там же его денежный эквивалент.

Как показывают документы Лаодики и Мнесимаха, зависимые *λαοί* имели и принадлежавшее им лично имущество, в том числе, очевидно, и средства производства. Но и в этом отношении они не отличались от рабов, которые, по данным последнего документа, также располагали собственными «домами». Не случайно здесь и те и другие поставлены в один ряд: *οἰκίαι τῶν λαῶν καὶ τῶν οἰκετῶν*. Возникает в связи с этим вопрос о правовом положении таких *οἰκίαι*. Мы сталкиваемся с имуществом зависимых *λαοί* и ойкетов в тот момент, когда над ним осуществляют право собственности те, от кого они зависели. Отсюда, очевидно, следует, что обе указанные категории населения не могли владеть каким бы то ни было имуществом, которое не было бы одновременно и собственностью их владельца. В то же время кажется возможной продажа зависимых *λαοί* и ойкетов без *οἰκίαι*. В пользу такого вывода свидетельствует наличие специальной оговорки, которая

была бы излишней, если бы их продажа с имуществом была правом.

Значительный материал по интересующему нас вопросу мы находим и в надписи, содержащей переписку между Антиохом III и его преемником, с одной стороны, и Птолемеем сыном Фрасеи — с другой⁵⁰. Эта документация, найденная в Телль ал-Фирр (7 км к северо-западу от Скифополиса), подтверждает права собственности Птолемея на принадлежащие ему поселения; данная операция была необходима потому, что в результате IV Сирийской войны земли, о которых шла речь, из-под суверенитета Птолемеев перешли под власть Селевкидов. В особенности существен меморандум Птолемея сына Фрасеи (раздел IVa), в котором перечисляются различные группы поселений, принадлежавших просителю: те, что находились в его собственности, те, что были в его наследственном владении, а также пожалованные царем, возможно в условное владение (ср. по этому поводу также комментарии Ландау). Птолемей сын Фрасеи просит царя освободить эти поселения от постоев, защитить их от посягательств на имущество, а также, что для нас особенно существенно, не допускать угона λαοί. Последняя клаузула имела смысл, как нам кажется, только в том случае, если проситель был собственником λαοί, что, естественно, заинтересовывало его в сохранении их контингента. В другом меморандуме (IIIa) Птолемей сын Фрасеи просит, чтобы товары, находящиеся в принадлежащих ему поселениях, у λαοί, вывозились под контролем администраторов, назначенных Птолемеем.

Исходя из всего изложенного можно, как нам кажется, утверждать, что термином λαοί в эллинистической Сирии обозначались лица, принадлежавшие независимо от их политического статуса к особому сословию, к которому могли принадлежать как свободные, так и лично зависимые люди. Обращает на себя внимание при этом, что мы встречаемся с ними в документах, характеризующих ситуацию в землях, находящихся за пределами полисной организации, под царской юрисдикцией. Это обстоятельство позволяет думать, что термином λαοί обозначались люди, жившие непосредственно под царской властью и населявшие царские земли. Отсюда и использованный в надписи Аристодикида термин βασιλικοί — «царские люди». В том случае, когда проданная земля приписывалась к территории какого-либо полиса, единственной чертой, определявшей их положение, была зависимость от владельца, т. е. рабское состояние.

После гибели эллинистических государств свободные λαοί составили, очевидно, основную массу населения, находившегося за пределами полисной территории, а зависимые постепенно слились с рабами, от которых они фактически не отличались уже и прежде.

⁵⁰ Y. H. Landau, A Greek Inscription Found Near Hefzibah, — IEJ, vol. 16, 1966, № 1, стр. 54—70.

ОРГАНИЗАЦИЯ РИМСКОЙ ПРОВИНЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ СИРИИ

УСТАНОВЛЕНИЕ РИМСКОЙ ВЛАСТИ В СИРИИ

Римской провинцией Сирия стала в условиях, когда Селевкидская держава фактически развалилась, хотя еще имелись и даже соперничали между собой претенденты на царский трон, когда отдельные ее политические образования, в том числе и крупные полисы, приобрели политическую самостоятельность, кое-где возникли местные тирании и небольшие царства. Политическое положение в стране отличалось повышенной нестабильностью и крайней напряженностью: постоянные столкновения между выходцами из царской династии, угроза набегов со стороны бедуинов, кочевавших по Сирийской пустыне, чужеземные вторжения извне — все эти обстоятельства подрывали экономическое благосостояние Сирии и приводили к расстройству всей общественно-государственной системы. По-видимому, для того чтобы совместными усилиями защищать свои интересы, сирийские полисы объединяются. Так, Антиохия, Селевкия Пиерия и Лаодикея создают (начиная от правления Александра Баласа и кончая царствованием Антиоха VII) конфедерацию, чеканившую монеты с легендой Ἀδελφῶν διμῶν («народов-братьев») ¹. Вероятно, накануне появления на территории Сирии римских войск греческие города, находившиеся на восточном побережье Тивериадского озера и Иордана, образовали свое объединение — Декаполис ².

В этой ситуации обнаруживается естественная тяга к сильной власти, которая была бы способна создать мир и ликвидировать беспорядки, защитить от набегов и в конечном итоге обеспечить господство местной аристократии. По словам Юстина (Iust., 40,

¹ B. V. Head, *Historia Nummorum*, Oxford, 1887, стр. 656.

² J. Benzinger, *Dekapolis*, — P.-W. RE, Bd IV, Stuttgart, 1901, стлб. 2415—2417. По мнению Ф. Хайхельхайма (F. Heichelheim, *Geschichte Syriens und Palästinas von der Eroberung durch Kyros II bis zur Besitznahme durch den Islam*, — «Handbuch der Orientalistik», Abt. I, Bd II, Abschn. IV, Leiden, 1966, стр. 215), Декаполис был создан в первые годы существования провинции как заслон против возможных нападений иудеев и арабских кочевых племен пустыни. Подробную характеристику городов Декаполиса и их политическую историю до образования провинции см.: Н. Bietterhand, *Die Dekapolis von Pompeius bis Traian*, — ZDPV, Bd 79, 1963, стр. 24—58.

1, 1—4), в Сирии существовала группировка, стремившаяся включить страну в состав Понтийского царства; целью другой «партии» было присоединить Сирию к государству Птолемеев. Однако ни те, ни другие не смогли осуществить свои замыслы: царь Понта Митридат II был занят войною с Римом; Птолеми, искони враждебные селевкидской Сирии, также не казались подходящими претендентами на власть. Поэтому-то, заключает Юстин, «все» признали наиболее желательной кандидатуру царя Армении Тиграна II (*omnes in Tigranem regem Armeniae consensere*). Приглашенный на царство (*accitus in regnum Syriae*), он дал Сирии 14 лет «спокойнейшего царствования» (*tranquillissimo regno potitus est*).

Надо сказать, что версия Юстина не вполне точна. По данным Страбона (Strabo, p. 532), Тигран II овладел Сирией силой (*ἀνὰ κράτος*), переправившись через Евфрат; он должен был преодолеть сопротивление Антиоха X Благочестивого (однако попытка последнего удержать власть вряд ли может рассматриваться как народное движение, противопоставленное Тиграну); армянскому царю не удалось установить свое господство над Селевкией Пиерией (Strabo, p. 751; Eutrop., 6, 14, 2), а города финикийского побережья он сумел, как кажется, подчинить своей власти только к концу своего господства в Сирии (Fl. Ios., Antt., 13, 419—421; Plut., Lucull., 24).

Иными словами, выбор в пользу Тиграна II вовсе не был таким единодушным, каким его хочет представить Юстин; армянского царя поддерживали главным образом города континентальной Сирии, которых внутренние неурядицы и набеги бедуинских племен затрагивали более непосредственно. Не последнюю роль в определении их позиции должна была сыграть и их заинтересованность в сохранении торговых связей с Месопотамией. Города средиземноморского побережья, по-видимому, опасались, что под властью Тиграна II окажется прерванной их морская торговля; этим объясняется, вероятно, их явное сопротивление завоевателю. Тем не менее само существование движения в пользу Тиграна II едва ли может вызвать сомнения, а время его власти над Сирией (83—69 гг. до н. э.) должно, во всяком случае, рассматриваться как период относительного по крайней мере спокойствия и порядка ³.

В 69 г. до н. э. победа Лукулла над Тиграном II привела к тому, что последний автоматически перестал быть властителем Сирии, и была сделана попытка возродить государство Селевкидов. В этот момент фактического безвластия царским саном оказывается облечен сын Антиоха X Благочестивого Антиох XIII Азиатский ⁴.

³ О Сирии в составе государства Тиграна II см.: Я. А. М а н а н д я н, Тигран II и Рим, Ереван, 1943, стр. 49—52.

⁴ Юстин (Iust., 40, 2, 2) ошибочно называет его сыном Антиоха IX Кизикена; предпочтительнее по хронологическим соображениям указание Аппиана: «Антиох сын Антиоха Благочестивого».

По данным Юстина (Iust., 40, 2, 2), Антиоха XIII провозгласил царем Лукулл (ab eodem Lucullo appellatur); в таком случае могло иметься в виду создание зависимого от Рима, хотя формально и самостоятельного, государства. Однако Аппиан (App., Syr., 49) предлагает иную версию: когда Магадат, наместник Тиграна II в Сирии, вывел оттуда войска, дабы оказать помощь своему царю, Антиох XIII, тайно явившись в страну, захватил власть, которой сирийцы подчинились добровольно; Лукулл не счел возможным лишать его наследственной власти. Какая традиция соответствует реальной действительности, при нынешнем состоянии источников едва ли возможно определить, хотя против версии Юстина и говорит наличие у этого автора фактических ошибок (см. прим. 4). Так или иначе, к власти пришел Антиох XIII, и римское правительство (в данном случае Лукулл) признало этот факт.

Наши источники сохранили взаимоисключающие сведения и о последней фазе царствования Антиоха XIII. Юстин (Iust., 40, 2, 3—4) пишет, что Помпей, принявший после отстранения Лукулла командование римскими войсками на Востоке, отменил решение своего предшественника о государственном устройстве Сирии. В ответ на просьбу Антиоха сохранить за ним царскую власть Помпей заявил, что не может сделать царем человека, который, вместо того чтобы бороться с Тиграном, 14 лет провел в Киликии, а затем, после разгрома последнего, получил власть из рук римлян; Антиох не в состоянии обеспечить безопасность Сирии от набегов иудеев и бедуинов. Аппиан (App., Mithr., 106) также рассказывает о свидании Антиоха XIII с Помпеем и о его тщетных просьбах; отказ Помпея мотивирован тем, что после изгнания из Сирии Тиграна II страна принадлежит римлянам. Однако в другом повествовании Аппиана (App., Syr., 49) действия римского полководца объяснены иначе. Последний боялся, что, имея войска, Антиох добьется полной независимости; эти опасения прикрывались рассуждениями о том, что, дескать, Селевкиды, побежденные Тиграном, менее достойны властвовать над Сирией, чем римляне, победившие армянского царя. Несмотря на некоторые несущественные расхождения, традиции Помпея Трога—Юстина и Аппиана в основных чертах совпадают и отражают, очевидно, политическую линию Помпея, принципиально и последовательно отвергавшего всякие претензии Селевкидов на власть в Сирии, полностью игнорировавшего деятельность Лукулла и созданное последним административное устройство. Показательно, что при окончательном урегулировании взаимоотношений между Римом и Тиграном II было провозглашено изъятие Сирии и Финикии из-под власти Тиграна и их переход в сферу римского господства (Cass. Dio, 36, 52, 2—4; 53, 2; Strabo, 530; App., Mithr., 104—105; Plut., Pomp., 33; Eutrop., 6, 13; Vell. Pat., 2, 37; Val. Max., 5, 1, 9). Иначе говоря, именно Помпей выступал в роли завоевателя и создателя новой провинции, тогда как до

этого Сирия и Финикия рассматривались как находящиеся под властью Тиграна II. Тем самым окончательно отвергались и даже признавались незаконными притязания Антиоха XIII, если предположить, что они действительно были высказаны.

Другая версия изложена у Диодора (Diod., 40, Ia—Ib). По этому рассказу, Антиох XIII в одном из столкновений с кочевниками потерпел поражение, и его очевидное бессилие вызвало недовольство населения. В Антиохии был составлен заговор с целью свержения царя, однако последнему удалось подавить восстание, организаторы которого бежали в Киликию. Оттуда они пригласили нового претендента на власть — Филиппа II (сына Филиппа I и внука Антиоха VIII Грипа). Воспользовавшись поддержкой ^сАзиза, вождя не названного в нашем источнике бедуйского племени, Филипп II захватил власть, причем ^сАзиз возложил на него царскую диадему. Антиох XIII обратился за помощью к правителю Эмессы Самсигераму, но последний захватил Антиоха в плен и позже убил. Сам Филипп также едва избежал гибели от руки своего недавнего покровителя ^сАзиза.

Рассказ Диодора оборван на полуслове; судьба Филиппа II не выяснена. Может быть, к нему примыкает мотивировка сирийской политики Помпея, которую мы находим у Плутарха (Plut., Rompr., 39): «и, вступив в Сирию, он объявил ее как не имеющую законных царей провинцией и владением римского народа». Отсутствие «законных» царей правдоподобно объясняется гибелью обоих претендентов — Антиоха XIII и Филиппа II.

Мы вынуждены оставить открытым вопрос о том, какая традиция соответствует исторической действительности; и то и другое развитие событий одинаково вероятно⁵. Как бы то ни было, в 64 г. до н. э. Сирия, оккупированная войсками Помпея, была объявлена римской провинцией.

СИРИЯ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКИХ ВОЙН

Как известно, административно-политическое устройство провинции и ее взаимоотношения с римскими властями обычно регу-

---

⁵ В литературе неоднократно предпринимались попытки согласовать обе версии (см.: A. Bouché-Leclercq, *Histoire des Séleucides*, Paris, 1913, стр. 440—443; E. Bouchier, *Syria as a Roman Province*, Oxford, 1916, стр. 21—22; J. Dobiaš, *Dějiny římské provincie Syrske*, d. I, Praha, 1924, стр. 59—63; F. Heichelheim, *Geschichte*, стр. 137). Однако, с нашей точки зрения, подобное согласование невозможно. В самом деле: будучи в плену у Самсигерама, Антиох XIII вряд ли мог явиться к Помпею и беседовать с ним. Тем более он не мог в этом положении представлять реальную угрозу римлянам, а ведь именно это обстоятельство подчеркивает Аппиан. Обращает на себя внимание и умолчание у Аппиана и Юстина о восстании в Антиохии,⁷ а также о воцарении Филиппа II. Одно из двух: либо те или иные эпизоды никогда не имели места, либо в традиции существует пока невосполнимая брешь.

лировались специальным законом (*lex provinciae*)⁶. По-видимому, подобный закон был принят и относительно Сирии, однако в источниках он не упоминается, очевидно потому, что существенных изменений в правовой и имущественный статус населения он не вносил. Само собой разумеется, что на сирийцев была возложена обязанность вносить подати в римскую казну (*App., Mithr.*, 118; *App., Syr.*, 50; *Vell. Pat.*, 2, 37, 5). Однако налоги они должны были платить и при Селевкидах, так что для плательщиков положение по сути не изменилось.

Характеризуя деятельность Помпея в Сирии, Плутарх (*Plut., Rompr.*, 39) выделяет в ней следующие основные моменты: Помпей «основывал» города и «освобождал» некоторые из них, наказывая местных тиранов; кроме того, он принимал решения по спорным делам, которые представляли на его рассмотрение полисы и «цари». «Основание» города сводилось, насколько об этом можно судить, к тому, что Помпей принимал титул ойкиста, устанавливая тем самым зависимость городов от себя лично. Такая практика в общем соответствовала римским обычаям, по которым завоеватель становился, как правило, патроном завоеванных территорий⁷.

«Освобождение городов», сопровождавшееся наказанием тиранов, могло иметь два аспекта. Во-первых, речь шла, очевидно, о ликвидации единоличной власти в тех полисах, где она по каким-либо причинам возникла, и воссоздании полновластия (относительного, конечно) местных коллективных органов власти и магистратов. В частности,⁸ власть тиранов была ликвидирована в Библе (*Strabo*, 755) и, вероятно, в Триполи⁸. Во-вторых, могло иметься в виду и освобождение от налогов в пользу Рима. В связи с этим большой интерес представляют данные Евтропия (*Eutrop.*, 6, 14), согласно которым Помпей «одарил свободой» (*libertate donavit*) Селевкию Пиерию за сопротивление, оказанное Тиграну. В данном случае, конечно, речь идет о налоговом иммунитете. Разрешая конфликты и споры, Помпей, несомненно, стремился создать в провинции обстановку внутреннего мира. Сведения, сохраненные Евтропием (*Eutrop.*, 6, 14), позволяют выявить еще один важный аспект деятельности Помпея в Сирии. Воспроизводя традицию, восходящую к Титу Ливию, Евтропий рассказывает, что Помпей наделил Дафне, т. е. в конечном итоге Антиохию, некоторым количеством поросших лесом земель. Иными словами, Помпей, располагая «царской» землей, которая теперь

⁶ W. T. Arnold, *The Roman System of Provincial Administration to the Accession of Constantine the Great*, Oxford, 1906, стр. 26—29.

⁷ Э. Бушье полагает, не ссылаясь на источники, но опираясь, по-видимому, на указания Плутарха, что Помпей основал «несколько новых городов» в Келесирии (*E. Bouhier, Syria*, стр. 23). Вряд ли, однако, эти сведения следует понимать буквально: какие-либо города, действительно основанные в Сирии Помпеем, нам неизвестны.

⁸ Ср.: J. Dobiasz, *Dějiny*, стр. 75—76,

попала в руки Римского государства, использовал эти фонды для того, чтобы предоставлять землю отдельным сирийским городам.

Все эти действия преследовали одну цель: превратить Сирию в надежный плацдарм дальнейшей римской экспансии на Восток. Политика Помпея имела и другой, более глубокий, смысл — закрепление и поощрение эллинистических традиций и норм полисной организации общества, которые существовали при Селевкидах⁹. Эта последняя тенденция сохраняется и при стабилизации, наступившей после окончания Гражданских войн.

Крайняя неустойчивость политического положения, характерная для периода Гражданских войн, резко отрицательно сказывалась на жизни сирийского общества. Борьба между различными претендентами на власть приводила к тому, что налоги взыскивались без какой бы то ни было системы и в огромных размерах; изменения политической ситуации приводили в ряде случаев к ограблению полисов под предлогом «наказания» за ту или иную их позицию в предшествующий момент; парфянские вторжения также способствовали разорению страны. Кроме того, враждебные отношения с Парфией чрезвычайно затрудняли торговлю с Месопотамией, что также отрицательно сказывалось на благосостоянии сирийских городов.

Правда, проконсул Сирии в 57—55 гг. до н. э., Авл Габиний, предпринял шаги, направленные, на первый взгляд, на облегчение налогового гнета, создавая в провинции почти непреодолимые трудности для публиканов. По словам Цицерона (Cic., *De pr. con.*, 5, 10), он не принимал для судебного разбирательства дела, возбуждавшиеся публиканами (*ius publicano non dicere*), отменял контракты с ними (*pactiones sine ulla iniuria factos rescidit*), не давал им личную охрану (*custodias sustulit*), широко осуществлял освобождение от податей (*vectigalis multos ac stipendiarios liberavit*), наконец, запрещал публиканам и их «рабам» находиться в городе, куда прибывал сам. Об этом же говорит и традиция, восходящая к Титу Ливию (Cass. Dio, 39, 59, 2): откупщики не имели возможности собирать подати. Такая политика наносила явный ущерб всадническому сословию, и не случайно Цицерон в своей обвинительной речи против Габиния особенно мрачными красками рисовал положение публиканов, которых проконсул «отдал в рабство иудеям и сирийцам, народам, рожденным для рабства». Однако действия Габиния объясняются, очевидно, прежде всего и главным образом соображениями внутриримской политической борьбы: его враждебностью к всадникам¹⁰. К тому же этот эпизод был слишком кратковременным. В дальнейшем различные повороты внутренней и внешней политики Рима приводили только к усилению налогового гнета. Да и самого Габиния его политические противники, по-видимому, не без основания обви-

⁹ Там же, стр. 69.

¹⁰ Ср. по этому поводу также: J. Dobiasz, *Dějiny*, стр. 105—106; S. J. de laet, *Portorium*, Brugge, 1949, стр. 86—87.

няли в том, что он ограбил провинцию (ср. Cic., Pro Sestio, 43, 93; Cass. Dio, 39, 55, 5).

Первым наступление за Евфрат предпринял в 54 г. до н. э. М. Лициний Красс; как известно, оно закончилось ужасающим поражением римских войск при Каррах в июне 53 г.¹¹ Эта кампания оказала известное влияние на положение дел в самой Сирии. По свидетельству Плутарха (Plut., Crass., 17), римский полководец взыскивал с населения налоги (очевидно, речь идет об экстраординарных платежах), захватил имущество храма в Гелиополе, проводил мобилизацию коренного населения во вспомогательные войска. После гибели Красса провинция оказалась фактически открытой для вторжения парфянских войск. Уже в 53 г. до н. э. военные действия были перенесены на ее территорию; в 52 г. римляне отражают наступление парфян на Антиохию; в 51 г. до н. э. Антиохия осаждается парфянами, и только в 50 г. последние оказываются вынужденными покинуть страну.

Во время войны между Цезарем и Помпеем Сирия была на стороне последнего. Сирийские контингенты находились в его войсках, в том числе и во время битвы при Фарсале (App., Bella civ., 2, 71). Сирия служила важным поставщиком продовольствия и денег для армии Помпея; Цезарь (Caes., Bell. civ., 3, 32) говорит о жестокости и злоупотреблениях, с которыми взыскивались в этот момент налоги, однако он хочет, по-видимому, скомпрометировать в глазах своего читателя Помпея и его сторонников. Насколько рассказ Цезаря в этой части соответствует действительности, мы не имеем возможности определить.

После битвы при Фарсале (49 г. до н. э.) и поражения Помпея Сирия становится внешне цезарианской. Перед отъездом с Востока Цезарь рассматривает претензии сирийских городов и принимает решения по их жалобам. Некоторые города усваивают фарсальскую эру, что должно было подчеркнуть их приверженность новой власти. Тем не менее именно Сирия была ареной выступления помпеянцев в самые последние годы цезарианской диктатуры, именно здесь Кв. Цецилию Бассу, человеку, совершенно неизвестному в римском обществе, удалось привлечь на свою сторону солдат одного из расквартированных в стране римских легионов, занять Апамею и успешно отразить все попытки цезарианских властей подавить восстание¹². В конце концов они были постав-

¹¹ Подробно о парфянском походе Красса см.: J. Dobiaš, Dějiny, стр. 120—130; А. Г. Бокшанин, Битва при Каррах, — ВДИ, 1949, № 4, стр. 41—50; е го ж е, Парфия и Рим, ч. II, М., 1966, стр. 45—59.

¹² К сожалению, сведения античной традиции о Кв. Цецилии Бассе крайне противоречивы. По-видимому, отсутствие достоверной информации о нем (ср. Cic., Ad fam., 12, 18, 1: «откуда этот, не знаю кто, Цецилий Басс объявился» — *exumperet*) компенсировалось, как обычно, более или менее правдоподобными слухами, которые воспроизводятся нашими источниками. Аппиан (App., Bella civ., 3, 77) излагает две версии. Согласно одной из них, Цецилию Бассу Цезарь поручил «заботу» (ἐπιμέλειαν) о легионе, расквартированном в Сирии для обороны от парфян; формально командующим этим

лены перед необходимостью приступить к осаде города, затянувшейся вплоть до гибели Цезаря.

Каким было в подобной ситуации поведение сирийцев? Дион Кассий, говоря о захвате Кв. Цецилием Бассом Тира и Апамеи, употребляет выражения, позволяющие думать, что речь идет о насильственном захвате этих городов (Cass. Dio, 47, 26, 7; id., 47, 27, 1). Не исключено, следовательно, что сирийские города выступление Басса не поддержали. В то же время в качестве союзника Басса выступил один из арабских вождей, Алхавдоний (Cass. Dio, 47, 27, 3). На помощь Бассу явились и парфяне.

В марте 44 г. до н. э. Цезарь был убит, и новая вспышка ожесточенной классовой и политической борьбы в Риме резко изменила положение Сирии. Если буквально накануне восстание Кв. Цецилия Басса можно было рассматривать как досадный, но в общем (на фоне огромной державы) малозначительный эпизод и надеяться на более или менее быструю его ликвидацию, то теперь Басс представал как реальная политическая сила, на которую могли опереться противники цезарианского режима (Cic., Ad fam., II, 1, 4). Это обстоятельство, а также исключительно благоприятное положение Сирии как естественного тыла в средиземноморском регионе было назначен родственник Цезаря Секст Юлий. Последний во время одного из столкновений с Цецилием был убит взбунтовавшимися солдатами, которые заставили и самого Цецилия принять участие в своем выступлении (см. также App., *Bella civ.*, 4, 58). По другой версии, которую Аппиан приписывает Либону (Титу Ливию?), Кв. Цецилий Басс был помпеем, после поражения обосновался в Тире, подкупил солдат Секста Юлия и побудил их, убив своего командира, выступить против Цезаря под его, Цецилия, командованием. Подробно, хотя и с некоторыми отклонениями от Аппиана, этот вариант разрабатывает Дион Кассий (Cass. Dio, 47, 26). По его повествованию, Кв. Цецилий Басс принадлежал ко всадническому сословию, служил в войсках Помпея (ср.: Liv., Per., 114: *Caecilius Bassus eques Romanus Pompeianarum partium*), после битвы при Фарсале скрывался в Тире. Составив заговор с целью захвата власти, Басс был арестован, однако вскоре отпущен на свободу. После этого он сумел распространить слух о гибели Цезаря в Африке и, подделав официальный документ, объявил, что предполагаемый победитель будто бы поручил ему управление Сирией. Нанеся поражение Сексту Юлию, Кв. Цецилий Басс привлек после его гибели легион на свою сторону. Ср. также Zon., 5, 8: «Цецилий Басс, один из сторонников Помпея, убил Секста Цезаря по злему умыслу, а сам захватил власть». Близкий к Диону Кассию рассказ мы находим и у Иосифа Флавия (Fl. Jos., Antt., 14, 268): Цецилий Басс, один из помпеянцев (εἰς τὸν τὰ Πομπηίων φρονούντων), организовал заговор против Секста Юлия и убил его, а затем возглавил войска последнего и захватил власть (ἐκράτει τὸν πραγμάτων). Какая из этих версий наиболее достоверна, установить при современном состоянии источников не представляется возможным. Определенно известно только, что Кв. Цецилий Басс возглавил выступление легиона, находившегося в Сирии, против власти Цезаря. Совпадение в основных чертах ливийской (у Диона Кассия и, возможно, вторая версия Аппиана) традиции с преданием, восходящим к Николаю Дамасскому (у Иосифа Флавия), позволяет предполагать, что некий общий для них прототип представлял собой наиболее распространенное и, очевидно, принятое придворной историографией Августа изложение хода событий. И. Добиаш положил именно ее в основу своего рассказа; см. J. Dobiaš, *Dějiny*, стр. 168—179.

земноморском конфликте превратили Сирию в один из объектов ожесточенной борьбы между цезарианцами и республиканцами.

Как известно, уже через день после гибели диктатора, 17 марта 44 г. до н. э., по предложению Цицерона римский сенат утвердил все распоряжения Цезаря, в том числе и те, которые были сделаны на будущее. Соответственно пропретором Сирии был назначен один из руководителей заговора, бывший помпеянец Г. Кассий Лонгин, тот самый, который после гибели Красса руководил обороной Сирии от парфянского нашествия. Вступить в должность ему следовало по окончании претуры в Риме, но события развернулись иначе. После народных волнений во время похорон Цезаря Кассий и Брут в начале апреля 44 г. до н. э. бежали из Рима. Стремясь заставить их покинуть Италию, Антоний, один из руководителей цезарианцев, добился сенатского постановления, которым и тому и другому было поручено ведать поставками хлеба в Рим (Cic., *Ad Att.*, 15, 9, 1), причем Кассий должен был находиться в Сицилии. При такой ситуации, естественно, ставилась под сомнение его власть над Сирией. Следующим шагом в этом направлении было решение, принятое в июле 44 г. до н. э. при активном, как пишет Аппиан, сопротивлении сената (App., *Bella civ.* 4, 57): Кассий назначался наместником второстепенной провинции Кирены (Cic., *Phil.*, 2, 38 et 97; App., *Bella civ.*, 3, 8; *id.*, 4, 57; Cass. Dio, 47, 21), а правителем Сирии в ранге проконсула был назначен видный клеврет Антония Долабелла. В результате республиканцы оказывались в клещах; неудивительно, что, предвидя близкую гражданскую войну, Кассий не подчинился и явился в Сирию, теперь уже не как легальный наместник, но как политический деятель, открыто порвавший с римской цезарианской администрацией.

Естественно, что Кв. Цецилий Басс оказался лишним и после некоторого сопротивления (Cic., *Ad fam.*, 12, 12, 3) был вынужден уступить: его войска перешли под командование Кассия (Cic., *Ad fam.*, 12, II, I; ср. App., *Bella civ.*, 3, 78; Cass. Dio, 47, 28), а сам он навсегда исчез с политической арены. Подчинились Кассию и воинские части, совсем недавно осаждавшие Апамею, а также другие легионы, расквартированные в Сирии.

Тем не менее Долабелла не отказался от борьбы. Явившись в Сирию, хотя и слишком поздно, он попытался овладеть Антиохией, был отброшен от ее стен и в конце концов закрепился в Лаодикее. Оттуда Долабелла напал на Арад, имея целью ограбить город и захватить флот, но и здесь потерпел неудачу, а во время отступления был разгромлен Кассием. Последний осадил Лаодикею — единственный оплот Долабеллы — с моря и суши и затем с помощью подкупленных центурионов, начальников дневной стражи, которые открыли ему ворота, овладел городом. Долабелла покончил с собой. Кассий, таким образом, стал хозяином положения в Сирии.

Какова была в этой ситуации позиция сирийских городов?

Напав на Антиохию, Долабелла был отброшен ее гарнизоном; наш источник (Cass., Dio, 47, 30, 2) имеет в виду, несомненно, находившиеся в городе воинские части. В рассказе не упоминаются какие-либо действия самих антиохийцев. В другом повествовании о попытке Долабеллы ограбить Арад (Cass. Dio, 47, 30, 2) объектом его устремлений показаны граждане этого города: «чтобы и у них (арадян.— *И. III.*) взять и деньги, и корабли». Исходя из этого можно думать, что и сопротивление грабителям, о котором идет речь далее (Cass. Dio, 47, 30, 3), было организовано гражданами города. Это можно было бы считать проявлением антицезарианских настроений Арада, если бы не специфические обстоятельства, в которых он оказался. В другой ситуации, когда Арад вместе с другими городами Финикии должен был занять четкую позицию, предпринять определенные политические шаги в пользу Кассия, мы видим, что он, как и большинство финикийских полисов, от подобных действий воздерживается. Аппиан (App., *Bella civ.*, 4, 60—61) рассказывает, что, приступая к осаде Лаодикеи, Кассий «послал за кораблями и в Финикию, и в Ликию, и на Родос», но получил отказ. Один лишь Сидон выполнил его требования. То, как Аппиан об этом говорит («презренный остальными, кроме сидонян»), позволяет думать, что почти все финикийские города считали республиканцев слишком слабыми претендентами на власть, чтобы связывать с ними свое будущее. Видимо, эта их позиция заставила Кассия создавать повсеместно в Сирии тирании (в Тире — единоличное правление Мариона; подобные режимы насаждались и в других городах, см. Fl. Ios., *Antt.*, 14, 297), рассчитывая с помощью таких ставленников укрепить свое положение в провинции. Можно в связи с этим думать, что помощь, которую Кассий в конце концов получил от Тира и Арада (App., *Bella civ.*, 4, 61), была ему оказана уже после установления в обоих этих городах тираний¹³.

Наши источники определенно выявляют цезарианские симпатии Лаодикеи. Аппиан (App., *Bella civ.*, 4, 60) пишет, что лаодикейцы «были дружески расположены к нему», т. е. к Долабелле. Дион Кассий (Cass. Dio., 47, 30, 2) говорит, что Долабелла занял город без боя, и объясняет этот успех следующим образом: «благодаря их (граждан Лаодикеи.— *И. III.*) дружеским чувствам, которые они испытывали к предыдущему Цезарю». Захватив Лаодикою, Кассий жестоко ее разгромил (App., *Bella civ.*, 4, 62), разграбив храмы и городскую казну, подвергнув казням местную знать, а на остальных наложив тяжелейшие подати. Аппиан отмечает, что город дошел до предела бедствий¹⁴.

¹³ И. Добиаш также полагает, что установление тиранических режимов в сирийских городах способствовало быстрейшему сплочению сирийцев вокруг Кассия. См.: J. Dobias, *Dejini*, стр. 185.

¹⁴ Дион Кассий иначе изображает судьбу Лаодикеи (Cass. Dio, 47, 30, 7), говоря, что Кассий ничего не сделал лаодикейцам дурного, кроме взыскания денег, и не наказал в этом городе никого из своих противников. Здесь очевид-

В целом, как можно видеть, обстановка в Сирии не была для республиканцев благоприятной: горожане, если и не высказывали явно враждебных настроений, за исключением Лаодикеи, тем не менее старались обнаруживать свой нейтралитет, выжидая дальнейшего развития событий. Налоговая политика Кассия, которую наши источники характеризуют как «тяжелейшую» (ср. Zon., 5, 8), также вряд ли могла способствовать популярности его режима.

Осенью 42 г. до н. э. в битве при Филиппах республиканцы были разгромлены, а Сирия, как и весь Восток, оказалась под властью Марка Антония, который должен был прежде всего изыскать денежные средства и расплатиться с солдатами. Выполняя эту задачу, новый правитель сначала потребовал, чтобы восточные полисы, в том числе и сирийские, внесли ему в течение одного года подать за десять лет (App., *Bella civ.*, 5, 5); лишь уступая настойчивым просьбам представителей этих городов, он согласился несколько уменьшить размеры и увеличить сроки платежа. Теперь города должны были в течение двух лет внести девятигодичный налог (App., *Bella civ.*, 5, 6). В дальнейшем (App., *Bella civ.*, 5, 7) наш источник особо подчеркивает, что Антоний наложил на Сирию тяжелые подати (ср. App., *Bella civ.*, 5, 10). Единственное исключение составила Лаодикея, объявленная «свободной» и получившая налоговый иммунитет в награду за поддержку, которую она оказала Долабелле.

Другая проблема, стоявшая перед Антонием в связи с организацией нового наступления на Парфию, — создание прочного сирийского тыла. Аппиан (App., *Bella civ.*, 5, 7) упоминает о том, что Антоний изгнал тиранов, правивших сирийскими городами, и далее объясняет этот поступок тем, что во время событий, последовавших за гибелью Красса, тираны были союзниками парфян. Этим же целям служил, очевидно, и поход Антония против Пальмиры (App., *Bella civ.*, 5, 9). Немалую роль в такой политике Антония должно было сыграть и желание устранить ставленников Кассия.

Следует заметить, что на поведение Антония заметное влияние оказала Клеопатра, рассчитывавшая руками его легионеров восстановить былое могущество птолемеевского Египта. Передав значительную часть Сирии под власть Клеопатры (Fl. Jos., *Antt.*, 15, 95), он фактически ликвидировал последствия III Сирийской войны¹⁵.

Между тем в конце 41 или в начале 40 г. до н. э. парфяне, опередив Антония, вторглись в Сирию и заняли почти всю провинцию, кроме Тира. Только в 39 г. до н. э. у Тавра Вентидий Басс

на благоприятная для Кассия тенденция источника (J. Dobiaš, *Dějiny*, стр. 195), однако и Дион Кассий вынужден отметить, что Кассий взыскивал в Лаодикее деньги, и это, конечно, перекликается с рассказом Аппиана об ограблении городских и храмовых имуществ.

¹⁵ Ср.: J. Dobiaš, *Dějiny*, стр. 251—254.

нанес поражение парфянам, а в 38 г. до н. э. разгромил их вторично в сражении при Гиндаре. Весной 36 г. до н. э. Антоний сам двинул войска против Парфии — через Армению в Мидию, однако успешное наступление противника вынудило его отступить. В 34 г. до н. э. Антоний повторил поход, ограничившись на сей раз только Арменией, и, захватив в плен тамошнего царя Артавазда, справил триумф в Александрии ¹⁶.

В целом развитие Сирии в период Гражданских войн характеризуется заметной политической нестабильностью; ее административное устройство, налоговая система, принципы, на которых основывались взаимоотношения местного населения с властями, хотя они и должны были соответствовать римским обычаям, не отличались достаточной устойчивостью и определенностью. Положение слишком часто изменялось, и зависело оно от крайне изменчивой ситуации в Римском государстве в целом, а также от той политической линии, которой придерживались те или иные деятели, каким-либо способом захватывавшие власть в провинции.

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ СИРИИ В ИМПЕРАТОРСКУЮ ПРОВИНЦИЮ. РИМСКАЯ ВОЕННАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ

2 сентября 31 г. до н. э. в битве у мыса Акциум была решена судьба стран средиземноморского бассейна. В самом начале сражения Марк Антоний покинул свои войска, которые после непродолжительного сопротивления перешли на сторону его противника, Октавиана. Утвердив свое господство на Востоке, завоевав в 30 г. до н. э. Египет, Октавиан стал единовластным хозяином всей Римской державы — от Рейна и Пиренейского полуострова до Евфрата и верховьев Нила.

Своеобразная политическая система, созданная Октавианом Августом и просуществовавшая более двух столетий (принципат), по своей природе была военной диктатурой, обеспечивавшей как в самом Риме, так и за его пределами, в Италии и провинциях, господство крупнорабовладельческой и землевладельческой аристократии. Эту диктатуру удалось оформить как «укрепление» старинных республиканских, полисных по своей природе институтов, как фиктивное народовластие, при котором фактический правитель систематически занимал важнейшие выборные должности и надеялся, сверх того, правами и полномочиями высших магистратов (*imperium*), народных трибунов (*tribunicia potestas*), а также

¹⁶ Подробно о политике Антония в Сирии и вообще на Ближнем Востоке см.: J. Dobiaš, Dějiny, стр. 237—282; H. Buchheim, Die Orientpolitik des Triumvirn M. Antonius, Heidelberg, 1960. В особенности существенно замечание Х. Буххайма, согласно которому сирийские города (не одна только Пальмира) пытались лавировать между Римом и Парфией и враждебно относились к антипарфянской политике Антония. Характеристику дипломатических отношений между Римом и Парфией в период Гражданских войн см.: K.-H. Ziegler, Die Beziehungen, стр. 32—36.

авторитетом первого сенатора (*auctoritas*) и правом рекомендовать на выборные должности угодных ему людей¹⁷. В результате он получал возможность оказывать решающее влияние на все сферы государственной и общественной жизни. Столкновения императоров с сенатом были вызваны тем, что некоторые из них пытались придать своей власти чисто монархическую окраску, проявляли чрезмерное, с точки зрения сенаторов, самовластие и деспотизм. Как показывают обстоятельства, при которых к власти пришла династия Антонинов, никакой альтернативы политическому строю, возникшему после окончания Гражданских войн, сенат не имел.

Однако в организацию провинций и в управление ими, в частности в организацию и управление Сирией, принципат внес некоторые важные изменения. Как известно, существо этих изменений заключалось в том, что целый ряд провинций (среди них и Сирия) были изъяты из-под контроля сената и объявлены императорскими. Иными словами, на этой территории устанавливалась самодержавная, не прикрытая какими-либо республиканскими институтами власть Августа и его преемников, располагавшими здесь собственным, отделенным от республиканского аппаратом управления, который возглавлялся наместником, в Сирии — легатом в ранге пропретора¹⁸.

Значение этого, чисто административного по своим внешним признакам акта трудно переоценить. Во-первых, император выступал как наследник и прямой продолжатель прерванных местных доримских монархических традиций, в Сирии — традиций селевкидской государственности. Во-вторых, сам император оказывался в двойственной и внутренне противоречивой роли. Создание императорских провинций, каковы бы ни были мотивы этого акта (по-видимому, Август руководствовался стремлением закрепить за собой власть в стратегически важных районах Средиземноморья), по сути дела, отрицало самые основы политики республиканской, хотя бы и фиктивной, реставрации. Оно явилось первым шагом на пути становления системы домината.

Особую роль в социально-экономической и политической жизни Сирии сыграло создание в середине 20-х годов I в. до н. э. колоний римских ветеранов — Берита и Гелиополя¹⁹. Причины их основа-

¹⁷ Развернутую характеристику принципата см.: M. Hammond, *The Augustan Principate*, Cambridge (Mass.), 1—33; A. von Premerstein, *Vom Werden und Wesen des Prinzipats*, München, 1937; H. A. Машикин, *Принципат Августа*, М. — Л., 1949; L. Wickert, *Principes*, — P. W. RE, Bd XXII, Stuttgart, 1954, стлб. 1998—2296 (там же обзор предшествующей литературы). Ср. С. Л. Утченко, Юлий Цезарь, М., 1976, стр. 345—347.

¹⁸ Ср.: W. T. Arnold, *The Roman System*, стр. 120—122. Список легатов Сирии см.: E. Honigman, — «Syria», стлб. 1629—1630.

¹⁹ Литература, посвященная римским колониям в Сирии, крайне невелика по объему; она рассматривает исключительно проблемы искусствоведческие и историко-религиозные. Единственная тема за пределами этого круга, занимающая специалистов, — вопрос о взаимоотношениях на раннем этапе истории Гелиополя и Берита, о возможной зависимости первого от второго. Так, А. Х. М. Джонс полагает, что первоначально Гелиополь находился

ния очевидны; само это событие не выходит за рамки общей политики Августа как непосредственно в Италии, где он создал 28 колоний, так и в провинциях. По официальным данным, восходящим непосредственно к императору, помимо Сирии колонии ветеранов были выведены в Нарбоннскую Галлию, обе Испании, Африку, Сицилию, Македонию, Ахайю, Азию и Писидию (RgdA, 28, 1—2). Август стремился удовлетворить ветеранов Гражданских войн, причем не только денежными раздачами, но и наделением земель. Не случайно в документе, который подводил итог всей его политической деятельности, он специально останавливается именно на этом вопросе: более 300 тыс. человек были направлены в колонии или поселены в муниципии по прежнему месту жительства, все они получили земельные наделы и денежные награды (RgdA, 3, 3). Заметим здесь же, что землями были наделены не только ветераны Августа, но и солдаты Антония и Лепида (Hugin., *De lim.*, p. 177); тем самым социальная база Империи была еще более расширена. Август особо подчеркивает, что он оплатил земли, отобранные у прежних владельцев, для наделения ветеранов (RgdA, 16, 1). Этот исключительный в своем роде поступок, долженствовавший предотвратить взрыв недовольства в Италии и провинциях, потребовал громадных денежных затрат.

Эта политика, охарактеризованная в «Деяниях божественного Августа» в самых общих чертах, нашла свое конкретное воплощение и в Сирии, при основании Берита и Гелиополя. Примечательной местной особенностью является, пожалуй, только то обстоятельство, что в одном случае Август воспользовался незаселенной территорией. Римская колония Берит была создана на территории финикийского города, разрушенного Трифоном в ходе ожесточенной борьбы за власть против Деметрия II и Антиоха VII Сидета (Strabo, p. 756; Euseb., II, p. 142m; ср. Sync., p. 593, 17); здесь были поселены выходцы из V Македонского и III Августова ле-

---

на территории, подвластной Бериту, и, следовательно, административно подчинялся последнему (A. H. M. Jones, *The Cities of the Eastern Roman Provinces*, Oxford, 1937, стр. 289). К этой точке зрения присоединился и О. Эйссфельдт (O. Eissfeldt, *Tempel und Kulte syrischer Städte in hellenistisch-römischer Zeit*, Leipzig, 1941, стр. 38). Однако в 1924 г. Э. Хонигман, опираясь на изыскания Виннефельда, указывал, что уже при Августе и, во всяком случае, при императорах династии Юлиев — Клавдиев Гелиополь получил титул *colonia Iulia Augusta Felix Heliopolitana* (E. Honigman, *Heliapolis*, — P.-W. RE, Supplementband IV, Stuttgart, 1924, столб. 715—728); подобное обозначение, как он обоснованно замечал, несовместимо с представлением о зависимости Гелиополя от Берита. Ф. Фиттингхофф, аргументируя эту концепцию и принимая, что Берит и Гелиополь были колониями, административно независимыми одна от другой, отметил легенды монет из Гелиополя, содержащие указанный выше титул города, который свидетельствует, по его словам, что колония была основана самим Августом как самостоятельная административно-политическая единица (F. Vittinghoff, *Römische Kolonisation und Bürgerrechtspolitik unter Caesar und Augustus*, Wiesbaden, 1951, стр. 134—135; ср.: H. Seyrig, *Antiquités syriennes*, 57. *Questions héliopolitaines*, — *Syria*, t. 31, 1954, стр. 93). Из принятого Хонигманом и Фиттингхоффом решения исходит и Ж.-П. Рэй-Кокэ (JMI, VI, стр. 35). Нам оно также представляется наиболее правдоподобным.

гионов. Иначе обстояло дело в Гелиополе, история которого уходит в глубь эллинистического и, возможно, доэллинистического периодов; для основания колонии это поселение было аннексировано из владений правителей Итуреи²⁰. Создание колонии именно в этом пункте способствовало приобщению римлян к местным, наиболее почитаемым культам, их превращению из инородной массы в органическую составную часть сирийского населения.

Выведение колоний римских ветеранов должно было послужить созданию определенной социальной базы императорской власти и, более того, опорных пунктов римского господства в стране, что особенно было важно на подступах к Итурее²¹. Наряду с этим колонии играли заметную роль в укреплении зависимости местных сирийских правителей от римских властей. Как показывают надписи из Гелиополя, датируемые I в., среди многочисленных нитей, которыми эти правители были связаны с Римом, помимо предоставления римского гражданства имелось и провозглашение их патронами колоний. Среди патронов Гелиополя мы находим царя Агриппу (JMI, VI, 2759; первая половина I в. н. э.), который чествуется следующим образом: «[царю] великому Ar[рип]ше, благочестивому, другу Цезаря и другу римля<н>, патрону кол<онии>, на общес<твенный счет> сооружено» ([regi] magno Ag[ri]p[ae] pio philocaesare et philoromae<o> patrono col<oniae> pub[lice] factum). По справедливому указанию Л. Армана и Ж.-П. Рэй-Кокэ (см. комментарий к надписи), это могли быть либо Агриппа I, либо Агриппа II; и тот и другой носили одинаковые титулы. Еще один патрон, известный по надписи JMI, VI, 2760,— царь Эмессы Гай Юлий Сохэм («царю великому Г<аю> Юлию Сохэму с<ыну> великого царя Самсигерама, другу Цезаря и другу [р]имлян» — philo[r]ohmaeo). Он, согласно этому тексту, был почтен консульскими знаками отличия (honorat[o] ornamentis] consularib[us]), а в самой колонии занимал высшую муниципальную должность думвира квинквеннала (<duum>viro quinquenn<ali>)²². Обращает на себя внимание, что если первая надпись воздвигнута publice, т. е. на общественный счет, то вторая устанавливается от имени частного лица — Луция Вителлия сына Луция Соссиана из Фабиевой

²⁰ O. Eissfeldt, *Tempel und Kulte*, стр. 36—38.

²¹ Ср.: F. Vittinghoff, *Römische Kolonisation*, стр. 138. А. Н. Шервин-Уайт, однако, сомневался в том, что создание римских колоний в Берите и Гелиополе было вызвано военной необходимостью. См.: A. N. Sherwin-White, *The Roman Citizenship*, Oxford, 1939, стр. 174.

²² Л. Арман считает возможным (высказывая свое предположение в форме вопроса), что в надписи мог иметься в виду либо Сохэм, ставший царем итуреев в 39 г. н. э. (Cass. Dio, 59,12; Тас., Ан., 12, 23), либо тот, который при Нероне и Веспасиане был царем Эмессы (Тас., Hist., 2,81; Тас., Ann. 13, 7). См.: L. Harmand, *Le patronat sur les collectivités publiques des origines au Bas-Empire*, Paris, 1957, стр. 282. Вторая точка зрения кажется нам предпочтительнее. Как показывает материал, собранный Л. Арманом, аналогичное явление (провозглашение зависимого от Рима царя патроном колонии) имело место и в западной части Империи: так, мавританский царь Юба II был патроном Нового Карфагена (CIL, II, 3417).

трибы. Такой поступок свидетельствует, несомненно, о личных связях между последним и царем Эмессы (он же — патрон колонии).

Провозглашение местных династов патронами колонии могло иметь помимо отмеченной еще одну цель: укрепить положение самой колонии (и это определялось характером взаимоотношений между патронами и клиентами в римском обществе), обезопасить ее от возможных нападений кочевников и т. п. Примечательно, что *tabulae patronatus*, собранные и классифицированные Л. Армандом²³, как правило, оговаривают взаимные *hospitium* и *fides* (узы гостеприимства и верности); хотя соответствующие материалы, которые бы происходили непосредственно из Сирии, еще не обнаружены, эти взаимосвязи (*hospitium* и *fides*), несомненно, должны были существовать и в отношениях между Гелиополем, с одной стороны, и Агриппой и Гаем — с другой.

Политика Августа определила направление развития Сирии почти на два столетия. Она создала обстановку политической стабильности и мира, которые не нарушались ни сколько-нибудь значительными выступлениями народных масс внутри провинции, ни вторжениями извне. Войны с Парфией на протяжении более чем 150 лет разыгрывались за пределами Сирии — на территории Армении и Месопотамии. Только в 161 г. парфянам удалось снова вторгнуться в Сирию, однако уже зимой 162—163 гг. они вновь были оттуда изгнаны.

Эта обстановка «римского мира», естественно, способствовала росту благосостояния и процветанию провинции; она способствовала и нарастанию социальных изменений и сдвигов, приведших в конечном итоге к тому социально-политическому кризису, первые грозные симптомы которого наблюдаются уже в конце II в.

---

²³ L. H a r m a n d, *Le patronat*.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СТРОЙ СИРИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ЭПОХИ ПРИНЦИПАТА

Земельные отношения

Проблема земельных отношений на территории императорской Сирии I—III вв. до сих пор в полном ее объеме не ставилась ни в советской, ни в зарубежной историографии. Обычно указывают на существование в Сирии крупного (в том числе императорского) и мелкого землевладения, отмечается и существование арендных отношений¹. Однако все эти выводы делаются на основании сравнительно поздних и, как правило, случайно подобранных источников. Они не устраняют необходимости заново исследовать весь материал, относящийся к данной проблеме, тем более что неясно, насколько достоверны полученные таким способом итоги. К тому же подобные общие положения не раскрывают правового статуса отдельных категорий земель и потому не дают возможности судить о специфических особенностях сирийского землевладения и землепользования. Единственная попытка классификации сирийского земельного фонда интересующего нас времени принадлежит, насколько нам известно, перу Ф. Хайхельхайма, который, применяя к Сирии периода принципата критерии, разработанные М. И. Ростовцевым для селевкидского времени, выделял земли клерухов, ветеранов, эпифитевтические, храмовые и императорские, а также владения полисов². Но и здесь не выяснен вопрос о соотношении различных форм собственности и владения, а потому картина оказывается искаженной.

Земельные отношения на полисных землях

Являясь важнейшей и наиболее стойкой политико-административной единицей сирийского общества I—III вв., полис осуществлял свою власть, как правило, над более или менее обширной тер-

¹ M. R o s t o v t z e f f, *The Social and Economic History of the Roman Empire*, Oxford, 1926, стр. 244—247; А. Б. Р а н о в и ч, *Восточные провинции Римской империи в I—III вв.*, М.—Л., 1949, стр. 145—146.

² F. H e i c h e l h e i m, *Roman Syria*, — «An Economic Survey of Ancient Rome, ed. T. Frank», vol. V, Baltimore, 1938, стр. 145. П. Петти отмечает, что в Сирии, как и в Малой Азии, присвоение земли (императорской и ветеранов) происходило в формах, унаследованных от эллинистического времени. См.: P. P e t i t, *La paix romaine*, Paris, 1967, стр. 320.

риторией за городской стеной. Еще в памятнике III в., *Res gestae divi Saporis* (цит. по изданию: A. M a r i c q, *Res gestae divi Saporis*, — «*Syria*», t. 35, 1958, pp. 295—360), в той его части, где рассказывается о походе Шапура I на Сирию, упоминаются разграбленные этим последним сирийские города «с окрестностью»: Аната, Бирта Аспорака, Сура, Барбалик, Гиераполис, Берэя, Халкида, Апамея, Рефанея, Зевгма, Урима, Гиндар, Ларменаза, Селевкия, Антиохия, Карра, еще одна Селевкия, Александрия, Никополь, Синдзар, Хамат, Ариста, Дихор, Долиха, Дура, Куркусион, Германикия, Батна, Ханар. «Окрестность» города в каждом отдельном случае — несомненно его полисная округа.

Обладание подобной территорией может быть отмечено и для городов, имевших ярко выраженный торговый характер, заинтересованных в развитии торгового судоходства, какими были, например, финикийские полисы. Так, Страбон (p. 753) упоминает ἡ τῶν Ἀραδίων παραλία. Арриан (Агг., *Anab.*, 2, 13, 8) сообщает, что под властью царей Арада находились такие поселения, как Марафон, Сигон, Мариамма, которые он именует полисами. Интересна и титулатура, которую приводит Арриан (Агг., *Anab.*, 2, 13, 7) — «царя арадян и соседей Арада». Это словупотребление позволяет прийти к выводу, что царство Арад и территория полиса Арад в определенные периоды не совпадали между собой, и в частности в конце IV в. до н. э. Сведения Страбона (p. 753), однако, показывают, что существовала тенденция к тому, чтобы содержание обоих понятий становилось идентичным. Упомянув «Марафон — древний разрушенный полис финикиян», Страбон добавляет, что его земли, а также соседнее земельное владение Симира захватили арадяне. Очевидно, земли, составлявшие ранее округу Марафона, теперь вошли в округу Арада, и это положение сохранялось в I в.

Известна и Платана — поселение сидонян, находившееся, очевидно, на их территории (Fl. Ios., BJ, I, 539). Во владения Тира наряду с другими территориями входил и район Кармела (Fl. Ios., BJ, 3, 35).

Подобное положение наши источники позволяют проследить и для других районов Сирии. Так, говоря о Лаодикее, Страбон (pp. 751—752) упоминает, что она имела округу, особенно пригодную для развития виноградарства. Гора, возвышавшаяся над городом, была, по словам Страбона, почти до самой вершины покрыта виноградниками. Это обстоятельство привело к известной специализации сельскохозяйственного экспорта Лаодикей; наш источник отмечает, что большая часть вина, поступавшего в Александрию, ввозилась из Лаодикей.

Обширная и богатая сельская округа имела у Апамеи (Strabo, p. 752). Особенно важно указание автора, согласно которому на территории этой округи находились многочисленные укрепленные поселения. Ее граница проходила по реке Марсии, отделявшей земли Апамеи от тетрархии Назеринов (Plin., NH, 5, 81).

В нашем распоряжении имеются две надписи, в которых даются названия поселений, расположенных на территории, принадлежащей Апамее. Одна из них (SEG, XIX, 648) упоминает сирийца из поселения Капрозабадаев. В другой, происходящей из Гелиополя (SEG, XIX, 893), речь идет о сакральном помещении, которое принадлежит «поселению Эльфана апамейцев». Обращают на себя внимание прежде всего (и это находит хорошую аналогию в документах из Дура-Европос) семитские названия поселений: Καπροζαβαδαίων соответствует kpr' zbdy' — «поселение дареное» и Ἐλφάνα — 'l rnh — «бог явился». Человек, происходящий из первого, носит арабско-сирийское имя Ἀζίζος Ἀγρίπα. Мы вынуждены оставить открытым вопрос о том, были ли жители этих поселений одновременно и гражданами Апамеи или же они являлись всего только подданными этого города. Показательно, однако, что Ἀζιζ Агриппа, называемый в данном надгробии «сирийцем», не мог при жизни (а надпись, несомненно, воспроизводит прижизненный этникон) указать непосредственно на свое апамейское происхождение. Он должен был воспользоваться сложной описательной формулой, содержащей название поселения, которое находилось «в пределах» Апамеи. Таким образом, можно признать весьма правдоподобным, что Ἀζιζ Агриппа, будучи гражданином поселения, существовавшего на территории Апамеи, не был в то же время гражданином города. Иными словами, приведенные надписи показывают, что в Апамее имелось не только греческое, но и семитское (арамейско-сирийское, возможно, и арабское) население, и, если наша интерпретация этникона в SEG, XIX, 648 соответствует действительности, были не только полноправные члены гражданского коллектива, но и жители сельскохозяйственных поселений, не входившие в его состав. Судя по тому, что, согласно этой надписи, Ἀζιζ Агриппа окончил свои дни в городе Августа Треверорум (совр. Трир), вряд ли есть основания говорить о личной зависимости этого неполноправного населения.

Множество поселений находилось и на территории Антиохии (Liban., II, 230—231)³. Из них была наиболее известной Дафне, находившаяся в 40 стадиях от Антиохии, — поселение, которое Страбон определяет как κατοικία μετρία. В источниках упомянуты и другие поселения. Как справедливо отмечает Г. Л. Курбатов, сельская округа, официально входившая в состав Антиохии, занимала значительную часть Северной Сирии, а область, экономически к ней тяготевавшая, значительно превосходила размеры этой χώρα. По указанию Страбона (p. 751), Антиохия непосредственно граничила с землями Коммагены, Апамеи и Кирры; ее территория орошалась реками Аркевтом, Оронтом, Лаботом и Энопаром. Эти

³ Cp.: G. H a d d a d, Aspects of Social Life in Antioch in the Hellenistic-Roman Period, Chicago, 1949, стр. 5—6; G. D o w n e y, Ancient Antioch, Princeton, 1963, стр. 16; A. H. M. J o n e s, The Cities of the Eastern Roman Provinces, Oxford, 1937, стр. 270; Г. Л. К у р б а т о в, Ранневизантийский город, Л., 1962, стр. 15.

сведения Страбона показывают, между прочим, что данные Либания не только характеризуют современное ему положение вещей, но и рисуют достоверную картину и более раннего периода; со времени Страбона размеры антиохийской округи сколько-нибудь существенно, по-видимому, не изменились. Археологическое обследование Северной Сирии, в том числе и Антиохены, позволило обнаружить там остатки многочисленных поселений римского времени, в том числе и I—III вв. ⁴.

Согласно указанию Кассия Диона (78, 37, 3), которое относится к началу III в. н. э., одно из поселений антиохийской округи находилось от полиса на расстоянии 180 стадий, т. е. 22,2 мили.

Описание Пальмиры, дошедшее до нас в «Естественной истории» Плиния Старшего (5, 88), также свидетельствует о наличии под властью этого города обширной территории. В пальмирском пошлинном тарифе (CIS, II, 3913) неоднократно упоминаются «границы» Пальмиры (ὄρια Παλμυρηνῶν; в арамейском варианте tḥwnyh). Найденные Д. Шлюмберже и опубликованные в 1939 г. ⁵ пограничные надписи позволили определить пограничную полосу этой территории. Судя по надписям, как показал их издатель, пункт Каср ал-Хайр представлял собой пограничную точку между Пальмирой и Эмессой; другой пункт — Хирбет ал-Балаас — также находился на границе Пальмиры с каким-то ее соседом. В этом месте границы устанавливались и подтверждались многократно. В первый раз это было сделано Кв. Метеллом Кретином Силаном, который был легатом Сирии с сентября 11/12 по сентябрь 16/17 г. ⁶. После этого граница подтверждалась Траяном (около 102 г.); решение о границе Пальмиры в Хирбет ал-Балаас принималось также Адрианом, очевидно, во время его поездки в Пальмиру, и подтверждалось после его смерти Антонином Пием в начале декабря 153 г. Видимо, данная граница в течение длительного времени была и, несмотря на многократные подтверждения, продолжала оставаться спорной. По правдоподобию предположению Д. Шлюмберже, граница Пальмиры может быть реставрирована следующим образом: на севере и северо-востоке — вдоль течения Евфрата, затем по степному району Ресафа на юг к Хирбет ал-Балаас, оттуда на Хирбет ал-Файе и через Каср ал-Хайр по равнине ад-Дау ⁷.

В результате тщательного обследования северо-западной Пальмиры Д. Шлюмберже показал, что на этой территории существовали поселения скотоводов-кочевников, переходивших к оседло-

⁴ G. Tchalenko, Villages antiques de la Syrie du Nord. — Le massif de Belus à l'époque Romaine, vol. I—II, Paris, 1953.

⁵ D. Schlumberger, Bornes frontières de la Palmyrène, — «Syria», vol. XX, 1939, стр. 43—47.

⁶ Grog, Q. Metellus Creticus Silanus, — P.-W. RE, Halbbd. 5, Stuttgart, 1897, стлб. 1212, № 90; «Prosopographia Imperii Romani», ed. 2, vol. 1, стр. 250.

⁷ D. Schlumberger, Bornes, стр. 69; ср.: его же, La Palmyrène du Nord-Ouest, Paris, 1951, стр. 127 sqq.

му образу жизни⁸. Значительный интерес представляет в этой связи описание Пальмиры в «Географии» Клавдия Птолемея (5, 15, 24). Оно содержит перечень «полисов», находящихся на данной территории; так как речь идет о «городах Пальмиры», можно считать, что они в течение длительного времени были под властью Пальмиры и статуса самостоятельного полиса не имели. В уже упоминавшемся выше тарифе (CIS, II, 3913) сельские поселения обозначены термином *qru'* и соответственно *χωρία*. В одной из надписей, найденных в Хирбет-Файруане⁹, имеется посвящение *lgdh du qrut'* — «Гадде поселения». Аналогичное посвящение *lgd' du qrt'* опубликовал в 1962 г. Ж. Старки¹⁰.

Значительная сельская территория имела и в Дура-Европос. Происходящие оттуда документы содержат сведения о продаже земель на территории поселений, находившихся под юрисдикцией властей Дура-Европос. Акты, связанные с землями, входившими в эти *κῶμαι*, оформлялись в Дура-Европос и хранились в местном архиве. Среди них может быть, например, упомянуто поселение Тетир (DEPP, 17A); некое поселение, название которого, правда, не удается установить, встречается и в DEPP, 20. Одним из действующих лиц документа DEPP, 25 является некий Лисий сын Лисия, проживающий *ἐν Ναβαγάτοις κῶμη(ι) τῆς περὶ Γαβαλεῖν ὑπαρχείας*. Однако то обстоятельство, что последняя клаузула противопоставлена этнониму «из Европоса», видимо, свидетельствует против того, что Набагаты входили в территорию Дура-Европос, тем более что в этом документе речь идет о продаже эпифитевтической, т. е. неполисной, земли. Характерно в этой связи и указание на то, в какой гипархии расположено данное поселение, находившееся, видимо, вне пределов полисной юрисдикции вообще. Можно думать, что на территории Дура-Европос были поселения Сахара-да-Аваре (DEPP, 26), Оссекома (DEPP, 31). Очевидно, этот список не полон.

Аналогичное явление наблюдается и в Заиорданье. Поздний источник (Hier., In Obad., v. 19) называет областью Герасы всю территорию, которую древнеиудейская традиция считала владением племени Гилеад. При всей сомнительности подобного отождествления оно показывает тем не менее, что Гераса, а наряду с нею, видимо, и другие города Десятиградия владели обширными сельскохозяйственными территориями.

⁸ D. Schlumberger, La Palmyrène.

⁹ D. Schlumberger, La Palmyrène, № 42.

¹⁰ J. Starcky, Deux inscriptions palmyréniens, — «Mélanges de l'Université Saint-Joseph», vol. 38, pt 2, 1962, стр. 132—139. Нам представляется ошибочным мнение М. И. Ростовцева (M. Rostovtzeff, Roman Empire, Oxford, 1926, стр. 247—248), который видел в Пальмире, как и в некоторых других сирийских городах, образование, структурно близкое к Боспорскому царству с его столицей Пантикапеем (ср. также: А. Н. М. Jones, The Cities, стр. 267). Более точна оценка Э. Бушье (E. Bouchier, Syria as a Roman Province, Oxford, 1916, стр. 140—141), считавшего отдельные образования на территории Пальмиры обычными структурными ячейками полиса.

Все это показывает, что сирийские полисы не могли быть крупными центрами сельскохозяйственного производства.

Имеющиеся в нашем распоряжении источники позволяют специально охарактеризовать земельные и имущественные отношения в Пальмире (по косвенным данным), Дура-Европос (на основании деловых документов), в Антиохии (хотя источники, относящиеся к этому городу, дают основания лишь для ретроспективных умозаключений).

К характеристике земельных и имущественных отношений в Пальмире I—III вв. Многочисленные пальмирские надписи I—III вв. почти не содержат данных, которые позволили бы проанализировать имущественные отношения в Пальмире этого времени. Даже знаменитый пошлинный тариф (CIS, II, 3919) не дает прямых указаний на этот счет. Однако косвенные сведения, которые можно почерпнуть из пальмирских надписей различных типов — в том числе подписей к почетным статуям, надгробиям и т. п., — позволяют с большей или меньшей вероятностью характеризовать не только имущественные отношения между семьями, но и, что особенно важно, отношения внутри семьи и рода. Важнейшим объектом собственности здесь, как и повсеместно, была земля.

Некоторую, правда отрывочную, информацию мы имеем и о характере сельскохозяйственного производства в Пальмире. В надписях, происходящих из сельской округи Пальмиры, неоднократно упоминаются сады (gny'). Так, в уже упоминавшейся (стр. 64)) надписи из Хирбет Файруане наряду с посвящением «Гадде поселения» содержится посвящение lgd' dy gny' — «Гадде садов». В другой надписи из Хирбет Абу Духура (238—239 гг.) также читается сочетание знаков gny... — очевидно, «сады»¹¹. Наконец, в одной из надписей, опубликованных Ж. Старки, имеется посвящение «Гадде садов» (lgd' dy gny') и ряду других богов¹². Отсюда можно сделать вывод о распространении в Пальмире садоводства.

Дополнительные сведения об этой отрасли сельскохозяйственного производства дают пальмирские тессеры, неоднократно упоминавшие вино (hmr)¹³, а его изготовление, видимо, составляло существенную часть деятельности лиц, в распоряжении которых находились сады и, естественно, виноградники. Интересно, что в ряде тессер обозначены сорта вин: «новое вино» (hmr hdt; RTP, 701—702), «густое вино» (hmr... qšr; RTP, 699—700), а также некий, ближе пока не поддающийся определению, сорт густого вина, которое названо hmr... qšr bsmk' (RTP, 694—697). Возможно, различие связано в данном случае со способом изготовления последнего — использованием специальных давилen (smk').

¹¹ D. Schlumberger, La Palmyrène, № 42, 56.

¹² J. Starcky, Deux inscriptions, стр. 124—132.

¹³ RTP, 39, 526, 694—702, 707—708.

Согласно пошлинному тарифу (CIS, II, 3913), основными предметами ввоза из сельской округи на территорию города Пальмиры было продовольствие, обозначенное в греческом тексте: τὼν βρωτῶν и в пальмирском: t^cmt'. Подобного рода производство, как показывает пример самых различных обществ античного мира, приводит в конечном итоге к возникновению индивидуального хозяйства, на базе которого после прекращения переделов земли складываются частнособственнические отношения.

Непосредственно из Пальмиры мы не имеем прямых данных, которые бы показали, насколько эти процессы были характерны для ее сельскохозяйственной территории. Чтобы попытаться представить себе характер земельных отношений в этом районе, приходится обратиться к анализу других пальмирских надписей: среди них наибольший интерес представляют надгробия, содержащие упоминания о различных имущественных сделках, объектами которых могли стать и были мавзолеи¹⁴. Любопытно, что в применении к последним надписью из Базурийе (март 171 г. н. э.) засвидетельствован термин 'hd'¹⁵, закономерно соответствующий еврейскому 'ahuzzā' — слову, обозначающему в Библии наследственное родовое землевладение, которое не могло отчуждаться за пределы рода иначе как с правом последующего выкупа сородичами или при условии возвращения в Юбилейный год¹⁶. В послевоенный период разница между родовой и благоприобретенной (miqnā) земельной собственностью фактически стерлась (Тосефта, Арахин, 5, 6) и оказывается действенной только в наиболее консервативной сакральной сфере (ср.: Мишна, Арахин, 3, 2). По аналогии можно предполагать, что и в Пальмире имел место подобный процесс; обозначая погребение термином 'hd', автор надписи стремится показать тем не менее, что оно в соответствии с традиционными взглядами представляло собой неотчуждаемое родовое имущество.

Известные и опубликованные до настоящего времени пальмирские надписи могут содержать запретительные формулы различных типов. Один из них представлен надписью CIS, II, 4218: «И никто пусть не открывает над ним нишу эту навечно. И пусть не будет у него потомства и покровителя (gr) навечно, и да не будет оказана справедливость (wl' uqšt) тому, кто откроет ее, вечно, и хлеб, и водой пусть он не насытится». Подобного рода клаузулы, конечно, не связаны с деловыми операциями; их цель заключалась в том, чтобы обеспечить неприкосновенность погребения, за-

¹⁴ Подробное описание пальмирских погребальных сооружений см.: H. Ingholt, *Five Dated Tombs From Palmyra*, Berytus, vol. 2, 1935, стр. 57—120; R. A m y, H. S e y r i g, *Recherches dans la nécropole de Palmyre*,—«Syria», vol. 17, 1936, стр. 228—266.

¹⁵ J. S a n t i n e a u, *Textes funéraires palmyréniens*,—«Revue Biblique», t. 39, 1930, стр. 520—549, № 14.

¹⁶ Подробно см.: И. Ш. Ш и ф м а н, *Земельные отношения в Палестине в первой половине I тысячелетия до н. э.*,— ВДИ, 1965, № 4, стр. 26—41. Там же и предшествующая литература вопроса.

щитить его от возможного нападения грабителей-святотатцев. Это явление засвидетельствовано уже для глубокой доэллинистической древности многочисленными финикийскими¹⁷ и ранними арамейскими¹⁸ надгробиями, хотя формуляр тех и других дословно с приведенной выше надписью не совпадает.

Другой тип запретительных формул содержит запрещение отдельных деловых операций. Обращает на себя внимание, в частности, надпись CIS, II, 4214. Греческий текст этого документа гласит: «Памятник этот я построил и освятил для сыновей и внуков мужского пола, с тем чтобы никоим образом они не принимали сюда компаньона, согласно тому, как я написал». К этому близок и пальмирский текст: «Погребение это, которое я построил для сыновей и внуков мужского пола (dkryn), и они не будут иметь право ни отчуждать, ни принимать в компанию в него (wl' yhw [sl]tyn 'w lb'g 'w l' hbwg' hh), согласно тому, как я написал». Аналогичные указания мы находим в надписях CIS, II, 4215 («не позволено никому отчуждать»), 4217.

Следует заметить, что подобное явление не было специфически пальмирским, хотя в отличие от надписей, происходящих из других местностей, пальмирские не сохранили сведений о штрафах за нарушение воли строителя погребения.

Это запрещение имело определенное практическое значение. При его отсутствии, согласно нормам местного пальмирского права, мавзолеи могли служить объектом сделок, которые обобщаются в дошедших до нас надписях глаголами 'hbr и rḡq.

Сделка типа 'hbr засвидетельствована надписью CIS, II, 4211 (август 137 г.). Ниже приводится перевод ее греческого текста: «Юлий Аврелий Евтих сын Аггайя принял в качестве компаньона в надземной части Гая Юлия Гермейя, брата его. Они вдвоем, построив, обновили ее на свои средства, для себя, и для сыновей, и для внуков, и в честь сыновей Маена, брата их. В месяц доос, год 548». Пальмирская часть этой надписи сильно повреждена; сохранились только первые три строки: «Юлий Аврелий Евтих сын Хаггайя сделал компаньоном ('hbr) в надземной части (b'lyt') погребения этого Гая Юлия Гермейя, брата его, который...».

Братья, о которых идет речь в данной надписи, не располагали, по-видимому, общей собственностью; их совместное владение было оформлено как сделка между двумя контрагентами, экономически друг от друга независимыми. Перед нами, следовательно, эпизод, связанный с выделением из большесемейной общины мелких

¹⁷ Укажем, например, на надпись Ахирама Библского (KA1, 1; И. Н. В и н н и к о в, Эпитафия Ахирама Библского в новом освещении, — ВДИ, 1952, № 4), царя Библа Иехавмилка (CIS, I, 1, соотв.: KA1, 10), а также царя сидонян Табнита (KA1, 13; M. L i d z b a r s k i, Handbuch der nordsemitischen Epigraphik, Bd I, Weimar, 1898, стр. 417).

¹⁸ Например, в надписях из Нераба (KA1, 225—226; M. L i d z b a r s k i, Handbuch, Bd I, стр. 445), датируемых VII в. до н. э. См. об этих надписях также: П. К. К о к о в ц о в, Древнеарамейские надписи из Нераба, ЗВРАО, т. 12, 1899, стр. 145—178.

хозяйственных ячеек и приобретением последними экономической и правовой самостоятельности. Это доказывается, в частности, надписью CIS, II, 4197 (81 г.), где речь идет об обновлении погребения лицами, родственные связи между которыми не указаны. Гипотеза о родстве между этими лицами, предложенная в комментарии к надписи, текстом не подтверждается.

Две другие надписи (CIS, II, 4194 и 4195) сообщают об аналогичных сделках Лишамша сына Лишамша сына Тайме. Этот человек сделал своими компаньонами ('hbr) Сарайа сына Забде^сата сына 'Ат'акаба, которому предоставил в марте 181 г. экседру и шесть погребальных ниш (gwmḥy'), а также Боне сына Булха сына Иакрура, получившего восемь ниш. Подобные операции производились и с погребением Юлия Аврелия Мале в 183 и 215 гг.

Другой тип сделок в пальмирских надписях обозначен глаголом ḡḥq, обычное значение которого — «быть удаленным», «удалять»¹⁹. Эта операция засвидетельствована, в частности, серией надписей, опубликованных П. К. Коковцовым, из погребения Мегарет ал-Джадиде (CIS, II, 4171—4175)²⁰ и датировемых 160 г. и 191 г. н. э. П. К. Коковцов отметил, присоединяясь к точке зрения Ш. Клермон-Ганно²¹, что пальмирское ḡḥq представляет собой буквальный перевод греческого ἐξέστησατο («отказался», «лишился»), — термина, обозначавшего операции, связанные с отчуждением имущества²². Между тем использование термина ḡḥq в документах, происходящих из Элефантины, показывает, что в данном случае имело место не изобретение специального арамейского термина для передачи греческого, но совпадение двух юридических традиций — местной, арамейскоязычной и эллинистической. Интересно в связи с этим, что в билингве из погребения Насраллат²³ пальмирскому ḡḥq соответствует греческое ἐξέχωρῃεν. Подобная операция засвидетельствована и в одной из надписей, изданных в 1930 г. Ж. Кантино²⁴. В переводах опубликованных им надписей П. К. Коковцов глагол ḡḥq передавал русским словом «усту-

¹⁹ В документах из Элефантины засвидетельствован термин mḡḥq, которым, как показал А. Верджер, обозначалось удаление объекта сделки из сферы правомочий субъекта сделки. Интересно, что здесь данный термин не касается юридической квалификации сделки. То обстоятельство, что в Пальмире слово ḡḥq обозначает один из видов сделок, следует признать результатом длительного предшествующего развития. См.: A. Verger, *Ricerche giuridiche sui papiri aramaici di Elefantina (Studi semitici, 16)*, Roma, 1965, стр. 84—85; R. Yaron, *Introduction to the Law of the Aramaic Papyri*, Oxford, 1961, стр. 81—82.

²⁰ П. К. Коковцов, Новые арамейские надписи из Пальмиры, ИРАИК, т. 8, стр. 302—329; его же, К пальмирской археологии и эпиграфике, ИРАИК, т. 13, 1908, стр. 277 сл.

²¹ Ch. Clermont-Ganneau, *Recueil d'archéologie orientale*, vol. V, Paris, 1902, стр. 104—105.

²² П. К. Коковцов, Новые арамейские надписи, стр. 308.

²³ H. Ingholt, *Five Dated Tombs*, стр. 110. Ср. аналогичное употребление глагола ἐξέχωρῃεν и в надписи, опубликованной Р. Ами и И. Сеяригом (R. Amy, H. Seyrig, *Recherches*).

²⁴ J. Cantinneau, *Textes funéraires*, № 38.

пил». Однако юридическое содержание сделок обоих типов до сих пор не раскрыто. Рассмотрим в связи с этим некоторые их особенности.

Как показывают многочисленные надписи (наряду с погребениями из Мегарет ал-Джадиде упомянем, например, погребения, изданные Х. Ингхольтом)²⁵, в сделках второго типа, обозначаемых термином ḡḡq, прежний владелец терял власть над отчуждаемой частью мавзолея; лицо, приобретавшее эту часть, могло, в свою очередь, передать часть приобретенной им доли третьим лицам. Объектом таких многочисленных переуступок была, в частности, гробница Малику, многочисленные надписи из которой мы находим в публикации Х. Ингхольта. Все это позволяет прийти к выводу, что операции, обозначавшиеся термином ḡḡq, предполагали, что новый владелец приобретал право господства над приобретенным имуществом, пользования им и отчуждения. Иными словами, речь идет о существовании частной собственности на погребения.

Сделки, обозначавшиеся термином 'ḥbr (параллельно греческое *χοινωνὸν λαβεῖν*), судя по этимологии пальмирского термина и его греческому эквиваленту, имели несколько иной юридический смысл. Можно предполагать, что речь шла здесь не только о выделении участка, но прежде всего о принятии в долю, иными словами, о возникновении коллективной собственности на имущество, являющееся предметом сделки. Каждому участнику сделки предоставлялся для индивидуального пользования определенный участок совместного владения. В рамках коллективной собственности складывается частное владение. Во II в. н. э. в юридическом статусе владений этого рода выявляется знаменательная особенность. Сделки 'ḥbr теперь оформляют не только принятие в коллектив, являющийся собственником данного имущества, но и в полном смысле слова продажу этого имущества. В одной из надписей, опубликованных в 1930 г. Ж. Кантино, пальмирскому 'ḥbr соответствует греческое *ἐξέδωκεν* — «уступил» (текст датируется апрелем 191 г. н. э.)²⁶. Иными словами, разница между обоими типами сделок медленно стирается; коллективная собственность также постепенно перестает существовать.

Особый интерес представляют две надписи, содержащие копии или изложения (более точно представляется затруднительным определить) соответствующих деловых документов. Одна из них, надпись из погребения Малику, опубликованная Х. Ингхольтом в 1962 г., датируется 214 г.²⁷ Ее текст гласит: «В месяц элул, год пятьсот двадцать пятый. Юлий Аврелий Йеди^cбел, прозываемый Мазбана, сын Юлия Аврелия Анина. Я предоставил запись руки моей Юлию сыну Аврелия ^cУгайлу сына Апрахат, вольноотпущен-

²⁵ H. Ingholt, *Five Dated Tombs*, стр. 57—120.

²⁶ J. Cantineau, *Textes funéraires*, № 4B.

²⁷ H. Ingholt, *Palmyrene Inscription From the Tomb of Malku*, — «Mélanges de l'Université Saint-Joseph», vol. 38, 1962, pt 2, стр. 101—119.

ника (br hry) Забдибола, так как он не умеет писать, в том, что заявил он Юлию Аврелию Агриппе сыну Агтапа, вольноотпущенника Гелиодора сына Йархибола, что он предоставил ему (lwt lh) долю в помещении (brbw^{ct}'), которая находится против трех ниш (gwmhyn) Агриппы, на тех условиях (mdⁿ kl lmtl dy), что половину он взял как свою долю (mnt^h), половину свою, пространство (rwh') до трех ниш его, что он будет оберегать... И он не будет иметь права (wl' yh' šlyth) расширять свою долю в помещении (lmr^h l'lw^h c'l rbw^{ct}') каким-либо способом, и если он пожелает, чтобы были сооружены на его стороне какая-либо насыпь (hw^lwh mdⁿ), камень или стена известковая (ktl dy hwr') или глиняная (hmgyⁿ), так, чтобы увеличил он свою сторону. Юлий Аврелий Неша сын Бар^cатеа, свидетель; Юлий Аврелий Йарихбола сын Малику, свидетель».

По своему типу сделка, о которой идет в данной надписи речь, принадлежит к категории ghq. Сравнение с документом Мур. 30 показывает, что метод определения границы отчуждаемого участка в данной надписи, равно как и в других текстах, содержащих подобные клаузулы, совпадает с методом определения границ продаваемого участка земли. Есть основания в связи с этим полагать, что образцом при составлении документов об отчуждении части погребения служили документы о купле-продаже земли.

Другая надпись, содержащая аналогичный текст, происходит из Базурийе и датируется мартом 171 г. ²⁸. Текст этого документа гласит: «В месяц ийар, год 482. Шалма дочь Булха сына Боррофа, вместо (bmqmwt) cУгайлу сына Боррофа, мужа ее, и поручитель (wgnstš) Йадай сын Кайлайа заявляют (mwdy') Малику сыну Мукайму сына cОге, что она получила от него серебра сто двадцать денариев и вместо них (wthwt hln) дала ему и передала (yhb^t lh wb^{ct}dt) по^lловину доли, находящейся в ее собственности (p^lllgwt mnt' 'hd' dydh), из трех участков пещеры погребения (mn mnwn tlt dy m^{ct}rt' dy dqbw^r'), которая была дважды в записи... выход твой из места печали через долю твою (šmlk) ²⁹ открыт в сторону востока, вместе с (bšwtpwt) Малику... и участие (wšwtpwt) cУгайлу, мужа ее. И доля каждая — три локтя, которую отдала она Малику и...». Этот текст особенно интересен тем, что он указывает на дееспособность при известных условиях женщины.

Рассматриваемые документы состоят из следующих разделов: датировочная формула, упоминание контрагентов, изложение существа сделки, упоминание свидетелей. Изложение существа сделки содержит, в свою очередь, следующие клаузулы: подтверждение самого акта отчуждения, указание границ отчуждаемых участков, запрещение увеличивать размеры отчуждаемого участка. Оба документа выдержаны как изложение заявления, сделан-

²⁸ J. C a n t i n e a u, Textes funéraires, № 14.

²⁹ Ср. арабское šaml^{un} — «отделение», «нечто отделенное». См.: A. d e B i b e r s t e i n - K a z i m i r s k i, Dictionnaire Arabe-Française, Paris, 1846, стр. 1272.

ного продавцом и обращенного к покупателю. Сравнение с материалами, происходящими из Элефантины ³⁰, показывает, что этот формуляр восходил к местной, доэллинистической традиции.

Разобранный выше материал является надежным, хотя и косвенным, указанием на существование в пределах Пальмирены частной собственности на землю, возможность ее отчуждения и концентрации.

Земельные отношения в Дуре-Европос. До нас дошла целая серия документов, происходящих из Дуре-Европос, близких хронологически и территориально к разобранному выше пальмирским материалам и обнаруживающих почти тождественную ситуацию.

Среди них должен быть прежде всего отмечен опубликованный Ж. Т. Миликом иудейско-арамейский пергамен, найденный в Башне Лучников и датированный 200 г. ³¹. Как отмечает издатель, характер этого текста, составленного из многочисленных фрагментов, еще не ясен; сам Ж. Т. Милик склонен думать, что пергамен представляет собой завещание, содержащее различные хозяйственные указания, в том числе и по вопросам земледелия.

В тексте упоминается пальма (tmr'), однако предписания, касающиеся ее, не ясны. Вслед за этим речь идет об орошении смоковниц ('rwy 'yln[yl]). Кроме того, вероятно, в документе имелось предписание, касающееся сакральной десятины ([^c]šyry[n d^c]srh) со всех сортов зерновых культур (mn kl gnsyh[wn dlzr^cyl]). Рекомендуется засеять поле «летним зерном» (zr^ch [dlqyt^cl]), т. е., по-видимому, зерном летнего урожая, которое отличалось особенно высоким качеством, а также орошать его. Предполагается, что «садовник» (gnyh; может быть, подразумевается управляющий хозяйством, хотя слово prns и отсутствует?) доставит зерно в течение трех дней — ячмень (š^cr[yl]) и остальной урожай (wš^cl'lw^cylt). В данном пункте имеется в виду, как нам кажется, доставка зерна в амбары землевладельца после завершения уборочных работ. Если распахивается поле, заросшее тростником (byt syg-ly), рекомендуется засеять его ячменем (š^cry) и обильно орошать.

Как видим, автор сочинения, реконструированного и изданного Ж. Т. Миликом, обращает свои рекомендации к предполагаемому владельцу сложного хозяйственного комплекса. Здесь и пальмовая плантация, и смоковницы, и зерновые культуры; предполагается возможность обработки заброшенных земель (эпифи-

³⁰ Как известно, контрагенты в документах из Элефантины вводятся формулой: «сказал X сын У-а Z-у сыну N», а самый документ представлял собой, как правило, запись заявления одного из контрагентов, в котором излагается существо сделки и обязательства, которые он должен выполнить; обязательства другого контрагента предполагаются выполненными уже до составления сделки (см.: R. Y a g o n, Introduction, стр. 7—26). Эта схема сохранялась еще во II в. н. э. (И. Д. А м у с и н, Арамейский контракт 134 г. н. э. из окрестностей Мертвого моря, Древний мир, М., 1962, стр. 202—213).

³¹ J. T. M i l i k, Parchemin judéo-araméen de Doura-Europos, an 200 ap. J. C., — Syria, t. 45, 1968, стр. 97—104.

тевзис?). Такая вилла на городской территории Дура-Европос отнюдь не была единичным явлением. Укажем, в частности, на документ DEPP, 15: на земельном участке, служащем объектом сделки, находятся деревья, дом со службами, сады и «все, связанное с ним». Однако об абсолютных размерах подобных villas, равно как и о соотношении крупного и мелкого землевладения, мы пока не осведомлены.

Среди земель, которые в Дура-Европос служили объектами купли-продажи, отчетливо выделяются три группы. Одна из них — *χωρά* (DEPP, 17, соотв. D. Pg., 2; DEPP, 26, соотв. D. Pg. 101), другая — земля, относящаяся к категории *γῆ ἐπιφύτευτική* (DEPP, 25, соотв. D. Pg. 23). Имеется в документах из Дура-Европос и термин *κλῆρος* — «доля», однако в дошедшем до нас тексте отчуждается только его часть (DEPP, 15, соотв. D. Pg. 1). То обстоятельство, что земли всех названных категорий могли служить объектами купли-продажи без каких бы то ни было оговорок и ограничений, показывает, что правовой статус их во II—III вв. был уже однотипен. Особенно существенно, что в документе DEPP, 15 речь идет о продаже части клера; несомненно, он и до того служил объектом купли-продажи и фактически был раздроблен. Наблюдаемые в документах терминологические различия отражают, по нашему мнению, не явления, реально существовавшие к моменту составления этих актов, но факты более или менее отдаленного прошлого; эти расхождения сохранились пережиточно и не имели юридического значения.

Они тем не менее показывают, что наряду с собственно полисной землей (*χωρά*) в окрестностях Дура-Европос находились царские земли, вероятно во времена Селевкидов сдававшиеся в наследственную аренду под условием обработки, культивирования и исполнения определенных повинностей (*γῆ ἐπιφύτευτική*)³², а также клеры — видимо, наделы воинов, получавшиеся под условием несения службы. В особенности важно то, что, согласно документу DEPP, 25, эпифитевтические земли находились «вокруг» поселения Набагата и, как можно заключить из текста, непосредственно в *χωρά* Дура-Европос не входили.

Интересующими нас здесь материалами засвидетельствованы следующие деловые операции с землей.

Документ DEPP, 15 (II в. н. э.) содержит акт о продаже земли с правом последующего выкупа (об этом говорит формула *ἀπέδοτο λύσιμα*; см. комментарий С. Бредфорда Уэллеса). Земельный участок продается за 240 драхм; эта сумма складывается из

³² С. Бредфорд-Уэллес (DEPP, 1932) в своем комментарии справедливо отмечает, что термин *ἐπιφύτευσις* — селевкидский вариант слова *ἐμφύτευσις*, обычного для птолемеевского и более позднего Египта. Ср. подробно об эмфитевзисе: W. K a m p s, *L'emphytéose en droit Grec et sa réception en droit Romain*, — *Recueil de la Société Jean Bodin*, vol. 3, 1938, стр. 67—121; H. C o m f o r t, *Emphyteusis Among the Papyri, Aegyptus*, vol. 17, 1937, стр. 3—24. Ср.: *Iust. Inst.*, III, 24, 3; *Dig.*, 6, 3; *Cod. Theod.*, 10, 3.

120 драмх, которые некое лицо, по всей видимости продавец, дало займы Аминандру «на имя», а также из штрафа, наложенного на должника. Земля находилась в руках продавца как залог, а продажа осуществлялась в связи с истечением срока займа.

В другом документе (DEPP, 25) одним из объектов торговой сделки является половина сада; в документе отмечается местонахождение продаваемого землевладения, а также то обстоятельство, что вместе с садом продаются деревья, виноградные лозы и все то, что имеет отношение к данному объекту; кроме того, в документе имеется клаузула, ограждающая права покупателя от возможных претензий.

Наибольший интерес, однако, представляет документ DEPP, 26, составленный, как уже отмечалось в литературе, в соответствии с нормами местного эллинистического права, воспринятыми и римским правом³³. Его «верхний» текст гласит: «Купил [Ю]ли[й] Деметрий, ранее во[ин] когор[ты] III Ав[густовой], прожива[ющий] в Ракуэ[та], у Отарнея сына Абадаба из посе[ления] Сахара-да-Авареа прина[длежащую] ему землю, расположенную в пределах этого посе[ления], которую он купил у Аббейба, его сопосе[ленца], в ме[ст]е имену[емом] Заира-да-Сахарае, какого она есть размера, называемую Каркафа, год 175». «Нижний» текст документа: «При консулах Нуммии Альбине и Лелии Максиме, на седьмой [день] до июньских календ, в присутствии подписавшихся и приложивших печати мужей, в Сахаре, на зимних квартирах [ко]горт[ы] III Авг[устовой] Фракийцев. Купил Юлий Деметрий, ранее в[о]ин когорты, ук[ла]занной выше, живущий в Ракуэ[та], у Отарнея сына Абадаба из поселения Сах[а]ре-да-Авареа принадлежащую ему землю, находящ[уюся] в пределах этого же поселения, какого она есть размера, которую он купил у Аббейба сына Бозана, сопоселенца его, в Заира-да-Сахарае, в месте, называемом [Каркафта, со вход[ом] и выходом и находящимися там деревь[я]ми, плодоносными и бесплодным[и], и со всеми правами, относящимися к э[т]ой з[е]мле за цену в сто семьдесят пять денариев, каковую цену получил продавец у покупателя и землю ему передал, чтобы он имел законно и надежно на все времена, владел, пользовался, продавал, рас[по]ряжался, как он пожелает³⁴.

³³ U. Wilcken, Urkunden-referat, — «Archiv für Papyrusforschung», Bd 13, 1938, стлб. 151—152; R. Taubenschlag, Papyri and Parchments, стр. 59; E. Schönbauer, Untersuchungen über die Rechtsentwicklung in der Kaiserzeit, — JJP, vol. 7—8, 1954, стр. 141; F. Pringsheim, The Greek Law of Sale, Weimar, 1950, стр. 79—80, 104 (note 3).

³⁴ Ср. соответствующую клаузулу в документе Мур. 30 (134 г.): «И право покупателя и наследника его относительно проданного этого — делать с ним все, что пожелаешь». По документу № 2 из Нахал-Хэвер права покупателя определяются следующим образом: «продавать, и закладывать, и передавать по наследству, и отдавать, и делать с проданным этим все, что пожелает Архелай этот со дня, когда написан документ этот, и навечно» (Y. Yadin, Expedition D, — IEJ, vol. 12, 1962, 3—4). Таким образом,

Соседи этой земли: с востока — водный канал реки Хабур, с запада — виноградник продавца, с юга — Абделат, с севера — земля продавца и Абделат. Если же кто-либо забыт или ныне, или в прошлом из соседей, то да не бу[д]ет препя[т]ствием. Было же до сих пор на этой земле виноградных пней 600. Продавец передал покупателю этот объект продажи нетронутым, и не заложенным, и не подлежащим какому-либо спор[у], и ч[и]стым от каких-либо претензий. Если же он не передаст [согласно <этому>], и кто-нибудь предъявит претензию на это проданное или ча[с]ть ег[о], прод[а]в[е]ц будет с[у]дить[с]я и очис[т]ит для покупателя, а если нет, то заплатит е[му] цену двойную и убыток также ³⁵. Продавец отдал все, что выпад[е]т на эту землю во исполнение императорск[о]го указа и деревенской повинности. Этот акт будет иметь силу всюду, где будет предъявлен. Добросовестно спроси[л] покупатель[ь], и добросовестно согласился Отарней, продавец. Аврелий Салман, вете[р]ан, по просьбе напис[ал] за Отарнея сына Аба[д]аба, неграмотного, подтверждающего, что он продал п[р]инад[лежащую] ему землю и получил де[на]риев с[т]о семьдесят пят[и], [и удов]летворен согласно написанному выше. Флавий Серапион, нунций, подписал. Юлий Диоген, кор[н]икулярий), с[в]и[д]етельствую). Клавдий Феодор, оп[т]ион), подписал. Юл[и]й Моним, каз[начей], подписал. Вепон Флавиан, т[у]бицен, подписал».

Документ, происходящий из Дура-Европос, составлен по обычному для греческой эллинистической документации типу ἐπρίατο Β. παρὰ Α., в греческой деловой жизни наиболее распространенному³⁶. Отметим здесь его наиболее существенные особенности. Открывается он датировочной формулой, составленной по римской эре (год отмечен по консулам, а день дан по римскому исчислению). За этим указывается место совершения сделки и отмечается наличие свидетелей. Изложение существа сделки строится следующим образом: имена контрагентов (купил А. у Б.), описание местонахождения, а также того, что на данном месте имеется, цена и ее получение, права продавца, границы. Кроме этого, подчеркивается добросовестность сделки, а также указываются гарантии против эвик-

---

распространенное в римской Сирии понятие собственности не отличалось по своему содержанию от того, которое было выработано доэллинистическим греческим (A. K r ä n z l e i n, Eigentum und Besitz im griechischen Recht des fünften Jahrh. v. Chr., Berlin, 1963, стр. 47—52) и римским правом и было распространено на всем Ближнем Востоке. Документы из Элефантины показывают, что соответствующее понятие было выработано на Ближнем Востоке задолго до греко-македонского завоевания. Так, в документе Cowley, 8: «ты хозяйка над ним (отчуждаемым домом. — И. III.) с этого дня и навечно, и дети твои после тебя; кому ты пожелаешь, ты отдашь его»; Cowley, 13: «твой он (дом. — И. III.) и детей твоих, и другого, кому ты пожелаешь отдать его». В данном случае можно наблюдать слияние параллельных линий развития.

³⁵ Ср. Мур. 30: «И все, что есть у меня и что я куплю, — обеспечение и ручательство для очищения перед тобой проданного этого, в соответствии с этим, от любого иска».

³⁶ F. P r i n g s h e i m, The Greek Law, стр. 107—109.

ции. В этой ситуации продавец обязан вести процесс и в случае проигрыша выплатить покупателю двойную цену продаваемой земли, а также возместить убытки.

Материалы к характеристике земельных отношений в Антиохии. Не располагая материалами, которые позволили бы дать полную картину земельных отношений в Антиохии I—III вв., мы имеем тем не менее возможность, основываясь на более поздних источниках, выявить некоторые тенденции развития, характерные для этого полиса. Они выражались, прежде всего, в создании крупного землевладения, в сосредоточении в руках отдельных лиц множества мелких и средних земельных участков; подобные хозяйства, судя по описаниям Иоанна Златоуста (Ioann. Chrys., In Matth. 63, 4), располагали большими земельными фондами, многочисленными домами и банями. Непременным компонентом такого хозяйства были и рабы. Сходство этой картины с той, которую позволяют представить себе разобранные выше документы из Дюра-Европос, очевидно. Впрочем, по указанию того же Иоанна Златоуста (Ioann. Chrys., In Matth., 66, 3), социально полярные элементы свободного населения составляли меньшинство (десятью часть богачи, десятую — бедняки), тогда как основную массу составлял «средний» слой, владельцы «средних» участков земли. Можно предполагать, что в интересующий нас период положение существенно не отличалось от того, которое рисуют поздние источники ³⁷.

Заиорданье. Значительный интерес для характеристики земельных отношений в Заиорданье представляет надпись IGRR, III, 1341, найденная неподалеку от Герасы и содержащая эдикт, предусматривающий штрафы против лиц, нарушающих неприкосновенность виноградников. Надпись не имеет данных, которые бы позволили установить ее происхождение (является ли она императорским указом, либо же содержала текст постановления, принятого полисными властями), однако она позволяет, несмотря на всю свою фрагментарность, указать на два существенно важных обстоятельства: значительное развитие виноградарства на территории, прилегавшей к Герасе, и господство здесь частнособственных отношений. Обращает на себя внимание значительная сумма штрафов, которые, судя по сохранившимся отрывкам текста, предусматривались документом: они достигали 50 денариев.

К характеристике земельных отношений в римских колониях. Как известно, при создании римских колоний их граждане наделялись землей, причем происходила центуриация земельного фонда. Берит и Гелиополь не могли быть исключением из этого общего правила, однако сведения по этому вопросу, которые происходили бы из названных городов, пока отсутствуют. Можно только предполагать, что существовавшая там система не отлича-

---

³⁷ См.: Г. Л. Курбатов, Ранневизантийский город, стр. 25.

лась сколько-нибудь значительно от того, что наблюдалось в аналогичной ситуации в остальных частях Империи ³⁸.

Тем больший интерес представляют опубликованные В. И. ван Лиере результаты обследования земельного фонда Эмессы. Они показали, что в тот момент, когда она получила статус колонии, здесь имела место центуриация ³⁹. Из наблюдений В. И. ван Лиере очевидно, что при этом происходило и перераспределение земельных ресурсов, вызванное, быть может, притоком нового населения.

Иными словами, предоставление городу статуса колонии могло повлечь за собой (что в данном случае и произошло) существенные изменения в социально-экономической жизни соответствующего полиса. План городской территории Эмессы, приложенный к статье В. И. ван Лиере, не позволяет, хотя бы из-за отсутствия масштаба, определить размеры земельных участков. Обращают на себя внимание тем не менее три обстоятельства: 1) неодинаковость наделов, 2) сравнительно небольшие размеры даже крупных участков, 3) центуриации подверглась не вся земля Эмессы. Значит ли это, что в Эмессе частично сохранилось и прежнее население, земли которого оказались не тронутыми реформой, сопровождавшей создание колонии? Такое (хотя и предварительное) заключение нельзя считать невозможным.

Вероятно, аналогичная ситуация складывалась и в других колониях.

* * *

Приведенный выше материал позволяет утверждать, что на территории сирийских полисов I—III вв. господствовала частная собственность на землю. Правда, надо полагать, что и на Сирию распространялся закон, согласно которому землевладение, оставшееся в продолжение двух лет необработанным, могло быть занято другим лицом, которое становилось его законным владельцем ⁴⁰. Е. М. Штаерман обоснованно полагает, что закон этот был результатом взгляда на отдельный участок как на органическую часть городского земельного фонда; город не допускал, чтобы обработка земли была приостановлена, и передавал ее тому, кто мог обеспечить обработку ⁴¹. Иначе говоря, город выступает в роли верховного распорядителя земли. Тем не менее мы не находим в дошедшей до нас документации каких-либо следов того, что город мог

---

³⁸ Подробно о центуриатной системе см.: Н. П. Г р а ц и а н с к и й, Из социально-экономической истории западноевропейского Средневековья, М., 1960, стр. 255—285.

³⁹ W. J. v a n L i e r e, *Ager centuriatus of the Roman colonia of Emesa*, — «Les annales archéologiques de Syrie», t. VIII—IX, 1958—1959, стр. 55—58.

⁴⁰ «Римское частное право», М., 1948, стр. 183, 210.

⁴¹ Е. М. Ш т а е р м а н, Кризис рабовладельческого общества в западных провинциях Римской империи, стр. 27.

воспрепятствовать частному лицу в осуществлении его собственных прав.

В актах, которыми оформляется купля-продажа земли, отношение города к этому событию не фиксируется, очевидно, потому, что оно не влияло на осуществление сделки. В обратной ситуации следовало бы ожидать, что в документе была бы подчеркнута законность сделки, совершаемой с разрешения городских властей. Соответственно можно думать, что в указанном случае город выступает не в роли собственника земли, но в роли политической организации, осуществляющей на данной территории свой суверенитет. В качестве суверена город, естественно, мог требовать от собственника реального осуществления его прав, конфисковать землю в случае нарушения этого условия или, как в данном случае, санкционировать возникновение новой собственности на данный участок. Однако в конце концов любое государство устанавливает именно в этом своем качестве порядок осуществления прав собственника, не допуская злоупотребления ими, их использования во вред обществу. Сирийский полис в этом случае не был исключением из общего правила.

Земельные фонды являлись, как можно было видеть, объектами купли-продажи, что создавало прямую возможность концентрации земель, а также обезземеления разорявшихся землевладельцев.

Документы, происходящие из Дура-Европос, показывают, что эта возможность постоянно превращалась в реальность. Мы наблюдаем отчуждение земли в связи с неуплатой долга; представляется очевидным, что перед нами случай, когда человек лишается своего земельного владения и, видимо, средств к существованию и ведению независимого хозяйства. В другом случае перед нами — римский ветеран, приобретающий участок земли. История данного участка весьма характерна сама по себе: первоначально он был куплен человеком, явно стремившимся округлить свои владения. Затем он перепродается лицу, не имеющему владений поблизости. При этом не исключены две возможности: покупатель мог приобрести землю впервые, с тем чтобы прочно внедриться в данном поселении; покупатель мог прикупить в поселении, где он уже имел землю, дополнительный участок, расширяя таким образом свои владения. Второй случай кажется более вероятным; в его пользу говорит указание, согласно которому покупатель уже проживает в данном поселении (что, видимо, предполагает и наличие какого-то землевладения). Но тогда обращает внимание то, что приобретаемая земля не соприкасается с теми землями, которыми уже ранее владел покупатель.

В связи с этим можно утверждать, что на территории Сирии в I—III вв. на полисных землях существовали два типа крупных землевладений: относительно большие цельные массивы и сконцентрированные в одних руках многочисленные земельные участки, изолированные один от другого.

Система «царских», если можно здесь принять этот условный термин, земель не исчезла вместе с гибелью эллинистических монархий. После установления на территории Сирии римского господства здесь появились достаточно обширные земельные фонды, находившиеся непосредственно под юрисдикцией римских властей (ср. выше, стр. 48—49), а после превращения Сирии в императорскую провинцию — под юрисдикцией императора. К их числу принадлежали, в частности, обследованные Ж. Чаленко горные районы северной части страны, хозяйственное освоение которых началось в период Империи. Это последнее обстоятельство позволяет, как нам кажется, с достаточной степенью определенности утверждать, что указанные территории не входили в состав полисных округ; их заселение, видимо, происходило непосредственно под эгидой центральных властей.

Археологический материал, который обнаружил в Сирии, преимущественно в районе Антиохии, Ж. Чаленко ⁴², позволяет более конкретно, чем это было возможно ранее, представить себе характерные особенности землевладения, существовавшего на этих землях. В частности, в районе Рефаде была найдена группа villae (наиболее ранние постройки здесь датируются II в., а возможно и I в. н. э.). Каждая из них представляла собой комплекс построек, включавший изящно отделанный жилой дом с павильонами, лоджиями и портиками, а также кладовые ⁴³. Подобного рода комплексы имелись и в других пунктах: Ж. Чаленко называет, в частности, Дейр Амман, Даллозу, Дейр Самбиль, Шиншару, Серджилю и Рувейху ⁴⁴. Обычно, по указанию автора, земельные фонды таких villae были невелики: они не превышали «нескольких дюжин» гектаров пригодной для обработки земли ⁴⁵. Ж. Чаленко справедливо, на наш взгляд, считает, что эти villae возникли в результате раздач императорской земли ветеранам, чиновникам и т. п. ⁴⁶.

Естественное завершение процесса формирования частных владений на императорских землях иллюстрирует, как нам кажется, серия мезевых надписей времени Диоклетиана (конец III в. н. э.),

---

⁴² G. Tschalenko, *Villages antiques*.... Третий том этой монументальной публикации, содержащий помимо прочего материала издание целой серии ранее неизвестных греческих и сирийских надписей, открытых Ж. Чаленко, вышел в свет в 1958 г. Труд Ж. Чаленко заслуженно получил высокую оценку в советской историографии. См.: Н. В. Пигулевская, Археология сирийской деревни, Палестинский сборник, вып. 3, 1958, стр. 220—223; С. А. Кауфман, Новые данные по социально-экономической истории Северной Сирии, — ВДИ, 1960, № 4, стр. 170—183.

⁴³ G. Tschalenko, *Villages antiques*, vol. 1, стр. 194—197.

⁴⁴ Там же, стр. 383—384.

⁴⁵ С. А. Кауфман, анализируя работу Ж. Чаленко, также приходит к выводу об отсутствии, по крайней мере в долине Дана, латифундиального хозяйства. См.: С. А. Кауфман, Новые данные, стр. 174.

⁴⁶ Там же, стр. 393—396.

опубликованных в третьем томе работы Ж. Чаленко. Наряду с границами поселений здесь неоднократно упоминаются границы землевладений, которые именуются ἐπ<οικίον>. Так, в надписи 9 этой коллекции, происходящей из Феркана, речь идет об установлении ὅροι ἐπ<οικίου> Καπερου, αμειος. Аналогичное явление наблюдается и в надписи 8 из Базигера: здесь устанавливаются ὅροι ἐπ<οικίου> Ζαέρους. Так как в данном случае ἐπ<οικίου> явно противопоставлен κῶμη, можно утверждать, присоединяясь к наблюдениям издателя надписей А. Сеирига (стр. 10), что здесь имеются в виду частные владения. В Септуагинте (I Хрон., 27, 25) этот термин употреблен параллельно еврейскому кё'ар — «деревня». Значит ли это, что в интересующих нас надписях имеются в виду частновладельческие деревни? Такое понимание возможно, особенно если приять во внимание название первого из упомянутых владений, где фигурирует слово халер, тождественное указанному еврейскому. Отметим здесь же и надпись JMI, II, 569 из Борджал-Муаллак (161 г.) — посвящение пилона Διὶ Βωμῶ<ι> (видимо, тождествен сирийскому божеству Мадбаху, культ которого, судя по надписям, был широко распространен); его осуществляют Аполлоний, Аполлофан и Хальбион, сыновья Мариона ἀπὸ ἐπ<οικίου> Μεϊθου⁴⁷.

Материалы, собранные Ж. Чаленко, а также надпись Wadd., 2505⁴⁸ позволяют яснее представить себе и особенности жизни крестьянских поселений, расположенных за пределами полисной округи. Согласно последней, одна группа земель находилась в коллективной собственности всех членов гражданского коллектива. Помимо мест коллективного пользования непосредственно на территории города или поселения, таких, как улицы, площади и т. п., землями подобного рода могли быть, очевидно, пастбища и выгоны. Наряду с этим имелись участки, прежде всего, очевидно, пахотные земли, сады, виноградники и подворья, которые принадлежали отдельным лицам.

Об этом говорит применительно к северной части собственно Сирии археологическое обследование Ж. Чаленко⁴⁹. Обнаруженные им земледельческие поселения состояли из независимых хозяйственных комплексов. Можно считать бесспорным, что в данном случае перед нами — следы организации, возникшей на основе индивидуального землепользования и складывающейся на этом фундаменте частнособственнической структуры.

Каково было в изучаемый период соотношение земель обеих категорий, не ясно. Уже упоминавшаяся выше надпись Wadd.,

⁴⁷ Сказанное не противоречит наблюдениям М. И. Ростовцева (M. R o s t o v t z e f f, *Roman Empire*, стр. 576), согласно которым ἐπ<οικίου> представлял собой центр οὐσία, большой сельский дом собственника. При собственности на поселение значение термина могло быть расширено.

⁴⁸ См. об этой надписи также: Е. С. Г о л у б ц о в а. Очерки социально-политической истории Малой Азии в I—III вв., М., 1962, стр. 34—35.

⁴⁹ G. T c h a l e n k o, *Villages antiques*, vol. I, стр. 82, sqq.

2505 содержит принятое поселением Карина постановление, запрещающее устраивать на общинных землях гумна. То обстоятельство, что общинная земля представляла собой какую-то насыпь, вряд ли может иметь особенное значение. В данном случае важно другое: надпись показывает, что в общине имела место тенденция к захвату общинных земель и к превращению их в частнособственнические. Постройка гумна или иного сооружения воспринималась в этом случае как утверждение захватчиком его права собственности. Таким образом, практически надпись направлена против расхищения общинных земель. Думается, однако, что подобные акты могли только несколько задержать этот процесс, но вряд ли имели возможность его приостановить.

Ж. Чаленко провел интересные наблюдения и в районе Катутры. Он обнаружил в этой местности два типа жилища: скромные крестьянские дома, расположенные один против другого, и значительно более высокие виллы. И те и другие принадлежали к одному и тому же времени — II—III вв. Здесь же одновременно существовали некрополь со скромными погребениями, захороненные в которых носили семитские имена, и роскошные мавзолеи, построенные римскими гражданами. Одна из надписей на мавзолее (JMI, II, 455), видимо конца II в. н. э., упоминает ветерана VIII Августова легиона Тита Флавия Юлиана, его жену Флавию Титию, их потомков и наследников. Временем около 195 г. датировано погребение Эмилия Регина⁵⁰. Аналогичное явление — соседство крестьянского поселения с виллой — наблюдается и в Ситти ар-Рум; здесь мавзолей, построенный в 152 г., принадлежит Эсидору сыну Птолемея⁵¹. Имеющийся в нашем распоряжении материал не позволяет определить, существовала ли зависимость населения на этих территориях от названных персонажей⁵² и, если да, то какие именно формы она принимала. Вряд ли, однако, можно сомневаться в том, что эти лица выделялись в данных селениях своим богатством, в том числе и размерами принадлежавшей им земли, и соответственно пользовались значительным влиянием. Подобное явление Ж. Чаленко отмечает и в ряде других поселений Джебель Сим'ана.

Мы, к сожалению, не располагаем материалами, которые позволили бы сколько-нибудь обоснованно судить о характере и объеме правомочий императора (соответственно чиновников, действовавших от его имени) на императорских землях. Во всяком случае, до нас не дошли материалы, свидетельствующие об осуществлении прав собственности. Значит ли это, что развитие земельных отношений в I—III вв. привело к постепенному исчезновению собственнических прав верховного владыки (за исключением тех случаев, когда речь идет о его личной собственности)? Такому пред-

⁵⁰ Там же, стр. 189—194, 381.

⁵¹ Там же, стр. 198—200.

⁵² Ж. Чаленко решает этот вопрос положительно. См. там же, стр. 381—382.

положению пока ничто не противоречит. Однако окончательные выводы могут быть сделаны только в будущем, после обнаружения новых материалов.

*К характеристике храмового землевладения
на территории Сирии в I—III вв.*

Вопрос о храмовом землевладении в Сирии периода принципата до сих пор не рассматривался в специальной литературе. Объяснение такому парадоксальному явлению следует искать, очевидно, в скудости источников, исчерпывающихся пока тремя разновременными надписями, происходящими к тому же из различных местностей интересующего нас региона. Тем не менее эти надписи доставляют важную и надежную информацию по данной проблеме; они показывают храмы в их сложных экономических связях с окружающим миром.

Выше (стр. 32—34), говоря об известной надписи из Бэтокеке (IGRR, III, 1020), мы отмечали, что один из Селевкидов передал поселение Бэтокеке тамошнему храму Зевса, и констатировали соответственно существование на царских землях, а затем, после перехода храма под юрисдикцию Апамен, и на полисной территории храмового землевладения. Императоры Валериан и Галлиен подтверждают права и привилегии храма, причем повторно публикуется и селевкидский документ о пожаловании поселения. Эти факты свидетельствуют, по-видимому, о том, что при каких-то неизвестных обстоятельствах права храма были нарушены, в том числе и владельческие. В то же время восстановление или подтверждение этих прав показывает, что их наличие не противоречило существовавшим в провинции административно-правовым нормам, а нарушение не рассматривалось как законное деяние. Исходя из этой надписи можно с большой долей вероятности утверждать, что храм Бэтокеке и под властью римлян продолжал оставаться собственником одноименного поселения.

Другая надпись (JMI, IV, 1410), происходящая из Фрикии (Апамена), предположительно датируемая началом IV в., сообщает о том, что ее составитель Абедрапса тайно продал свою землю «отеческому богу». Издатели надписи, очевидно, правы, полагая, что, продав землю храму, этот человек сохранил право пользоваться ею. Однако этот вывод едва ли достаточен. Хотя перед нами единичный документ и мы, естественно, не можем судить о том, когда начались и насколько массовыми были процессы, отображенные в нем, он позволяет, во всяком случае, думать, что уже к концу III — началу IV вв. в Сирии наблюдаются явления, отдаленно напоминающие европейский раннесредневековый прекарый.

Наконец, третья надпись (JMI, VI, 2946), происходящая из Хосн-Ниха, неподалеку от Гелиополиса (надпись не датирована), позволяет хотя бы приблизительно представить себе статьи доходов

сирийского храма. Ее текст гласит: «Из доходов (ex usu et redivu) от обязанных бога Мифсена (obligatorum dei Mifseni) и поселения (et vici) и <от> почитателей его (et cultoribus eius) попечением Ханины и Сacerдота, и Забды, и Кандида, и Анны вет<ерана?>, и Магна, и Самайона, и Зебиды, и Бедиаба».

Еще III. Клермон-Ганно отмечал, не давая, правда, перевода, что надпись свидетельствует о существовании земель, принадлежащих богу, сдаваемых в аренду и приносящих доход храмовой казне⁵³. По его мнению, владения бога не совпадали с владениями местной общины (vicus), тем не менее и те и другие одинаково эксплуатировались храмом. Однако при таком истолковании в тексте ожидалось бы, скорее, слово, производное от глагола conduco, одно из значений которого — «брать в аренду», «арендовать». Ж.-П. Рей-Кокэ в своем комментарии к надписи предлагает следующий перевод ее начальных слов: «На доходы и прибыли от земель, ипотецированных в пользу бога Мифсена» и т. д., добавляя при этом, что средства, позволившие совершить посвящение, складывались из обычных доходов от земель, ипотецированных в пользу храма, и от сельской общины, принадлежавшей храму, а также из даяний верующих. Толкование Ж.-П. Рей-Кокэ более точно соответствует значению глагола oblige и поэтому предпочтительнее точки зрения III. Клермон-Ганно. Однако и оно не кажется удовлетворительным. Выражение obligatorum dei Mifseni означает, по-видимому, людей, связанных с храмом Мифсена определенными обязательствами, возможно зависящих от храма. Только при таком понимании получает удовлетворительное объяснение родительный падеж dei Mifseni. Каков был статус «обязанных бога Мифсена» при нынешнем состоянии источников, едва ли возможно определить. Не исключено, что он был близок к положению, в которое попал Абедраса. Кроме того, храм Мифсена выступает в роли эксплуататора и, очевидно, собственника поселения; в этом случае его положение близко к положению храма Бэтокеке.

Насколько эта картина во всех ее деталях типична для всей территории Сирии, трудно судить, хотя нет оснований сомневаться в том, что все сирийские храмы были более или менее крупными земельными собственниками и владельцами поселений; они участвовали в разнообразных деловых операциях по поводу земли, включая куплю-продажу. Существенным кажется и то, что храмовое землевладение оказывалось возможным как на императорских землях, так и на территориях, подчиненных полисам. И наконец, важно, что вся информация, которой мы располагаем, исходит от сравнительно мелких, не известных по другим источникам святилищ. Можно себе представить, следовательно, размах владений и деловых операций у таких богатейших и знаменитейших храмов, каким был, например, гелиополитанский.

---

⁵³ Ch. Clermont-Ganneau, Recueil d'archéologie orientale, стр. 81.

Общая характеристика ремесленного производства

Археологические памятники, происходящие из различных местностей Сирии, а также письменная традиция, несмотря на ее скудость и отрывочность, свидетельствуют о широком распространении здесь разнообразных ремесел — керамики, ткачества, изготовления одежды и обуви, обработки металла, строительства, скульптуры. Письменная традиция, которую мы используем прежде всего, и в том числе надписи, позволяет составить некоторое, хотя по необходимости и отрывочное, представление о том, как были организованы ремесленники в обществе, как был организован их труд и каковы были их связи с рынком.

Финикийские города в изучаемый нами период, имея восходящую к седой, еще доэллинистической древности традицию ремесленного производства, продолжали оставаться крупными его центрами. Применительно к Сидону это прямо засвидетельствовано Страбоном (р. 758), по словам которого сидоняне пользовались репутацией людей, владеющих многочисленными ремеслами (πολύτεχνοι) и умеющих искусно отделывать производимые ими изделия. Финикийская надпись из Библа, датируемая I в. до н. э., упоминает строителя (bnh) ^сАбдэшмуна сына Аса^{са} (KAI, 12). В греческой надписи из Умм ал-Авамида (окрестности Тира), которую предположительно относят ко II—III вв. (SEG, VII, 330), назван архитектор Берникиан. Впрочем, и без этих указаний очевидно, что городское строительство нуждалось в людях соответствующей квалификации и эта потребность должна была быть удовлетворена.

Видимо, широко была распространена в финикийских городах отделка шелка. Лукан говорит об изготовлении шелковых тканей в Сидоне (Luc., Phars., 10, 141—143). По данным Tot. orb. descr. 31, Библ и Тир славились своим полотном (lintheamen); они, по словам нашего источника, вывозят его «всему миру» (omni mundo). Наконец, согласно Йер. ^сАвода Зара, 39 d, на ярмарках (uyrd) в Тире продавались сандалии; ничто не мешает думать, что они изготовлялись на месте. Тариф Диоклетиана (9, 18) устанавливает за пару «пурпурных, или финикийских», башмаков (soccī purpureī sibe Foeniceī) цену в 60 денариев. Этот же источник упоминает и «финикийскую кожу» (8, 5), на которую устанавливается цена 100 денариев; очевидно, в финикийских городах существовали своеобразные методы обработки кожи, придававшие ей специфические качества. Речь, таким образом, и в данном случае идет о специализации местного производства.

Особую роль в жизни финикийских городов играли, однако, три отрасли производства. Прежде всего — судостроение, имевшее здесь давние и прочные традиции. Причины, вызвавшие к жизни его высокий уровень, очевидны: без него морская торговля оказы-

валась практически невозможной. Диодор (2, 16, 6) приводит характерное предание, согласно которому Семирамида, готовясь к походу в Индию, пригласила судостроителей из Финикии, Сирии и Кипра, а также из других приморских стран и приказала им построить речные разборные суда. Рассказ Диодора полностью вымышлен; тем более характерно, что финикийские мастера оказываются первыми в его перечислении, отражающем представления времени римского господства.

Славу Финикии составляло также изготовление пурпура и окраска шерсти в пурпурные тона. Наиболее ценным был тирский пурпур; наш источник (Strabo, p. 757) говорит о множестве красил, изделия которых составляли основу богатства и благосостояния города. В Tot. orb. descr., 31 упомянут пурпур, изготавливаемый в Сарепте. Согласно Лукану (Luc., Phars. 3, 217), пурпуром славился и Сидон (pretiosaque murice Sidon).

Еще одной важной отраслью было изготовление стекла и стеклянной посуды, представлявшей в древности предмет роскоши. Сырьем для этого производства был специальный песок, добывавшийся неподалеку от Акко-Птолемаиды (Fl. Jos. BJ, 2, 190—191; Plin., NH, 36, 191; Strabo, p. 758; Tac., Hist., 5, 7). Своею прозрачностью славилось сидонское стекло (Luc., Amores, 26); упоминаются в литературе и сидонские кубки (Ath., Deipnosoph., 468c). До нас дошли многочисленные стеклянные изделия с клеймами мастерских сидонян Артаса (CIL, V, 8418; IX, 6085₁; X, 8062₂; XIII, 10025; XV, 6957; IG, XIV, 2410₁); Ириней (IG, XIV, 2410₂) и Никона (CIL, X, 8062₂; XV, 6964). Кроме этого, весьма широко были распространены изделия, происходящие из мастерских сидонянина Энниона, существовавших, видимо, в I—II вв. н. э. (дата устанавливается по находке вместе с одним из его изделий монеты Клавдия), Йасона⁵⁴, Мегеса и Никей⁵⁵. Кроме того, в Сидоне существовала и стекольная мастерская Аристей; на основании стилистической близости изделий ее считают синхронной мастерской Энниона⁵⁶. Ареал распространения сидонских изделий охватывал практически всю средиземноморскую ойкумену, включая такие центры Северного Причерноморья, как Пантикапей и Ольвия; многие из них были найдены в различных городах Европы.

⁵⁴ См. об этом владельце стеклодувной мастерской: R. D u s s a u d, Un pot nouveau de verrier sidonien, — «Syria», vol. I, 1920, стр. 230—234.

⁵⁵ D. B. H a r d e n, Romano-Syrian Glasses With Mould-Blown Inscriptions, — JRS, vol. 25, 1935, pt 2, стр. 163—186. По мнению Хардена, которое принял также Ф. Хайхельхайм (F. H e i c h e l h e i m, Roman Syria, — «An Economic Survey of Ancient Rome», vol. IV, Baltimore, 1938, стр. 189—190), финикийцы — владельцы стекольных мастерских — открывали в Италии и западных провинциях империи свои филиалы. Нам представляется, однако, что для подобных утверждений нет достаточных оснований, поскольку распространение соответствующих изделий на Западе могло происходить и по торговым путям.

⁵⁶ M. C a r i n a C a l v i, La colpa vitrea di Aristes nella collezione Strada, — «Journal of Glass Studies», vol. 7, 1965, стр. 9—16.

Весь изложенный материал показывает, что в финикийских городах I—III вв. имелись ремесленные производства двух типов: одни из них не нуждались в кооперации работников (здесь, следовательно, могли, по крайней мере теоретически, существовать мастерские, в которых работал только их владелец), в то время как другие (например, в судостроении) вряд ли были возможны без значительной концентрации рабочих рук. Отсюда, несомненно, следует, что в финикийских городах существовали крупные ремесленные мастерские (и, возможно, артели ремесленников); об этом же свидетельствует и ареал распространения некоторых видов изделий. Правовой статус рабочих, занятых в этих мастерских, неизвестен; здесь могли быть и рабы, и наемные работники.

Существенно важно заметить, что производство носило ярко выраженный товарный характер.

Крупным центром ремесла был Дамаск; согласно Тарифу Диоклетиана (19, 6), в средиземноморском мире особой известностью пользовались «арабские, или дамасские», ковры. Твердая цена на них не устанавливается, и предполагается, что они будут оплачиваться в соответствии с весом шерсти, потраченной на ковер, а также количеством труда, затраченного на его изготовление.

Знаменитый Пальмирский пошлинный тариф (CIS, II, 3913) вопреки ожиданиям сохранил весьма мало упоминаний о ремесленниках и ремесленных производствах. Последние фигурируют в связи с пошлинами, которые взыскивались с соответствующих ремесленников на право торговли своими товарами. Из таблицы III тарифа (греческий текст, строки 80—83) мы узнаем, что в Пальмире имелись рыночные сапожные мастерские, с владельцев которых откупщик согласно обычаю взыскивал ежемесячную пошлину в размере одного денария. По-видимому, эта же клаузула содержалась и в строках 53—55 пальмирского текста, однако здесь указание, какие именно мастерские имелись в виду, не сохранилось. Впрочем, сапожники упоминаются и в 139 строке греческого текста. Наряду с этим в тарифе (строки 116—120 греческого текста; 72—73 — пальмирского текста) регулируется правовое положение разработок соли как на территории самой Пальмиры, так и в пределах ее округа; за добычу каждого модия соли взыскивался один асс. Интересно, что, согласно пальмирскому тексту тарифа, пошлина за бронзовые статуи (šlmy nḥš' 'drṭy') была приравнена к пошлине за необработанную бронзу (ytgb[wn] hṭk [nḥ]š'); при этом пошлина за одну статую соответствовала пошлине за половину груза бронзы (bplgwt[ṭ'w]n), а за две статуи — полному грузу. Значительное развитие в Пальмире портретной скульптуры позволяет утверждать, что речь идет о статуях, изготовлявшихся непосредственно на месте; таким образом, и в данном случае перед нами — пошлина, взыскивавшаяся с одной из групп ремесленников.

Эти сведения до известной степени дополняются почетными надписями. Так, подпись к статуе Септимия Одената (CIS, II, 3945;

соотв. IGRR, III, 1031; соотв. Inv., III, 17; Пальмира, апрель 258 г.) выполнена была по заказу коллегии золотых и серебряных дел мастеров (συντέ[λεια τῶν χρυσολόγων καὶ ἀργυροκόπων); tgm' dy qnyu' °bd' dhh' wksp'). В этой надписи хотелось бы отметить использование греческого слова tgm' — τάρμα для перевода греческого же συντέλεια; первое из этих слов воспринималось составителями надписи уже как арамейское. Надпись CIS, II, 3914 (Пальмира, март 175 г.) рассказывает о том, что двоюродные братья Йарихбол сын °Оге и °Авида сын Хаддудана, внуки Йарихбола сына Хаддудана (родословие приведено до шестого колена) на свои средства воздвигли врата в большой базилике храма Бела из сплава золота и меди. Другая надпись, CIS, II, 3923 (Пальмира, март 151 г.), рассказывает о Мокайму сыне °Угайлу, который посвятил богам из своих средств серебряные чашу для возлияний и курильницу, а также другие изделия. Хотя судить об этом весьма затруднительно, допустимо тем не менее предполагать, что данные изделия изготовлялись на месте.

Имелось в Пальмире и местное керамическое производство. Исследователи отмечают близость пальмирской керамики к соответствующим изделиям, происходящим из Дура-Европос⁵⁷, что позволяет говорить о влиянии эллинистических образцов на изделия пальмирских мастеров.

Наличие многочисленных надписей свидетельствует о широком распространении в Пальмире резьбы по камню. Однако только в одном из известных нам случаев (CIS, II, 3974; Пальмира, октябрь 113 г.) резчик счел необходимым увековечить буквами, меньшими, чем основной текст, свое имя: «да будет помянут Йархай-резчик». В надписи SEG, VII, 155 (Пальмира, предположительно I—II вв.) упомянут архитектор Александр. В одном из надгробий (CIS, II, 4261) погребенный Ша'адэль сын Габдибола сына Мукайму назван без дальнейших уточнений ремесленником ('mn'); надпись происходит из Пальмиры и датируется ноябрем 172 г. Наконец, имеется надпись, в которой упомянут врач ('sy').

Все эти указания, несмотря на их скудость и отрывочность, показывают, что ремесленники в Пальмире I—III вв. имели свои мастерские (правда, остается открытым вопрос, кто в этих мастерских работал и каковы были их размеры) и что производство в этих мастерских носило товарный характер, в связи с чем оказывалось возможным взимание соответствующих пошлин. Упоминание в тарифе сравнительно незначительного числа ремесел не свидетельствует, по нашему мнению, о том, что на другие ремесла, не упомянутые в дошедших до нас частях тарифа, взимание пошлин не распространялось: слишком велики лакуны в этом документе, чтобы могли быть сделаны окончательные выводы подобного рода.

⁵⁷ P. Collart, Le rôle de Palmyre à l'époque hellénistique et romaine d'après les découvertes récentes, — Atti del settimo congresso internazionale di archeologia classica, vol. I, Roma, 1961, стр. 427—435.

Значительное место занимало ремесленное производство в сирийских городах греческого происхождения, а также в колониях римских ветеранов. Tot. orb. descr., 31 изображает Лаодикею как важный центр полотняного производства. Согласно Эдикту Диоклетиана, в этом городе обрабатывались шелк (20, 4), а также шерсть (21,2; 25,2); отсюда вывозились различные виды одежды — плащи, далматики и туники, на которые устанавливается цена от двух до десяти тысяч денариев (19, 26—29).

Раскопки в Дуре-Европос позволили установить наличие в этом городе многочисленных ремесленных мастерских, в которых изготовлялись зеленые глазурованные керамические изделия⁵⁸; постепенно развивалось здесь и производство ламп (подражание классическим греческим и эллинистическим образцам, а также местные стили)⁵⁹. Правдоподобным кажется и предположение, согласно которому в этом городе, возможно, со времен Клавдия и во все возрастающих масштабах с эпохи Флавиев развилось производство стеклянных сосудов⁶⁰.

В римской колонии Берит изготовлялось полотно (Tot. orb. descr., 31). В греческой надписи OGIS, 590, происходящей из этого города, фигурируют некий бронзовых дел мастер Квинт Анхарин Евтих, а также его ученик Павел. Заслуживает внимания и надпись из Берита (CIL, III, 6671), рассказывающая о том, как декурион Гай Юлий Фортунат посвятил Фортуне и гению колонии изображение последнего, а также отделанные мрамором колонны и портик. Надо полагать, что посвящение было изготовлено руками местных мастеров.

К характеристике общественного положения ремесленников

Материалы, которые давали бы представление об отношении к занятию ремеслами в сирийском обществе интересующего нас времени, а также о внутренней организации ремесленной мастерской, весьма ограничены. Правда, по сведениям Либания, занятие ремеслами препятствовало в Антиохии тому, чтобы человек мог участвовать в городских органах власти. Иными словами, занятие ремеслом рассматривается здесь как признак сравнительно низкого социального положения. Другие источники укрепляют это впечатление.

Одним из них является уже упоминавшаяся выше надпись JMI, IV, 1410 из Фрикии (Апамена), предположительно датируемая началом IV в. Приводим ее текст: «Так, вознося благодарность, говорит Абедрапса: когда я был молод, отеческий мой бог, <бог>

⁵⁸ N. T o l l, The Green Glazed Pottery,— «The Excavations at Dura-Europos, Final Report», IV, pt I, fasc. 1, New Haven, 1943.

⁵⁹ P. V. C. B a u r, The Lamps,— «The Excavations at Dura-Europos, Final Report», IV, pt III, New Haven, 1947.

⁶⁰ Ch. W. C l a i r m o n t, The Glass Vessels,— «The Excavations at Dura-Europos, Final Report», IV, pt V, New Haven, 1963.

Аркесилая, явно мне явившись, во многом мне благодетельствовал. В возрасте двадцати пяти лет я был отдан в учение ремеслу, и через короткое время я перенял это ремесло, и еще благодаря его расположению я продал ему землю, так, что никто об этом не знал, и освободил себя, чтобы не входить в город. И я праведен был, и праведно был наставлен».

Выше (стр. 81) мы уже говорили о тех особенностях храмового землевладения, которые раскрываются этим документом; нас, однако, интересует в этой надписи и другое, не менее существенное обстоятельство. В надписи как особая милость божества отмечается, что лицо, от имени которого она была составлена, было обучено ремеслу. Из надписи трудно уяснить, почему Абедрапса именно так оценивал это, казалось бы, весьма заурядное событие. Нам представляется тем не менее, что оно должно быть поставлено в связь с сообщением о продаже земли. Последняя, как можно было видеть, обставлена так, чтобы об имущественной и, следовательно, социальной деградации продавца никто не знал. Однако эта операция не могла не привести к довольно неожиданным последствиям: продавец оказался в зависимости как экономической, так и гражданской, хотя и сохранил личную свободу. В этих условиях обучение ремеслу давало Абедрапсе определенный источник существования. Кроме того, использование пассивной глагольной формы показывает, что Абедрапса не был инициатором этого действия; инициатива явно исходила от храма. Надо полагать, подобное обстоятельство вело к углублению зависимости Абедрапсы от храма.

Приведенная надпись проливает новый свет на известный рассказ Лукиана из Самосаты о той заботе, которую проявил о его будущем отец писателя (Luc., *Somn.*, 1—2). Обсуждая вместе с друзьями, чему обучать сына, он был вынужден принять во внимание скудость семейного бюджета, что требовало оказания быстрой помощи семье. Дальнейший ход мыслей Лукиан рисует следующим образом: «если бы я выучился какому-нибудь ремеслу этих ремесленников, то, прежде всего, сразу сам имел достаточно от ремесла, и не только не был бы, находясь в таком возрасте, нахлебником, но в недалеком будущем и отца радовал бы, постоянно отдавая заработок». При выборе профессии принимаются во внимание следующие элементы: это должно быть не только «благороднейшее из ремесел» и легко поддающееся усвоению, но и приличное свободному человеку, а также обеспечивающее быстрый и надежный заработок. Выбор падает на ремесло скульптора, во-первых, потому, что дядя повествователя был известен как хороший ваятель, и, во-вторых, потому, что сам рассказчик и герой произведения в раннем детстве лепил игрушки из глины, обнаруживая тем самым свое предрасположение к избранной для него профессии.

Сочинение Лукиана показывает, таким образом, что необходимость отдавать сына в обучение ремеслу в противоположность

παῖδα — усвоению школьной образованности диктовалась обычно (а в сочинении Лукиана мы имеем, бесспорно, зарисовку типической ситуации) тяжелым материальным положением семьи. В свою очередь, выбор той или иной профессии если и не полностью определялся, то все же в немалой степени зависел от склонностей обучаемого: само собой разумеется, что способности и интерес к данному виду деятельности служат при прочих равных условиях надежным залогом будущего благополучия. Обращает на себя внимание и явное стремление воспользоваться при обучении услугами родственника. Однако сам отец, как можно было видеть, в роли учителя сына не выступает, хотя, казалось бы, проще всего было научить сына тому ремеслу, которым владеешь сам. Очевидно, отец Лукиана не владел никаким ремеслом и, таким образом, необходимость обратиться к этому роду деятельности возникла в данной семье на протяжении его жизни; не случайно он обращается за помощью к дяде рассказчика с материнской стороны. В противоположность этому в семье матери Лукиана (Luc., Somn., 7) ремесло перешло по наследству от отца к сыновьям: дед рассказчика с материнской стороны был каменотесом; этим же мастерством владели и оба его сына. Таким образом, рассказ Лукиана демонстрирует две семьи: основой благополучия одной из них уже давно стало ремесло; другая лишь пытается встать на этот путь.

Следовательно, занятие ремеслом представляется итогом определенной социальной деградации данного лица. Однако в рассказе Лукиана значительный интерес представляют еще две детали. Он показывает, во-первых, что в среде собственно сирийцев (как известно, Лукиан по происхождению был сирийцем-арамеем и лишь в юности выучился греческому языку; ср. Luc., Bis accus., 27) существовало представление о ремеслах, занятия которыми вообще не достойны свободного человека. Какими были эти ремесла, источники не сообщают.

Рассказ Лукиана, во-вторых, вводит нас в атмосферу ремесленной мастерской, где работает мальчик, отданный в учение. Мы узнаем из него, что ученик с первого же дня привлекался к работе, что в случае неудачи он подвергался избиению (Luc., Somn., 3). Ученики, таким образом, составляли одну из категорий рабочей силы в мастерских. Лукиан не упоминает о каких-либо других работах, однако это умолчание может объясняться тем, что для его рассказа это не было существенно. Впрочем, то обстоятельство, что хозяин мастерской владеет соответствующим ремеслом, создает предпосылку его личного участия в процессе производства. Отсутствует и упоминание о плате за учение; видимо, ее составляла эксплуатация ученика в процессе производства⁶¹.

⁶¹ Как любезно указал нам И. Ф. Фихман, в римском Египте также встречаются договоры об обучении ремеслу, которыми не предусматривается плата за учебу. Вознаграждением учителю в этом случае была возможность эксплуатировать ученика и присваивать результаты его труда.

Уже отмечавшаяся выше пальмирская надпись CIS, II, 3945 (соотв. IGRR, III, 1031; Inv., III, 17), в которой упомянута коллегия золотых и серебряных дел мастеров, позволяет говорить о том, что в Пальмире по крайней мере в III в. существовали объединения ремесленников по профессиональному признаку. Как показывают более ранние материалы с острова Делос (см. стр. 18), такого рода сообщества складывались вокруг совместного культа какого-либо божества; поэтому судить об их организации можно на основании косвенных данных, относящихся к сакральным коллегиям. Их существование в Пальмире засвидетельствовано уже для первой половины I в. н. э. Так, надпись CIS, II, 3980 (Пальмира, февраль 34 г.) сообщает, что «в месяц шевет, год 345, алтарь этот ('lt' dh) соорудили [члены коллгии (lbn y m]rzh'), эти Аглиболу и Малахбелу, богам». Затем следуют имена посвятителей — всего восемь человек. Ни один из них не имеет титулатуры, родословие каждого доведено до третьего колена, несомненно во избежание взаимных неудовольствий. Отсутствие титулатуры показывает, что в данном случае действовала не группа коллегиальных магистратов, но группа частных лиц, хотя и членов коллгии. В пользу такого толкования говорит, в частности, местоимение «эти», явно выделяющее посвятителей из общей массы коллгиантов. Поскольку коллегия в данной надписи никак не названа, составитель ее ограничился только глухим упоминанием, можно думать, что она была достаточно хорошо известна именно применительно к конкретной ситуации; а так как речь идет о посвящении богам, не исключено, что это была коллегия почитателей Аглибола и Малахбела.

Другая надпись (CIS, II, 3919), также свидетельствующая о существовании сакральных коллегий, датируется апрелем 117 г. В ней говорится: «Статуя эта Зубайды сына Шу^саду сына Таймушамша, которую соорудил ему совет (bwl') в его честь; а свидетельствовал для него Йарихбол-бог, когда он руководил коллгией жрецов Бела (brbnwt mrzłwłh dy krmy bl), в месяц нисан, год 428». Эта надпись особенно важна прежде всего потому, что она показывает некоторые черты внутренней организации таких коллегий: во главе их стояло лицо, носившее титул gb — «великий», «начальник»; данная коллегия объединяла своих членов уже по «профессиональному» признаку. Правда, в интересующей нас надписи речь идет об объединении жрецов; однако при наличии подобного факта нет никаких препятствий для того, чтобы постулировать существование объединений и представителей иных социальных групп, а та же профессиональных. По-видимому, с этой же коллгией связана и надпись на пропилеях пальмирского храма Бела, к той, ую опубликовал Ж. Кантино ⁶²:

⁶² J. C a n t i n e a u, Inscriptions palmyréniens, — «Revue assyriologique», vol. 27, 1930, 1, стр. 45, № 31.

«когда главой коллегии был (brbnwt mrzḥwt) Хаддуан—сенатор (snqltṣq'), сын °Угайлу». В очень поврежденном состоянии дошла до нас надпись SEG, VII, 151 (Пальмира, август 193 г.). Упомянутый в ней персонаж, Мезаббан сын Малиха, назван верховным жрецом и симпозиархом (если верно предложенное издателем восстановление) «великого бога Зевса-Бела».

Наконец, рассмотрим надпись, датруемую 243 г., которую опубликовал Х. Ингхольт⁶³. Ее текст гласит: «[В ме]сяц тишри, год 555. Когда главой коллегии был (brbnwt mrzḥwt) Йархай сын Агриппы сына Йархайа сына Йеди°бела сына °Уге сына Йа°ата, который служил богам (dy šmš 'lhy') и руководил гаданиями целый год (wytb 'l qsm' št' khl), и доставлял старое вино жрецам целый год из дома своего, а вино в мехах он поистине привозил (l' 'uty) ⁶⁴ с Запада. Да будут помянуты и благословенны Пертинакс и Малкуса, его сыновья, и °Угайлу — писец (ktwb'), и Заби сын Ша°ады, который ведал кухней (dy hw' 'l bt dwd'), и Йарихбола, смешивавший вино (mmzgn'), и те, кто помогали, все».

Данная надпись показывает, во-первых, что глава коллегии занимал должность не менее года (на это обстоятельство обращал внимание и Х. Ингхольт); в его обязанности входило испрашивание и объявление оракулов; он снабжал жрецов и вином и, возможно, другой сельскохозяйственной продукцией (имелось ли при этом в виду удовлетворение потребностей храма для совершения жертвоприношений или личных потребностей жрецов, не ясно). Непонятно также, совершалось ли последнее по обязанности или добровольно. Во-вторых, надпись содержит упоминания других должностных лиц этой коллегии, что позволяет установить и основное направление ее деятельности. Здесь названы помимо главы коллегии писец, выполнявший, надо полагать, секретарские функции, руководитель кухни и виночерпий. Коллегия, следовательно, представляла собой организацию сакральную, занимавшуюся, в частности, устройством совместных трапез. Об этом говорит и самый термин mrzḥ, имеющий значение «трапеза», «банкет» и т. п. Помимо этого, как показывает изложенный материал, подобные коллегии могли предпринимать совместные посвящения богам, в том числе и строительные работы. Деятельность такого рода требовала, несомненно, материальных затрат; поэтому есть основания думать, что коллегии располагали определенными денежными средствами, складывавшимися из членских и иных взносов.

Генетически сакральные организации, обозначаемые термином mrzḥ, восходят к глубокой доэллинистической древности. Они,

⁶³ H. Ingholt, Un nouveau thiase à Palmyre, — «Syria», vol. 7, 1926, стр. 128—141.

⁶⁴ Об использовании частицы l' в качестве утвердительной частицы см.: Л. Х. Вильскер, Об утвердительном значении частицы lā в сирийском языке, — КСИНА, 86, 1965, стр. 25—30.

как известно, засвидетельствованы уже в Угарите (вторая половина II тысячелетия до н. э.), где эти объединения выступали, между прочим, в роли собственника определенных имуществ; имелись они и в Карфагене, причем здесь *mrzḥ* эпиграфических документов (CIS, I, 165) может быть сопоставлено с сисситиями, упоминаемыми Аристотелем (Arist., Polit., 2, 8) в его описании Карфагена. *Mrzḥ*, таким образом, существовали и в финикийских городах в I тысячелетии до н. э. Если справедливо предложенное сопоставление, можно думать, что *mrzḥ* с самого начала были культово-пиршественными ассоциациями, — традиция, сохранившаяся в Сирии еще во времена римского господства. Представляется наиболее вероятным, что первоначально это были мужские союзы, объединенные общим культом. Постепенно, однако, характер *mrzḥ* несколько изменился.

Возникновение в интересующий нас период коллегий лиц, объединенных по профессиональному признаку, имело место на основе этих объединений, с использованием уже имевшихся организационных принципов и форм. Примечательно, однако, что надпись CIS, II, 3945 не дает каких-либо указаний на сакральный характер упоминаемой в ней коллегии ремесленников, охарактеризованной исключительно по профессиональному признаку. Обращает на себя внимание и использованная в этом документе терминология. Как уже говорилось, в греческой части его мы находим слово *συντέλεια*, которое обычно обозначает некий коллектив или, более конкретно, коллектив лиц, совместно участвующих в разного рода платежах. Значит ли это, что члены данной корпорации совместно должны были выплачивать налоги государству? Такое положение, во всяком случае, нельзя считать исключенным. Более вероятно, однако, что имелась в виду необходимостью участвовать своими платежами в расходах корпорации. Коллегия могла воздвигать почетные надписи и, следовательно, принимать соответствующие решения. Но если так, то, надо полагать, этим возмозможность припимать решения у коллегиянтов не ограничивалась.

Светский характер коллегии, как нам кажется, представляет собою результат длительного предшествующего развития.

Одна из надписей в честь Септимия Ворода (CIS, II, 3942; приблизительно 267 г.) показывает, что по крайней мере некоторые коллегии, в частности уже упоминавшаяся коллегия жрецов Бела, во второй половине III в. превратились в заметную политическую силу, которую династия Одената и Зубайдат — Зеновии пыталась использовать для укрепления своего политического влияния через посредство приближенных к ней лиц. Чествуемый персонаж прославляется в ней за то, что «ныне» он «блестяще» выполняет обязанности симпозиарха жрецов Бела — Зевса. Связь с подобной коллегией оказывается небезразличной и для его собственной карьеры. Другие коллегии, в том числе и ремесленные, также, видимо, пользовались значительным влиянием.

Некоторый материал по истории ремесленных коллегий содержат и надписи из Герасы, датируемые началом и серединой III в. Одна из них (G, 190), в честь патрона полиса Аврелия Юлиана, упоминает «вечную священную коллегию полотнянщиков»; это объединение фигурирует в надписи как инициатор ее изготовления. В другом случае (G, 79) надпись содержит одно только слово «горшечников»; видимо, колонна, на которой она находилась, была воздвигнута на средства и по постановлению данного коллегива.

Укажем и на надпись SEG, XVIII, 599 (59/60 г. н. э.), происходящую из Сидона и выполненную на каменном кресле, украшенном сфинксами: «В год 170; посвящено на участке плотников». Очевидно, в данном случае имелся в виду участок, принадлежащий соответствующей коллегии ремесленников.

Торговля

Сирийская торговля в странах Средиземноморья

I—III века н. э. были временем дальнейшего развития сирийской торговли, прежде всего в бассейне Средиземного моря и прилегающих к нему районах. Уже приведенные выше (стр. 83—84) материалы о распространении финикийской пурпурной ткани, стеклянных и иных изделий показывают как размах и масштабы, так — до известной степени — и структуру торговли финикийских городов. Наряду с экспортом продукции местного ремесла и сельского хозяйства должна была процветать и транзитная торговля, в особенности китайским шелком и благовоениями из Южной Аравии⁶⁵. Вряд ли можно сомневаться в том, что связи, имевшиеся и окрепшие в IV—I вв. до н. э., продолжали сохраняться и после перехода финикийских городов под власть Рима. Нет оснований также думать, что финикийские колонии в крупнейших греческих торговых центрах (Делос, Афины) прекратили в интересующий нас период свое существование; «римский мир» и вхождение в состав единого средиземноморского государства, скорее, должны были способствовать их процветанию.

Во всяком случае, как показал Дж. Дэй в своем исследовании, посвященном экономической истории Афин периода римского господства, надгробные надписи из этого города, которые датируются I—II вв., сохранили 133 имени выходцев из Сирии. Из них 118 — из Антиохии, шесть — из Сидона, четыре — из Тира, девять — из Арада, Аскалона, Дамаска, Йаффы и Самарии. Кроме того, известны два выходца из Герасы, один — из Филадельфии,

---

⁶⁵ Подробно см.: L. C. West, *Commercial Syria under the Roman Empire*, — «Transactions of the American Philological Association», vol. 55, 1924, стр. 159—189.

один — из Эдессы. Всего, по данным этого исследователя, если в период с 403 г. до н. э. по I в. н. э. известны 65 выходцев из Сирии (в том числе 39 из Антиохии), то за первые два века принципата их численность возрастает на 68 человек, т. е. более чем вдвое⁶⁶. Разумеется, и общее количество известных памятников, и указанное соотношение могут быть объяснены в какой-то степени случайными обстоятельствами. Тем не менее кажется весьма правдоподобным, что это соотношение отражает реальные изменения в численности сирийского населения Аттики.

Прочные торговые связи поддерживали сирийцы и с островами Архипелага, причем даже с весьма незначительными. Так, согласно IG, XII, 3, 6, на острове Симе уже в конце I в. до н. э. существовала коллегия сирийцев — почитателей Адониса, Афродиты и Асклепия. В Нисиресе императорского времени (см. IG, XII, 3, 104) также имелось сообщество сирийцев — почитателей Афродиты, а во II—III вв. в Астипалее засвидетельствовано существование сирийского *κοινὸν τοῦ θιάζου τῶν πατρίων θεῶν* (IG, XII, 3, 178)⁶⁷.

Говоря о сиро-италийской торговле, отметим прежде всего, что не только сирийцы вели, как увидим далее, активную торговую деятельность на италийской территории, но и италики, в том числе и римляне, проявляли глубокую заинтересованность в сирийской торговле и, как отметил еще В. Пырван, активно ею занимались. Как показывает надпись CIL, X, 1797 (начало I в. н. э.; Путеолы), в Путеолах существовала коллегия торговцев, которые вели дела в Александрии, провинции Азии и Сирии (*mercatores qui Alexandriai Asiai Syriae negotiantur*)⁶⁸.

Показателем интенсивных связей Сирии с Италией, и в особенности с Римом, являются многочисленные надписи, происходящие из этого города и принадлежащие выходцам из различных местностей интересующего нас региона, в том числе из Пальмиры (CIS, II, 3902, 236 г., а также 3903—3905; IGRR, I, 43—44), Тира (IGRR, I, 132), Апамеи (IGRR, I, 311, 317; ср. также 279, 339). Финикийские общины тирян и беритян, почитателей Зевса Гелиополитанского (CIL, X, 116 г. н. э.), имелись в Путеолах.

Община тирян в Путеолах находилась, насколько об этом можно судить, на особом положении. Согласно надписи IGRR, I, 420,

⁶⁶ J. D a y, *An Economic History of Athens under Roman Domination*, New York, 1942, стр. 212—214. См. по этому поводу также: О. В. Кудрявцев, *Эллинские провинции Балканского полуострова во втором веке нашей эры*, М., 1954, стр. 16. О. В. Кудрявцев особо подчеркивает роль, которую провинция Ахайя, в частности Коринф, играла в I в. до н. э.— I в. н. э. в транзитной торговле между восточной и западной частями Империи. В этой связи он указывает на неоднократные, впрочем не доведенные до конца, попытки прорыть судоходный канал через Истм. Однако уже во II в. грузопоток направляется в обход Ахайи, и она (в том числе и Коринф) утрачивает прежнее значение.

⁶⁷ См. по этому поводу также: V. P â r v a n, *Die Nationalität der Kaufleute im römischen Kaiserreiche*, Breslau, 1909, стр. 110—120.

⁶⁸ Там же, стр. 16—17.

29 мая 70 г. н. э. (204 г. тирской эры) из Тира в Путеолы был направлен морем «бог солнца сарептский», видимо Баал-Хаммон, отождествленный с Гелиосом. Особенно интересна надпись IGRR, I, 421, содержащая копию письма путеоланских тирян метрополии, направленного 23 июля 174 г., и выписку из постановления совета Тира, принятого в декабре того же года. Употребленный в надписи латинский термин *statio*, относящийся к данной общине (ср. также: *ἐπιστολὴ Τυρίων στατιωναρίων*), показывает, что она являлась своеобразным представительством тирян в Путеолах; ее создание имело целью облегчить тирянам ведение торговых операций и сношения с центром Империи ⁶⁹.

Письмо властям Тира начинается с утверждения прежнего величия общины, о котором в прошлом заботились тиряне, жившие в Путеолах, многочисленные и богатые. Между тем «ныне» положение изменилось: число стационариев сократилось и, совершив необходимые затраты на жертвоприношения и богослужения, путеоланские тиряне не могут вносить ежегодный налог на общину, составлявший 100 тыс. денариев ⁷⁰. Вследствие этого община просит власти Тира позаботиться о ее дальнейшем существовании, которое возможно только в том случае, если метрополия будет выплачивать названную сумму. Кроме этого, они просят оплатить расходы на проводившиеся в Путеолах Бутусийские игры. В заключение авторы письма напоминают, что ни тирские корабельщики, ни купцы не платят сборов в пользу общины ни в Путеолах, ни в самом Риме.

В выписке из протоколов тирского совета наибольший интерес представляет предложение, внесенное Филоклом, и постановление. Из формулы предложения мы узнаем, что тирские стационарии в Риме имели обыкновение из собиравшихся ими средств предоставлять в Путеолы 100 тыс. денариев, которые расходовались, очевидно, на уплату налога. Как выясняется, путеоланские стационарии просят дать им возможность сохранить для себя эту сумму (иными словами, они просят о предоставлении им дополнительных средств на уплату налога), или же, если римские стационарии не пожелают предоставлять им деньги, дать им, находящимся в Путеолах, возможность содержать на прежних условиях оба представительства. Иными словами, речь идет о том, чтобы сборы с тирян производились не в Риме, а в Путеолах, с

⁶⁹ Р. Мак-Маллен отмечает, что в обязанности стационариев наряду с поддержанием мира на торговых путях входило и оказание помощи путешественникам в случае необходимости (приобретение транспортных средств и т. п.). См.: R. MacMullen, *Soldier and Civilian in the Later Roman Empire*, Cambridge, Mass., 1963, стр. 56. Отсюда становится понятным, почему тирские власти использовали для обозначения своего представительства в Путеолах, и Риме термин *statio*. По указанию Ш. Дюбуа (Ch. Dubois, *Pouzzoles antiques*, Paris, 1907, стр. 87), словом *statio* именовались административные центры сообществ или корпорации провинциалов в Риме.

⁷⁰ Ср. истолкование Ш. Дюбуа вслед за Т. Моммзеном (Ch. Dubois, *Pouzzoles*, стр. 92).

тем чтобы путеоланское представительство выделяло средства на содержание римского. От постановления совета до нас дошло только начало, в котором указывается, что представительство Тира осуществляют две «станции», одна — в «царственном» Риме, а другая, очевидно, в Путеолах. Так как речь Филокла одобряется, а просьба «тех», что в Путеолах, признана справедливой, надо полагать, что в каком-то из этих вариантов она была удовлетворена.

Изложенный материал позволяет наряду с уже отмеченными особенностями утверждать, что сборы с соотечественников в пользу «станции» представляли собой регулярное явление; не случайно в рассматриваемом выше тексте подчеркнута их отсутствие. Средства данной общины складывались, очевидно, из самообложения. В то же время для престижа Тира был небезразличен материальный уровень представительства; этим объясняется и финансовая помощь метрополии.

Имелась в Путеолах и община набатейцев, располагавшая собственным святилищем (mhḡmt'; CIS, II, 158, 20 г. до н.э.; надпись сообщает об обновлении святилища, что само по себе говорит о его продолжительном предшествующем существовании). До нас дошла и надпись из Путеол (CIS, II, 157; 11 г.) о принесении двумя набатейцами — братьями Зайду и Абдалагой сыновьями Тайму — двух верблюдов в жертву богу Душаре ⁷¹.

О прочных связях Сирии с Римом говорит и находка неподалеку от Берита экземпляра декрета навикуляриев из Арелата, в котором речь идет об анноне, доставлявшейся в Рим из Нарбоннской провинции (CIL, III, 14165₈). Видимо, декрет был прислан в Берит как образец для руководства.

В первые века нашей эры эллинизированные сирийцы жили и в крупнейших торговых центрах Испании, таких, как Новый Кар-

---

⁷¹ В научно-исследовательской литературе довольно широко распространено представление об упадке торговых связей Путеол с Востоком во II в. н. э. и о перемещении центра торговли с Востока в Остию. «Наилучшим свидетельством» этого упадка считается надпись IGRR, 1, 421, которая будто бы показывает, что путеоланская *statio* тирян признала «верховенство» своих прежних «отделений» в Остии и Риме и «упиженно» просила денежной помощи (ср.: M. R o s t o v t z e f f, *Roman Empire*, стр. 151). В действительности упомянутая надпись не дает оснований для подобных заключений: речь идет о финансовой поддержке со стороны метрополии и об урегулировании административных и финансовых отношений с римской *statio*. Сама по себе эта надпись не свидетельствует о переориентации восточной торговли на Остию; наоборот, она демонстрирует отчетливо выраженное стремление Тира сохранить и закрепить свое положение в Путеолах. Ш. Дюбуа (Ch. Du-b o i s, *Pouzzoles*, стр. 81), говоря об упадке Путеол, ссылается на Philostr., *Vita Apoll.*, 7, 16, 4, где речь идет о поездке в Рим через Остию, а также на Flor., 1, 4, где Остия именуется эмпорием всего мира. С нашей точки зрения, эти указания, свидетельствуя об экономическом подъеме Остии, равно как и о ее превращении в крупный и важный торговый центр на подступах к Риму, сами по себе не говорят об упадке торговли в Путеолах. Об экономическом положении Путеол эпохи принципата см.: J. H. D' a r m s, *Puteoli in the Second Century of the Roman Empire: a Social and Economic Study*, — JRS, vol. 64, 1974, стр. 104—124.

фаген, Малака, Кордуба, Хиспалис (Севилья) ⁷². Укажем в этой связи, в частности, на надпись IGRR, I, 26 из Малаки (к сожалению, текст не датирован, однако вряд ли может быть отнесен ко времени ранее II в. н. э.) в честь Клодия, патрона и простата сообщества сирийцев, и, по правдоподобию предположению Хюбнера, выходцев из провинции Азии, находившихся в Малаке. Из местности Женэ, неподалеку от Треву в Южной Франции, происходит интереснейшая надгробная надпись (IGRR, I, 25, соотв. Сп., XIII, 2448) ⁷³ Тайму, именуемого также Юлианом, сына Саада, в которой изложены основные факты его биографии. Этот человек родился в поселении Афейла (в латинской части с важным дополнением *de vico Athelani*), был гражданином и членом совета (*decurion*) сирийского города Канафы. В Южную Галлию он прибыл для ведения торговли и создал собственное предприятие; сфера его деятельности охватывала Аквитанию, в том числе Лугдун. Датируется надпись предположительно концом II — началом III в.

Мы встречаем сирийцев и на Рейне: выше уже упоминалась надгробная надпись SEG, XIX, 648 из Августы Треверорум, в которой назван сириец ^cАзиз Агриппа, происходящий из Апамены.

Находки греческой и римской керамики в Дура-Европос (в том числе и аттической чернолаковой) весьма невелики по объему ⁷⁴; в какой-то степени, особенно образцы III в. до н. э., они могли быть занесены при основании города. Тем не менее они явно свидетельствуют о том, что торговые контакты с греко-римским миром захватывали и отдаленные районы Сирии, вплоть до границы с Месопотамией. Импортировались в Дура-Европос и бронзовые украшения ⁷⁵.

В целом, несмотря на обрывочность и фрагментарность дошедшей до нас информации, можно утверждать, что период принципата характеризовался дальнейшим укреплением и расширением традиционных связей Сирии с западным миром: создавались торговые базы, возникали новые колонии, многие сирийцы переселялись на Запад.

Несомненно, существовали связи с Малой Азией. Однако мы располагаем очень скудными сведениями на этот счет. Так, в SEG, XIII, 506 (II в. н. э.) среди учеников софиста Сотера упоминается и выходец из Антиохии.

---

⁷² Подробно см.: F. C u m o n t, *Les Syriens en Espagne et les adonies à Séville*, — «*Syria*», vol. 8, 1927, стр. 330—341.

⁷³ Ср.: J. R o u g é, *Recherches sur l'organisation du commerce maritime en Méditerranée sous l'Empire Romain*, Paris, 1963, стр. 305—306; A. A u d i n, J. P o u i l l o u k, *Une nouvelle inscription grecque à Lyon*, — «*Revue archéologique*», 1967, I, стр. 75—80.

⁷⁴ D. H. C o x, *The Greek and Roman Pottery*, — «*The Excavations at Dura-Europos, Final Report*», IV, pt I, fasc. 2, New Haven, 1949.

⁷⁵ T. G. F r i s c h, N. P. N o l l, *The Bronze Objects*, — «*The Excavations at Dura-Europos, Final Report*», IV, pt IV, fasc. I, New Haven, 1949.

Другой путь сирийской торговли вел на Восток — в Двуречье и, далее, в Индию, Среднюю Азию и Китай. Наиболее известной, по данным преимущественно эпиграфической документации, представляется организация торговли в Пальмире. Ее роль в развитии контактов между Римской империей и Парфией сравнительно рано обратила на себя внимание современников. Так, Аппиан (App., *V. civ.*, 5, 9), рассказывая о набеге, предпринятом Антонием на Пальмиру, отмечал, что ее жители, «будучи купцами, вывозят от персов индийские и аравийские товары и продают их в стране римлян». Эта характеристика, судя по контексту, не принадлежит непосредственно Аппиану или его литературному источнику; она приведена как обоснование тех обвинений в двуличной политике, которые Антоний возводил на пальмирцев и которые послужили предлогом для вторжения на территорию Пальмиры. Есть в связи с этим основания утверждать, что она восходит в конечном счете к официальным документам Антония. Здесь, конечно, трудно видеть исчерпывающую и всестороннюю характеристику экономики Пальмиры. Однако современники подчеркивают то, что наиболее отчетливо видно, что кажется им наиболее бросающимся в глаза и характерным.

Первым ученым нового времени, который посвятил специальное исследование организации пальмирской торговли, был выдающийся немецкий историк А. Хеерен — один из видных, хотя и незаслуженно забытых предшественников историко-материалистического мировоззрения ⁷⁶. В своем изложении он использовал четыре «караванные» надписи и попытался на этой основе реконструировать пути караванной торговли и методы ее ведения. По существу, данные, которые были получены в результате опубликования новых источников (и в том числе Пальмирского пошлинного тарифа), главных выводов Хеерена не поколебали ⁷⁷.

⁷⁶ А. Н. Л. Неегрен, *Commercii urbis Palmyrae vicinarumque urbium ex monumentis et inscriptionibus illustrata*, Göttingae, 1831.

⁷⁷ Наиболее существенны работы М. И. Ростовцева (M. Rostovtzeff, *Les inscriptions caravannières de Palmyre*, — *Mélanges Gustave Glotz*, vol. II, 1932, стр. 793—811; его же, *Une nouvelle inscription caravanrière de Palmyre*, *Berytus*, vol. II, 1935, стр. 143—148) и Э. Вилля (E. Will, *Marchands et chefs des caravanes à Palmyre*, — *Syria*, t. 38, 1957, стр. 262—277). Нагробные пальмирские надписи, повторно найденные в 1957 г. ЮТА-КЭ в районе Мары, впервые опубликованы в 1896 г. (см.: М. В. Никольский, *Две новооткрытые пальмирские надписи*, — *Древности восточные*, т. II, вып. 1, 1896, стр. 163—184; И. Н. Винников, *Еще о пальмирских надписях в Советском Союзе*, — *ВДИ*, 1965, № 1, стр. 139—141), как полагает М. Е. Массон (M. E. Masson, *Two Palmyrene Stelae From the Merv Oasis*, — *East and West*, vol. 17, 1967, стр. 239—247), стали известны во время завоевания Россией Туркменистана, но изготовлены в древности пальмирцами непосредственно в Мервском оазисе. Если бы такое происхождение этих надписей подтвердилось, можно было бы говорить о проникновении пальмирских торговцев и на территорию Средней Азии. Однако пока окончательное решение вопроса кажется преждевременным.

Основные объекты пальмирской транзитной торговли в первой половине II в. н. э. указаны в пошлинном тарифе (CIS, II, 3913; греческая часть также: IGRR, III, 1056). К их числу относятся рабы, окрашенная пурпуром овечья шерсть, мирра, масло, зерно, вино, жир, соленая рыба, скот. Само собой разумеется, что этот список не может быть признан исчерпывающим, поскольку сам тариф дошел до нас в поврежденном состоянии. Интересно, что основные меры грузов, использованные в тарифе, — две: нагрузка на одного верблюда и нагрузка на одного осла. Сказанное дает представление о двух типах караванов, прибывавших в Пальмиру и уходивших из нее. Впрочем, тариф свидетельствует о существовании в Пальмире мелкой розничной торговли вразнос, в частности одежды.

Торговые связи Пальмиры с городами Месопотамии иллюстрируются многочисленными надписями (стр. 100—107).

Благодаря им надежно устанавливаются торговые связи Пальмиры со Спасиновым Хараксом, Вологесией, Форатом и Геннаем. Как можно было видеть, в ряде надписей упоминаются пальмирские граждане (купцы, а возможно, и люди, имевшие другое занятие), которые резидировали в Спасиновом Хараксе и Вологесии; по постановлению пальмирских властей статуи граждан этого города устанавливаются в Спасиновом Хараксе, Вологесии и Геннае.

Иными словами, по крайней мере в этих пунктах существовали пальмирские колонии, что само по себе свидетельствует о прочности торговых связей⁷⁸ и о том, что Пальмира была заинтересована в установлении и закреплении своего господства на торговых путях Месопотамии. Не случайно ее правительство поощряет людей, активно содействующих развитию пальмирской торговли в долине Тигра и Евфрата. Не случайно и то, что гражданин Пальмиры занимает видное положение при дворе царя Спасинова Харакса, став, по существу, одним из важнейших чиновников, а другой пальмирянин облачается в Форате пописной магистратурой (и, следовательно, еще до этого приобретает местное гражданство). И конечно же, пальмирская экономическая экспансия активно содействовала римскому проникновению в этот район; не только легаты Сирии, но даже императоры считали необходимым выказать свое благоволение тем, кто снаряжал караваны и материально их обеспечивал. Особый политический смысл приобретает создание святилища Августов в Вологесии: здесь появляется храм одного из важнейших римских государственных культов, приверженность к которому служила показателем лояльности по отношению к Империи. В условиях римско-

⁷⁸ Интересно в этой связи отметить, что исследование пальмирской одежды и оружия, по данным скульптурных изображений, обнаружило глубокое иранское влияние на культуру Пальмиры. См.: H. Seyrig, *Antiquités syriennes*, 20. *Armes et costumes iraniens de Palmyre*, — «Syria», vol. 18, 1937, стр. 4—31.

Номер надписи и место находки	Дата и характер надписи	В честь кого надпись установлена	От чьего имени	Причины	Дополнительные сведения
CIS II, 3924, Пальмира	август 19 г. греко-пальмирская билингва	Йеди ^с бел сын ^с Азизу сына Йеди ^с бела из «сынов» Маттабола (в греч. тексте: «из фило маттаболиев»).	купцы — пальмирцы и греки, участники каравана (dy hslwky') *	участвовал в основании храма Бела	
Inv., X, 40, со-отв. SEG, VII, 142, Пальмира	август 81 г. н.э.; греко-пальмирская билингва; подпись к почетной статуе	Забдибол сын ^с Угайлу сына ^с Аммата сына ^с Ааха', пальмирец, из «сынов» Ма ^с азйана	купцы-пальмирцы, поднявшиеся из Спасинова Харакса	честь ради	
Inv., X, 7, Пальмира	вторая половина I в.; греко-пальмирская билингва; подпись к почетной статуе		купцы-пальмирцы, поднявшиеся «с ним» из Спасинова Харакса	в его честь	
Inv., X, 38, Пальмира	апрель 131 г.; греко-пальмирская билингва, надпись к почетной статуе	Йархай сын Небузабада сына Саламаллата сына Аххадана, гражданин Адрианы-Пальмиры, сатрап Меередата, царя Спасинова Харакса в области Тилуанов	купцы в Спасиновом Хараксе	честь ради	

* Нам представляется наиболее правдоподобным понимание слова hslwky', принятое Ж. Б. Шабо (в комментарии к надписи) и М. И. Ростовцевым (M. Rostovtzeff, Les inscriptions): $\sigma\alpha\lambda\lambda\omicron\chi\iota\zeta$, т.е. вознящая экспедиция, в данном случае, по-видимому, купеческий караван с военной охраной. См. также: И. Ш. Шифман, Социальная терминология в языке пальмирских надписей, — СеMITские языки, вып. 2, часть I, М., 1965, стр. 177—186.

Номер надписи и место находки	Дата и характер надписи	В честь кого надпись установлена	От чьего имени	Причины	Дополнительные сведения
SEG, XV, 849, Пальмира	132 г., греческая надпись; подпись к почетной статуе	Суайду сын Билиада ^с	караван купцов, поднявшийся из ВOLOGЕСИИ; каравановожатые Агес сын Йарихбола и Таймарду, сын Таймарцу; воздвигаются четыре статуи: в священной роще, в храме Зевса, в храме Ареса и в храме Атаргатис	благочестивый, любящий отечество, помогавший купцам, караванам и гражданам в ВOLOGЕСИИ; не щадил себя и своего имущества для блага отечества и за это был почтен постановлениями народного собрания, статуями, воздвигнутыми народом, а также рескриптами и распоряжениями Публиция Марцелла (легат Сирии в 132—135 гг.); спас караван от большой опасности	видимо, обеспечивал вооруженную охрану каравана
Inv., X, 112, Пальмира	сентябрь 140 г. н.э.; греко-пальмирская билингва; подпись к почетной статуе	... сына Александра, архонт (?) Фората, входящего в область Спасинова Харакса	участники каравана, которые поднялись с Малхом сыном ^с Азизу из Спасинова Харакса в ВOLOGЕСИЮ и Пальмиру	так как он был угоден им во всем, в его честь	

Номер надписи и место находки	Дата и характер надписи	В честь кого надпись установлена	От чьего имени	Причины	Дополнительные сведения
Inv., X, 81, Пальмира	декабрь, 135 г. н. э.; греко-паль- мирская билингва; подпись к почет- ной статуе	Юлий Максим, центурион легио- на (название не со- хранилось)	Марк Ульпий Абгар сын Хайра- на сына Абгара и участники карава- на, который под- нялся с ним из Спасинова Харак- са	в его честь	
CIS, II, 3916, Пальмира	апрель 142 г. н. э.; греко-паль- мирская билингва; подпись к почет- ной статуе	Неса сын Халы сына Несы сына Халы сына Рефа- эля сына Абисайа, каравановожатый	участники кара- вана — купцы, прибывшие вместе с ним из Фората и Вологесии	честь и благо- дарности ради; по- тому что он стоял во главе их и по- могал им во всем	
Inv., X, 124, Паль- мира	февраль 150 г. н. э.; греко-паль- мирская билингва; подпись к почет- ной статуе	Неса сын Халы сына Несы сына Халы, каравано- вожатый	участники кара- вана, спустивше- гося вместе с ним из Пальмиры в Во- логесию	честь и благо- дарности ради; по- тому что он был угоден им во всем, в его честь	как показал Ж. Старки (см. комментарий), идентичен с ка- равановожатым в CIS, II, 3916
CIS, II, 3928, Пальмира	август 155 г. н. э.; греко-паль- мирская билингва; подпись к почет- ной статуе	Марк Ульпий Йархай сын Хай- рана сына Абгара	участники кара- вана, поднявшего- ся из Спасинова Харакса; согласно греч. тексту, ста- туя воздвигнута попечением кара- вановожатого Заб- де ^с аты сына Заб- делы сына Иаддайа	за то, что он по- могал каравану всеми способами, в его честь	по-видимому, брат Марка Ульпия Абгара сына Абгара (Inv., X, 81)
Inv., X, 111, Пальмира	август 111 г. н. э.; пальмирская надпись; подпись к почетной статуе	Марк Ульпий Йархай сын Хай- рана сына Абгара	караван, спу- тившийся в Спасинов Харакс	потому что он по- могал им во всем, в его честь	идентичен с предшествую- щим

Номер надписи и место находки	Дата и характер надписи	В честь кого надпись установлена	От чьего имени	Причины	Дополнительные сведения
Inv., X, 90, Пальмира	январь 157 г.; греко-пальмир- ская билингва; подпись к почет- ной статуе	Марк Ульпий Йархай сын Хай- рана сына Абгара	караван, подняв- шийся из Спаси- нова Харакса, по- печением карава- новожатого (в пальм. тексте: «когда караваново- жатым был») Йад- дайа сына Забдилы сына Йаддайа	честь ради	идентичен с предшествую- щим; каравано- вожатый, видимо, брат Забде ^с аты сына Забделы сына Йаддайа (см. CIS, II, 3928)
CIS, II, 3960, со- отв. Inv., X, 87—88 Пальмира	март 157 г.; гре- ко-пальмирская билингва; подпись к почетной статуе	Марк Ульпий Йархай сын Хай- рана сына Абгара	Хайран сын Йархайа сына Тай- мы и Хабиби сын Йархайа сына Хай- рана, «сыны Анну- бата», его «друзья» (ḡḡṡwḡḡu) и купцы, которые поднялись с ними	в его честь	идентичен с предшествую- щим; согласно восстановлению Ш. Клермон- Ганно, в греч. тексте указано, что караван прибыл из Ху- ман
CIS, II, 3961, со- отв. inv., X, 89, Пальмира	дата не сохрани- лась; имеется толь- ко пальмирская часть	Ма[рк] Уль- п[ий] Йархай сын [Хай]рана сына [Абгара]	купцы, которые [поднялись с ним из. . . ?]	формула не со- хранилась	идентичен с предшествую- щим; рекон- струкция тек- ста Ж. Старки
Inv., X, 107, Пальмира	июнь 159 г. н. э.; греко-пальмир- ская билингва; подпись к почет- ной статуе	Марк Ульпий Йархай сын Хай- рана сына Абгара	караван, подняв- шийся из Спаси- нова Харакса; вел караван Абгар сын Йархайа	так как он помо- гал им всеми спо- собами, чести ради	идентичен с предшествую- щим

Номер надписи и место находки	Дата и характер надписи	В честь кого надпись установлена	От чьего имени	Причины	Дополнительные сведения
CIS, II, 3963, со- отв. Inv., X, 47, Пальмира	предположи- тельно первая по- ловина II в. н. э.; греко-пальмир- ская билингва; подпись к почет- ной статуе	Таймарцу сын Лишамна сына Малику сына Асабая, благоче- стивый и любящий отечество	участники кара- вана, которые... [с] ни[м]...	потому что он был угоден им и помо- гал им во всем	
SEG, VII, 135**, окрестности Паль- миры	середина II в. н. э.; греческая надпись; подпись к почетной статуе	Суайду сын Бо- лийада ^c , благоче- стивый и любящий отечество	«совет и народ» Пальмиры; воздви- гаются четыре ста- туи в полисном храме четырех бо- гов (ἐν τῷ<ι> τετ- ραθεῖω<ι> τῆς πόλε- ως), а также три статуи в Спасино- вом Хараксе, Во- логесии и Геннае	помогал купцам, гражданам и кара- ванам в Вологеси- аде; воздвиг в Во- логесии святилище Августов; за это почтен рескриптами Адриана и Ан- тонина Пия, рес- криптом и распо- ряжением Публи- ция Марцелла, а также постановле- ниями и статуями от имени «совета и народа», караванов и отдельных лиц	идентичен с упоминаемым в SEG, XV, 849
Inv., X, 29, Пальмира	июль 161 г. н. э.; греко-пальмир- ская билингва; подпись к почет- ной статуе	Марк Эмилий Маркиан Асклепи- ад, антиохийский булеут; четверть- дольник (τεταρτώ- νῃ; dy rb ^{c'})	купцы, подняв- шиеся из Спасино- ва Харакса; их каравановожа- тый — Неса сын Болпйада ^c		караваново- жатый — брат предыдущего

** Ср.: R. Mouterde, A. Poidebard, La voie antique des caravanes entre Palmyre et Hit au IIe siècle ap. J.-C. d'après une inscription retrouvée au S.-E. de Palmyre, — «Syria», vol. 12, 1931, стр. 101—115.

Номер надписи и место находки	Дата и характер надписи	В честь кого надпись установлена	От чьего имени	Причины	Дополнительные сведения
CIS, II, 3948, со- отв. Inv., III, 28, Пальмира	апрель 193 г. н. э.; греко-паль- мирская билингва; подпись к почет- ной статуе	Таймарцу сын Таймы сына Му- кайму сына Гар- бы, каравановожа- тый	участники кара- вана, который под- нялся с ним из Спасинова Харак- са	он предоставил им на путевые рас- ходы 300 денариев старого золота *** и был угоден им; в его честь и в честь Йаддаи и Забдибола, его сы- новей	
CIS, II, 3949 со- отв. Inv., III, 29, Пальмира	март 211 г. н. э.; греко-пальмир- ская билингва; подпись к почет- ной статуе	Йаддай сын Тай- марцу сына Тай- мы сына Мукайму сына Гарбы	Надпись сильно разрушена; по-ви- димому, ее адресат был связан с куп- цами, торговавши- ми или резидиро- вавшими в Вологе- сиаде, и предостав- лял им какие-то крупные суммы		сын предыду- щего?
CIS, II, 3933 со- отв. IGRR, III, 22, Пальмира	апрель 247 г. н. э., греко-паль- мирская билингва; подпись к почет- ной статуе	Юлий Аврелий Зебида сын Моки- му сына Зебиды сына Аштора сына Байды	участники кара- вана, которые спу- стились с ним в Вологесию	так как он был им угоден, в его честь	

*** Ср. по этому поводу: J. Guey, *Deniers (d'or) et deniers d'or (de compte) anciens*, — «Syria», 1961, стр. 268—274. Автор обоснованно, на наш взгляд, полагает, что «денарии старого золота» представляют собой ауревсы чеканки Августа или Клавдия, во всяком случае, до 64 г. н. э.

парфянского соперничества и неоднократных попыток Рима закрепить в Месопотамии стремление внедрить культ римских императоров должно было способствовать идеологической обработке населения в духе, враждебном парфянскому господству.

До сих пор известна только одна надпись, позволяющая судить о караванной торговле Пальмиры с Египтом: CIS, II, 3910 (Тентира; предположительно датируется концом II в. н. э.), в которой упомянут Юлий Аврелий Маккай, приведший караван, вероятно, в долину Нила.

Несколько особняком стоит хадрамаутская надпись Ja, 931, в которой упомянуты пальмирцы (tdmry) hyry w^cddm⁷⁹. Первое имя находит соответствие в пальмирском Хайра (hyr'; CIS, II, 3939), второе — в пальмирском ^cАзизу (^czyzw; CIS, II, 3924, 3934 и др.). Видимо, Пальмира имела непосредственные контакты с Южной Аравией, возможно через Персидский залив.

Значительный интерес для характеристики пальмирской торговли представляет и надпись Inv., X, 96 (соотв. SEG, VII, 156) из Пальмиры в честь уже многократно упоминавшегося выше Марка Ульпия Йархайа сына Хайрана (датируется мартом 157 г.; пальмирская часть надписи сильно разрушена). Стела воздвигнута купцами, прибывшими из Скифии, на корабле, принадлежащем Хунайну сыну Хаддудана. Значительную сложность представляет вопрос о том, какой именно географический район обозначен в данном тексте словом «Скифия». Кажется общепринятым, что здесь имеются в виду сакские царства в Северо-Западной Индии, куда пальмирские купцы могли проникнуть через устье Инда⁸⁰. Основанием для такого решения служит указание «Перипла Эритрейского моря» (§ 38), который помещает «приморские части Скифии» в районе истоков Инда. Эти представления, в свою очередь, восходили к концепции античных географов, согласно которой истоки Инда находились на Кавказе (ср. Av., Ora mar., 1286—1293). Однако возможно и иное решение проблемы. Как известно, античные географы локализовали Скифию прежде всего и преимущественно в Северном Причерноморье (Per. Ps.-Scyl., 63; Per. Ps.-Scymn., 835—840; Ps., Arr., Per. Pont. Eux, 49; Av., Ora mar., 861—863). Если исходить при истолковании Inv., X, 96 из этой предпосылки, придется признать, что корабль прибыл из Северного Причерноморья в одну из восточносредиземноморских гаваней. Обе точки зрения одинаково правдоподобны. Однако, как

⁷⁹ Ср. по поводу интерпретации этой надписи: J. R y c k m a n s, Les rois de Hadramawt mentionnés à ^cUqla, BiOr, vol. 21, 1964, стр. 277—283; A. J a m m e, A propos des rois Hadramoutiques de al-^cUqla, Washington, 1965, стр. 16—17. Автор считает своим приятным долгом принести благодарность А. Г. Лундину, указавшему на эту надпись и на возможность ее истолкования, принятого нами.

⁸⁰ H. S e y r i g, Palmyra and the East.—JRS, vol. 40, 1950, стр. 6; там же указана предшествующая литература. Ср. комментарий к надписи Ж. Старки.

бы то ни было, очевидно, что пальмирыцы предпринимали меры для участия не только в караванной, но и в морской торговле своего времени.

Приведенный материал позволяет с достаточной степенью достоверности судить об организации караванной торговли. Караван (συνοδία; šyr' или šyrt') представлял собой коллектив, который мог принимать по различным поводам самостоятельные решения. Мы сталкиваемся с этими решениями только при возведении почетных статуй, чему предшествовало соответствующее постановление. Несомненно, однако, что решение всех участников каравана могло приниматься (и, возможно, было необходимым) и в иных ситуациях, например при установлении связей с лицом, оказывающим услуги каравану, при выборе каравановожатого, определении маршрута и т. п. Караваны имели общие денежные средства, складывавшиеся, надо полагать, из взносов участников; лишь в исключительных случаях одно какое-то лицо брало на себя все денежные издержки.

В нашем распоряжении нет достаточных данных для того, чтобы определить детально круг деятельности и положение каравановожатого (συνοδιάρχης; rb šyrt'). Правда, в ряде текстов говорится, что последний был главой каравана и заботился о том, чтобы все пожелания участников экспедиции были удовлетворены. Эти обстоятельства позволяют думать, что каравановожатый выполнял в коллективе распорядительные и, возможно, командные функции. Однако едва ли прав М. И. Ростовцев, когда он конструирует образ самовластного «царя-караванщика»⁸¹. Этому противоречат формулы: «поднялись» или «спустились» «вместе с ним», которые указывают, что речь в данном случае идет о людях равноправных. Если бы каравановожатый обладал особым правовым статусом или в какой бы то ни было форме властью над участниками каравана, это положение должно было бы найти отражение в формуляре надписей. Очень важные сведения о положении каравановожатого содержит надпись CIS, II, 3936 (соотв. Inv., III, 13), сопровождавшая статую Юлия Аврелия Шаламаллата сына ^cАбда́я, воздвигнутую по постановлению «совета и народа» Пальмиры. Этот человек был каравановожатым (ἱεραρχέμπορος; rb šyrt'); караван он водил «безвозмездно», «за свой счет» (πρὸ ἑαυτοῦ; mgn mn kysh). Надо полагать, что обычно труд каравановожатого оплачивался. Интересно, что одна из надписей в честь Септимия Ворода (CIS, II, 3942; соотв. IGRR, III, 1045), датированная предположительно 267 г., восхваляет его за то, что он снаряжал караваны на свои средства⁸².

⁸¹ M. R o s t o v t z e f f, Les inscriptions. Ср. также: R. Will, *Marc-hands*.

⁸² Нам представляется слабо аргументированной точка зрения М. И. Ростовцева (M. R o s t o v t z e f f, Les inscriptions), который полагал, что использование глагола ἀναχορίζω говорит о снаряжении военных эскортов для караванов. В этом случае были бы более уместны глаголы περιφρουρεῖω или ἀκολουθεῖω.

Само собой разумеется, что при наличии интенсивной, как можно было видеть даже из приведенных выше отрывочных и случайных указаний, караванной торговли одной из важнейших задач пальмирских властей было обеспечение безопасности на караванных путях. Значительный интерес в этом отношении представляет надпись Inv., X, 44 (соотв. SEG, VII, 139), датированная январем 199 г. По постановлению «совета и народа» четыре пальмирские филы воздвигают статуи «Угайлу сына Маккайа сына «Угайлу сына Шевура, в частности, за его заслуги во время похода против кочевников, а также за то, что он обеспечивал безопасность караванов, затрачивая на эти цели личные средства. В пальмирской части надписи речь идет о его заслугах в многочисленных стратегиях (b'srtgwn šgy'yn), при обеспечении безопасности (? — wbsryhyn), а также при организации караванов⁸³.

Интенсивное развитие караванной торговли, несомненно, оказывало значительное влияние на жизнь пальмирского общества. Рассмотренные выше надписи показывают, что на протяжении всего интересующего нас времени в Пальмире имелись люди, профессионально занимавшиеся вождением караванов, неоднократно возглавлявшие торговые экспедиции. Таков, в частности, Неса сын Халы, руководивший караванами, шедшими из Пальмиры в Вологесию и из Вологесии и Фората в Пальмиру. Мы встречаемся и с семьями каравановожатых; таковы братья Забдеата и Йаддай, сыновья Забдиелы.

Как можно было видеть, активное участие в развитии пальмирской караванной торговли принимали местные аристократические семьи, представители которых иногда и сами возглавляют караваны, но главным образом руководят их организацией, финансируют и обеспечивают их безопасность. Среди них могут быть отмечены братья Суайду и Неса, сыновья Болийада^c, из которых один известен как каравановожатый, а другой оказывает финансовую помощь отдельным купцам, караванам, а также пальмирской колонии в Вологесии. Другая семья подобного рода — Таймарцу сын Таймы сына Мукайму сына Гарбы и его сын (если верна реконструкция соответствующей надписи) Йаддай. Они не только сами водили караваны в Вологесию и Спасинов Харакс, но и предоставляли участникам каравана значительные денежные суммы. Все эти расходы, по-видимому, окупались и ростом влияния, в том числе и на развитие торговли, и в конечном итоге возможностью извлекать новые барыши из укреплявшихся таким способом кон-

⁸³ Мы считаем обоснованными сомнения Э. Вилля (E. Will, *Marcshands*) в гипотезе М. И. Ростовцева, считавшего, что в Пальмире существовала должность *στρατηγός κατὰ τῶν Νομάδων* (M. Rostovtzeff, *Les inscriptions*). В данном случае речь идет, вероятно, о походах против кочевников, которые (походы. — *И. III.*) обозначены словом *στρατήγαι*. Однако его собственная точка зрения, согласно которой каравановожатые, обеспечивавшие безопасность, были шейхами, племена и воинские силы которых находились в пустыне и использовались для охраны караванов, также пока не находит подтверждения в источниках.

тактов. Лучше всего документирована деятельность братьев Марка Ульпия Абгара и Марка Ульпия Йархайа, сыновей Хайрана сына Абгара. Первый выступает в роли каравановождатого, второй неоднократно организует караваны, во главе которых ставятся лица, вероятно от него зависимые и являющиеся его агентами. Он связан и с купцами-пальмирцами, ведущими морскую торговлю. Сын Марка Ульпия Йархайа, Абгар, также выступает в роли каравановождатого еще при жизни отца; последний считал необходимым включить его в дело, может быть для того, чтобы подготовить себе преемника.

Возникает вопрос: было ли хозяйство поименованных лиц чисто торговым, или же они располагали и земельной собственностью? Последнюю возможность нельзя считать исключенной, однако размах торговых операций, о которых мы узнаем из надписей, позволяет утверждать, что основу благосостояния этих людей составляли доходы, поступавшие от организации караванов и других операций такого рода.

Само собой разумеется, что представители торговой аристократии (если позволительно употреблять этот термин) должны были пользоваться значительным влиянием в пальмирском обществе. В связи с этим поражает, что в надписях, где упоминаются названные выше лица, отсутствуют сведения об их *cursus honorum*; эти люди, следовательно, не занимали в Пальмире полисных должностей. Остается открытым вопрос; не имеем ли мы в данном случае дело со случайным стечением обстоятельств? Очевидно, только новые, дополнительные источники позволят более или менее точно решить вопрос о роли торговой аристократии в жизни общества.

Вероятно, торговая аристократия существовала и в других городах — центрах караванной торговли, однако сведениями на этот счет мы не располагаем.

Как можно было видеть, торговые связи Пальмиры с названными выше центрами были закреплены созданием в этих городах колоний и строительством храмов пальмирским божествам. К этому списку, несмотря на молчание надписей, происходящих непосредственно из Пальмиры, должна быть добавлена и Дура-Европос, с которой Пальмира, несомненно, поддерживала тесные связи. Подтверждением этому служит обнаруженный в Дуре-Европос храм пальмирских богов, находившийся у северо-западной башни городской стены⁸⁴. Постройка храма относится, вероятно, к первой половине I в. н. э. Во дворе храма была обнаружена мраморная плита с надписью, датированной февралем — мартом 115 г., согласно которой Лисий сын Конона сына Патрокла «воздвиг на свои средства этот дом и верхний этаж вследствие своего благочестия по отношению к Зевсу и ради благополучия

⁸⁴ Подробные описания см.: F. Cumont, *Fouilles de Doura-Europos*, Paris, 1926, стр. 29—41; Watzinger, *Dura*,— P.-W. RE, Supplementband VII, Stuttgart, 1940, стлб. 153—154.

своего и потомков» (Cumont, I, соотв. SEG, VII, 754). Ф. Кюмон, видимо, прав, полагая, что под словом *ḥṭṭ* в надписи имелся в виду не сам храм, а некая постройка на храмовой территории. Данная надпись показательна в том отношении, что представители влиятельнейших семей в Дура-Европос считали необходимым совершать посвящения пальмирским богам, очевидно для укрепления своих связей с Пальмирой. Наряду с этим, однако, непосредственно в центре города был построен так называемый храм Гадде — храм трех Фортун: Пальмиры, Дура-Европос и некоего третьего, трудно определимого города⁸⁵. Внимание исследователей привлекли некоторые надписи, обнаруженные в этом храме. Одна из них (ED, VII—VIII, 907) сопровождает изображение божества-покровителя Дуры-Европос и гласит: «Гад Дуры; изготовил Хайран сын Малику сына Нацора. В месяце нисан, год 470» (соотв. 159 г.). Другая надпись (ED, VII—VIII, 908), сопровождающая изображение бога-покровителя Пальмиры, построена по той же схеме: «Гад Тадмора; изготовил Хайран сын Малику сына Нацора. В месяце нисан, год 470». Издатели описания этого храма обратили внимание на то обстоятельство, что имя Нацор встречается в надписи из Пальмиры (CIS, II, 4202) как имя одного из предков Септимия Одената, от которого начинается отсчет родословной. Исходя из близости имен родоначальников считают возможным, хотя и очень осторожно, высказывать предположение, что род Одената и род, к которому принадлежало лицо, «изготовившее» изображения богов в храме Гадде, были как-то связаны между собой. Естественно, приходится учитывать разницу во времени (около 60 лет), которая отделяет CIS, II, 4202 (около 225 г.) и надписи из храма Гадде. Однако эту разницу можно отнести за счет того, что в CIS, II, 4202 указаны четыре поколения, тогда как в надписях из храма Гадде — три поколения. Впрочем, сходство имен можно отнести и за счет случайного стечения обстоятельств, тем более что близкое имя *nsr'* дважды встречается и в надгробной надписи CIS, II, 4403⁸⁶. Таким образом, вопрос о соотношении родословной в интересующих нас надписях пока остается открытым; как бы то ни было, однако Хайран сын Малику сына Нацора был в середине II в. в пальмирской общине Дура-Европос заметным и влиятельным лицом.

Неоднократно перестраивавшийся храм Гадде служил, очевидно, как культовым сооружением, так и местом, где происходили собрания пальмирцев, живших в Дура⁸⁷. Параллельное соору-

⁸⁵ Подробное описание см.: M. I. Rostovtzeff, F. E. Brown, C. B. Welles, *The Excavations at Dura-Europos, — «Preliminary Report of the Seventh and Eighth Seasons of Work», New Haven, 1939, стр. 218—258; Watzinger, Dura, стлб. 155—156.*

⁸⁶ На это обстоятельство указал Ж.-Б. Шабо в комментарии к CIS, II, 4202.

⁸⁷ Ср.: M. Rostovtzeff, *Un foundouk Palmyrénien à Doura, — «Comptes-rendus de l'Académie des inscriptions et belles-lettres», 1935, стр. 290—304.*

жение именно в этом храме изображений богов-покровителей Дура-Европос и Пальмиры должно было продемонстрировать лояльность местных пальмирцев как по отношению к их родине, так и по отношению к городу, в котором они жили. Оно свидетельствует в то же время о существовании между этими городами в середине II в. тесного и равноправного союза.

Обращает на себя внимание и надпись ED, VII—VIII, 909, сопровождающая изображение одного из пальмирских богов, Йарихбола. Это изображение изготовили «сыны Майте, лучники» (ʿbd bny myt' qṣṭ'). Интересно, что пальмирские лучники упоминаются и в посвяительных надписях из Митреума в Дура-Европос, датируемых 168 г. (ED, VII—VIII, p. 83—84). Одна из них — билингва. Греческий текст: Ἐθπανεὶ ἰστὰρ-ῆγγα — «Этпаней-стратег» — целиком воспроизводит арамейско-пальмирское произношение. Пальмирская часть надписи довольно обстоятельна: «Добрая память. Изготовил Этпаней стратег, сын Забдеа, тот, кто командует лучниками, теми, что в Дура ('tpny 'strtg' br zhd'ch dy 'l qṣṭ' dy bdwr') в месяц адар, 480». Другая надпись, греческая, сопровождает изображение бога Митры, которое изготовил «Зенобий, который также Эйазйба сын Йарихбола, стратег лучников»; надпись датирована 170/1 г.

Из сказанного, несомненно, следует, что в середине и второй половине II в. н. э. в Дура-Европос находился отряд пальмирских лучников. Он не может быть отождествлен с известным подразделением римской армии — XX когортой пальмирских сагиттариев, которая была расквартирована в Дура-Европос по крайней мере с 208 по 256 г.⁸⁸, уже по той причине, что ее документация, в том числе и надписи (ср. ED, VII—VIII, 906), изготовлялась на латинском языке. По мнению М. И. Ростовцева⁸⁹, эти лучники предназначались для охраны караванных дорог. С такой постановкой вопроса можно было бы согласиться, однако надписи не содержат никаких упоминаний о подобном рода функциях названных отрядов.

Формула «стрелки из лука, которые в Дура» (qṣṭ' dy bdwr'), показывает, по нашему мнению, что эти отряды находились в Дура-Европос постоянно, неся там гарнизонную службу. Косвенно в пользу этого предположения свидетельствует и наличие двух надписей, разделенных промежутком в два-три года. То обстоятельство, что в качестве их командиров выступают разные лица, не может вызвать нашего удивления: произошла смена командного состава. Ситуация, в которой Дура-Европос находилась в период, когда создавались интересующие нас надписи⁹⁰, показывает, что пальмирские лучники должны были находиться в этом городе в качестве союзных римлянам вспомогательных войск. Их преоб-

⁸⁸ См. подробно об истории и организации этого римского подразделения: DEPP, 26—46.

⁸⁹ M. R o s t o v t z e f f, Un foundouk Palmyrénien.

⁹⁰ F. C u m o n t, Fouilles, стр. LII—LIII.

разование в ХХ когарту явилось последовательным актом римских властей, направленным на возможно более полное использование пальмирских войсковых соединений. В нашем распоряжении, однако, нет прямых указаний, которые позволили бы утверждать, что подобные лучники и в более ранний период находились в Дура-Европос.

Наличие агоры и прилегавших к ней магазинов уже в селевкидский период существования Дура-Европос позволяет видеть в ней крупный центр не только пальмирской, но и местной торговли. Правда, с течением времени, особенно в парфянский период, агора застраивается, преимущественно торговыми предприятиями, так что ее площадь резко уменьшилась и потеряла первоначальную планировку⁹¹. Это явление представляет, несомненно, значительный интерес; оно связано, как нам кажется, в немалой степени с непрерывным ростом крупных купеческих предприятий, которые вытесняли из деловой жизни мелких торговцев и захватывали в свои руки все важнейшие операции. Значительный материал о деятельности подобных предприятий (хотя и сравнительно средних по объему деятельности) содержит серия надписей SEG, VII, 381—430 (235—240 гг.), в которой речь идет о денежных платежах и иных операциях торгового дома Аврелия Небухела. Ввиду его важности приводим этот текст целиком в русском переводе.

«381. Затем: внес я, Неб<ухел, денариев> 2120. Затем: послал Баба через Бимела сына Адагабара <денариев> 202, через Бата сына Химиней <денариев> 850, через Барнабу сына Семей <денариев> 100.

382. Затем: внес я, Небухел, <денариев> 2120. Отдал я Фраату <денариев> 1140; кроме того (буквально «другие»), <денариев> 616. Затем: послал Баба через Бимела <денариев> 202, через Бата денариев 850. Взял Марибел <денариев> 152.

383. Когда я п[р]ибыл в Кахандес⁹², я принес денариев 78.

384. Взял Марабел ми<н> 74, <денариев> 34.

385. Затем: выплачено: взял Марабел <денариев> 152, Фраату <денариев> 1140, кроме того, <денариев> 616, кроме того, <денариев> 1160. Фраату еще <денариев> 1140. Я послал в Ападану⁹³ <денариев> 200. <Итого> 3268.

386. Отчет. Затем: я взял у Балантия (?) для Небухела <денариев> 150, для Германа <денариев> 24. На мясо <денариев> 19, на зерно <денариев> 29, на мех <денариев>... на ячмень <денариев> 152, на мясо <денариев> 3.

---

⁹¹ Подробно см.: M. I. Rostovtsoff, A. R. Bellinger, F. E. Brown, C. B. Welles, *The Excavations at Dura-Europos, — «Preliminary Report on the Ninth Season of Work», pt I, New Haven, 1944.*

⁹² Согласно любезному указанию О. Ф. Акимушкина, О. Г. Большакова и В. А. Лившица это персидское слово обозначает крепость, которая могла находиться в одной из горных областей Ирана.

⁹³ Город на левом берегу Евфрата (см. комментарий к этому месту).

387. Затем: я дал Агриппату —, дал... τ —, в Ду[ра — —] δα.
388. — На организацию военного конвоя <денариев> — — ονοα <денариев> — — — на ладан <денариев> 50, — — <денариев> 150, — — δην — — <денариев> 800, — — <денариев> 8, Бабилету <денариев> 5, Гераклиту <денариев> 11.
389. Затем: я дал Агриппату, я дал ему <денариев> 300, чтобы он привез мне миро, три гидрии.
390. Дал Кааней Салману <денариев> 8.
391. Затем:
392. Даны Малху <денариев> 8.
393. Получил у нас из принадлежащих Салману ΚΟΚΟΜΟΙ одежду одну.
394. Достался мне из арендной платы последней ⁹⁴ ячмень, арта 620.
395. Затем: получ[ил] — —.
396. Абуалет <денариев> 4.
397. Досбит.. 16.
398. <денариев> 25, <денариев> 25, <денариев> 31 (?).
399. Имею у Гермеса <денариев> 48, у торговцев хлебом <денариев> 24.
400. Садамса 26, 7, 19, 16, 21, 7.
401. Я взял у Валентина <денариев> 181, я взял у Валентина то, что он прислал, <денариев> 389, у {Марабела <денариев> 100.} Имею я вместе с Ан[и]нис и Малхом (я привез и это в Дура): вина старого бочек 69; то, что досталось мне — бочек 23. И имею еще; имею еще я, и Окбасий, и Акинис, и Малх в Банабеле бочек 200; то, что принадлежит мне, — бочек 50; и отдал я цену моей доли целиком ⁹⁵.
402. против Никофон<та>.
403. Зате<м>: я имею у Азанита цену овечьей <шерсти> 14.
404. Мы имеем обработанной шер<сти> 98, и продано шер<сти> 73.
405. — — πολυμ. Я продал шер<сти> 79, мы разделили шер<сть> 3, мы разделили другую шер<сть> 21.
406. Продал Марибел шерсть 58; другую шерсть 14.
407. Прежде мы отказались от обработанной шерсти 61. Сосчитаны деньги.
408. Шер<сть> 2, шер<сть> 3, шер<сть> 1, шер<сть> 18, шер<сть> 3, шер<сть> 1,1, шер<сть> 2,1, шер<сть> 10, шер<сть> 2, шер<сть> 1, шер<сть> 1, шер<сть> 3, шер<сть> 4, шер<сть> 1 ⁹⁶.
409. Грузов ⁹⁷ 450 ячмени.

⁹⁴ По-видимому, арендная плата за землю.

⁹⁵ Следуют две строки, почти полностью уничтоженные.

⁹⁶ Видимо, измеряются кппы шерсти.

⁹⁷ Обращает на себя внимание идентичность этой единицы измерения грузов с принятой в Пальмирском пошленном тарифе.

410. страны? 3,2 2(?)

411. Хлеб в Суру <денариев> III, пшеница <денариев> X, ячмень <денариев> XII, вино <денариев> IIII.

412. Мякина VIIIIII.

413. ν ολθεος? <денариев> II, елей денариев 9V (V).

414. — — <денариев> — — елей <денариев> 8, ячмень <денариев> 2.

415. в Ба...<денариев> 27.

416. Сам <денариев> 50, на ячмень <денарий> 1. Манну я да<л денариев> 4, на м[ясо]? <денариев> 4, на елей <денариев> 11, на вино <денариев> 4, — — — —.

417. Кол. I. Затем: послал в Ападану я, Небухел: рубахи 2047, 2046; плащи 2046; полотенца 7042; рубахи 2046; пестряди 4107; туники с рукавами 4064; полотенца 4015; покрыва<ла> 2050; другие 3042; банные полоте<нца> 2055; плащ<и> 2046; далматик<и> 2060; девичьи 4; детские 103; банные полотенца 2035; детские низшего сорта 4011.

Кол. II. То, что мы имели сначала: туники без<рукавные> далматин<ские> 2044; туники безрукавные 2035; тюрбаны 2024; перины 2; одеяло 1 и подушку его; стихарий ЮТО, далматики 1, 35, 37 (?).

Кол. III. Пурпур ли<тров> 9, маткона 2.

418. Хлами<ду> <денариев> III.

419. В Аффадану: далм<атику> 1060, матк<она> — —

420. Детский 1013, плащ 1090, дал<матику> пурпур<ную> 1040, дал<матику> зеленую 1.

421. Наш пурпу[r] ли<тров> 12.

422. — Парагав<дии> δα< > 2, далматик<у> шер<стяную> 1, тунику безрукавную шерстяную 1, плащ женский шерстяно<й> 1, парагавдион бел<ый> 1, пестрядь 1, тунику безрукавную пурп<урную> 1, повязку 1, одея<ло> 1, шерстяные ту<ники> пу<рпурные> 2, оде<яло> распи<сное> 1, [п]лащ белый 1... σκαδεζμια (?) 5, подуш<ку> 1.

423. Сапоги п<ар> 2044, банные по<ло>тенца 2048, лаодикейские 1032, 1036, 1036.

424. — — 4, — — 2, факелы 2.

425. Абиммела повязки 20.

426. рδ φα<келы> 3, 6, 1010, 5.

427. Кол. I. Кордама ми<н> 1, коста ми<н> 1, αςναβωξ (?) ми<н> 1, σιβαλαναρ (?) ми<н> 1, σιβαλαναρ (?) ми<н> 1.

Кол. II. И сапоги п<ар> 10, ремни ми<н> 2, плащи женские ми<н> 2, σολαλ ми<н> 6.

428. Шнур<ки> новые из шерсти ста<теров> 8, 3; браслеты статеров 23, L 8.

429. Имею залоги я: шнурок<денариев> 4, перстень <денариев> 8.

430. Имею залоги: ма<ть> Фраата <денариев> 32, жена Марабела <денариев> 8».

Таким образом, деловые операции Небухела, отраженные в данных надписях, складываются из денежных платежей неизвестного нам назначения, в том числе и через посредников, а также торговых операций; в нескольких случаях он участвует в торговых компаниях или вкладывает свои деньги в чужие предприятия; кроме того, он выдает ссуды под залог. Сфера его деятельности не ограничивается непосредственно Дура-Европос; она распространяется на близлежащие поселения и крепости вроде Суры. Объектами торговой деятельности Небухела было зерно, продовольствие (в том числе вино), шерсть, одежда и обувь, пурпур, елей. В целом же его операции, хотя они и производят впечатление весьма масштабных, кажутся до известной степени бессистемными. Этот человек как будто бросается от одной сделки к другой, независимо от того, с кем или с чем ему придется в каждый данный момент иметь дело.

Все сказанное позволяет, по крайней мере применительно к данному случаю, утверждать, что в Дура-Европос в первой половине III в. н.э. не существовало торговой специализации и прочных торговых объединений. По своему размаху деятельность Небухела вряд ли может сравниться с операциями финикийских или пальмирских купцов, ведших интенсивную посредническую торговлю, часто далеко за пределами родного города. Ничто, однако, не мешает думать, что и в Дура имелись купцы, ведшие более обширную торговлю.

В самом деле, археологические материалы, происходящие из Дура-Европос, позволяют выявить определенный процесс развития и, возможно, концентрации торгового капитала на протяжении интересующего нас времени. Если в эллинистическое время купеческие лавки, располагавшиеся на агоре, представляли собой сравнительно скромные помещения, состоящие из кладовой и собственно магазина, то в более поздний период в результате перестроек на этом же месте и застройки агоры лавки стали частью обширных комплексов, богатых домов, часто имевших более десяти, в том числе и жилых, и складских, помещений. Такое расположение указывает, надо полагать, на рост богатства владельцев и соответственно расширение их торговых операций.

К характеристике храмовой торговли в Сирии I—III вв.

Наряду с городами важными центрами торговли в Сирии I—III вв. были храмы. К сожалению, источники, которыми мы располагаем, дают лишь приблизительное представление о храмовой торговле и ее организации. Однако уже упоминавшаяся выше надпись из Бэтокеке (IGRR, III, 1020) показывает, что под их эгидой, и вероятно на их территории, регулярно проводились ярмарки, на которые приходили как жители окрестных городов и поселений, так и, по всей видимости, купцы издалека. Следующее в этой над-

писи непосредственно за рескриптом Антиоха «постановление города, посланное Августу» (соответственно его датировка — начало I в. н. э.), регулирует порядок совершения на храмовых ярмарках торговых сделок: они должны были производиться «через» агоретов (надо полагать, магистраты, соответствующие агораномам в других полисах), ведавших территорией Бэтокеке и хѳра. Интересное косвенное свидетельство существования храмовых ярмарок дает иудейская побиблейская традиция: иудеям запрещается участвовать в них, поскольку такой поступок приравнивается служению «чужим богам» (см.: Тосефта, Авода Зара, I, 5—8). Соответственно можно думать, что храмовые ярмарки сопровождались торжественными обрядами и богослужениями, вероятнее всего, проводились в дни больших храмовых праздников.

Известная легенда об изгнании Иисусом Христом торгующих из храма в Иерусалиме показывает, что храмы играли роль важных торговых центров во всей Передней Азии интересующего нас времени, и Сирия в этом отношении не была исключением.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА СИРИЙСКОГО ОБЩЕСТВА I—III вв.

Переходя к вопросу о социальной структуре сирийского общества I—III вв., мы считаем необходимым отметить прежде всего, что не располагаем данными, которые позволили бы судить о соотношении отдельных групп населения. Очевидна лишь возможность констатировать существование тех или иных слоев общества и на этой основе — некоторых тенденций его развития.

Когда рассматривается вопрос о социальной структуре того или иного древнего общества, имеется в виду, во-первых, выделение классов, т. е. таких групп людей, которые различаются «по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают»¹, и, во-вторых, — поскольку «в рабском и феодальном обществе различие классов фиксировалось и в с о с л о в н о м делении населения» и «классы рабского и феодального (а также и крепостного) общества были также и особыми сословиями»², — сословий, т. е. групп людей, которые различаются своим юридическим статусом.

Рабы в Сирии I—III вв.

Изучаемый период в истории Сирии характерен прежде всего тем, что, насколько об этом можно судить, Сирия постепенно перестала играть роль поставщика рабов, роль, которую она играла уже в раннеэллинистический период³, а также во время столкно-

¹ В. И. Ленин, Великий почин, — Полное собрание сочинений, т. 39, стр. 15.

² В. И. Ленин, Аграрная программа русской социал-демократии, — Полное собрание сочинений, т. 6, стр. 311.

³ Среди рабов, которые, согласно SEG, X, 242, были куплены в хозяйство Аксиоха — афинянина — был и некий Фан, по происхождению сириец. Уже захват Тира войсками Александра Македонского сопровождался массовым порабощением свободного населения. В Тире,

вений римлян с Селевкидами ⁴. Правда, еще Кассий, как известно, практиковал захват и продажу свободных людей в рабство, но уже Антоний, стремясь привлечь на свою сторону местное население, приказал освободить всех, кто был продан Кассием и его чиновниками (Fl. Ios., Antt., 14, 313). Однако, насколько мы можем судить, рабы продолжали оставаться объектом собственности и актов купли-продажи.

Рабы в документах из Пальмиры

В документах, происходящих из Пальмиры I—III вв., рабы встречаются прежде всего в известном пошлинном тарифе (CIS, II, 3913), где они фигурируют как объект транзитной торговли.

по свидетельству Арриана (Agr., Anab. 2, 24; ср. также Diod., 17, 46, 4), Александр обратил в рабство более тридцати тысяч человек, как граждан этого города, так и чужеземцев. Исключение, как рассказывает Арриан, было сделано только для группы тирских аристократов во главе с царем Аземилком и карфагенских сакральных послов, укрывшихся в храме Геракла-Мелькарта. О дальнейшей судьбе этих рабов мы либо не осведомлены, либо осведомлены плохо: Арриан ограничивается весьма неопределенным указанием, что рабы, захваченные в Тире, были проданы, надо полагать, за пределы Сирии. По всей видимости, массовый характер носил увод поработленного населения из Сирии в Египет. Не случайно уже Птолемей II Филадельф, как уже говорилось, оказался перед необходимостью принять меры, ограничивавшие порабощение свободного населения интересующего нас региона. В надписях SEG, XII, 295—296 рабы — выходцы из Сирии (один из них — финикиец по имени Плейст, другой назван «сирийцем»; его имя Нумений) являются объектом сделки по освобождению путем продажи божеству, в данном случае — храму Сараписа в Навпакте, причем в надписи № 295 оговаривается *παράδωσις*. Интересно, что сириец Нумений был ремесленником — хлебопеком. Об экспорте сирийских рабов см. также: L. C. West, Commercial Syria under the Roman Empire, — Transactions of the American Philological Association, vol. 55, 1924, стр. 181—182.

⁴ В Западном Средиземноморье рабы-сирийцы в большом количестве стали появляться, очевидно, после окончания войны Рима с Антиохом III (189 г.), первоначально, надо думать, в качестве военнопленных, а затем и через рынок рабов на Делосе. В римских комедиях неоднократно упоминаются в тексте либо являются действующими лицами рабы-сирийцы; впрочем, в какой-то степени это обстоятельство может быть объяснено тем, что римские авторы использовали александрийские прототипы (ср. об этом: А. Валлон, История рабства в античном мире, М., 1941, стр. 490; E. Bouchier, Syria as a Roman Province, Oxford, 1966, стр. 171—172). О покупных рабах-сирийцах мимоходом упоминает и Цицерон (Cic., De orat., 6, 66: *nostros homines simile esse Syrorum venalium*). Среди участников и руководителей восстаний рабов, сотрясавших Сицилию во второй половине II в. до н. э., в большом количестве были представлены, как известно, сирийцы (Diod., 34, 2), что не исключает, естественно, участия в названных движениях и рабов местного происхождения, на что указала К. М. Колобова («Второе сицилийское восстание рабов (104—99 гг. до н. э.)», — EIRENE, II, 1964, стр. 111 сл.). Известны и крупные деятели римской культуры — по происхождению рабы, вывезенные из Сирии: грамматик М. Помпилий Андронок (Suet., De gramm., 8), создатель мимического жанра Публилий Сир и астролог Манилий Антиох (Plin., NH, 35, 119; ср.: Е. М. Штаерман, Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике, М., 1964, стр. 51).

Соответствующий палмирский текст позднего тарифа (табл. II, стлб. 1, стрк. 2—7) гласит: «Со ввозящего рабов (^clumu'), которые ввозятся в Пальмиру или пределы ее, [пусть взыскивает откупщи]к за каждого человека (lkl rgl⁵) д<енарие>в 22. За раба (^clm), который будет [продава]ться в [горо]д[е или будет вы]везен⁶, [д<енариев>] 12. За раба-ветера[на] (mn^clm wtr[n]), который будет продан [в городе⁷, д<енариев>] 10... И если покупатель вывозит раб[ов] (^cly[m]yn), то пусть отдаст за каждого человека (ytn lkl rgly) денариев 12». Греческий текст этой части тарифа очень испорчен; сохранившиеся обрывки текста (табл. III, стлб. 1, стрк. 1—8) позволяют установить, что в нем используются термины τὰ σῶμα[τα] и οὐστραχ[νά], возможно, также с предшествующим τὶ σῶμα[τ]α⁸. Аналогичный текст имеется и в раннем тарифе (табл. II, стлб. 2, стрк. 79—83): «Пусть заплатит откупщику (lmks') тот, кто ввозит людей (rglyn) в Пальмиру [и]ли в пре[де]лы ее и вывозит,— за каждого человека (lkl rgly) д<енариев> 22. И [т]от, кто ...[вы]везет, пусть заплатит откупщи[ку] д<енариев>] 12⁹. И [тот], кто будет пр[ода]вать раб[а]-ветерана ([^cl]m wtrn), пусть заплатит д<енариев> 10»¹⁰.

В интересующих нас отрывках раб обозначен в палмирской части тарифа термином ^clm (множественное число ^clmyn и ^clmy'). В классическом сирийском языке обычно понятие «раб»¹¹ передается термином ʿaḥdā и значительно реже — ʿalaumā, который переводится, как правило, «юноша», «мальчик»¹². Однако уже в угаритских текстах второй половины II тысячелетия до н. э. слово ḡlm обозначало равноправно и юношу, и слугу, раба¹³. В Библии слово ʿālām встречается два раза. В одном случае (I Сам., 17, 56) оно характеризует Давида, борющегося с Голиафом, и, следовательно, не может иметь значения «раб», тогда как в другом

⁵ Ср. арабское raḡul^{um} — «человек».

⁶ mn^clm dy y[zb]n b[mdy]l' ['w y] p[q] [d] 12. Так как слову, оканчивающемуся буквами p[q], несомненно, предшествует личная форма глагола, который может быть восстановлен, как это сделал Ж. Б. Шабо по аналогии с текстом табл. II, строки 6, есть основания полагать, что и глагол p[q] употреблен в данном случае в личной форме, близкой к форме yzb[an]. Отсюда наиболее правдоподобным следует признать предлагаемое нами полное чтение строки 4. В этом случае налицо и логическая последовательность — законодатель фиксирует три случая: ввоз рабов в Пальмиру, их продажу на ее территории и вывоз.

⁷ Наше восстановление bmdyt' — «в городе» основано на аналогии со строкой 4.

⁸ Диттенбергер (OGIS, 629) читает: [ινδρίποδα] οὐστραχ[νά]. По аналогии с палмирским ^clumn считают возможным восстанавливать в первой строке термин παῖδες. Однако, как показывает сравнение других частой памятника, буквальное совпадение греческого и палмирского текстов могло и не иметь места.

⁹ Ср. предшествующий текст.

¹⁰ Цифра восстановлена по аналогии с предшествующим текстом.

¹¹ С. Brockelmann, Lexicon Syriacum, Berlin, 1895, стр. 241, 251.

¹² J. Aistleitner, Wörterbuch der ugaritischen Sprache, Berlin, 1963, № 2150, стр. 248 (указаны и все известные контексты).

контексте (I Сам., 20, 22) оно служит параллелью к слову *na'ag*, которым здесь, несомненно, обозначен раб, и содержит тот же смысл. Заметим, кстати, что и в побиблейской еврейской литературе арамейское *ʿullēm*, *ʿullēmā* обычно имеет значение «юноша», «девушка» и в значении «раб» не отмечено¹³. Интересно, что и в классическом арабском языке слово *ḡulām*¹⁴ имеет исходное значение «юноша» и вторичное — «раб»¹⁴.

Приведенный нами материал свидетельствует, что слова с корнем *ʿlm* использовались для обозначения рабов в сирийском и других арамейских языках сравнительно редко, хотя вообще такое словопотребление семитским языкам известно. В связи с этим возникает вопрос: почему именно данная форма была использована в Пальмирском пошлинном тарифе? Не сказалось ли на пальмирской терминологии влияние греческой?

Особое место занимает в памятнике термин *ḡlā*, который, несомненно, соответствует пальмирскому *rgl* и употребляется для обозначения личности продаваемого. Однако наиболее важным в пошлинном тарифе является термин *wṭrn* (соответственно греческое *ὠστρανό*), который позволяет определить несколько более точно, что представляли собой рабы, о которых идет речь. Еще Диттенбергер в своем комментарии к тарифу указал на отрывок из книги Марциала *«De delatoribus»* (Dig., 39, 4, 16, 3), согласно которому *mancipia veterana*, в том числе, естественно, и рабы, суть те, которые эксплуатировались непрерывно не менее года, чем они отличались от *mancipia novicia*. Указания Дигест, относящиеся к 'рабам-«ветераторам» (близость терминов «ветератор» и «ветеран» очевидна из Dig., 21, I, 37, где они чередуются), показывают, что термином *wṭrn* (греч. *ὠστρανό*) обозначались обычно рабы, занимавшие в хозяйстве рабовладельца какой-то руководящий пост или обученные «свободным наукам» (Dig., 21, I, 65, 2). Такие рабы ценились дешевле, чем новиицы, которых считают более пригодными к рабскому труду (Dig., 21, I, 37)¹⁵.

Как можно видеть из рассмотренных выше материалов, как старый, так и новый тарифы предусматривают следующие случаи: 1) ввоз рабов в пределы Пальмиры; 2) продажу в пределах города; 3) вывоз рабов из Пальмиры. Во всех этих случаях рабы, являясь объектом сделок и пошлинного обложения, выступают — вне зависимости от их квалификации — как объекты собственности. Примечательно, что пошлина на рабов устанавливается, как это обычно для тарифа, без учета их реальной цены, которая не могла не колебаться в соответствии с качеством рабов и спросом

¹³ J. Levy, Wörterbuch über die Talmudim und Midraschim, Bd III, Berlin — Wien, 1924, стр. 657.

¹⁴ A. de Biberstein-Kazimirski, Dictionnaire Arabe — Française, t. II, Paris, 1860, стр. 496, s. v.

¹⁵ О рабах-ветераторах см.: Е. М. Штаерман, М. К. Трофимова, Рабовладельческие отношения в ранней Римской империи (Италия), М., 1971, стр. 243—244.

на рынке. Поражает очень высокая пошлина на ввоз рабов из-за границы, почти вдвое превышающая остальные пошлины, взysкивавшиеся при купле-продаже раба. Создается впечатление, что составители тарифа не были заинтересованы во ввозе рабов извне и, во всяком случае, стремились затруднить его. Причину этого явления во II—III вв. при современном состоянии источников вряд ли удастся определить. Не исключено, однако, что оно связано не с какими-либо особенностями в способах эксплуатации непосредственного производителя, но, скорее, с желанием оградить «внутренний» рынок торговли рабами от внешней конкуренции. Если бы такое объяснение оказалось правильным, логично было бы считать, что в Пальмире существовали внутренние источники для пополнения рабского контингента, а также определенные социальные слои, заинтересованные в их всемерном развитии. Возможно, впрочем, и другое решение. Ввоз рабов извне мог быть затруднен для того, чтобы не допустить чрезмерной конкуренции между трудом свободных наемных работников и привозных рабов. Окончательное решение этого вопроса, однако, пока не представляется возможным.

Особое место занимают в пальмирских надписях «сыны дома» (bny byt'), упоминаемые в ряде посвяtitельных надписей, датированных I—II вв. (CIS II, 3972, 4026, 4033, 4036, 4047, 4048, 4051, 4054). В пальмирских надписях наблюдаются следующие случаи употребления этого сочетания. В пяти случаях в качестве причины постановки надписи указано благополучие посвяtitеля и «сынов дома его» (bny byth). В трех случаях надпись ставится для обеспечения благоденствия либо группы поименованных лиц и «всех сынов дома» (wbny byt' kwlhwn), либо посвяtitеля, его братьев (а в одном случае — сыновей) и «сынов дома». Нам представляется маловероятным, чтобы в тех случаях, где сыновья или родственники посвяtitеля отдельно не упоминаются, их благополучие не составляло предмета заботы лиц, от имени которых выполнена соответствующая надпись. Но тогда естественно полагать, что в данном случае сочетание bny byt' может обозначать либо всех лиц, принадлежащих к «дому» данного домовладыки, либо только тех из них, кто не является кровным родственником последнего, в том числе и рабов.

Упоминаются в пальмирских надписях и вольноотпущенники. Одна из них (CIS, II, 3901; Саут Чайлдс, Англия) показывает, что освобождение рабыни, принадлежащей пальмирцу, было вызвано ее браком с бывшим хозяином, или, возможно, предшествовало этому событию. В других случаях (CIS, II, 4385, 4339, 4340) причины освобождения не указываются. Сохранилась и подпись к статуту вольноотпущенника (CIS, II, 4482). В ряде надписей говорится об участии вольноотпущенников в деловых операциях, объектами которых служили мавзолей и доли мавзолеев (CIS, II, 4171—4174), что, несомненно, указывает на их дееспособность. Обращает, однако, внимание то обстоятельство, что воль-

ноотпущенники не только не имеют отчества (это вполне понятно, коль скоро речь идет о бывших рабах), но в своих надписях обычно указывают имя своего прежнего владельца. Так, в надписи CIS, II, 4013 (Пальмира, 205 г.) посвятителем является некий Гермес Басам, вольноотпущенник (br ḥry) Малику сына Вахаба. В другом посвящении «богу высочайшему» (Wadd., 2572; Пальмира, 179 г.) упоминается некий Юлий (далее его имя не сохранилось) — вольноотпущенник Гая Юлия Басса. Еще один посвятель «тому, чье имя благословенно в вечности» (CIS, II, 4000; Пальмира, 143 г.), Абнергал, был вольноотпущенником (br ḥry) Таймы сына Анаа. Аналогичное посвящение совместно осуществляют в Пальмире в 125 г. Фарнак, вольноотпущенник Лишамша сына Шамшигерара, и Наркис, вольноотпущенник Мале сына Баррафа (CIS, II, 3996). Эти материалы показывают, что пальмирское право предполагало сохранение определенных связей между рабовладельцем и отпущенным на свободу рабом. К сожалению, более подробных сведений на этот счет пальмирские материалы не дают.

Рабы в документах из Дура-Европос

Документы из Дура-Европос также содержат ценные сведения о правовом положении рабов и о месте, которое они занимали в системе общественного производства¹⁶. В особенности важным кажется то обстоятельство, что этот материал характеризует не только положение, существовавшее непосредственно в Дура-Европос, но и в других местностях, в частности в Эдессе и Харране (в документе, происходящем из Эдессы, покупателем рабыни был гражданин Харрана).

Материалы, происходящие из Дура-Европос, несмотря на скудость, позволяют выявить два типа рабства, имевших место в этом районе в I—III вв., — постоянное, а также временное, частичное, связанное с отработкой долга и процентов по нему. В этом отношении рабский строй в Дура-Европос обнаруживает значительное сходство с положением, которое нашло свое отражение в ряде деловых документов из Алалаха, несмотря на их значительную хронологическую удаленность друг от друга.

Постоянные рабы упоминаются в документах из Дура-Европос пять раз (DEPP, 17B, 18, 25, 28, 31). Здесь речь идет о продаже или о передаче имущества или, как в последнем случае, о разводе, о возможности возникновения каких-либо прав на имущество. Рабы составляли обычно часть этого имущества. В особенности примечателен пергамен DEPP, 25 (соотв. D. Pg., 23), датированный

¹⁶ Обзор материала см.: W. L. Westermann, The Slave Systems of Greek and Roman Antiquity, стр. 120 — 128. Беглое упоминание о рабстве в Дура-Европос имеется в обзорной статье И. А. Шишовой («Дура-Европос — крепость Парфянского царства», — УЗ ЛГУ, СИН, 21, 1958, стр. 107—125).

180 г., — акт о продаже Лисием сыном Лисия сына Гелиодора сына Аристоники его раба по имени Ахаб возрастом около 20 лет, а также половины виноградника. То обстоятельство, что раб в данном случае продается одновременно с виноградником, само по себе, по-видимому, не может свидетельствовать ни о том, что раб был держателем виноградника, ни о том, что он был прикреплен к последнему и неотделим от него. Столь важное обстоятельство, несомненно, должно было бы быть специально оговорено.

Другой пергамен (DEPP, 18, соотв. D. Pg., 21), относящийся к 87 г., трактует о более сложной сделке. Согласно этому акту, Никанор сын Ксенократа возвращает своей теще Тимонассе дочери Селевка имущество, полученное им ранее в счет погашения займа, который он предоставил мужу Тимонассы Диоклу сыну Данима и ей самой. Из этого имущества он, однако, удерживает трех рабов, очевидно в погашение какой-то части общей суммы долга и процентов. В документе находим следующую оговорку: «все, кроме рабов из принадлежащих им, имена коих: Набубарак, Теханайа и Набуйааб, прозываемый Байса».

Еще один документ (DEPP, 17B, соотв. D. Pg., 2, около 180 г.) излагает акт о передаче неким лицом, имя которого не сохранилось, сыном Селевка сына Теомнеста своей дочери Амафиаре жене Артемидора принадлежавших ему рабов. Согласно этому документу, рабы передавались в вечную собственность Амафиаре и ее потомкам, причем даритель оговаривает, что это его распоряжение изменено быть не может.

Со всеми упомянутыми здесь рабами мы сталкиваемся в тот момент, когда над ними осуществляется право отчуждения — одно из важнейших прав собственника по отношению к объекту собственности. Документы не содержат сведений, как возникло во всех перечисленных выше случаях состояние рабства. Правда, обращает на себя внимание, что все рабы, имена которых нам известны, имеют семитские имена, тогда как их владельцы носят имена греческие. Отрывочность и случайность материала не позволяют сделать из этого факта далеко идущие выводы. Высказывалось предположение, согласно которому эти рабы, принадлежавшие к местному, коренному арамейскоязычному населению, стали рабами в результате задолженности по займам — антихрезам¹⁷. Нам, однако, такие построения кажутся слабо обоснованными. Антихрезы, которые имеются в данном случае в виду, не связаны, как увидим, с утратой формальной личной самостоятельности, хотя фактически свобода должника частично ограничивалась в пользу займодавца. Трудно представить себе, чтобы эти лица, которых мы условно называем временными рабами, не утратив права на собственную личность, могли быть проданы третьим лицам. Очевидно, происхождение рабского состояния в рас-

¹⁷ DEPP, 103.

смотренных здесь случаях следует искать в другом: они должны были быть либо прирожденными, либо ставшими таковыми в силу каких-то обстоятельств, в том числе и вследствие самопродажи. Только в последнем случае гипотеза о местном происхождении рабов могла бы быть принята. Что же касается собственных имен, то они сами по себе вряд ли могут служить свидетельством о происхождении этих рабов непосредственно из территории Дура-Европос, поскольку арамейскоязычное население было широко распространено на всей территории Сирии и Месопотамии.

Характерно, что ни один документ не содержит указаний и на цену рабов. Пергамен DEPP, 25 указывает только цену виноградника — 500 тирских драхм, тогда как цена раба Ахаба, продаваемого с ним, отсутствует. Надо полагать, что она включена в названную сумму. Умолчание о рабе в данном случае можно было бы объяснить тем, что половина виноградника представляла собой главный объект продажи, вокруг которого концентрировалось основное внимание участников сделки, тогда как раб был своеобразным приложением. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что, подробно описывая все те предметы, которые составляют неотъемлемую часть продаваемой доли виноградника, документ ни словом не упоминает о рабе.

Переходя к анализу документа, происходящего из Эдессы, должно отметить прежде всего, что, как показывает описание наводнения, имевшего место в Эдессе в ноябре 201 г., дошедшее до нас в «Эдесской хронике» (1, 8) ¹⁸, здесь наряду с частновладельческими имелись и царские рабы ('bd' dyhl dmlkw'). Правда, текст хроники не содержит данных об их положении. Интересующий нас документ (DEPP, 28, соотв. D. Pg., 20, 243 г. н. э.) характеризует положение частновладельческих рабов и их происхождение. Документ представляет собой составленный на сирийском языке акт о продаже рабыни ('mt') Амаксин, происходящей из военнопленных, проданных в рабство. Продавец 'рабыни — Марция Аврелия дочь Шеманбараза внука Абгара. Покупатель — Люций Аврелий Тирон сын Барбелшамена из Харрана. Цена рабыни — 700 денариев, возраст — 29 лет. Согласно разбираемому документу, покупатель приобретает следующие права: владеть рабыней, продавать ее и пользоваться ею по своему усмотрению (lmqn' wlmzbnh wlm'bd kl dtsh') ¹⁹.

Ряд документов (DEPP, 17B, 20, 21) позволяет более подробно охарактеризовать то явление, которое мы условно называем временным рабством. Наиболее полно сохранился из них пергамен DEPP, 20 (соотв. D. Pg. 10), датированный 121 г., вызвавший

¹⁸ Cp.: L. Hallier, Untersuchungen über die Edessenische Chronik, Leipzig, 1892, стр. 87, 145.

¹⁹ Ch. C. Torrey, A Syriac Parchment from Edessa in the Year 243 B. C., — «Zeitschrift für Semitistik», Bd X. 1935, стр. 33—45; A. R. Bellinger, C. B. Welles, «A Third-Century Contract of Sale From Edessa in Osrohoene», — «Yale Classical Studies», vol. 5, 1935, стр. 93—154; DEPP, 143.

большую литературу о себе. Согласно этому документу, некий Фраат — лицо, принадлежащее к местной аристократической верхушке, дал займы некоему Барлаа сыну Татайа из поселения, название которого не сохранилось, 400 серебряных драхм тирской чеканки под залог принадлежащего последнему имущества. Вместо процентов должник обязан выполнять для Фраата рабскую службу. Согласно условиям контракта, это означало, что Барлаа был обязан выполнять любую работу по приказанию займодавца. Он не имел права уходить от Фраата без разрешения последнего. В случае нарушения этого условия на должника налагался штраф в размере одной драхмы за каждый день отсутствия. В случае болезни более семи дней должник обязан был выплатить кредитору по одной драхме за каждый день отсутствия сверх указанных. В случае невозвращения долга в течение года отработка продолжалась до момента уплаты.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют принять уже неоднократно высказывавшуюся точку зрения о доэллинистическом ближневосточном происхождении актов этого типа ²⁰. Помимо прецедентов нововавилонского времени, указанных М. И. Ростовцевым и С. Бредфорд-Уэллесом ²¹, отметим и документы из Алалаха, также содержащие подобную клаузулу ²². Правда, в отличие от документов из Дура-Европос в документах из Алалаха отработкой занимается не сам должник непосредственно, но члены его семьи. Переход к отработке руками самого должника представляется в таком случае завершением естественного процесса. Предпосылкой создания таких отношений служит (наряду с разорением самого должника) натуральное хозяйство, неразвитость или недостаточная развитость денежного обращения. Только они делают возможным и выгодным «натуральное» возмещение процентов по долгу либо частью урожая (DEPP, 23, соотв. D. Pg., 32, 134 г. н. э.), либо отработкой. Другой предпосылкой этого явления должно служить еще одно немаловажное обстоятельство: невозможность прямого порабощения согражданина за долг или иным способом.

Отношения такого раба (парамонария) с господином регулируются договором, который предусматривает, по крайней мере теоретически, возможность их аннулирования в случае уплаты долга. В связи с этим должник не теряет права на собственную личность, равно как и гражданскую правоспособность. Не случайно он не становится рабом, но лишь выполняет *δουλικὰς χρείας*. В этом смысле, очевидно, правы те, кто видел в контрактах, ана-

---

²⁰ P. Koschaker, Savigny — Zeitschrift, Bd 51, 1931, стр. 429; его же, Über einige griechische Rechtsurkunden aus den östlichen Randgebieten des Hellenismus, 1931, стр. 2—68; DEPP, 113.

²¹ M. I. Rostovtzeff, C. B. Welles, A Parchment Contract of Loan From Dura-Europos on the Euphrates, — «Yale Classical Studies», vol. 2, 1931, стр. 63sq.

²² D. J. Wiseman, The Alalakh Tablets, London, 1953.

логичных разбираемому, своеобразный договор (парамоне) о найме свободного работника ²³.

Все же мы не можем думать, что перед нами только наем работника. При наличии всех отмеченных выше черт должник попадал в зависимость от кредитора и терял право и реальную возможность распоряжаться собой. К тому же трудно представить себе, чтобы, взяв в долг столь значительную сумму денег (400 драхм) и не имея каких-то дополнительных источников дохода, кроме собственного труда, должник мог бы избавиться от этой зависимости. Она могла быть ликвидирована после нового займа, что мало вероятно, да и не изменило бы положения по существу, либо трудом остальных членов семьи. В противном случае зависимость становилась практически бессрочной, что, вероятно, достаточно часто происходило ²⁴.

Хотя мы не можем определенно сказать, насколько широко были распространены такие контракты, особенно за пределами Дура-Европос, примечательно тем не менее, что в дошедших до нас документах эта форма эксплуатации засвидетельствована столь же часто, как и рабство в собственном смысле слова.

Документы, происходящие из других местностей Сирии и содержащие сведения о рабстве, крайне отрывочны. Так, в одной надписи из Герасы упоминаются храмовые рабы местного святилища Зевса Олимпийского (G 5); в другой (G 18, конец I в. н. э.) сообщается, что посвящение $\epsilon\alpha\gamma\iota\omega\langle\iota\rangle$ Παξειδᾶ $\langle\iota\rangle$ воздвигла Тихе, рабыня Аполла сына Лесба. К ней примыкает надгробная надпись SEG XVIII, 600 из Сидона (дата не установлена, однако, судя по имени погребенного, первая половина I в. н. э.): «Гай Ю[лий] Амфион, добрый и нетягостный господин, прощай!». Хотя прямых указаний в тексте нет, представляется весьма правдоподобным, что надпись поставлена рабами Амфиона и, видимо, на их средства.

Около 106/5 г. датируется посвящение богине Атаргатис, Венере Гелиополитанской и Диане, которое воздвигли Клад, раб Д. Клавдия Поллиона, и другой раб по имени Луций (его господин неизвестен) (SEG XIV, 824).

Исключительный интерес для характеристики правового и имущественного положения рабов в Сирии I—III вв. представляет надгробная надпись Ant., II, 33 — белая мраморная плитка, происходящая из Антиохии, с текстом, составленным на латинском языке: «Геликон — Януарию, сора<бу> (conser<vo>), оказавшему услугу (bene merenti), н<аследник> о<заботился> и<зготовлением>»

²³ W. L. Westermann, The Paramone as a general service contract, — JJP, vol. 2, 1948, стр. 9—50; ср.: E. Schönbauer, Paramone, Antichrese und Hypothek; Studien zu P. Dura 10, Savigny — Zeitschrift, 53, 1933, стр. 422—450.

²⁴ Поэтому прав У. Л. Уэстерман, когда он видит возможность перехода от антихрезы к рабству de iure (W. L. Westermann, The Slave Systems, стр. 123).

(h<eres> c<uravit> f<aciendum>)). Язык надписи свидетельствует о том, что оба раба принадлежали к фамилии римского гражданина, скорее всего, ветерана. Однако для нас гораздо важнее другое: раб не только владеет имуществом, а также распоряжается им, но и может в какой-то форме завещать его, равно как и принимать наследство. Роль, которую играл при этом владелец раба, остается неясной; тем не менее то обстоятельство, что владелец раба (или рабов?) не упомянут, свидетельствует, скорее всего, о том, что он, во всяком случае, не вмешивался во взаимоотношения этого рода между своими рабами. В противном случае ожидалось бы упоминание о санкции господина на передачу наследства и принятие имущества.

Естественно, что при таких обстоятельствах рабы могли участвовать в весьма сложных деловых операциях. Привлекает внимание в этой связи казус, рассматриваемый Сцеволой (Dig., 45, 1, 122, 1); несмотря на то что ситуация здесь явно вымышленна, она представлялась римскому юристу типической. Речь идет о том, что некий Каллимах получает от Стиха, раба Сея, кредит на совершение торгового плавания из Берита в Брундизий (*mutuam pecuniam nauticam acceperit*); срок кредита — 200 дней; обеспечением и залогом служат товары, которые Каллимах доставляет из Берита в Брундизий, а также то, что он предполагал приобрести в Брундизии и доставить оттуда в Берит. В том случае, если до истечения срока (иды ближайшего сентября) Каллимах не закончит торговых операций, он тем не менее должен выплатить сумму кредита, доставив ее в Рим за свой счет. Однако накануне наступления срока, погрузив товары на корабль, Каллимах в сопровождении Эрота, «сораба» Стиха (*cum Erote conseruo Stichi*), направился в Сирию. Дата платежа застала его в открытом море ²⁵.

Нам представляются наиболее существенными следующие обстоятельства этой сделки: раб-сириец (или, во всяком случае, резидирующий в Сирии) обладает достаточными средствами для того, чтобы кредитовать морское плавание на длительный срок, и, видимо, занимается этими и аналогичными операциями профессионально; предполагается, что этот раб имеет широкие деловые связи во всем средиземноморском мире, в том числе и в Риме, что позволяет ему адресовать платеж в Рим, где возможен либо перевод, либо какой-то учет полученных денег по предыдущим сделкам. Во всяком случае, такой размах операций раба весьма показателен для характеристики его имущественного и общественного положения.

Еще одна, к сожалению не поддающаяся датировке, греческая надпись из Босры (Wadd., 1928) представляет собою надгробие

²⁵ Об этой операции см.: А. Б. Р а н о в и ч, Восточные провинции Римской империи, М.—Л., 1949, стр. 149; J. R o u g é, Recherches sur l'organisation du commerce maritime en Méditerranée sous l'Empire Romaine, Paris, 1966, стр. 349—350.

рабыни. Этот документ содержит интересную фразу: боги оправдают названную рабыню от злословивших ее. К сожалению, мы лишены возможности установить, что конкретно в данном случае имелось в виду. Тем не менее ясно, что названная рабыня, видимо, играла некоторую роль в жизни города.

Таким образом, исходя из изложенного материала можно утверждать, что в Сирии I—III вв. не только было распространено рабство, но и имел место процесс закабаления свободных мелких производителей. При этом формальная грань между рабами и свободными сохранялась, однако фактические различия между теми и другими стирались. В то же время являясь собственностью своих господ, рабы тем не менее могли располагать денежными и иными средствами и распоряжаться ими по своему усмотрению, в том числе и участвовать в крупномасштабных и сложных деловых операциях. И в этой ситуации фактические различия между рабами и свободными предпринимателями теряют свое значение, а формальный статус таких рабов уже не соответствует их действительному положению в обществе — не только и не столько угнетенных и эксплуатируемых, сколько владельцев средств производства и (по крайней мере потенциально) угнетателей и эксплуататоров.

Вольноотпущенничество, судя по обязательному упоминанию господина в соответствующих надписях (ср. также SEG, XVIII, 604 из Хальбуна; II—III вв.), не влекло за собой полного освобождения от его власти. Представляется вероятным существование обязательств типа парамоне со стороны освобожденного раба по отношению к манумиссору. Обращает на себя внимание идентичность правового статуса парамонариев — закабаляемых свободных и освобожденных рабов, которые составляют социальный слой формально свободных, но фактически зависимых на грани между свободой и рабством. Показательно, что они рекрутируются из той и другой среды.

Длительное предшествующее развитие представлений о правовом статусе рабов было подытожено в Сирийском судебнике V в. Он отражает ситуацию, несомненно характерную для времени своего возникновения и, возможно, значительно более раннюю. Для него характерно представление о рабе как о собственности работодателя. Раб мог служить объектом купли-продажи, причем признавалось желательным, чтобы при продаже раба были указаны его качества. При обнаружении недобросовестности продавца возможно было расторжение сделок и возврат купленного раба.

Но судебник не исключал и сделок, при которых качества раба не оговаривались (L 39). Присвоение чужого раба влекло за собой продажу преступника в рабство (L 49). Имущество, которое могло оказаться в руках у раба, считалось собственностью его господина (L 53). Для того чтобы пекулий, принадлежавший рабу до освобождения, превратился в его собственность, после того

как он получит освобождение, необходим был специальный документ выдававшийся манумиссором. В противном случае его наследники (если имела место манумиссия по завещанию) имели право присвоить себе пекулий (L 21).

По желанию господина раб мог быть сделан наследником его состояния. Судебник (L 33) обуславливает это двумя обстоятельствами: раб должен быть освобожден, а у наследодателя должны отсутствовать дети. Уполномочивать рабов выступать на суде запрещалось (L 41).

Одна из статей судебногоника устанавливала максимальное число рабов, которые могли быть освобождены по завещанию (L 4). Если господин имел одного-двух рабов, он мог их освободить всех, из трех рабов могли освобождаться двое, из 5—10 — половина, из 9—30 — треть, из 30—100 — четверть. Характерны и некоторые дополнительные оговорки. Если завещатель освобождал большее число рабов, то отсчитывалось только соответствующее закону количество; если же он освобождал всех рабов, то свободу не получал никто. В основе этих постановлений лежал, несомненно, *lex Fufia Caninia* (Gaius, Inst., I, 43).

Кроме освобождения рабов по завещанию сирийское право знало освобождение рабов при свидетелях, а также в присутствии церковного клира — епископа и пресвитеров, а в сельской местности — периодевта и пресвитеров. Последний способ считался наиболее надежным (L 21). Эти нормы, по указанию источника, были установлены повелением императора Константина; видимо, до победы в Сирии христианства могло иметь место освобождение рабов в храмах в присутствии высшего жречества. Между рабом и его господином связь продолжала сохраняться и после формального освобождения. Господин имел возможность обвинить вольноотпущенника в непочтительности и под этим предлогом повторно обратиться его в рабство (L 23).

Петрудно видеть в подавляющем большинстве постановлений Сирийского судебногоника, касающихся рабов, прямое, хотя и с некоторыми модификациями, заимствование норм римского права, отражающее их постепенное и к моменту составления памятника прочное внедрение в жизнь провинции.

Свободное население Сирии I—III вв.

Переходя к характеристике социальной структуры свободного населения сирийского полиса I—III вв., хотелось бы отметить прежде всего, что наиболее полный и разносторонний материал по данному вопросу, вплоть до возможности проследить судьбы отдельных семей, дают материалы, происходящие из Пальмиры, Дура-Европос и Герасы. Картину, которую они представляют, можно считать типичной, поэтому мы остановимся прежде всего и главным образом на ней.

Как известно, одной из характерных черт пальмирских надписей является то обстоятельство, что в них обычно перечисляется родословие основного действующего лица, как правило, на несколько поколений. Это явление наблюдается на протяжении всего интересующего нас времени. Так, в марте 51 г. чествуются Мукайму сын ^сУгайлу сына Пацайэла сына Таймай по прозвищу Хуккайшу (CIS, II, 3923); по-видимому, в 120 г. н. э. воздвигается статуя Малику сына Вахбаллата сына Масанайа (CIS, II, 3921); герой надписи CIS, II, 3959 (соотв. Inv., I, 2) имеет следующую родословную: Мале (он же Агриппа) сын Йархайа сына Лишамша сына Ра^сайа (131 г.); в июле 140 г. воздвигается статуя Ахофала сына Хайрана сына Шаба сына Хайрана сына Бонне сына Ша^сута (CIS, II, 3927); в 157 г. н. э. чествуются Марк Ульбий Йархай сын Хайрана сына Абгара (IGRR, III, 1538); в 242 г. мы узнаем об Юлии Аврелии Зенобии (он же Забила) сыне Малику сына Малику сына Нашума (CIS, II, 3932); в 254 г. н. э. — о Юлии Аврелии ^сОге (он же Селевк) сыне ^сАзизу сына ^сАзизу сына Шемлы (CIS, 3934). Интересно, что в греческой части надписи CIS, II, 3959 родословие приводится по сравнению с пальмирской версией в сокращенном варианте. Все эти факты свидетельствуют о сохранении вплоть до гибели Пальмиры родовых отношений, что, может быть, следует поставить в зависимость от арабизации города: как известно, сафаитские надписи из Хаурана содержат родословия иногда более чем на десять поколений (ср. CIS, V, 100, 155). Сохраняются здесь и непрерывные родовые традиции.

Возникает, однако, в связи с этим вопрос о структуре и судьбах таких родов и составлявших их семей. В нашем распоряжении имеются материалы, показывающие, что экономически самостоятельные семьи возглавлялись домовладыкой — мужчиной (ср. CIS, II, 3923, март 51 г.; CIS, II, 3927, июль 140 г.; CIS, II, 3937, 258/9 г.; CIS, II, 3939, декабрь 262 г.; CIS, II, 3940, 267 г.). Тем не менее в ряде случаев внутреннее положение семьи оказывается достаточно сложным. Так, согласно CIS, II, 3931 (апрель 139 г.), чествуются Барику сын ^сАмрише сына Йарихбола и, кроме того, его сын, Мукайму. Совместное чествование показывает, что деяния, послужившие его причиной, были выполнены также совместно отцом и сыном. То обстоятельство, что в надписи выделен сын, может показывать, что он был предназначен после смерти отца возглавить семью и вводился в сферу общественной деятельности и деловой жизни. Не исключено и другое: сын мог быть выделен отцом и возглавить самостоятельную семейную ячейку. Еще более интересна надпись того же времени, CIS, II, 3930, согласно которой чествуются А^сайламай сын Хайрана и его отец. Этот порядок перечисления показывает, что основным действующим лицом в благодеяниях,

оказываемых отечеству, был сын. Сказанное может, в свою очередь, свидетельствовать, что сын либо был уже выделен из семьи (но при такой его самостоятельности участие отца в его деятельности кажется трудно объяснимым), либо оказался фактически главой семьи. Интересно в связи с этим заметить, что, согласно CIS, II, 4243 (231 г.), родословие захороненного Зебиды ведется от А^сайламайа на протяжении четырех поколений; иными словами, А^сайламай сыграл в жизни данного рода исключительную роль. Аналогичную ситуацию отражает, возможно, и надпись CIS, II, 4601 — посвящение Марона сына Хаддудана сына Марона «во здравие» свое, отца и братьев. Подобное посвящение может быть выражением сыновней и братской любви человека, выделившегося из семьи и ставшего полностью самостоятельным и дееспособным; оно может быть, однако, и свидетельством того, что Марон еще при жизни отца в результате особого стечения обстоятельств стал главой семьи. До нас дошли и подобное же посвящение Угайлу сына Абдаллата сына Араби (CIS, II, 4044, март 249 г.), а также два посвящения Хаггагу сына Йехиба сына Йархайа сына Дака^с; из последних ранняя (CIS, II, 4030, июль 232 г.) упоминает только отца и братьев посвяителя, тогда как поздняя, отделенная от предшествующей 30 годами (CIS, II, 4050, апрель 263 г.), содержит и упоминание сыновей (ср. также CIS, II, 4045, апрель 249 г. — посвящение неизвестного лица).

Имеются в нашем распоряжении и надписи, содержащие посвящения «во здравие» собственное посвяителя и его братьев или сыновей и братьев (CIS, II, 4063, без даты; 3983, сентябрь 67 г.; 3988, 3989, 3995, февраль 115 г.; 3998, 132 г.; 4009, февраль 173 г.; 4021, октябрь 221 г.; 4024, август 228 г.; 4029, октябрь 231 г.; 4026, март 229 г.; 4032, октябрь 235 г.). Не исключено, что в этих случаях мы имеем дело не просто с выражением братской любви (что также возможно), но и с отражением того факта, что после смерти домовладыки один из братьев возглавил неразделившуюся семью.

До нас дошли также надписи, в которых несколько братьев действуют совместно. Кухайлу и Хайран устраивают погребение своему отцу Атенатану сыну Кухайлу (CIS, II, 4109, ноябрь 9 г.); для себя и своих сыновей соорудили мавзолей Банай, Арахиша и Ареум, сыновья Таймаша сына Банайа (CIS, II, 4124, апрель 79 г.); посвящение «владыке мира» воздвигли 6 февраля 115 г. Малику, Иарихбола и Хагагу, сыновья Булемма сына Абидайа²⁶; в июле 146 г. пятеро братьев — Забдибол, Атенур, Малику, Амру и Йеди^сбел, сыновья Баршамша сына Забдибола совместно соорудили колонну и кровлю в Назале (CIS, II, 3911); согласно CIS, II, 3967 (август 150 г.), Хаггай сын Агга и его брат воздвигли статую Малику сына Ша^садайа; в августе 240 г. Юлий Аврелий Хайран и Малоха, сыновья Германа, отчуждают часть погребения в пользу Юлия Аврелия Феофила сы-

²⁶ J. Cantineau, Tadmorea, — «Syria», vol. 17, 1936, стр. 346—347.

на Таймарцу²⁷; Юлий Аврелий Хайран и Абба сыновья Юлия Аврелия Маккайа сына Йархайа приобретают в 215 г. часть мавзолея²⁸. Во всех этих и аналогичных случаях (например, CIS, II, 3986, август 114 г.— двое братьев совершают посвящение «во здравие» свое, своих сыновей и братьев; CIS, II, 3914, март 175 г.— совместно действуют внуки некоего Йарихбола) речь может идти либо о складчине, либо о семье, возглавляемой коллективом братьев.

Таким образом, семьи после смерти домовладыки либо распались на новые экономически самостоятельные ячейки, либо сохранялись и, видимо, разрастались под властью одного или нескольких братьев.

Судя по тому, что женщины, в том числе и замужние, могли выступать в качестве посвятител (CIS, II, 4010, 193 г.; 4014, 207 г.; 4067), они, очевидно, были дееспособны и пользовались имущественной самостоятельностью.

Приводившиеся выше материалы позволяют утверждать, что имущественную основу пальмирской аристократии составляла посредническая торговля и, видимо, землевладение. Среди ее представителей мы встречаем людей, располагавших весьма значительными денежными средствами. На это указывают данные о тех расходах, которые они несли, будучи городскими магистратами или занимая так или иначе видное положение в городе. В 130/1 г. н. э. уже упоминавшийся Мале сын Йархайа, будучи вторично грамматевсом, предоставил гражданам Пальмиры, а также гражданской и военной свите Адриана при его посещении города масло для умащения; ему же приписывается постройка на свои средства храма Ба^салшамена — Зевса (Inv., 1, 2). Надпись CIS, II, 3914 (март 175 г.) сообщает о том, что согласно постановлению «совета и народа» воздвигаются статуи двух потомков Йарихбола ^сУбайду сына Хаддулана и Йарихбола сына ^сОге за то, что они соорудили в главной базилике храма Бела шесть врат из позолоченной бронзы. Уже упоминавшийся Юлий Аврелий ^сОге — Селевк (CIS, II, 3934, октябрь 254 г.) передал в распоряжение совета Пальмиры 10 тыс. аттических драхм.

Особенно важным представляется тот факт, что подобные жертвования наблюдаются не только во II в. н. э., но и в III в. Видимо, и в этот период продолжали существовать аристократические пальмирские семейства, материальное положение которых оставалось достаточно прочным.

Значительную роль в жизни пальмирского общества должны были играть римские граждане, и в том числе ветераны местного происхождения, равно как и римляне, получившие права местного гражданства. Как известно, укомплектованные пальмирца-

²⁷ R. A m y, H. S e y r i g, Recherches dans la nécropole de Palmyre, — «Syria», vol. 17, 1936, № 1, стр. 228—266.

²⁸ H. I n g h o l t, Five Dated Tombs From Palmyra, Berytus, vol. 2, 1935, стр. 77.

ми воинские соединения несли службу в Нумидии (CIS, II, 3908, 3909), Подунавье (CIS, II, 3906; III, 837, 7693, 14216), а также, как уже отмечалось, в непосредственной близости от Пальмиры, в Дура-Европос. В пальмирских надписях четыре раза (Inv., IX, 24; X, 108, 109, 130) упоминаются Сергии — во всех случаях римские граждане, приписанные к этой трибе. Один раз (Inv., X, 129; апрель 108 г. н. э.) упомянут Гай Юлий Хайран сын Элахбела, при получении гражданства, по справедливому указанию Д. Шлюмберже (см. комментарий к надписи), при Августе или Калигуле приписанный к трибе Фабиев.

Римские граждане появляются в Пальмире уже в I в. н. э.; среди них мы находим откупщика (CIS, II, 4235) и ратора (Inv., III, 24). Приведенный выше материал показывает (см. стр. 100—107), что римские граждане принимали активное участие и в организации посреднической торговли. Во II в. н. э. мы видим некоего Публия Элия верховным жрецом и симпозиархом жрецов Бела в Пальмире²⁹; в конце II в. один из них занимал высшую должность стратега³⁰.

Основная масса свободного населения Пальмиры состояла, насколько об этом можно судить, из мелких собственников, производителей и предпринимателей. Известный Пальмирский пошленный тариф (CIS, II, 3913) говорит, как уже отмечалось, о деятельности мелких ремесленников и торговцев.

К сожалению, мы не располагаем необходимыми данными, которые бы позволили выяснить соотношение различных групп населения Пальмиры.

Сравнительно рано, вероятно уже в I в. н. э., представители низших слоев начали попадать в зависимость от городской верхушки и на территории Пальмиры возникла категория населения, обозначаемая в надписях термином *gr*, который встречается четыре раза. Этимологически это слово, несомненно, близко к еврейскому *gêr*, которым в Библии обозначались неполноправные поселенцы, не бывшие членами данной гражданской общины (ср., например, Втор., 5, 14). Однако в пальмирских надписях данный термин, как показывает анализ контекстов, в которых он встречается, имеет несколько иное значение. Ж. Б. Шабо в комментарии к надписи CIS, II, 3973 паряду со значением «гостеприимец» (*hospes*) предлагал также значение «патрон». Но рассмотрим тексты, в которых встречается этот термин.

В надписи CIS, II, 4035 (Пальмира, 238 г. н. э.) сказано: «Благословенно имя его навечно. Соорудил Гада и благодарствует, сын Халайя, во здравие свое и здравие сыновей своих и gera своего ('*l hywh why' bnwh wgrh*) Дифина. Год 550». Близка к 'этой формула, содержащая проклятие нарушителю целостности погреб-

²⁹ H. Seyrig, *Antiquités syriennes*, 30. *Inscriptions*, — «Syria», t. 20, 1939, № 24, стр. 302—323.

³⁰ H. Ingholt, *Deux inscriptions bilingues de Palmyre*, — «Syria», vol. 13, 1932, № 1, стр. 278—292.

бения (CIS, II, 4218, Пальмира, 57 г. н. э.): «Да не будет ему потомства и гера вечно» (l' yhw h zr^c wgr^c d l'm'). Оба текста показывают, что отношения с гером были личными (об этом свидетельствует, в частности, и выражение grh — «гер его») и что в жизни пальмирца гер играл исключительно важную роль; не случайно отсутствие гера представляется составителю последней надписи столь же тяжким бедствием, как и отсутствие сыновей. Несколько более отчетливую картину, хотя также еще не вполне ясную, дает надпись CIS, II, 3972 (Пальмира, 55 г. н. э.), где интересующий нас термин использован для обозначения взаимоотношений между посвятителем и божеством: «В месяц иййар, год 366, стелу эту воздвиг Атенатан сын Забде^c аты <сына> Тошабеба³¹ Шадрафе, богу доброму, чтобы он был гером у него (dy yh' gyr bh), — он и домочадцы его все». В данном случае, однако, слово гуг может относиться равным образом и к Атенатану, и к божеству. Только посвяtitельная надпись CIS II, 3973 (Пальмира, сентябрь 132 г.) позволяет, как нам кажется, с достаточной степенью достоверности решить этот вопрос. Правда, она установлена от имени набатейца, но, так как действие происходит в Пальмирене, представляется несомненным, что отношения, нашедшие в ней отражение, складывались не по набатейским, а по пальмирским нормам права. В этом тексте, составленном от имени Убайду сына Анаму, имеется наряду с прочим следующий отрывок: «И да будет помянут Зубайда сын Шиме^cона сына Бел^cакаба, гер его (gyrh) и друг его (ghmh), пред Шайалкаумом, богом добрым». Нетрудно видеть, что отношения между Зубайдой сыном Шиме^cона и Убайду сыном Анаму соответствуют предполагаемым отношениям бога и посвяtitеля в предшествующей надписи. В CIS, II, 3973 мы имеем дело явно с осуществлением покровительства местного уроженца по отношению к Убайду — человеку пришлому, что юридически могло быть только патроцинием. Термин «гер», если сказанное справедливо, должен был служить для обозначения патрона³². Для обозначения патрона употреблялось также слово

³¹ Ж. Б. Шабо предлагает в «Корпусе семитских надписей» чтение tskb' и переводит: reclinatorium — «ложе». Х. Ингольт показал, однако, что правильное чтение — tšbb; он истолковывает это слово как имя собственное (ср.: Φοζαβέβου); Н. I n g h o l t, *Studier over Palmyrensk skulptur*, København, 1928, стр. 19, п. 2; ср.: F. R o s e n t h a l, *Die Sprache der Palmyrenischen Inschriften und ihre Stellung innerhalb des Aramäischen*, Leipzig, 1936, стр. 67, 74.

³² Ср. североарабское ġār^{un} — «сосед» и позже «клиент». В доисламской Северной Аравии соглашение о «соседстве» в VI в. н. э. представляло собой соглашение о покровительстве (см.: А. Г. Л у н д и н, *Южная Аравия в VI веке*, — «Палестинский сборник», вып. 8, М.—Л., 1961, стр. 106). Генезис этих отношений следует искать, очевидно, в представлениях о соседской взаимопомощи. Обращает на себя внимание своеобразие пальмирского словоупотребления. Оно также восходит к значению «сосед», но сосед выступает уже в роли покровителя. Интересно, что в ряде других надписей (см. ниже) терминам ġhm и ġg точно соответствует ġhm и quwm (προστάτης). Очевидна функциональная близость, если не тождественность, слов ġt и quwm и, следовательно, возможность принятой нами интерпретации первого из них.

quwm (от qūm — «стоять»), которому в греческих текстах обычно соответствует *προστάτης* (от *προίστημι*; очевидно, пальмирский термин представлял собой кальку с греческого). Так, согласно CIS, II, 3940 (соотв. IGRR, III, 1044; Пальмира, около 267 г. н. э.), всадник Юлий Аврелий Септимий Йаде воздвигает статую в честь своего «друга» (τῷ φίλῳ; ḡmḥ) и патрона (πρόστατης; quwm) Септимия Ворода. Другая надпись (CIS, II, 3941; Пальмира, апрель 265 г.) свидетельствует, что этот последний был «другом» и патроном Юлия Аврелия Септимия Малха; терминология этого последнего документа полностью совпадает с предшествующим. Септимий Вород был «другом» и патроном также римского всадника Юлия Аврелия Салма Кассиана (CIS, II, 3943; Пальмира, апрель 267 г.). В одном случае в греческой части надписи используется латинский термин: Аврелий Филин соорудил статую в честь своего патрона (τὸν πάτρωνα) Септимия Хайрана сына Одената (CIS, II, 3944, Пальмира, октябрь 261 г.; соотв. IGRR, III, 1035; Inv., III, 16).

В большинстве случаев, как можно видеть и из приведенного выше материала, патрон выступает одновременно и как «друг» покровительствуемого лица. Однако в некоторых случаях мы встречаемся только с последним термином. Так, в надписи CIS, II, 3937 Пальмира, 258/9 г. н. э.) Аврелий Вород выступает только как «друг» Белсакаба сына Харша, от имени которого воздвигнута статуя этого лица; правда, текст сильно поврежден. Интересна в этой связи надпись CIS, II, 3960 (Пальмира, март 157 г.), согласно которой Хайран сын Йархайа сына Тайме и Хабиби сын Йархайа сына Хайрана, принадлежавшие к племени анубатенцев, участвуют в постановке статуи в честь Марка Ульпия Йархайа как «друзья его» (ḡmḥwḥy).

Имеющаяся в нашем распоряжении терминология позволяет, следовательно, выявить два типа отношений. Во-первых, это — «дружба», выражающаяся, надо полагать, в оказании разного рода благодеяний, часто носивших материальный характер. Уместно в этой связи заметить, говоря о пальмирском ḡm — «друг», что одно из значений западносемитского корня ḡm (наряду с первичным «любить»; ср. также ḡḥām — «утроба матери») — «быть милосердным». Так, в еврейском: ḡḥāmīm — «милость» (например, I Царей, 8, 50); в библейско-арамейском (Дан., 2, 18): ḡḥāmīn — «милосердие»; в арамейских документах из Египта (повесть об Ахикаре): ḡḥm — «милостивый», «милосердный»³³; то же и в пальмирских надписях: ḡḥmn' — «милосердный» (CIS, II, 3974, 3988, 3989, 3996, 4001, 4002, 4007 и др., варианты: ḡḥm' — CIS, II, 3981, 4027 и 'ḡḥmn' ³⁴). В некоторых надписях (например, Inv., III, 23 из Пальмиры середины III в. н. э.) мы находим и обычный

³³ И. Н. В и н н и к о в, *Словарь арамейских надписей*, — «Палестинский сборник», вып. 13, стр. 239.

³⁴ Ch.-F. J o a n, J. H o f t i j z e r, *Dictionnaire des inscriptions sémitiques de l'Ouest*, Leiden, 1965, стр. 278.

греческий термин *ἐπαρτήτης*³⁵. Наряду с этим отмечается и патронат в собственном смысле слова, т. е. покровительство, заступничество. Одно и то же лицо могло быть и другом, и патроном, и это очень показательно.

Особый интерес представляет, как нам кажется, вопрос о соотношении терминов *gr/gug* и *quwm*. Последний, несомненно, является, как уже сказано, калькой с греческого *πρόσβατης*; его внедрение в пальмирскую практику связано было, очевидно, с распространением в местной среде эллинистическо-римских представлений. В то же время термин «гер» выражал собою взаимоотношения, существовавшие у пальмирцев до того, как греческий термин был заимствован и возник его точный пальмирский эквивалент. Не исключено, хотя прямыми указаниями на этот счет мы не располагаем, что внедрение греческого термина было связано с тем, что положение клиента по отношению к патрону — *gr* по существу отличалось от его положения по отношению к патрону — *quwm*, хотя возможно также, что в данном случае нашел отражение и другой процесс: стандартизация по греческому образцу государственно-правовой терминологии.

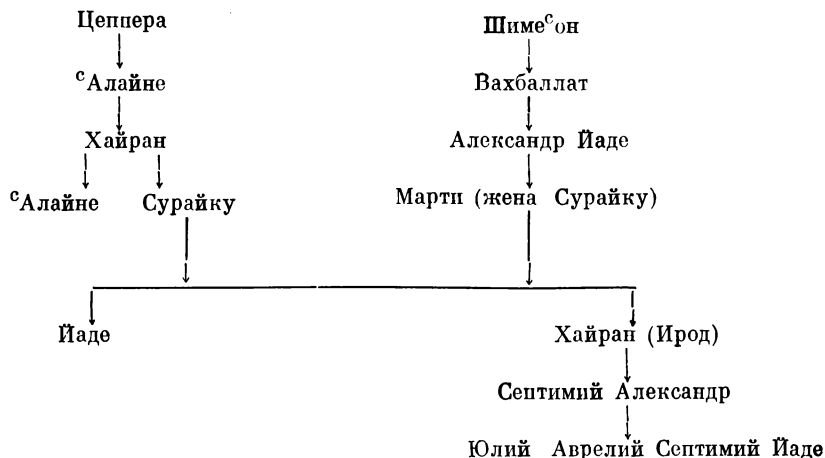
В III в. н. э. мы видим среди клиентов представителей знатных родов, занимавших или занимающих видное место в общественной жизни полиса. Так, Юлий Аврелий Небузабад сын Шоада, поставивший надпись в честь Септимия Ворода в декабре 262 г., был стратегом колонии, иными словами, высшим в этот период магистратом города (CIS, II, 3939). Юлий Аврелий Септимий Йаде (CIS, II, 3940), как показывает анализ истории рода, из которого он происходил (см. ниже, стр. 137—141), также был представителем рода, принадлежавшего во II в. н. э. к аристократической верхушке пальмирского общества. Юлий Аврелий Септимий Малх (CIS, II, 3941) носит титул *ὁ κράτιστος*, иными словами, он принадлежал к всадническому или сенаторскому сословию. Римским всадником был, как сказано, Юлий Аврелий Салм Кассиан, также клиент Септимия Ворода (CIS, II, 3943). Это явление отражает, очевидно, стремление определенных кругов местной знати, нашедшее свое выражение в III в. н. э., уйти от контроля и власти как полисных, так и имперских государственных органов. В то же время оно показывает и другое — социальную деградацию некогда знатных родов и увеличение к III в. н. э. власти и влияния представителей местной бюрократической верхушки, усиление которых стояло в тесной связи с приходом к власти династии Одената — Зенобии.

Наиболее характерной в этом отношении является судьба пальмирского рода Септимиев, потомков Цепперы, показывающая, как в реальной действительности происходили эти процессы.

---

³⁵ Об употреблении греческого *ἐπαρτήτης* в значении, аналогичном латинскому *patronus*, см.: G. W. Bowersock, *Augustus and the Greek World*, Oxford, 1965, стр. 12—13.

До нас дошла группа пальмирских надписей (CIS, II, 3940, 3950—3954), которые позволяют проследить на протяжении около 100 лет историю этого рода, принявшего в двух последних поколениях в первой половине III в. н. э. родовое имя Септимиев³⁶. Из них пять (CIS, II, 3950—3954) поставлены в марте 179 г. н. э. Одна надпись (CIS, II, 3940) датируется серединой III в. н. э. Ж. Б. Шабо в примечании к CIS, II, 3954 дает следующую генеалогию рода пальмирских Септимиев:

Безусловно, нельзя утверждать, что известны все члены этого рода, поскольку источником для составления генеалогии послужили перечисления предков отдельных его членов в почетных надписях, сопровождавших статуи, воздвигнутые в ознаменование их заслуг. В надписях обычно указывается отец чествуемого лица, его дед, иногда прадед и изредка прапрадед. Эти перечисления не включают, как правило, упоминаний иных родственников. В этом отношении аналогию пальмирским надписям составляют близкие им по времени набатейские, а также пунийские второй половины I тысячелетия до н. э.

Надписи CIS, II, 3950—3954 могут быть условно классифицированы следующим образом. Три надписи представляют собой подписи к почетным статуям, воздвигнутым племенем забдиболиев, одна — подпись к почетной статуе, воздвигнутой советом Пальмиры, и одна — подпись к мемориальной статуе, воздвигнутой одним из членов данного рода, Сурайку, после смерти его жены Марти.

Рассмотрим сначала надписи, выполненные племенем забдиболиев. Два текста представляют собой величание сыновей за зас-

³⁶ Библиография указана в комментариях, составленных Ж. Б. Шабо. По правдоподобию предположению Ж. Старки, один из представителей данного рода, видимо, был составителем надписи Inv., X, 27, где упомянут Ирод сын Сурайку.

луги отца. CIS, II, 3950. Греческий текст: «Йаде сына Сурайку сына Хайрана сына ^сАлайне сына Цепперы — те, что из рода забдиболиев, чест[и] ради. В месяц дистр 490 года». Пальмирский текст: «Статуя эта Йаде сына Сурайку сына Хай[рана] сына ^сАлайне <сына> Цепперы, которую воздвигли ему сыны Забдибола все в честь Сурайку, отца его. В месяц адар, год 490».

CIS, II, 3953. Греческий текст (OGIS, 635): «Ирода, прозываемого также Хайраном, сына Сурайку сына Хайрана сына ^сАлайне сына Цепперы, — те, что из рода забдиболиев, чести ради. В месяц дистр 490 года». Пальмирский текст: «Статуя эта Хайрана сына Сурайку сына Хайрана сына ^сАлайне сына Цепперы, ко-т[орую воз]двигли ему сыны [З]абдибола все в ч[е]сть С[у]райку, отца его. В месяц адар, год 490».

Обращает на себя внимание прежде всего то, что клаузула «в честь Сурайку, отца его» содержится только в пальмирских частях надписей, тогда как греческие тексты сохранили лишь безличную стандартную формулу «чести ради», позволяющую читателю, не знакомому с пальмирским текстом, полагать, что почетные статуи и сопровождавшие их надписи были изготовлены в ознаменование заслуг обоих сыновей Сурайку. Однако внесенное в пальмирский текст уточнение показывает, что сыновья в данном случае чествуются за заслуги отца. Можно было бы предполагать, что подобного рода действия были вызваны смертью Сурайку, однако этому противоречит надпись CIS, II, 3954 (греческий ее текст см. также OGIS, 636), которая содержит следующие тексты. Греческий: «Марти дочь Александра, прозываемого также Йаде, сына Вахбаллата сына Шиме^сона, — Сурайку сын Хайрана, ее муж, памяти ради. В месяц дистр 490 года». Пальмирский: «Статуя эта Марти дочери Йаде сына Вахбаллата[ ] сына Шиме^сона, которую воздвиг ей Сурайк[у, муж ее, после того,] как она умерла, в ее честь. В месяц адар, год 490».

Из надписи следует, что в том году и даже в том месяце, когда устанавливались надписи в честь его сыновей, Сурайку был еще жив. Следовательно, видеть в факте установки статуй сыновей в ознаменование заслуг отца некое посмертное воздаяние Сурайку нельзя. Можно было бы думать также, что статуи были установлены в соответствии с обычаем, принятым племенем забдиболиев. Известна, однако, почетная статуя того же времени, установленная племенем забдиболиев в честь брата Сурайку по имени ^сАлайне (CIS, II, 3951). Надпись, сопровождавшая эту статую, была составлена только на арамейском языке. Она гласит: «Статуя эта ^сАлайне сына Хайрана сына ^сАлайне сына Цепперы, которую воздвигли ему сыны Забдибола все, так как он был угоден им, в его честь. В месяц адар, год 490». Под этим основным текстом имеется небольшая приписка, поясняющая, в чем состояли заслуги ^сАлайне: «и соорудил он ограду серебряную перед Шамшем — богом».

Наконец, можно было бы думать, что столь необычное чество-

вание Сурайку объясняется специфическим характером совершенных им деяний. Однако в нашем распоряжении имеется надпись CIS, II, 3952, датируемая тем же временем и сопровождающая статую, воздвигнутую в честь Сурайку по постановлению совета Пальмиры. Хронологическая близость ее к разобранным ранее позволяет считать, что заслуги Сурайку, послужившие поводом к постановке данных надписей, везде одни и те же. Но если в надписях CIS, II, 3950 и 3953 эти заслуги не перечислены, то в CIS, II, 3952 имеется подробный список деяний Сурайку: он соорудил в портике семь колонн, украшенных орнаментом, и медную жаровню. Иными словами, деяния Сурайку по своему характеру близки к тому, что сделал ^сАлайне.

Все изложенное показывает, что изготовление статуй сыновей в честь их отца было вызвано не перечисленными выше внешними обстоятельствами, но особенностями внутренней жизни данного рода, к характеристике которой, поскольку это оказывается возможным на основании отмеченных выше надписей, мы переходим.

Прежде всего, надлежит отметить, что для рода пальмирских Септимиев характерна патрилинейная система родства. Матери в родословиях членов этого рода не упоминаются; имя жены Сурайку, Марти, мы узнаем лишь из мемориальной надписи, специально предназначенной для того, чтобы увековечить ее память. В то же время эта надпись свидетельствует о том, что, вступая в брак, женщины в Пальмире не прерывали связей с родом, к которому они принадлежали по рождению.

Чрезвычайно важно и то, что, как явствует из приведенных выше текстов, братья Сурайку и ^сАлайне чествуются порознь, каждый за свою личную заслугу, связанную с индивидуальными затратами. Они возможны, несомненно, только при распаде бо^{ль}шой семьи и выделении из нее более мелких семейных ячеек. Именно эта последняя тенденция характерна для интересующего нас рода во второй половине II в. н. э.

Но может ли установление почетной статуи сыну за заслуги отца быть согласовано с наличием этой тенденции? На этот вопрос должно дать утвердительный ответ. Отец, бывший главой семейной ячейки, пользуясь своею властью, мог передать своим сыновьям ту почесть, которая принадлежала по праву ему, а племя, по постановлению которого почетная статуя была установлена, удовлетворило его пожелания. Иными словами, в данном случае кровные сыновья Сурайку выделены из общей массы домочадцев. Думається, что объясняется такое не совсем обычное явление тем, что эти сыновья Сурайку должны были унаследовать после его смерти его положение и либо совместно возглавить семью, либо после раздела имущества возглавить те ячейки, на которые данная семья распалась бы.

Возвращаясь к характеристике Сурайку сына Хайрана, надлежит отметить, что в надписи (CIS, II, 3952) не указано какое-либо его официальное положение ни в момент строительства колонн

и жаровни, ни в момент воздвижения статуи с надписью в его честь. Сурайку действовал, таким образом, не в качестве магистрата, но как частное лицо. Тем самым он проявлял свои патриотические чувства по отношению к родному городу. Не менее важно и другое обстоятельство: расходы, произведенные Сурайку, как, впрочем, и расходы ^сАлайне, показывают, что их семьи обладала значительными денежными средствами.

Надпись CIS, II, 3940 (соотв. Inv., III, 9), которую нам предстоит разобрать, датируется серединой 60-х годов III в. н. э. Иными словами, она отстоит от разобранной нами выше группы надписей примерно на 100 лет, что соответствует согласно перечислению предков Юлия Аврелия Септимия Йаде двум поколениям (не считая Сурайку — главного, как можно было видеть, действующего лица предшествующей группы надписей, и самого Септимия Йаде). Ниже следует перевод греческой и пальмирской частей надписи.

Греческая часть (соотв. IGRR, III, 1044): «Септимия Ворода, превосходнейшего прокуратора Августа — дученария и аргепета, — Юлий Аврелий Септимий Йаде, всадник, сын Септимия Александра сына Ирода, из воинов, — друга и патрона чести ради. В год 578, месяц ксандик».

Пальмирская часть: «Септимий Вород, превосходнейший прокуратор (qr̄ts!ws' p̄trp') — дученарий и аргепет. Воздвиг Юлий Аврелий Септимий Йаде, всадник (hpqws), сын Алекса[нд]ра сына Хайрана сына Сурайку в честь друга его и патрона его (ḡḥmḥ wq̄uwḥm). В месяц сиван года 575».

Важнейшая проблема, встающая при интерпретации данной надписи, — это проблема ее датировки, вызванная расхождением между греческим и пальмирским текстами. Греческая надпись датирована месяцем ксандиком, соответствующим пальмирскому нисану (ср., например, CIS, II, 3943), 578 г. селевкидской эры, что равнозначно апрелю 267 г. н. э. В то же время пальмирская надпись датирована месяцем сиваном, соответствующим греческому даисию, 575 г. селевкидской эры, т.е. июнем — июлем 264 г. н. э. В своем комментарии к надписи Ж. Б. Шабо склоняется в пользу последней датировки, хотя он, исходя из того, что данная надпись найдена вместе с другими, поставленными в честь Ворода в апреле 267 г. н. э., полагал возможной такую датировку греческой части.

Эта точка зрения представляется наиболее правдоподобной. Не прибегая к каким-либо натяжкам и исходя только из имеющегося текста, можно утверждать, что первоначально, в 264 г., Септимий Йаде воздвиг статую своего «друга» и «патрона» Септимия Ворода с одной лишь пальмирской надписью. В 267 г., через три года, движимый неизвестными нам мотивами, он присоединил к пальмирской надписи греческую, датированную, естественно, временем ее изготовления. Возможно, Септимий Йаде не желал быть «хуже других» и, коль скоро обычно надписи, сопровож-

давшие почетные статуи, представляли собой билингвы, решил дополнить свою надпись. При этом получилось необычное для пальмирской эпиграфики этого типа явление — двойное чествование Септимия Ворода.

Разбираемая надпись позволяет проследить судьбу одной из ветвей интересующего нас рода на протяжении трех поколений. Хайран, названный в греческой части Иродом, охарактеризован как *ἀπὸ στρατιῶν*, иными словами, он был в начале III в. н. э. солдатом римской армии. Подобное положение Ирода-Хайрана косвенно свидетельствует о разорении потомков Цепперы, что заставило Хайрана избрать военную карьеру, сулившую не только определенное материальное обеспечение, но и почетное положение ветерана в будущем. Его сын носит имя Септимий Александр, свидетельствующее о римском гражданстве данного лица. Обстоятельства получения им римского гражданства не ясны; быть может, оно явилось следствием проведения в жизнь эдикта Каракалы (212 г. н. э.), даровавшего, за рядом исключений, римское гражданство всему свободному населению Империи. Не исключено, однако, что уже Хайран-Ирод, будучи воином, стал и римским гражданином. Существенно важным кажется и то обстоятельство, что потомки Цепперы приняли имя Септимиев (кстати, в пальмирской части надписи упоминается лишь имя Александр, не сопровождаемое этим помен). Представляется наиболее правдоподобным, что этот шаг потомков Цеппера неразрывно связан с принятием имени Септимиев родом Одената и Септимием Вородом. Совпадение имен служит в данном случае добавочным выражением зависимости Септимиев — потомков Цеппера от Ворода, зависимости, нашедшей отражение и в тексте надписи.

Сам Юлий Аврелий Септимий Йаде, как уже отмечалось, был всадником; этот титул, говорящий о его высоком общественном положении и значительной карьере, проделанной им, получен был, очевидно, от Одената. Таким образом, история пальмирского рода Септимиев — потомков Цепперы — это история упадка некогда относительно знатного и экономически обеспеченного рода и нового возвышения одной из его ветвей, но уже как клиентов императорского чиновника и потомков ветерана. Можно предполагать, что в данном случае перед нами — не единичное явление, но отражение глубоких социальных процессов, происходивших в недрах пальмирского общества.

Наряду с этим значительный интерес представляет весьма колоритная фигура упоминаемого в надписи патрона — Септимия Ворода, который известен по целому ряду надписей (CIS, II, 3938—3943 и, возможно, 3932)³⁷. В пальмирской части надписи CIS, II, 3938, поставленной в его честь от имени «совета и народа» и датированной апрелем 262 г. н. э., он назван *mṛn* — «господин

³⁷ См. о нем: Stein, *Septimius Vrodes*, — P.-W. RE, 2. Reihe, Bd II, 1925, стлб. 1574—1575; *Prosopographia Imperii Romani*, vol. III, № 350, стр. 216.

наш», что указывает на правительственные функции, выполнявшиеся им в городе. Согласно надписи CIS, II, 3942 (соотв. OGIS, 646; IGRR, III, 1045), Септимий Вород проделал в Пальмире следующую карьеру: он был агораном, стратегом, каравановожатым, дикеодотом, начальником крепости (аргапетом; ср. CIS, II, 3940, 3941, 3943)³⁸ и прокуратором-дученарием. Этот по необходимости сухой и краткий перечень свидетельствует прежде всего о разностороннем характере деятельности Септимия Ворода — он выступает в роли полисного магистрата (агораном, стратег), одного из руководителей пальмирской торговли, военачальника и императорского чиновника. Согласно одной из клаузул надписи CIS, II, 3942, к моменту ее изготовления Септимий Вород был главой жреческой коллегии Зевса — Бела.

Поражает, однако, то обстоятельство, для пальмирских надписей необычное, что в дошедшей до нас документации отсутствуют указания на родословие Септимия Ворода. Это явление, по-видимому, может быть объяснено тем, что он не имел родословной, которая была бы официально признана в Пальмире или иной части тогдашнего мира. Такое положение, очевидно, указывает, что Септимий Вород происходил из той среды, родственные связи внутри которой законом не фиксировались и официально не признавались. Для середины III в. н. э., когда жил и действовал этот персонаж, можно указать только на одну общественную группу такого рода — это были рабы. Если так, то Септимия Ворода следует признать вольноотпущенником (быть может, вольноотпущенником Одената), получившим пальмирское и римское гражданство и проделавшим, несомненно при поддержке своего господина, указанную выше карьеру.

Если наше предположение о происхождении Септимия Ворода справедливо, в данном случае можно наблюдать примечательный для Пальмиры III в. н. э. факт — при поддержке местных правителей в верхние слои общества проникали выходцы из социальных низов, оттесняющие на второй план представителей старинных пальмирских родов.

Социальная структура общества Дура-Европос

Деловые и иные документы, происходящие из Дура-Европос, позволяют составить более или менее отчетливое представление о структуре и внутренней жизни местной семьи. Как правило, субъектами сделок являются мужчины, очевидно главы семей, что предполагает соответственно наличие общности имущества мужа и жены. Однако уже документ DEPP, 18 свидетельствует

³⁸ Th. N ö l d e k e, Beiträge zur Kenntniss der aramäischen Dialekte, — ZDMG, Bd 24, 1870, стр. 107. Ср. также употребление этого термина в еврейской пубиблейской литературе: A. L e v y, Die Palmyrenischen Inschriften, — ZDMG, Bd 18, 1864, стр. 90.

о том, что положение внутри семьи было значительно более сложным.

Интересующий нас акт датирован 87 г., временем парфянского господства. Но последнее обстоятельство вряд ли имеет существенное значение, так как парфянские власти, насколько можно об этом судить, не оказали заметного влияния на внутреннее развитие общества Дура-Европос. Ситуация, которая отражается в документе, сводится к следующему. Никанор сын Ксенократа сына Аддайа (обращает на себя внимание семитское имя деда интересующего нас персонажа) предоставил заем Диоклу сыну Данима сына Аполлония и Тимонассе дочери Селевка сына Лисия, жене последнего, под залог принадлежавшего им имущества. По-видимому, после смерти Диокла Тимонасса передала все это имущество кредитору, а последний, в свою очередь, возвратил его Тимонассе, за исключением трех рабов, которых он сохранил в своей собственности. Как отмечает С. Бредфорд Уэллес в своем комментарии к документу, Тимонасса известна еще по двум надписям из храма Аззанатконы (ED, V, 523 и 525), которые датируются 62/3 г. н. э. и содержат помимо датировочной формулы следующий текст: «Тимонассы дочери Селевка сына Лисия, жены Диокла сына Данима». Что особенно существенно, по одному из граффити, к сожалению не датированному, известен и сын этой супружеской четы, Полимел сын Диокла сына Данима (ED, IX, 937).

С. Бредфорд Уэллес справедливо подчеркивает, что при наличии детей (сына и, несомненно, дочери, поскольку Тимонасса фигурирует в документе в качестве тещи Никанора) следовало бы ожидать, что именно они выступают в качестве правопреемников своего отца. Между тем каких-либо указаний на этот счет в документе нет. Объяснений этому загадочному явлению С. Бредфорд Уэллес не дает. В какой-то степени его можно было бы объяснить тем обстоятельством, что сделка происходит между родственниками, причем одна из правопреемниц Диокла — жена Никанора, т. е. лицо, непосредственно заинтересованное в сделке. Однако наиболее существенным кажется нам то обстоятельство, что, говоря о займе, предоставленном Никанором в начале разбираемой серии операций, документ говорит о предоставлении его совместно Диоклу и Тимонассе. Таким образом, Тимонасса уже на этом этапе выступает в качестве равноправного участника сделки совместно с мужем, иными словами, будучи в браке, она сохраняет свою право- и дееспособность. Как показывают отмеченные выше надписи, она могла действовать и самостоятельно. Все это предполагает и определенную имущественную самостоятельность женщины.

В свете изложенного получает свое объяснение и странное на первый взгляд обстоятельство, характеризующее происходящие из Дура-Европос документы о разводе. Согласно одному из них (DEPP, 31), датированному 204 г. н. э. и имеющему своим сюжетом прекращение *ἄγραφος γάμος*, т. е. брака, заключенного без

какого-либо письменного документа, разводящиеся супруги предоставляют друг другу право заключить новый брак и заявляют о взаимном отказе от имущественных претензий. Более подробно об этом же говорится в документе DEPP, 32 (254 г. н. э.): здесь речь идет не только об отсутствии взаимных претензий, но и о том, что супруг (Антиох) возвратил жене (Амимме) все, что им было прежде получено от нее. Разница между двумя актами показательна: видимо, в первом случае был последовательно проведен принцип имущественной самостоятельности женщины в браке (очевидно, характерная черта ἀγρᾶφος γάμος), тогда как во втором — жена передала мужу свое имущество, сохраняя, однако, свои права собственности и возможность при расторжении брака затребовать это имущество обратно.

Таким образом, исходя из сказанного можно утверждать, что в семейной жизни населения Дура-Европос наблюдается существование имущественной самостоятельности и соответственно самостоятельной право- и дееспособности женщины, состоящей в браке.

Значительный материал по этой же проблеме содержит и неоднократно комментировавшийся закон о наследовании при отсутствии завещания, также происходящий из Дура-Европос (DEPP, 12). Интересно, что пергамен датируется временем 225—250 гг. н. э., тогда как самый закон справедливо относится исследователями ³⁹ к эллинистическому периоду; первоначально, по всей видимости, он имел силу только в сфере царского сектора, но со временем был воспринят как своего рода образец и в полисном. Закон устанавливает следующий порядок наследования: при отсутствии детей (кровных или усыновленных согласно закону) наследуют отец или мать (последняя в том случае, если она не состоит в новом браке); следующими по порядку возможными наследниками являются братья, происходящие от того же отца, затем — сестры, происходящие от того же отца, затем — родители отца или дядя с отцовской стороны. При отсутствии всех перечисленных родственников имущество, очевидно, считается выморочным и должно поступить в царскую казну.

В нашу задачу не входит анализ происхождения этого правового установления. Следует признать обоснованным вывод, согласно которому изложенная выше норма была общей для всего эллинистического мира; весьма существенным кажется, что наличие аналогичной клаузулы в Сирийском судебнике (L, 1) объясняется, по нашему мнению обоснованно, заимствованием из эллинистических законов ⁴⁰. Сирийский судебник предусматривает, что

³⁹ См. комментарий ad locum, где указана и литература вопроса.

⁴⁰ Ср.: B. H a s s o u l i e r, Une loi grecque inédite sur les successions ab intestat, — «Revue historique de droit française et étrangère», ser. 4, vol. 2, 1924. В. Зольб настаивает на римском происхождении этого установления в Сирийском судебнике. См.: W. S o l b, Zur Bedeutung des Syrisch-Römischen Rechtsbuches, München, 1964, стр. 11—72.

при отсутствии завещания наследуют умершему следующие лица: дети обоего пола в равных долях (yrtn šwy'y), при их отсутствии — отец умершего; при его отсутствии — братья и сестры (мать, если она жива, участвует в наследовании вместе с ними); следующими по порядку претендентами на наследование являются братья отца и их потомки, затем — сестры отца и их потомки (мужчины и, во вторую очередь, женщины). Близость этого установления к тому, которое сформулировано в документе из Дура-Европос, очевидна. Она показывает, что это последнее было действительно на всей территории Сирии в течение всего изучаемого нами периода.

Рассматривая этот закон по существу, необходимо отметить, прежде всего, то обстоятельство, что он рассчитан явно на тот случай, когда сын выделился из семьи своего отца и основал собственную, юридически и экономически от отца не зависимую. Во-вторых, мы сталкиваемся с тем, что принадлежность к одной родственной группе ограничивается происхождением от одного отца и родством в пределах двояродного. Очевидно, такая ситуация возможна при более или менее полном распаде родовых связей.

Показателен и документ DEPP, 19 о разделе имущества (домов) между братьями, сыновьями Полемократа сына Деметрия сына Полемократа. В документе точно указаны доля имущества, приходящаяся на долю каждого из братьев, а также взаимные платежи, которые должны были уравнивать их части. В результате братья приобретают экономическую независимость один от другого, а семья соответственно перестает существовать.

В связи с этим становится понятным, почему в надписях, происходящих из Дура-Европос, перечисление предков упоминаемых там лиц не простирается, как правило, далее третьего колена. Такие случаи, как, например, в ED, III, 157 (91 г. н. э.; надпись происходит из храма Атаргатис), где действует Лисаний сын Селевка сына Аммония сына Аполлофана, крайне редки. Так же редки и случаи, засвидетельствованные надписями типа ED, III, 148 (надпись, не поддающаяся точной датировке, также происходит из храма Атаргатис). Согласно этому документу, Диоген и Дионисий, сыновья Дамоника сына Менандра, совершают посвящение «во спасение и здравие» «свое, и братьев, и детей, и матери, и родственников их». По аналогии с пальмирскими надписями, рассмотренными выше (стр. 131—132), можно думать, что в данном случае действуют два брата, возглавляющие неразделившуюся большую семью, если, конечно, это не складчина. Однако, как правило, речь идет только о посвятителе и его детях (см., например, ED, V, 453; 504; в надписи ED, V, 416 речь идет о посвятителе, его детях и всем его доме; имеются в виду, очевидно, находящиеся под его властью домоладцы, прежде всего рабы).

Еще одно важное обстоятельство, вытекающее из закона о наследовании, — женщина сохраняет (видимо, и при замужестве, поскольку этот случай специально не оговаривается; между тем

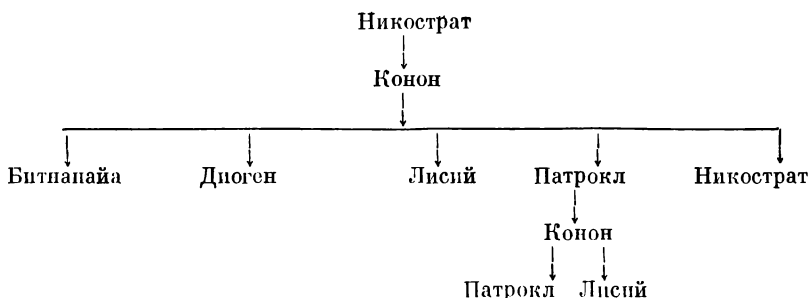
безбрачие возможных наследниц, всех без исключения, трудно допустить) не только родственные связи с домом своего отца, но и вытекающие из этих связей имущественные права. Сказанное находится в прямой зависимости от уже отмечавшейся выше имущественной и правовой самостоятельности женщин в семье.

Несмотря на их крайнюю скудость и отрывочность, происходящие из Дура-Европос надписи и деловые документы позволяют составить некоторое представление о той прослойке общества, члены которой располагали значительными денежными средствами и, видимо, земельными владениями.

В нашем распоряжении имеется серия надписей (ED, VII—VIII, 867—869), происходящих из Митреума и близлежащих пунктов и рассказывающих о посвящениях лиц, принадлежавших к одной семье, на протяжении весьма длительного времени. Первая из них, датируемая по палеографическим признакам I в. н. э., рассказывает о том, что Эпиник, глашатай и жрец бога, по всей видимости одного из местных богов ⁴¹, воздвиг для бога наос и оплатил его роспись. Согласно второй надписи, относящейся к 116/7 г., Александр сын Эпиника обновил этот же наос, «который построил давно отец мой», сделав к нему дополнительные пристройки, восстановив двери, унесенные римлянами, и добавив также новые двери. На следующий год, согласно третьей надписи, тот же Александр сын Эпиника соорудил сакральное помещение и какие-то внешние постройки, за исключением наружной стены, по данному им обету. Следует согласиться с М. И. Ростовцевым, что эти люди принадлежали к городской аристократии Дура-Европос; к тому же, как можно видеть, данная семья на протяжении по крайней мере второй половины I в. и начала II в. сохраняла прочное имущественное положение; она была достаточно состоятельна, чтобы позволить себе дорогостоящие посвящения.

В нашем распоряжении имеется и возможность проследить историю другой семьи на протяжении второй половины I в.—II в. Ее представители изображены, в частности, на известной сцене жертвоприношения, происходящей из храма пальмирских богов, сцене, датируемой, видимо, второй половиной I в.: Диоген, Лисий, Патрокл, Никострат, сыновья Конона сына Никострата, и дочь этого последнего Битнапайа (Cumont, 5). Кроме них на упомянутой фреске изображен и Конон сын Патрокла, тогда еще ребенок. Из того же храма пальмирских богов происходит датируемая 115 г. н. э. надпись (Cumont, 1), в которой говорится о том, что Лисий сын Конона сына Патрокла воздвиг на свои средства τὸνδε τὸν οἶκον καὶ τὸ ὑπερώϊον. Известен и брат Лисия II, Патрокл сын Конона сына Патрокла (ED, 2, p. 165). Все эти материалы позволили с достаточной степенью достоверности восстановить родословную этой семьи (ED, 2, p. 166):

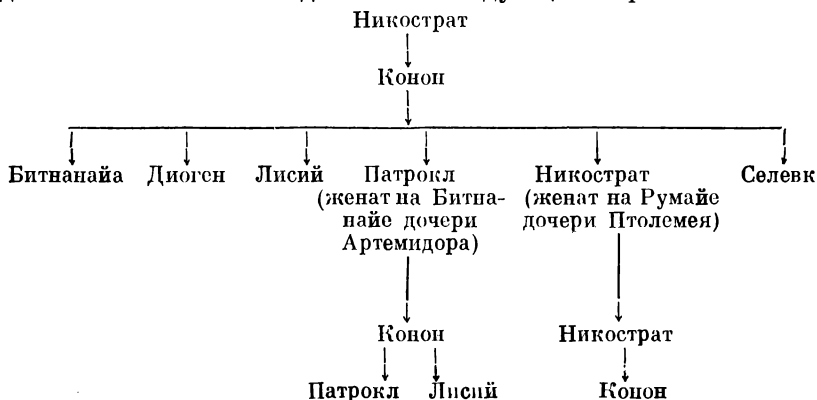
⁴¹ Ср. ED, VII—VIII, стр. 130—131.

Возможно, что члены этой же семьи упоминаются и в более поздних документах. В документе DEPP, 24 (159/60 г.) фигурирует Конон сын Никострата в связи с расчетами по долгам, сделанным его отцом Никостратом. Несмотря на крайнюю фрагментарность документа, оказывается возможным установить, что речь идет о возобновлении долговых обязательств Никострата его сыном, очевидно с обязательством последующей уплаты долга. Надо полагать, что последнее совершилось.

В другом документе DEPP, 17A (около 180 г.) фигурирует среди свидетелей этот же Конон сын Никострата; интересно, что одновременно свидетелем является Гелиодор, стратег и эпистат города. Таким образом, и в конце II в. н. э. эта семья сохраняла свое высокое положение, если такое предположение справедливо.

Не исключено также, что ряд надписей, датированных 373 г. селевкидской эры (61 г.), позволяют выявить некоторых других членов этой семьи. Так, в *Sumont*, 109, согласно бесспорному восстановлению Ф. Кюмона, назван Селевк сын Конона сына Никострата. Его отсутствие на фреске из храма пальмирских богов может быть объяснено тем, что к моменту ее написания он умер. В надписи *Sumont*, 110 упоминается Румайа дочь Птолемея, жена Никострата сына Конона, а в *Sumont*, III — Битнанайа дочь Артемидора, жена Патрокла сына Конона. Они имели кресла в амфитеатре храма Атаргатис. Соответственно приведенная выше родословная может быть дополнена следующим образом:

Таким образом, мы можем видеть, что на протяжении длительного времени интересующая нас семья сохраняла прочное имущественное положение, несмотря даже на то, что Никострат II потерпел на определенном этапе финансовую катастрофу и оказался вынужденным совершить целую серию займов, чтобы восстановить свое благосостояние.

Нам известны и представители других аристократических семейств Дура-Европос, совершавшие дорогостоящие посвящения в различных местных храмах. Так, в 91 г. н. э. в храме Атаргатис Лисаний сын Селевка сына Аммония сына Аполлофана посвятил сакральное здание и двери (ED, III, 157). В 161 г. аналогичное посвящение в храме Аззанатконы произвел Барнабус сын Забидкона (ED, V, 453); правда, двери здесь не упоминаются. В храме Афлада фундамент посвятил Ададиаб сын Забдибола сына Силлой (ED, V).

Из храма Адониса происходит надпись ED, VII—VIII, 875 (181/2 г.), согласно которой Солэй сын Бубэя и Горнэй сын Мемарэя (последний в надписи носит титул *δεσμοφύλαξ* — по правдоподобному предположению издателей, храмовый функционер, ведавший пребыванием неопита в «тюрьме», т. е. начальной стадией его посвящения) построили перистиль и винную кладовую, в которой должно было храниться вино, предназначенное для ритуалов культа Адониса. В надписи указано, что постройка произведена была на их средства с тем, что пользоваться кладовой будут они и их потомки навечно; в последней клаузуле имеется в виду, очевидно, исполнение указанными в надписи лицами культовых обязанностей, связанных с заготовлением вина для нужд храма и его использованием.

Обращает на себя особое внимание то обстоятельство, что среди посягателей встречаются не только греки, но и арамеи; последние упоминаются и в DEPP, 24 среди кредиторов ⁴² Никострата (Абба сын Рагеадада и Забдибол, видимо сын Забдибола). Очевидно, представители семитоязычного населения играли заметную роль среди местной знати, и в особенности финансовой верхушки Дура-Европос.

Выше говорилось о том, что земля в Дура-Европос — объект деловых операций и могла неоднократно переходить из одних рук в другие. Это являлось естественной предпосылкой для создания крупного землевладения и вместе с тем служит показателем неизбежного разорения средних и мелких собственников. Правда, документ DEPP, 26 (см. выше, стр. 73) показывает, по-видимому, что крупные землевладения складывались из разрозненных, друг с другом не соприкасавшихся участков. Однако на социальные результаты процесса концентрации земли это обстоятельство не

⁴² Мы не видим оснований для предположения, выдвинутого во введении к документу, согласно которому (предположению) Абба и Забдибол были людьми, зависимыми от Конона и его отца (клиентами, или пеонами). Скорее можно думать, что они были кредиторами Никострата.

могло оказать серьезного влияния. Существенным кажется и то, что покупателем в упомянутом документе является ветеран Юлий Деметрий, что позволяет говорить о внедрении, во всяком случае к началу III в., в среду крупных землевладельцев Дура-Европос новых лиц, тесными узами связанных с римской администрацией.

О разорении мелких собственников и производителей свидетельствуют и документы о займах, частично также рассматривавшиеся выше (стр. 124—126); в конечном итоге, как уже говорилось, задолженность приводила к фактическому порабощению должника, к возникновению практически бессрочной зависимости. Впрочем, среди займов встречается антихреза (DEPP, 23); обычной для всех документов является формула, согласно которой заем предоставляется под залог всего имущества должника, которое тем не менее сохраняется в пользовании последнего.

Социальная структура общества Герасы I—III вв.

Надписи, происходящие из Герасы, позволяют установить существование в этом городе крупной денежной аристократии, экономическую основу которой составляло землевладение и торговля. Об имущественном положении подобных семей дают возможность судить сведения об их пожертвованиях и посвящениях. Так, согласно G, 2 (22/3 г.), Забдион сын Аристобаха пожертвовал на построение местного храма Зевса Олимпийского из своих средств тысячу драхм; Аристон сын Аристобаха (G, 3; 42 г. н. э.; возможно, брат предыдущего) для этих же целей предоставил 1500 драхм тирской чеканки. В 43 г. на строительство храма пожертвовал из своих средств 1500 серебряных драхм тирской чеканки Афинион сын Афиниона сына Лупа (G, 4). Особенной щедростью и, видимо, особенным богатством отличался во второй половине I в. Феон сын Деметрия. Согласно надписи G, 5, он дал на строительство храма Зевса Олимпийского 7100 драхм тирской чеканки и на устройство пропилей — 1500 драхм (69/70 г.); кроме того, он тогда же (G, 6) выделил на цели, также связанные со строительством храма, 8686 драхм, а на изготовление бронзовой статуи Зевса — 1314 драхм (всего 10 тыс. драхм). В общей сложности, таким образом, Феон сын Деметрия пожертвовал 18 600 драхм. Наконец, по G, 52 (83—96 гг.), Тит Флавий сын Дионисия Эпе... выделил для строительства 3 тыс. драхм.

Подобные значительные затраты, конечно, могли себе позволить только очень состоятельные люди. Для сравнения укажем, что в 67/8 г. н. э. Сарацион сын Аполлония сына Деметрия мог позволить себе выделить для аналогичных целей только 400 драхм (G, 49).

Затраты такого рода засвидетельствованы и для более позднего времени. Так, согласно G, 40 (II в.), в храме Немесиды по завещанию Деметрия сына Аполлофана были изготовлены статуя Не-

месиды, ее убранство и алтарь. Известно пожертвование Малха сына Деметрия сына Малха храму Сараписа и Исиды (G, 15; 143 г.). Марк Аврелий Солон сын Солона в 238 г. посвятил алтарь Зевсу, Крону и Урании (G, 26). В середине III в. (G, 62) Флавий Мунаций на свои средства построил для храма Артемиды пронаос.

Эти сведения, разумеется, очень неполны; они показывают тем не менее, что на протяжении всего интересующего нас времени в Герасе имелись люди, располагавшие значительными денежными средствами.

В надписях из Герасы, как правило, упоминается отчество (ср., например, G, 3) и крайне редко — имя деда основного действующего лица (ср. G, 4).

Уже в I в. прочное положение среди местной аристократии начинают занимать римские ветераны. Мы уже упоминали Тита Флавия сына Дионисия Эпе...; его биография, которая легко восстанавливается по надписи G, 52, весьма показательна. Этот человек был гражданином Герасы, видимо прирожденным (его постройка производится «для отечества»); поступив в римскую армию, он демобилизовался, дослужившись до должности центуриона и получив римское гражданство при Флавиях. Вернувшись на родину, располагая преимуществами ветерана и римского гражданина, а также значительными денежными средствами, он занял, несомненно, видное положение в городе. Эта судьба была отнюдь не единичной. Мойраген сын Молпона сообщает в своей надписи (G, 42; II в.), что его сын — центурион и несет службу в Британии.

По-видимому, в армии Флавиев служили и от Флавиев получили гражданство многие выходцы из Герасы. К их числу принадлежал, очевидно, предок Флавия Агриппы, по завещанию которого город воздвиг в 130 г. арку с триумфальной статуей императора (G, 58). От этих же императоров получил римское гражданство и предок Тита Флавия Гаррона, сына Флавия Флакка, который был агонифетом на играх в честь Нервы (G, 192). Возможно, отец предыдущего — Тит Флавий Флакк сын Флавия Керялия — был упомянут в G, 119 (115/6 г.); судя по тому, что посвящение обращено «владычной отчизне», он располагал местным, возможно даже прирожденным, гражданством. Согласно G, 144 (130 г.), Флавий Флакк был агонифетом.

В надписи G, 43 в роли посвятителя богине Лакайна выступает Флавий Керсилох; согласно G, 182 (середина II в.), Тит Флавий Флакк Керсилох, видимо то же лицо, выступает как объект почитания; его статую воздвигает частное лицо — Деметрий, он же Дифил, сын Деметрия *εὐνοίας χάριν*. Последняя формула, быть может, свидетельствует о том, что Деметрий сын Деметрия был клиентом Тита Флавия Керсилоха. Надписью G, 62 засвидетельствован Флавий Мунаций, сын центуриона Флавия Мунация (середина III в.): он принадлежал к сословию всадников, а у себя в городе был булевтом и стратегом.

О низших слоях населения Герасы — мелких торговцах, ремесленниках и т. п. — мы не располагаем сколько-нибудь надежной информацией. Однако, если справедлива наша интерпретация G, 182, можно говорить о наличии в Герасе II в. отношений патроната.

* * *

Весь приведенный нами материал позволяет сделать вывод о существовании в сирийских городах I—III вв. следующих основных групп свободного населения: торгово-землевладельческая аристократия, располагавшая значительными денежными средствами; средние и мелкие собственники; при этом в качестве характерной тенденции, хотя по дошедшим до нас материалам она и прослеживается с трудом, наблюдается постепенное разорение последних и закабаление, а также возникновение системы патроната⁴³, которая вырастает из отношений соседской традиционной взаимопомощи, «дружбы», «благодетельств» и т. п. В провинции эти отношения, естественно, служили базой, на которой возникала зависимость формально свободного человека от влиятельного согражданина или чиновника; Сирия не могла составлять в этом отношении исключения. Особый интерес в этой связи представляет правило, извлеченное в Дигесты (50, 17, 69) и запрещающее оказывать «благодетельства» тому, кто этого не желает (*invito beneficium non datur*). Е. М. Штаерман обоснованно подчеркивает, что подобные благодетельства приводили к возникновению зависимости⁴⁴; очевидно, операции такого рода были широко распространены по всей Империи, в том числе и в Сирии, коль скоро понадобилось их запрещать. Однако подобный запрет вряд ли мог быть действенным: в распоряжении «благодетелей», конечно же, находилось достаточно средств для того, чтобы придать операции вид добровольности.

Те отрывочные данные, которыми мы располагаем для характеристики областей и городов Сирии, помимо трех, упоминавшихся выше, подтверждают, что в данном случае перед нами — явление, характерное для всего изучаемого района в интересующий нас период.

В частности, Малала, воспроизводящий антиохийскую традицию, сохранил до наших дней рассказ об антиохийце Сосибии (pp. 224—225, 248), жившем в I в. н. э. Этот человек, имевший сенаторское достоинство, переселился вместе с Августом в Рим; можно думать, что и гражданство получил, и сенатором он стал по решению императора. Сосибий был, несомненно, если и не богатым, то одним из самых богатых граждан Антиохии. Ссылаясь, в частности, на Павсания, Малала пишет, что Сосибий завещал родному городу сумму, достаточную для уплаты годового налога,

⁴³ О патронате в первые века Империи см.: М. Е. Сергеев, Жизнь древнего Рима, М.—Л., 1964, стр. 254—258.

⁴⁴ Е. М. Штаерман, Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи, М., 1957, стр. 344.

с тем чтобы на протяжении пяти лет в месяце гиперберетее устраивались 13-дневные игры, включавшие декламации, театральные представления, состязания атлетов и всадников. Сумма завещания в пользу города составила 15 серебряных талантов. Следует заметить, что подобные поступки были в истории Антиохии известны и до римского завоевания. Согласно рассказу того же Малалы (р. 235), еще в эллинистическое время по завещанию Марона и на его средства были основаны храм Муз и библиотека. Таким образом, поступок Сосибия, несмотря на всю исключительность пожертвванной им суммы, нельзя считать свидетельством роста к I в. н. э. имущественного благосостояния определенной группы населения. Он показывает только, что по крайней мере отдельные представители правящей верхушки Антиохии отличались исключительным богатством.

Другие источники (надписи, происходящие из Антиохены: JMI, II, 465, 569, 470, датируемые I—II вв.) свидетельствуют о значительно более скромных жертвованиях местным богам, однако также требовавших немалых затрат и служащих показателем благосостояния жертвователей. Надпись JMI, IV, 1303 из Баланей (II в. н. э.) кратко сообщает о том, что липо, в честь которого она воздвигнута, ...дор сын Антиоха сына Деметрия исполнял обязанности ситона, т. е. обеспечивал снабжение города продовольствием на свои средства (ἐξ ἰδίου).

Интересно, что общественное мнение особо ценило в такого рода богачах скромность, готовность оказывать справедливость и благодеяния, а также совершать различного рода жертвования в пользу родного города. Именно эти качества отмечает источник «Суды», рассказывая о Марасе, происходившем из Берэи и бывшем одним из ее богатейших граждан (Suid, s. v. Μάρας). Впрочем, нарисованный «Судой» портрет интересен вследствие явно ощущаемой исключительности данного случая, вероятно, поэтому и сама память о столь необычном человеке сохранялась так долго. Как правило, очевидно, простому человеку приходилось сталкиваться с высокомерием и заносчивостью аристократов, безжалостных и отличавшихся скупостью.

Не менее характерны для всей Сирии и сведения, полученные нами из анализа положения, существовавшего в Пальмире, Дуре-Европос и Герасе, о развитии семейных отношений. Надписи, происходящие из Апаimei (JMI, IV, 1337), Александрии при Иссе (JMI, III, 716), Селевкии Пиерии (JMI, III, 1187), содержащие либо посвящения от имени женщин во имя благополучия их семей, в том числе мужа и сыновей, либо (в последнем случае) постановление народного собрания в честь женщины, бывшей жрицей, показывают, во всяком случае, самостоятельность женщин в общественной и, очевидно, в хозяйственной жизни. Этой самостоятельности не препятствовало и то, что они были замужем.

Наряду с многочисленными «индивидуальными» посвящениями мы встречаем и «коллективные», происходящие, как правило, от

членов одной семьи. Так, в 157 г. Аблай и Иарай, сыновья Мосха, совершили посвящение «великому богу жителей Назалы» «во спасение их и детей» (JMI, V, 2697). «Великому Зевсу Гелиополитанскому и Богу египетскому» принесли посвящение Селаман и Меркурий, сыновья Мамбугэя, происходящие из поселения Мааррас-Самефа (L'année épiqr., 1964, 58). В 86 г. н. э. в поселении Корифе (Антиохена; JMI, II, 465) было совершено посвящение «отеческим богам» Зевсу — Мадбаху и Селаману; в качестве посвятителей названы Диоген сын Антиоха, усыновленный собственным братом Феофилом, его жена Феофила дочь Феофила, его мать Сосис и сыновья Феофил и Сосис. В данном случае глава семьи, действующий от ее имени, считает необходимым подчеркнуть это обстоятельство перечислением всех ее членов как участников его акции. Тем самым создается предпосылка того, что они могут действовать и самостоятельно, независимо от его волеизъявления. Другое посвящение в честь Зевса — Мадбаха, происходящее из Бордж ал-Му^саллак и датированное 161 г. н. э. (JMI, II, 569), воздвигнуто братьями Аполлонием, Аполлофаном и Халбионом, сыновьями Мариона. Интересно, что происходящее из Корифе и датированное 120 г. н. э. посвящение Зевсу — Мадбаху и Селаману было изготовлено Кратеем сыном Андроника во исполнение обета, данного отцом. Из Ма^слулы происходит посвятельная надпись богу Малахеду (SEG, XVIII, 602), выполненная от имени сыновей Кирилла сына Патрокла; надпись датируется 106/7 г. Согласно надписи SEG, XIX, 887, Аполлоний, он же Аполлиний, из Арада воздвигает статую Зевсу Гелиополитанскому совместно с детьми.

Таким образом, наряду с разделившимися семьями, по всей видимости и в ряде приведенных выше случаев могут наблюдаться семьи, не разделившиеся после смерти их глав и руководимые несколькими братьями, выступающими совместно. В особенности характерен эпизод с усыновлением главою семьи родного брата.

Римские граждане в Сирии I—III вв.

Как можно видеть из анализа рассмотренного выше материала, значительную роль в жизни Сирии начиная с I в., и в том числе в аристократической среде, играли римские граждане, в особенности ветераны. В литературе ⁴⁵ отмечалось уже, что они представляли собой заметную группу крупных землевладельцев. Однако эту характеристику нельзя считать исчерпывающей. До сих пор остается не рассмотренным вопрос о происхождении римских граждан и о тех изменениях, которые имели место в составе верхних слоев сирийского общества, а также о социальной структуре колоний римских ветеранов и о том, каково было их место в жизни Сирии I—III вв.

⁴⁵ M. R o s t o v t z e f f, La Syrie romaine, — «Revue historique», 175, 1935, стр. 17.

Публикация обширного собрания надписей из Гелиополя, выполненная Ж.-П. Рэй-Кокэ (JMI, VI), позволяет с достаточной полнотой рассмотреть вопрос о социальной структуре и общественной жизни Гелиополя — одной из двух колоний римских ветеранов в Сирии. Вряд ли положение в Берите могло значительно отличаться от того, что наблюдается в Гелиополе; поэтому выводы, сделанные на гелиополитанском материале, могут быть отнесены не только к Гелиополю, но и к другой римской колонии, существовавшей в интересующей нас провинции.

Одним из важнейших источников для характеристики Гелиополя является надпись, к сожалению не датированная, из Нихи (JMI, VI, 2936) — посвящение Атаргатис Нихской (Dea Suria Nihathe<na>) во здравие Августа (pro Aug<usto>). В качестве посвяителя выступает Pagus Augustus (Pagus Augustus fecit et dedicavit). Ж.-П. Рэй-Кокэ в своем комментарии к этому памятнику справедливо, на наш взгляд, заметил, что Pagus Augustus представлял собой ассоциацию римских граждан, возникшую в результате земельных раздач в долине Нихи⁴⁶; упоминание Августа свидетельствует, по его мнению, что раздачи происходили уже в царствование этого императора, очевидно одновременно с основанием Берита и Гелиополя (ср. также JMI, VI, p. 36). Разрушенная почти полностью надпись JMI, VI, 2937, датируемая временем Антонина Пия и происходящая из Нихи, сохранила упоминания двух, видимо влиятельных, семей из этого пага: Цельсиниев и Юлиев, члены которых совместно совершают посвящение императору.

Таким образом, колонисты не только создавали город, являвшийся центром определенной сельскохозяйственной округи, но и в самой этой округе образовывали поселения, административно, по всей видимости, подчиненные колонии. Самый город административно делился на декании, упоминаемые в двух посвященных надписях JMI, VI, 2740 и 2742.

В нашем распоряжении сравнительно мало данных о несвободном населении Гелиополя и поселений, входивших в его округу.

Прежде всего, обращает на себя внимание надпись JMI, VI, 2930, происходящая из Нихи (дата отсутствует): «Мениск за при[нес]ших <обет> себя, и доч[ь], и жену, и воспитанников». Параллельный малоазиатский материал показывает, что словом *δρεπτός* могли обозначаться как свободные воспитанники (по материалам, собранным А. Кэмероном, в подавляющем большинстве случаев),

---

⁴⁶ Как известно, *pagus* — ядро римских граждан с самостоятельной администрацией в окружении туземного *civitas* под контролем ближайшего римского муниципия. См.: A. N. Sherwin-White, *The Roman Citizenship*, Oxford, 1939, стр. 212.

так и вскормленники-рабы ⁴⁷. В связи с этим употребление данного термина само по себе не может служить надежным критерием для определения социального положения обозначаемых им лиц. Соответственно $\theta\rho\epsilon\pi\tau\omicron\iota$ в надписи Мениска могли быть и его свободными воспитанниками, попавшими в данную семью при неизвестных нам обстоятельствах, и рабами, родившимися в доме Мениска или воспитанными там с малолетства. Во всяком случае, едва ли можно сомневаться в том, что они не были родными детьми посвяtitеля (иначе было бы непонятно выделение дочери). Они, однако, сохраняли определенную связь с воспитавшей их семьей и участвовали в ее коллективных действиях. Иными словами, даже если допустить, что $\theta\rho\epsilon\pi\tau\omicron\iota$ разбираемой надписи были формально свободны, вряд ли можно отрицать их зависимость от Мениска. Показательно, что последний осуществляет обет от имени своих $\theta\rho\epsilon\pi\tau\omicron\iota$, которые выступают как составной элемент данной фамилии, причем элемент пассивный.

Другая надпись, JMI, VI, 2903, происходит из Хермела и также не датирована. Ее текст гласит: «Отарей[ий] Регины [н]а св[о]и средства изготовил...» Формула «Отарей Регины», как отмечает в своем комментарии Ж.-П. Рэй-Кокэ, может быть истолкована в двух смыслах: «Отарей сын Регины» и «Отарей раб Регины». Поскольку второе из этих имен женское, мысль о рабском состоянии Отарея кажется более правдоподобной; в противном случае ожидалось бы, скорее, упоминание его отца. Если бы такое понимание оказалось правильным, перед нами был бы раб, владеющий определенным имуществом (отсюда формула $[\epsilon\acute{\iota}\xi\ \dot{\iota}\delta\acute{\iota}]\omega\nu$) и способный производить самостоятельные расходы. Единственное, что можно утверждать определенно, — это существование какой-то зависимости Отарея от Регины.

Обе предшествующие надписи составлены на греческом языке; это обстоятельство позволяет видеть в персонажах, которые в ней упомянуты, представителей коренного (эллинского или эллинизированного) населения. В отличие от них надпись JMI, VI, 2952 из Дейр-Лабаса выполнена по-латыни. Можно, следовательно,

⁴⁷ A. Cameron, $\theta\rho\epsilon\pi\tau\omicron\varsigma$ and Related Terms in the Inscriptions of Asia Minor, — «Anatolian Studies Presented to W. H. Buckler», Manchester, 1939, стр. 27—62. В советской литературе вопрос о значении термина $\theta\rho\epsilon\pi\tau\omicron\varsigma$ в той или иной форме затрагивался в связи с интерпретацией формулы $\epsilon\chi\text{-}\theta\rho\epsilon\pi\tau\omicron\varsigma\ \alpha\upsilon\tau\omicron\iota[\nu]$ (по восстановлению В. В. Струве — $\alpha\upsilon\tau\omicron\iota[\varsigma]$) в декрете в честь Диофанта (IOSPE, I², 352). См.: С. А. Жебелев, Последний Перисад и восстание скифов на Боспоре, Северное Причерноморье, М.—Л., 1953, стр. 82—115; В. В. Струве, Восстание Савмака, — ВДИ, 1950, № 3, стр. 23—40; S. J. Lurje, Jeszcze o dekrecieku czci Diofantosa, Meander, 14, 1959, 2, стр. 67—78; В. Ф. Гайдукевич, Еще о восстании Савмака, — ВДИ, 1962, № 1, стр. 3—23; Э. Л. Казакевич, К полемике о восстании Савмака, — ВДИ, 1963, № 1, стр. 57—70. Как бы эта формула ни истолковывалась и соответственно как бы ни решался вопрос о социальной принадлежности Савмака, ни один из авторов не возражает против возможности истолкования слова $\theta\rho\epsilon\pi\tau\omicron\varsigma$ в обоих смыслах. Э. Л. Казакевич вообще отказывается от его рассмотрения, подчеркивая, что в IOSPE, I², 352 оно отсутствует.

полагать, что она исходит из среды колонистов; издатель памятника считает возможным датировать его по палеографическим признакам царствованием Адриана. Текст надписи, которая нас интересует, гласит: «Ю<питеру> Н<аилучшему> В<еличайшему> Г<елиополитанскому>, — во здравие госп<од> (pro salute dominor<um>) Каллист и Аполлоний о<бет> и<сполнили>». По замечанию Р. Мутерда (см. комментарий к надписи), во времена Адриана обозначение *domini* не может относиться к императорам; отсюда Р. Мутерд делает вывод, что здесь имеются в виду господа тех рабов, которые совершают посвящение. Такое допущение кажется весьма вероятным, однако из них следует целый ряд существенных, с нашей точки зрения, выводов. Во-первых, рабы оказываются находящимися в коллективном владении. Мы, однако, не располагаем достаточным материалом о том, что собою представлял данный коллектив, и поэтому вынуждены отказаться от его характеристики. Во-вторых, данные рабы, Каллист и Аполлоний, имеют определенное имущество, которым они могут распоряжаться по своему усмотрению. Наконец, в-третьих, рабы могли производить совместные затраты и, следовательно, участвовать в деловой жизни, образуя при необходимости те или иные сообщества.

Таким образом, если предложенные выше толкования обоснованны, имеется возможность констатировать, что в Гелиополе и его округе существовало зависимое население, в том числе и рабы, а также, что последние могли пользоваться известной имущественной самостоятельностью и дееспособностью. В этом отношении положение рабов в римской колонии не отличалось от положения рабов в собственно сирийских обществах.

Значительно больше сведений относится к вольноотпущенникам. Три надписи из этой группы не датированы. Одна из них, JMI, VI, 2793, воздвигнута вольноотпущенником (*libert<us>*) Публием Статилием Ацилианом в честь некоего Публия Статилия сына Гая Юста Сентиана, несомненно его патрона и прежнего господина. Этот последний занимал видное общественное положение: во время службы в армии он был *praefectus fabrorum*, а в Гелиополе, уже после отставки, — *декурион*. Другой вольноотпущенник (*libertus*), Либанис, участвует в коллективном, по-видимому, семейном посвящении алтаря Юпитеру (JMI, VI, 2926; Тимнин Тахта).

Наконец, согласно надписи JMI, VI, 2719, происходящей из Гелиополя, Квинт Бэбий Йануарий совершает во исполнение обета посвящение Юпитеру «во [зд]равие» (pro [sa]lute) своего патрона Бэбия Новата и, видимо, сына этого последнего, а также свое, своей жены Бэбии Таллусы, сыновей и братьев. Представляется очевидным, что, как отметил и Ж.-П. Рэй-Нокэ в своем комментарии к надписи, посвяtitель был вольноотпущенником Бэбия Новата, а его жена, носящая довольно распространенное греческое имя Θάλλουσα (в надписи: *Thallusa*), была его подругой и в рабстве,

и на свободе (хотя, добавим мы, видимо только на свободе Квинт Бэбий Йануарий мог назвать ее *coniunx*).

Если предположение Ж.-П. Рэй-Кокэ обоснованно, можно следующим образом представить себе соответствующую ситуацию. Еще являясь рабом, будущий Квинт Бэбий, а в то время еще только Йануарий, получил от своего господина разрешение обзавестись фактической семьей и соответственно самостоятельным хозяйством. Нам неизвестны обстоятельства, при которых этот человек получил свободу, а также его последующее материальное положение. Обращает на себя, однако, внимание, что под его патриархальной властью состояли кроме жены и сыновей также и братья. Мы вынуждены оставить открытым вопрос о том, каким образом последние оказались членами семьи посвятителя; ее состав позволяет, во всяком случае, думать, что Квинт Бэбий Йануарий был человеком более или менее зажиточным.

Второй половиной I в. н. э. датируется надпись JMI, VI, 2798. Она установлена была в честь неизвестного лица (начало отсутствует), участвовавшего в походе Цесенния Пэта на Коммагену (72 г. н. э.) и отмеченного многочисленными наградами; среди последних — *ornamenta duumviralia* в соответствии с декретом декурионов. Воздвигает надпись Марк Антоний Хеннун, вольноотпущенник Хоплона. Марк Антоний Хеннун, без сомнения, носит *praenomen* и *nomen* своего прежнего господина, поэтому полное имя последнего реконструируется — Марк Антоний Хоплон; можно полагать, следовательно, что один из его предков получил римское гражданство от Антония и принадлежал к той группе ветеранов, поселенных в Гелиополе, которые принимали участие в гражданских войнах на стороне противников Августа. Не исключено, что лицо, в честь которого составлена данная надпись, не тождественно с патроном данного вольноотпущенника (в этом случае достаточно было бы указать: «вольноотпущенник его»); если бы сказанное оказалось достоверным, можно было бы думать, что вольноотпущенники устанавливали деловые контакты с влиятельными людьми в городе и помимо своего патрона.

В середине II в. н. э. была воздвигнута надпись в честь Марка Лициния сына Секста Помпенны Потита Урбана из Фабиевой трибы (JMI, VI, 2791; Гелиополь). Ниже мы подробно остановимся на биографии этого человека, которая сама по себе представляет немалый интерес; пока же отметим только, что текст составлен от имени его вольноотпущенника (*libertus*) Марка Лициния Фирма Фронтониана. Надпись не сохранила сведений об этом человеке за одним, хотя и весьма существенным, исключением: он участвует в местной коллегии августалов (*sexvir*).

Все изложенное показывает, что, как это обычно происходило в римском обществе, вольноотпущенники сохраняли прочные связи со своими патронами вплоть до того, что совершали определенные действия как члены семьи последних. Непосредственной предпосылкой такого положения служило то, что вольноотпущенник,

принимая попен своего господина, приобщался к его роду. Посвящения в честь или во здравие патрона, равно как и обязательное упоминание о нем, являли собою неотъемлемую часть той *reverentia*, которую вольноотпущенники, как общее правило, должны были проявлять по отношению к своим прежним господам. В то же время не исключена возможность и значительной деловой и общественной самостоятельности вольноотпущенников. Как и повсеместно в Империи, вольноотпущенники принимали участие в коллегиях севиров.

Имелись среди населения Гелиополя и императорские вольноотпущенники. До нас дошла надпись одного из них (JMI, VI, 2713), датируемая временем Каракаллы, — посвящение гелиополитанской троице (Юпитеру, Венере, Меркурию) «во здравие» императора. Посвятитель — Септимий ...бас, очевидно вольноотпущенник Септимия Севера; объект посвящения — бронзовая капитель колонны с золотой отделкой, что позволяет составить некоторое представление о размерах затрат, которые этот человек мог себе позволить.

Судить о составе семьи в среде свободных колонистов, равно как и о роли, которую играли отдельные ее члены, мы можем только на основании посвяtitельных и почетных надписей, в которых они перечисляются. Это обстоятельство создает известные трудности, как и в аналогичной ситуации в предшествующих разделах данной главы, поскольку мы не можем быть уверены, что, во-первых, перечисляются все члены данной семьи, и, во-вторых, упоминание данного лица обозначает принадлежность именно к семье, а не к более или менее широкому кругу родственников, в том числе и не находившихся под властью того лица, в связи с которым они упоминаются. Таким образом, эти сведения приблизительны и неточны. В дальнейшем мы, однако, исходим из предположения, что лица, перечисляемые в надписи, составляют единую семью либо связаны достаточно сильными родственными узами.

Приведенные на стр. 159—162 материалы позволяют сделать следующие выводы. Вотивные надписи, как правило, воздвигаются главой семьи, который, очевидно, представляет ее в ее связях с внешним миром в соответствии с римскими взглядами на отцовскую власть. Члены семьи выступают в этих случаях только как объекты пожеланий и ожидаемой в перспективе божественной милости. В ряде надписей как объекты благопожеланий выступают братья или «родственники» посвяtitеля; но вопрос о характере их взаимоотношений с последним до обнаружения дополнительных материалов мы вынуждены оставить открытым.

Имеются, однако, и другие тексты, в которых глава семьи действует совместно с ее членами — женой и детьми; эти случаи позволяют предполагать наличие у членов семьи гражданской дееспособности и, если так, брак *sine manu* и эмансипацию сыновей и дочерей, их формальное освобождение из-под патриархальной власти отца. В одном случае (№ 2966) в посвящении участвует по-

№ надписи по JMI, VI, происхождение и дата *	Вводная формула	Имя посвятител	Состав семьи	Заключительная Формула	Дополнительные сведения
2761, Гелиополь, вторая половина I в. н.э.	Боженственному Веспасиану Ав<густу>	Антония д<очь> Т<иберия> Паката, и Присцилла	по завещанию Антония Тавра	у<становили> б<лагоговейно>	
2715, Гелиополь, царствование Антонина Пия (131—161 гг. н.э.)	Ю<питеру> Н<аилучшему> В<еличайшему> Г<елиополитанскому> во здравие имп<ератора> Т<ита> Элия Адриана Антонина Авг<уста> Пия, о<тца> о<течества>.	Квинт Тедий Максим	во здравие свое и сы<новей> и внук<ов>	о<бет> о<т> всей д<уши> в<ыполнил>	
2746, Гелиополь, время М. Аврелия?; греч.	..... и [М<арка>] Авр<елия>..... Цеза<ря> сына <ег>о	Квинт [Г]ра[х]-х[и]й ... и	по за<вещанию> <П>ублия Грах-хия Р...		
2752, Гелиополь, без даты		... нинион	во здравие сво<е> и своих	о<бет> о<т> всей д<уши> в<ыполнил>	
2718, Гелиополь, без даты	Ю<питеру> Н<аилучшему> В<еличайшему> Г<елиополитанскому>	К<винт> Бэбий Руф сын Квинта, Фаб<иевой> трибы,	и Бэбии Секст, Рай, Квинт, его сыновья **	о<бет> в<ыполнили>	
2720, Гелиополь, без даты	Ю<питеру> Н<аилучшему> Г<елиополитанскому>	Т<ит> Понтий Клавдий Брут-тиен	во здравие свое и Тиберины — дочери и Ювенции — жены	о<бет> <выполнил>	по-видимому, посвяtitель через жену был родственником патрона колонии Ювенция Мунитя (JMI, VI, 2795)
2721, Гелиополь, без даты	Ю<питеру> Н<аилучшему> В<еличайшему> Г<елиополитанскому>	Т<иберий> Клавдий Нобилис сын Ти<берия> Фаб<иевой> трибы	с женой и сыновьями	о<бет> в<ыполнил>	

№ надписи по JMI, VI, происхождение и дата *	Вводная формула	Имя посвяпителя	Состав семьи	Заключительная формула	Дополнитель- ные сведения
2743, Гелиополь, без даты	[Соглас]но отве- ту бога Конна[ра]	Бэбий Аврелиан Дий, дек<урион> кол<онии> Гел<ио- поля>	во здравие свое и Ант<оний> Дио- доры, п<очтенной> ж<енщины>, же- н<ы>, и сыновей, и всех своих сов- местно с Хариной, женой достойней- шей, и...	о<бет> о<т всей> д<уши> в<ыпол- нил>	родственник Бэбиев (ср. № 2718)
2730, Гелиополь, без даты, греч.	Богу великому Гелиополитанско- му, господу	[К]ассий Вер			
2748, Гелиополь, без даты		[...Кар]мей Монтан Квинтили- ан Фаб<иевой три- бы>, сын Ти<бе- рия> Кармея Квин- тила, который также и Пастор	во здравие свое и Фирмины — же- ны, и детей — Фир- мина, и Монтана, и Марцелла	о<бет> о<т всей> д<уши> в<ыпол- нил>	
2749—2750; Ге- лиополь, без даты, тексты идентичны		Марцелл и Квинт Фольнии, с<ыновья> М<арка> Фольния Секс<та> сына Се- вера, Фаб<иевой трибы>		обет отца пос- <вятили>; о<бет> о<хотно>	
2751, Гелиополь, по мнению Р. Му- терда, палеографи- чески — III—IV вв. н. э.		[Юлиа]н	во здра<вие> с[вое и Ю]лиана, и Секунд[ы], и Ге- меллы, — дет<ей>, и Гемеллы — же- ны, и Ти<берия>, и Марк<а>, и Гая — братьев, и Герры — се[с]<тры>, и Кал- листа, и Секунды, и Квинта, де<тей> его сест<ер>	о<бет> о<т всей> д<уши> в<ыпол- нил>	

№ надписи по JMI, VI, происхождение и дата *	Вводная формула	Имя посвяпителя	Состав семьи	Заключительная формула	Дополнитель- ные сведения
2745, Гелиополь, начало III в. н. э.	....[в]о здравие н<ашего> господи- на имп<ератора> Авг<уста>	обет Л<ущия> Юлия Гимера	Юлии Герме- сион и Викторин сыновья и Гимер внук его эманси- пированный вы- полнили		
2728, Гелиополь, без даты, греч.	[Зевсу Величай]- шему [Гели о]по- литанскому	Крескес.... бу- левт, да[в]ш[и] обет	в[о] <здравие> жены, и де[тей], и родственников соорудил		ср. ниже, № 2966
2931, Ниха; без даты, греч.		Ам[м]оний	во здравие сыно- вей (οἱῶν)	воздвигнул богу	
2930, Ниха без даты, греч.		Мениск	за себя и доч<ь>, и жену, и воспи- танников	при[нес]ших <обет>	ср. выше стр. 154—155
2932, Ниха без даты, греч.		Вэсий Аммоний соорудил	во здравие детей и братьев	давши обет	
2947, Хосн-Ниха, без даты, греч.	Софрону — эко- ному	Мис сын Гиэя	и братья...		
2904, Хермел, без даты		Г<ай> Антоний [Аб]имм	во [здра]вие свое и [свои]х	о<бет> в<ыпол- нил>	
2908, Дейр ал- Ахмар, без даты	[Богу Га]дарен- [скому]	Хайайэй	во [здравие свое и сыно]вей сво[их]		
2922, Шемустар, без даты			Л<ущия> Лици- ния Феликса и Веттулены При- мы — жены, д<о- чери> Т<ита>, и де- тей		
2989, Баб Марε°, 121/2 г. н.э., греч.	Богу Зевсу Бет- маресскому	Кердон сын Диодора		на свои средства воздвигнул	

№ надписи по JMI, VI, происхождение и дата *	Вводная формула	Имя посвятителя	Состав семьи	Заключительная формула	Дополнитель- ные сведения
2964, Дждита, царствование Ан- тонина Пия	Юноне — тари- це во здравие им- <ператора> цез<а- ря> Тита Элия Ад- риана Антонина Авг<уста> Пия, отца отечества, и его детей	братья Гай и Ге- мелл Бэбии	по завещанию их матери Пэтилии Луции		ср. № 2718
2966, Дждита, царствование Ан- тонина Пия	Во здра[вие] им- п<ератора> цез<а- ря> Т<ита> Э<лия> Ад<риана> Анто- <нина> Ав<густа> Пия о<тца> о<те- чества> с детьми	Г<ай> Этрий Крескес Мунд с<ын> П<ублия> Фа<биевой> трибы	с деть<ми> Пуб- лием и Сабиной, и Антонией Фели- кулой, женой его, и сыном Л<упия> Этрия Филиппика Сабиниана, брата Публия, и его Фе- ликулы	обет выполнил	
2902, Рас Ба ^с ал- бек, без даты, греч.			во здравие свое и жены, и детей, и братьев		

* Все надписи, за исключением специально оговоренных случаев, выполнены на латинском языке.

** По мнению Ж.-П. Рэй-Кокэ, Sextus, Caius и Quintus использованы здесь как *cognomina*. Однако множественное число *Baebi* и далее формула *fili eius* показывают, что перед нами *praenomina* сыновей Квинта Бэбия Руфа, перед которыми (личными именами) указан их общий помен. Видимо, родственником последнего был Бэбий Новат, упомянутый в надписи JMI, VI, 2719.

мимо главы семьи, его жены и детей его племянник. Остается, однако, неясным, действовал ли он как член данной семьи или как самостоятельный пайщик.

В некоторых случаях братья-наследники (в одном случае — вместе с эмансипированным внуком) совершают посвящение во исполнение отцовского или материнского обета; однажды указывается даже, что это происходит в соответствии с завещанием. В иных ситуациях, поскольку такая оговорка отсутствует, можно предполагать, что либо не существовало письменного завещания, равно как и устного, либо в нем не была предусмотрена соответствующая клаузула. При всех условиях наследники вместе с имуществом принимали на себя и обязательства наследодателя. Подобная практика имела место и в тех случаях, когда осуществлялся легат и к наследству призывались люди, не бывшие родственниками умершего. Об этом свидетельствует надпись JMI, VI, 2714 (Гелиополь, 128—138 гг. н. э.), представляющая собой посвящение «Ю<питеру> Н<аилучшему> В<еличайшему> Г<елиополитанскому> во здр<авие> имп<ератора> цез<аря> Траяна Адриана Авг<уста> о<тца> о<тчества>, по завещанию Л<уция> Антония Силона вс<адника> III лег<иона> Авг<устова>, гелиополиита. Среди выполняющих обет (v<otum> s<olverunt>) его наследники (hered<es> eius), очевидно пропорционально доле каждого: «Л<уций> Варий Магн с<ын> К<винта>, Фаб<иевой> <трибы>, вет<еран>, за половину (pro parte dimidia); Л<уций> Валерий Мелиор с<ын> Л<уция>, сирота, <за> четверть (<pro> parte quarta), и Вибии, Руф и Фуск, с<ыновья> Г<ая>, Фаб<иевой трибы>, сироты, за четверть (pro parte quarta)».

Существенный интерес представляет вопрос о характере взаимоотношений между завещателем и теми лицами, к которым в данном случае был обращен легат. Поскольку надпись не содержит прямых указаний на этот счет, ответ на него может быть только предположительным. Общественный статус наследников определяется следующими данными: один из них — ветеран, очевидно не дослужившийся до командного поста; остальные — сироты. Едва ли последнее определение могло относиться ко взрослым и житейски самостоятельным людям. Кажется поэтому правдоподобным, что наследники Луция Антония Силона занимали сравнительно низкое общественное положение и, во всяком случае, не были более высокопоставленными лицами, чем он сам. В этом случае возможно, что наследники были либо его клиентами, и тогда перед нами еще одно проявление покровительства со стороны патрона, либо его друзьями и детьми его друзей, связанных с ним узами товарищества, и т. п.

Особое место среди надписей занимают тексты, исходящие от частных лиц и адресованные частным лицам (стр. 164—166).

Как можно видеть, адресаты надписей — лица, занимающие, несомненно, видное место в гелиополитанском обществе, проделавшие в ряде случаев головокружительную военно-административ-

№ надписи по JMI, происхо- ждение и дата	Адресат надписи		От кого происходит надпись		Причины установки надписи	Примечания
	имя	карьера и общественное положение	имя	карьера и об- щественное положение		
2798, Ге- лиополь, ко- нец I в. н. э.		[...в] Ко[м]магенской [войне], на- гражденному [и]мператорамп золо- тым венцом, оже[рельями], [а]рмил- лами, фалерами, почтенном<у> па- р[ад]ом в белых одеждах по повеле- нию имп<ератора>, примипилу лег- <иона> III Галль<ского>, почтенному знакамп отлич<ия дуум>виров соглас- но постановлени<ю> декурионов	М<арк> Антоний Хеннун	в<ольноот- пущенник> Хоплона	за заслу-	см. выше, стр. 157
2781, Ге- лиополь, вторая поло- вина I в. н. э.	[Л]уцию Антонию На- зону с<ыну> М<арка> Фа- б<иевой> три- бы	[<центуриону> ле]г<иона> III Ки- ренаикского, [<центуриону>] [ле]- г<иона> XIII Гемина, [почтенно]му парадом в белых одеждах по повеле- нию имп<ератора>, [...г]орода Кола- фиан, [прими]пилу лег<иона> XIII Гемина, триб<уну> лег<иона> I Ита- лийского, [триб<уну> ког<орты>] IV Стражей, триб<уну> ког<орты> XV Гор<одской>, [триб<уну>] ког<орты> XI Городск<ой>, триб<уну> ког<ор- ты> XI Прет<орианской>, [награж- денному] императором [.....ве]нцо<м> [за взятие вал]а, венцом золо[тым], вексиллами [двум]я, копь[ями без наконечников] двумя, [при]м[и]пилу вторично ле]г<иона> XIV Гем<ина>, триб<уну> ког<орты> I Прет<ориан- ской>, и пр[е]п[озиту над] [ветера]на- ми [много]х воинских подразделе- ний, н[а]ходящихся в Риме, прок<у- ратору> Авг<устову> [По]нта и В[и- фини]и	[А]врел- [ий?]			

№ надписи по JMI, проис- хождение и дата	Адресат надписи		От кого происходит надпись		Причины установки надписи	Примечания
	имя	карьера и общественное положение	имя	карьера и об- щественное положение		
2796, Ге- лиополь, вторая поло- вина I в. н.э.	Г<аю> Ве- лию Руфу, сыну Саль- вия	п<рими>п<илу> лег<иона> XII Фульм<ината>; преф<екту> вексил- лариев девяти лег<ионов>: I Адиут- <рикс>, II Адиут<рикс>, II Авг<усто- ва>, VIII Исп<анского>, XIII Гем- <ина>, XX Вик<трикс>, XXI Рапак<с>; триб<уну> ког<орты> XIII Гор<од- ской>; командующему войска Афри- канского и Мавретанского, предназ- наченного для подавления племен, которые находятся в Мавретании; награжденному имп<ератором> Веспаси- аном и имп<ератором> Титом во время Иудейской войны венцом за взятие вал<а>, ожерельями, фа[ле]- рами, армиллами; также награжден- ному венцом стенным, двумя копь- ями, двумя вексиллами; и во время войны с маркоманнами, квадами, сарматами, против которых он совер- шил поход через царство Децебала, царя даков, венцом стенным, двумя копьями, двумя вексиллами; прок<у- ратору> имп<ератора> цезаря Авг<у- ста> Германика провинции Паннонии и Далмации: также прок<уратору> провинции Ретии с правом меча; он, посланный в Парфию, возвратил к имп<ератору> Веспасиану Эпифана и Каллиника, сыновей царя Антиоха, с большим отрядом трибутариев	М<арк> Альфий Олимпиак, с<ын> М<ар- ка> Фаб<ие- вой трибы>	аквили- фер, вет<е- ран> XV лег<иона> Аполлоно- <ва>		

№ надписи по JMI, происхо- ждение и дата	имя	Адресат надписи		От кого исходит надпись		Причины установки надписи	Примечания
		карьера и общественное положение		имя	карьера и об- щественное положение		
2794, Ге- лиополь, II в. н. э.	П<ублию> Статилию Юсту Сенти- ану, с<ыну> Г<ая>, Фаб- <невой три- бы>	преф<екту> масте<ров>, триб<уну> лег<иона> II Тр<аянова> Мощн<ого>, декуриону кол<онии>		М<арк> Юлий Ма- цер, с<ын> П<ублия>, Фаб<иевой трибы>	севир	за заслу- ги	
2792, Ге- лиополь, без даты	Ти<берию> Невию Клав- дию Соссиа- ну Севериа- ну, с<ыну> К<винта>, Фаб<невой трибы>	жрецу Ю<питера> Н<авлучшего> В<еличайшего> Г<елиополитанского>		К<винт> Невий с<ын> Эпагата			

ную карьеру вплоть до вхождения во всадническое сословие, получения соответствующих наград и должностей. Им противостоят люди, устанавливающие надпись, занимающие, как правило, более или менее скромное общественное положение: в одном случае — вольноотпущенник, в другом, возможно, сын вольноотпущенника. Самое значительное положение среди лиц, устанавливающих надпись, занимают Марк Альфий Олимпиак — ветеран и аквилифер, а также Марк Юлий Мацер — член коллегии августанов.

Мы не имеем возможности судить о том, что именно побудило этих людей изготавить интересующие нас надписи; однако традиционная формула *ob merita*, встречающаяся здесь два раза, могла иметь в виду не только общественные заслуги, но и какие-то действия, благодеяния, покровительство личного порядка. Как бы то ни было, рассматриваемые надписи свидетельствуют, с нашей точки зрения, о существовании в Гелиополе отношений, приближающихся по типу к патронату, хотя, возможно, и не тождественных с ним (обращает на себя внимание в этой связи отсутствие прямых указаний).

Приведенные выше надписи дают возможность составить известное представление о верхнем слое того гражданского коллектива, который сложился в Гелиополе. За их плечами была многолетняя служба в армии, где они занимали важные и ответственные командные посты общеимперского значения; они участвовали в крупнейших военных походах своего времени. Этих же людей мы видим и на постах прокураторов императорских провинций.

В нашем распоряжении есть данные, позволяющие, правда весьма приблизительно, охарактеризовать имущественное положение людей этого круга. В древности общее внимание привлекала фигура Г. Юлия Никанора, гелиополитанина, который оказался в состоянии купить остров Саламин, проданный Афинами после разгрома, учиненного Суллой, а затем возвратить остров афинским властям (Strabo, p. 394; Dio Prus., Orat., 311; 116; St. Byz., s. v. Γεράπολις)⁴⁸. Л. Антоний Сион (JMI, VI, 2714) обязал своих наследников посвятить 80 фунтов, т. е. около 26 кг серебра.

Любопытно, что люди, фигурирующие в интересующих нас надписях, выйдя в отставку, не принимали официального участия в управлении колонией; они не заседали в совете и не исполняли местных магистратур. Вряд ли этот абсентеизм можно считать случайным явлением; вероятнее всего, здесь сознательное нежелание связывать себя с местными органами власти. Тем более показательно их влияние, людей, не облеченных официальными полномочиями, но тем не менее располагающих достаточными связями в кругах императорской администрации, а также авторитетом заслуженных военачальников, в среде ветеранов — недавних солдат. Естественно, что и возможности оказывать покровительство

⁴⁸ См. об этом эпизоде также: G. W. B o w e r s o c k, Augustus, стр. 96.

тем, кто стоял ниже их на социальной лестнице, были у них весьма широки и разнообразны.

Более того, согласно надписи JMI, VI, 2795 (Гелиополь; не датирована), один из таких представителей местной аристократии (по правдоподобию допущению Ж.-П. Рэй-Кокэ), Ювенций Мунит (его полное имя дано в следующей форме: T<ito>Statilio Maximo Severo L<ucio> Iuventio Munito, что позволяет предположительно датировать документ III в. н. э.), принадлежавший к сенаторскому сословию (он был авгуром, децемвиром *stlitibus iudicandis*, императорским квестором, народным трибуном, претором — полностью список не сохранился), появляется в качестве патрона колонии.

Появление среди гелиополитанской аристократии людей, не связывающих себя с местными органами власти, говорит, хотя мы и лишены возможности провести статистический анализ, что здесь наблюдается формирование того общественного слоя, который постепенно утрачивает заинтересованность в городском управлении и суверенитете.

Однако мы видим среди колониальной верхушки и другую прослойку — тех, кто проходит местную карьеру, участвует в работе курии и, по-видимому, так или иначе заинтересован в деятельности муниципальных органов власти. Представляет значительный интерес в этом отношении *cursus honorum* Марка Лициния Помпенны Потита Урбана, о котором мы узнаем из надписи JMI, VI, 2791 (середина II в. н. э.; см. также выше, стр. 157). Этот человек, бывший жрецом Юпитера Гелиополитанского, а в царствование Адриана включенный во всадническое сословие, был декурионом, понтификом, агонифетом, дуумвиром квинквепналом, фламином (и в этом качестве организовывал гладиаторские игры). По постановлению курии он был почтен специальными знаками отличия декурионов. В другой надписи из Гелиополя, не поддающейся датировке (JMI, VI, 2752), сохранилась формула: *magisterio suo* — «во время его магистратуры». Однако характер этой магистратуры пока установить невозможно.

Наряду с этим в надписях упоминаются декурионы и решения курии (JMI, VI, 2716, 2728, 2743, 2767/8, 2780, 2793, 2794, 2899, 2935). Особый интерес из этой группы представляют два текста. JMI, VI, 2716 (Гелиополь, 238—244 гг.) сообщает о том, что декурион Л. Юлий Север посвящает Юпитеру Гелиополитанскому «светоносную статую» в ознаменование своего декурионата (*statuam luciferam decurionatus sui*); видимо, справедливо мнение, что в данном случае речь идет о затрате *summa honoraria* или какой-то ее части. Другой текст (JMI, VI, 2935 из Нихи) называет Наркиса сына Касия булевта колонии Гелиополя. По справедливому мнению Ж.-П. Рэй-Кокэ, Наркис происходил из знатной семьи и получил ранг и привилегии декуриона *honoris causa*. Нам представляется, что в данном случае перед нами отражение процесса исключительной важности — слияния местной эллинизированной

знати и аристократии колонии в единую социальную группу. К сожалению, отсутствие иных сведений не дает пока возможности изучить этот факт во всех его проявлениях.

Наши сведения о рядовых свободных гелиополитанах крайне ограничены. В подавляющем большинстве случаев в надписях отсутствуют данные о деятельности, карьере, материальном и имущественном положении упоминаемых в них лиц, исходя из чего можно думать только, что муниципальную карьеру эти люди не проходили. Однако имеются и исключения, которые дают возможность представить себе фигуру ничем на первый взгляд не примечательного гражданина города. Так, некий Тит Вибуллий Корнут Пий (JMI, VI, 2758) являлся арендатором (conductor) земельного участка (надпись происходит из Гелиополя и датируется 117/8 г. н. э.). Интересно, что он (и этот факт также является исключением из общего правила) счел необходимым довести свою родословную до четвертого поколения: сын Тита, внук Тита, правнук Марка, очевидно, для того, чтобы особо отметить свое прирожденное, исконное, по его мнению, римское гражданство. Встречаются в надписях и ремесленники, возможно владельцы ремесленных мастерских. Так, по недатированной надписи JMI, VI, 2723 из Гелиополя, посвяtitель — Гай Титтий Кармей, занимающийся изготовлением свинцовых труб для водопроводов (plumbarius); он посвящает статуи Солнца и Луны, а также занимает место для статуи Победы, украшенной золотой отделкой. Упоминается (JMI, VI, 2916; Йаммуне, не датирована) и скульптор Юлиан сын Юлиана, посвящающий свое изделие богу Эресем. Наконец, в надписи JMI, VI, 2801 (Гелиополь, не датирована) говорится о месте, принадлежащем коллегии медников.

В целом кажется наиболее правдоподобным, что гелиополитанский плебс составляли ветераны (рядовые и младший командный состав) и их потомки, мелкие и средние землевладельцы и арендаторы, а также владельцы ремесленных мастерских. По-видимому, какую-то роль в его среде играло и местное коренное население, однако этот вопрос мы вынуждены пока оставить открытым.

Римские граждане в собственно сирийских полисах

Оставляя в стороне за отсутствием материала, происходящего из Сирии, вопрос о прирожденных римлянах, не входивших в состав местных гражданских коллективов и образовавших собственные объединения, мы остановимся здесь на характеристике другой группы лиц — тех, кто обладал благоприобретенным римским гражданством, которые начали появляться в Сирии уже в I в. до н. э.

Согласно известной надписи JMI, II, 718 из Рососа (конец 30-х годов до н. э.)⁴⁹, римское гражданство в соответствии с законом Мутация и Эмилия было предоставлено одному из ветеранов Октавиана, его наварху рососцу Селевку сыну Феодота. Эти права были даны самому Селевку, его родителям, детям, жене (в том случае, если она не разведена с ним). Кроме того, чествуемый персонаж приобретает налоговый иммунитет в соответствии с обычным правовым статусом римских граждан, а также освобождение от воинской и местных полисных повинностей. Селевк освобождается и от постоев, а также (равно как и члены его семьи) от уплаты ввозных и вывозных пошлин в любом полисе или в любой местности Азии и Европы. Вместе с семьей Селевк включается в состав Корнелиевой трибы, в которой получает право принимать участие в комициях.

Интересно, что, возбуждая судебное дело, лица, получившие римское гражданство, могли это делать либо у себя на родине, руководствуясь местными законами, либо в каком-нибудь из автономных городов, либо обращаться к римским магистратам или промагистратам. В то же время обвинение против них могло поддерживаться только путем обращения через посольство к римскому сенату или магистратам и промагистратам. Нарушение этого правила каралось штрафом в 1 млн. сестерций⁵⁰. Таким образом, лица, получившие римское гражданство, фактически оказывались изъятymi из-под юрисдикции органов власти их родного полиса, хотя, как показывает рассматриваемая надпись, и не утрачивали

⁴⁹ Впервые надпись была опубликована П. Русселем. См.: P. R o u s s e l, *Un Syrien au service de Rome et de Octave*, — *«Syria»*, vol. 15, 1934, стр. 33—74. Специальное исследование этой надписи посвятил Н. А. Машкин («Из истории римского гражданства», — *«Известия АН СССР, серия истории и философии»*, т. II, 1945, № 5, стр. 359—372). Эллина, получившие римское гражданство, составляли, по мнению Н. А. Машкина, социальную опору Октавиана в политической борьбе. Он отмечает близость документа к эдикту Октавиана (33 г.), которым предоставляется гражданство ветеранам вместе с правом голоса в соответствующей трибе и различные иммунитеты. В эдикте Домициана о ветеранах, где речи о *ius suffragii* уже нет (оно, по справедливому замечанию Н. А. Машкина, было бы в то время анахронизмом), подтверждается *ius conubii* и иммунитеты ветеранов. Н. А. Машкин подчеркивает место JMI, II, 718 в истории расширения римского гражданства. Однако он не до конца выяснил вопрос о значении эдиктов Августа из Киренаики, подчеркивая лишь стремление императора заставить новых граждан участвовать в местных литургиях. Создается впечатление, что после смерти Августа эти эдикты потеряли силу, хотя какими-либо данными в пользу подобной трактовки мы не располагаем. О значении распространения римского гражданства в провинциях, и в частности в Ахайе, см.: О. В. К у д р я в ц е в, *Эллинические провинции Балканского полуострова во втором веке нашей эры*, М., 1954, стр. 224—229. Он видит в нем средство усиления римского влияния; один «из важнейших шагов на пути к слиянию в одно целое господствующего класса рабовладельцев и в первую очередь его верхнего слоя по всей Империи».

⁵⁰ Как увидим, мнение первоиздателя надписи, согласно которому эти привилегии соответствовали тем, которые были предусмотрены указом Октавиана для всех ветеранов, не точно.

местное гражданство. В третьем письме, включенном в надпись, Селевк оказывается членом посольства рососцев к Октавиану, а в четвертом отправитель, обращаясь к рососцам, говорит о нем: «ваш гражданин и мой наварх». Можно предполагать, что аналогичные привилегии получил от Августа и упоминавшийся выше антиохиец Сосибий.

Как известно, Август предпринимал попытки ограничить повинностный иммунитет римских ветеранов. До нас дошла надпись (SEG, IX, В, III, 7/6 в. до н. э.), содержащая разъяснение Августа, по которому лица, получившие римское гражданство, должны были участвовать в выполнении местных повинностей наряду с другими местными жителями; исключения допускались только для тех, кто по закону, постановлению сената, решению Юлия Цезаря или самого Августа получил гражданские права вместе с повинностным иммунитетом. Впрочем, и в этом последнем случае иммунитет распространялся только на те повинности, о которых в соответствующем документе шла речь. Разбираемый эдикт обращен к Кирене; несомненно, однако, что он отражает общее направление политики Августа, которая должна была сказаться на положении римских граждан, имевших благоприобретенное гражданство, также и в Сирии⁵¹.

⁵¹ Как известно, эдикты Августа из Киренаики послужили объектом оживленной научной дискуссии, в которой нам представляется наиболее существенным спор по следующим двум вопросам: о возможности сочетания римского и местного гражданства, а также об объеме гражданских прав и привилегий и в связи с этим о структуре римского гражданства.

По первому вопросу подавляющее большинство исследователей пришли к выводу, согласно которому граждане, имевшие благоприобретенное римское гражданство, сохраняли и местное гражданство. См.: A. N. Sherwin-White, *The Roman Citizenship*, стр. 189; F. de Visscher, *Les édits d'Auguste découverts à Cyrene*, Louvain, 1940, стр. 108—118; его же, *Le statut juridique de nouveaux citoyens Romains et l'inscription de Rhoses*, — «L'Antiquité classique», vol. 13, 1944; vol. 14, 1945 (цит. по: J. Robert, *L. Robert, Bulletin épigraphique*, — «Revue des études grecques», t. 59—60, 1946—1947, стр. 352—353); E. Schönbauer, *Minicipia und coloniae in der Prinzipatszeit*, *Anzeiger der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, philosophisch-historische Klasse*, Jg. 91, 1954, стр. 13—48 (там же предшествующая литература и обзор истории вопроса и различных точек зрения); Н. А. Машкин, *Эдикты Августа из Киренаики*, — ВДИ, 1938, № 3, стр. 187. Это и неудивительно: новые римские граждане в своей частной жизни должны были руководствоваться законами своего родного города (F. de Visscher, *La condition juridique des nouveaux citoyens Romains*, — CRAIBL, 1938, стр. 24—39) и сохранять с ним тесную, в том числе и юридически оформленную, связь. В противном случае могло бы оказаться невозможным их участие в нормальной повседневной жизни, а также в местных органах власти.

По второму вопросу отмечалось (Н. А. Машкин, *Эдикты...*, стр. 187), что, как показывают эдикты из Киренаики, среди привилегированного местного населения были созданы три прослойки: лица, не имевшие римского гражданства; лица, получившие его, но лишенные повинностного иммунитета; лица, приобретшие гражданские права и одновременно освобождение от литургий (ср. также: F. de Visscher, *Les édits*, стр. 108—118). Парадоксальная точка зрения, высказанная Дж. У. Бауэрсоком (G. W. Bowersock, *Augustus*, стр. 89), который считает, что эдикты из Киренаики не сви-

Положение изменилось при Домициане, который специальным эдиктом («L'année épigraphique», 1910, № 75) освободил от налогов и повинностей всех ветеранов без изъятий, а также их родителей, жен и детей. Военские дипломы, в том числе и содержащие упоминания о сирийцах (CIL, III, IV—XLVI; III Suppl. IX, LXXIII), а также происходящие из Сирии⁵², упоминают только о предоставлении потомственного гражданства, а также *ius conubii* с теми женщинами, которые бы являлись женами чествуемых лиц к моменту приобретения ими римского гражданства, либо с теми, на которых бы они женились после совершения этого акта. Повинностный иммунитет в дипломах домициановского и более позднего времени, очевидно, подразумевается сам собой.

Как можно было видеть из приведенных выше материалов, воины, происходившие из различных местностей Сирии, несли службу на всем огромном пространстве Римской империи: в Британии, Мезии, Нумидии. В дополнение укажем, что нам известна значительная группа выходцев из Сирии, служивших в римских войсках, находившихся в Киренаике (надписи, о которых ниже будет идти речь, происходят из Агедабии в районе Большого Сирта): сирийцы Лонгин (SEG, IX, 773), Дионисодор сын Антиоха (SEG, IX, 778), Валерий сын ...дора (SEG IX, 778) и еще один, имя которого не сохранилось (SEG, IX, 794), апамеец центурион Магион сын Артемидора (SEG, IX, 775), другой апамеец — центурион Лонгин (SEG, IX, 781), антиохиец — сын Гермогена, имя которого не сохранилось. Упомянувшиеся выше дипломы сохранили имена «сирийца» Маттайа сына Полай (CIL, III, IV), пальмирца М. Ацилия Александра, который командовал в 134 г. н. э. I Клавдиевой когортой сугамбров, дислоцировавшейся в Дакии (CIL, III, XXXIV), а также выходца из Герасы Марка сына Дамы (CIL, III Suppl., IX; этот диплом, датированный 71 г. н. э., происходит из Помпей). Уже в дипломе I в. н. э. упоминается I Августова когорта итурейцев (CIL, III, XIX; 98 г. н. э.; эта же когорта упомянута и в CIL, III, XXV, датированном 110 г. н. э., где речь идет о I Августовой когорте итурейцев и о I Августовой когорте итурейских лучников, а также в CIL, III, XLVI, датированном 167 г. н. э. и происходящем из Паннонии). I когорта итуреев — римских граждан упоминается и в воинском дипломе, найденном в 1954 г. в Волюбилисе⁵³. В 1967 г. Х.-Г. Пфлаум опубликовал новый военный диплом, происходящий из Сирии и датированный 105 г.

детельствуют о создании прослойки римских граждан с ограниченными правами, не находит подтверждения в тексте документов.

В целом остается в силе вывод А. Н. Шервина-Уайта (The Roman Citizenship, 213—215), согласно которому эдикты из Киренаики показывают, что в провинциях уже в царствование Августа намечался процесс, ведущий к сглаживанию различий между гражданами и peregrini.

⁵² R. C a g n a t, Nouveau diplôme militaire relatif à l'armée de Syrie, — «Syria», vol. 9, 1928, стр. 25—31.

⁵³ H. N e s s e l h a u f, Das Bürgerrecht der Soldatenkinder, — «Historia», 8, 1959, 4, стр. 434.

п. э.⁵⁴. Согласно этому документу, римское гражданство и *coniubium* вместе с почетной отставкой предоставляются Марку Стедию Корбулону сыну Марка родом из Гиппона (Десятиградие). Среди воинских подразделений, дислоцировавшихся около этого времени в Египте, названы II и III когорты итуреев. Кроме этого, имеются данные о существовании I Флавиевой когорты дамаскинцев (CIL, III, XXVII, 116 г. н. э.; организована, надо полагать, в период правления одного из Флавиев), I Флавиевой когорты коммагенцев, квартировавшей, судя по месту происхождения диплома, в Паннии (CIL, III, XL, вероятно 157 г.) и I Флавиевой когорты выходцев из Канаты (CIL, III, Suppl., LXXIII, 166 г.; диплом происходит из Регенсбурга).

До нас дошли следующие надписи, в которых речь идет о римских гражданах (ветеранах или получивших гражданство иным путем), обосновавшихся на жительство в различных пунктах Сирии:

IGRR, III, 1380	Медаба	Г. Домиций Александр	центурион III Киренайского легиона
IGRR, III, 1327	Босра	Флавий Эней	центурион
IGRR, III, 1325	Босра, II в. н. э.	Сабин Амрилий	чин неизвестен, в Босре дважды был проедром
IGRR, III, 1321	Босра	Юлий Марциан	чин неизвестен, в Босре был проедром
IGRR, III, 1333	Босра	Клавдий Андромак	архиатрос
IGRR, III, 1332	Босра	Аврелий Марк	астином
Rey-Coquais, 18 *	Босра	Крисп Элий Виталий Валентин	центурион III Киренайского легиона
IGRR, III, 1313	Ава, 294/5 г. н. э.	Магн и Малх	ветераны, участвуют вместе с местными жителями в посвящении
IGRR, III, 1310	Гайсама, III в.?	Флавий Максим	ветеран; его супруга Аврелия Антония воздвигает на средства, принадлежащие супругам и детям, сакральное сооружение; жертвует 40 тыс. (единица денежная не названа)
IGRR, III, 1305	Айун, 271 г. н.э.	Александр сын Батора	ветеран; участвует в облицовке местного храма мраморными плитками

⁵⁴ H. G. Pflaum, Un nouveau diplôme militaire d'un soldat de l'armée d'Egypte, — «Syria», t. 44, fasc. 3—4, стр. 339—362.

IGRR, III, 1304	Айун	Басс сын Виктора	стратигот
IGRR, III, 1301	Сахонет ал-Худр	Таврин сын Аубатана	ветеран
IGRR, III, 1302	Там же	Валерий Максим	ветеран
IGRR, III, 1299	Там же, 170/1 г. н. э.	Руф	ветеран, член коллегии иеротамиев
IGRR, III, 1286	Адраа, 261/2 г. н. э.	Магн Басс	проедр
IGRR, III, 1287	Там же, 262/3 г. н. э.	Магн Басс Элий Басс	проедр член коллегии епископов
IGRR, III, 1167	ал-Мзериб	Сатурнин сын Евнома	воин III Киренаикского легиона; булевт
IGRR, III, 1104 SEG, XVIII, 600	Тир Сидон	Малх Гай Юлий Амфион	ветеран надгробная надпись, видимо от имени его рабов
SEG, XVIII, 191	Библ, II в. н. э.	Аврелий Фил.....	софист; чествуется Дельфами как гражданин и булевт города, приобретая одновременно проедрию, промантейю; устанавливается его бронзовая статуя
Ant., I, 1 (лат.)	Антиохия, вторая половина I в. н. э.	Л. Мэций Постум сын Луция	децемвир stlitibus iudicandis, трибун XIII легиона Гем[ина], [кв]естор божественного Веспасиана и божественного [Тита]; трибун плебейский (?); претор; член коллегии Арвальных братьев
Ant., II, 61	Антиохия	...Рубрен...	.....тр<ибун> плеб<ейский>, квестор го[ро]дской, децемвир stlitibus iudicandis. Надпись установлена его женой Аррией Магисей Секундиллой и сыном М. Рубреном Магианом
SEG, XIV, 613	ок. 60 г. н. э.	Тиберий Клавдий Патробий Квириновой трибы, родом из Антиохии	победитель многочисленных игр, гражданин Антиохии и Александрии
SEG, XVIII, 192	Антиохия	Марк Атилиий Ма[ксим?]	софист; чествуется Дельфами, возможно как гражданин этого города

Inp., X, 29	Антиохия, июль 161 г.	Марк Эмилий Мар- киан Асклепиад	откупщик в Паль- мире, булеут в Ан- тиохии; чествуется караваном из Спа- синова Харакса
IGRR, III, 1080	Дайр ал-Калаа	Лукий Гай Солон	глава коллегии тридцати
IGRR, III, 1079	Там же	Кв. Анхарен Евтих	мастер по обработ- ке меди и бронзы
IGRR, III, 1078	Там же	М. Октавий Илар	центурион IV Скифского легио- на; гражданин Ара- да; чествуется «со- ветом и народом» благорасположе- ния и чести ради
IGRR, III, 1017	Арад	М. Септимий Магн сын Марка, Фабие- вой трибы	
IGRR, III, 1073	Гелинополь, 28 г. н. э.	Гай Юлий сын Менандра, Фабие- вой трибы	по-видимому, гражданство, полу- чил его отец или дед; не исключена принадлежность к местному правяще- му роду
IGRR, III, 1072	Там же, 117/8 г. н. э.	Т. Вибллий Кор- нут, Фабиевой три- бы	
IGRR, III, 1023	Эмесса, 78/9 г. н. э.	Г. Юлий Самсиге- рам сын Г. Юлия Алексиона Фабие- вой трибы	
IGRR, III, 1025	Там же, 108 г. н. э.	Т. Флавий Самси- герам Квирийевой трибы	по-видимому, один из отпрысков того же рода; предста- вители этой ветви получили граж- данство, очевидно, при Флавиях
IGRR, III 1024	Эмесса, 128 г. н. э.	Луций Антоний Коллиновой трибы	ветеран, надгробие его же- ны Антонии дочери Элла... эпимелет и грам- матевс
IGRR, III, 1091	Дамаск	Флавий Ульпиан	
IGRR, III, 1088	Абила, 59 г. н. э.	Кв. Антоний Гемин Клавдиан, Фабие- вой трибы	
JMI, III, 993	Дафне	Ликий Максим	женщина, принад- лежащая к роду римских граждан; на свои средства осуществляет ряд построек для посе- ления.
JMI, II, 584	Месес, 129 г. н. э.	Сеттия Секунда	актер; гражданин Апамеи; чествуется по постановлению «совета и народа»
SEG, I, 529	Апамея	Публий Крисп	

JMI, IV, 1315	Апамея	Лициний Сабинпан	«из воинов» (ἀπὸ στρατιῶν); его сын был сенатором (πατέρις συγκλητικού); ведал в Апамее анноной
JMI, IV, 1345	Апамея, 102—116 гг. н. э.	Аппий Геркулий	наследники воздвигают статую Траяна
IGRR, III, 1005	Селевкия	Каисий Приск	центурион IV легиона
JMI, III, 1185	Селевкия, 121/2 г. н. э.	Най Помпей Зенон	«отец полиса»; чествуется народом и пробуле за его добродетель, благочестие и щедрость
IGRR, III, 1009	Кафр-Набо, 124 г. н. э.	Нумерий } Клавдий } Антоний } Домициан } Гай }	эпимелеты ремесленники участники посвящения Сеймию, Симбетэлю и Леонту
SEG, I, 490 (соотв. JMI, II, 359)	Брад, 207/8 г. н. э.	Урбик, Андроник, и Марк, сыновья Лонгина	участники посвящения
Wadd., 1894	Пания, 222 г. н. э.	братья Антоний и Сопатр Агриппа сын Марка, его сыновья: Агриппин } Марк } Агриппа }	то же архонт булевты
IGRR, III, 1213	Кафр-Лаха, 236 н. э.	Ульпий Скавриан	стратег
		Юлий Басс	ветеран, жертвует на посвящение 300 денариев
		Флавий Ульпий	ветеран; его сыновья жертвуют на посвящение 400 денариев
		Ульпий Руфин	ветеран; жертвует на посвящение 30 денариев
IGRR, III, 1262	Нела, 189 г. н. э.	Агикий Роман	центурион; глава общины Маненов (τὸ κοινὸν Μανηνοῶν)
IGRR, III, 1264	Нела	Флавий Максим сын Сабина	бенефициарий, акомментаресий, корникулярый и центурион
IGRR, III, 1265	Там же	Элий Максим	ветеран; всадник III легиона

IGRR, III, 1266	Там же	Аврелий Анний сын Диомеда	ветеран (ὁπαρχικός)
IGRR, III, 1267	Там же	Юлий Сабин	ветеран
IGRR, III, 1110	Афека	Валерий Марк	ветеран из всадников VI легиона
IGRR, III, 1114	Фэны, II в. н. э.	Аврелий Квириналий	центурион III Галльского легиона
IGRR, III, 1116	Там же, II в. н. э.	Г. Гельвий Марпан	центурион III Галльского легиона
IGRR, III, 1117 и 1118	Там же	Л. Аврелий Максим	центурион XVI легиона Flavia Firma
IGRR, III, 1120	Там же	Г. Эгнатий Фуск	центурион III Галльского легиона
IGRR, III, 1121 и 1122	Там же	Петусий Евдемон	центурион XVI легиона Flavia Firma
IGRR, III, 1135	ал-Ксайфа	Аврелий Майор	ветеран III Киренайского легиона
IGRR, III, 1138	Эйта	Элий Максим	эпарх, гражданин
IGRR, III, 1143	Саура, 161/2 г. н. э.	Г. Юлий Теренциан, Аус, Семпроний, Адриан, Максим	Эйты совместно участвуют в руководстве строительными работами при посвящении
IGRR, III, 1128	Эра, 191/2 г. н. э.	Юлий Герман	центурион III Галльского легиона; эвергет города и основатель...
IGRR, III, 1148	ал-Ладжа	Юлий Максим	воин III Галльского легиона
IGRR, III, 1157	Зорава	Юлий Руф имя неизвестно	его брат принцепс III Галльского легиона
IGRR, III, 1158	Там же	Кл. Сабин сын Беррия	воин легиона...
IGRR, III, 1159	Там же	Кл. Клавдиан сын Феофана	ветеран I Парфянского легиона; «из III Киренайского легиона».
IGRR, III, 1168	Телль аш-Шахб	Г. Валерий Максим	воин
IGRR, III, 1169	Там же	Сасип	воин III легиона
IGRR, III, 1170	Джадуда	Юлий Валент	ветеран
IGRR, III, 1173	Наджран	Юлий Герман	ветеран III Киренайского легиона
IGRR, III, 1179	Эрича, 169 г.	Т. Клавдий Магн	соорудил на свои средства врата
		Т. Аврелий Квириналий	центурион III Галльского легиона; местный магистрат, ведавший строительными работами
IGRR, III, 1183	Там же	Ульпий Александр	оптион III Галльского легиона
IGRR, III, 1187	Умм аз-Зитун	Ульпий Кассиан	ветеран (ὁπαρχικός); участвует в строительстве святой скинии

IGRR, III, 1188 IGRR, III, 1195	Амра Филиппополь, 175—177/8 г.	Сильван Петусий Евдем	ветеран центурион XVI ле- гиона Flavia Fir- ma; местный маги- страт.
IGRR, III, 1108	Панеада. II в.	М. Лукий Флакк	совершает посвя- щение Антиною
IGRR, III, 1281	Соада	Элий Юлиан	хилиарх XIV ле- гиона Геминны; де- цемвир stlitibus iudicandis
IGRR, III, 1282	Там же	М. Кокцей Герман, он же Авид	воин III Киренаик- ского легиона; по- святил три арки с кимватием
IGRR, III, 1231	Каната	Тиберий Клавдий Натарел	центурион
IGRR, III, 1233 IGRR, III, 1235	Там же Там же, II в.	Гай Пр.ций Руф Марк Ульпий Ли- сий сын Икавра	проседр; предоста- вил на строитель- ство Одеона 10 тыс. денариев
IGRR, III, 1224	Там же, 124 г.	М. Ульпий Фи- липпик	агораном
IGRR, III, 1229	Там же, конец II в.	Клавдий Гелиодор сын Плака	магистр претория
IGRR, III, 1230	Там же, конец II — начало III в.	Г. Петроний Се- кунд (из Брунди- зия?)	центурион IV Скифского легиона
IGRR, III, 1284	Там же, 252/3 г.	Юлиан сын Дно- нисия	предоставил на строительство хра- ма 500 денариев
IGRR, III, 1093	Адмедера, 245 г.	Марк Аврелий Аней сын Гаора	иеротамий
IGRR, III, 1074	Хамон, 172/3 г.	Тит Басс Флакк	жрец бога Йауды иеротамий
CIL, III, 108 IGRR, III, 1296	Хебран Хебран, 156 г.	Г. Юлий Максим имя неизвестно	строитель ветеран
IGRR, III, 1297	Там же	Декм Юлий Фа- биан	ветеран; посвяще- ние богу Ликургу
IGRR, III, 1298	Там же, 213/4 г.	Аврелий Антоний Сабин	воин легиона...
IGRR, III, 1309 IGRR, III, 1308 IGRR, III, 1239	Орман Там же Атила, царство- вание Каракал- лы	Север сын Солэма Моссей сын Азиза М. Аврелий Уль- пий Серрен	патрон филы Мозаэдинов ветеран
IGRR, III, 1242	Рамат-Хазим	Юлиан	всадник
IGRR, III, 1246 IGRR, III, 1249	Радейм Дума	Флавий Александр Филипп	воин III Киренаик- ского легиона центурион IV Скифского легиона
JMI, II, 455	Берэя, конец II в.	Т. Флавий Юлиан	ветеран ветеран; выполнял магистратуры (ἡρ- χᾶς ἡρέατο)
			ветеран VIII Авгу- стова легиона

IGRR, III, 1008	Хатура, 195 г. н. э.	Эмилий Регин сын Ульпии Региллы и Эмилия Птолемея	воин
IGRR, III, 1060	Абедат, 154 г. н. э.	Г. Флавий Глафир	воздвиг алтарь Зевса на свои средства
IGRR, III, 1004	Кирры	М. Лициний Прокл	центурнион III Галльского легиона
IGRR, III, 1271	Сахне	Север Максим	ветеран
IGRR, III, 1316	Салха	имена неизвестны	упомянуты ветераны-епископы
IGRR, III, 1218	Мердоха	Юлий Максим	ветеран
IGRR, III, 1216	Мигдала	Аврелий Сабин	ветеран

* J.-P. R e y - C o q u a i s, *Nouvelles Inscriptions grecques et latines de Bosra*, — «Les annales archéologiques de Syrie», vol. 15, 1965, стр. 79, № 18.

Этот и иной приведенный выше материал позволяет утверждать, что в течение I—III вв. в Сирии постепенно оседают римские ветераны. Среди них были воины, демобилизовавшиеся⁵⁵ из частей, находившихся непосредственно на территории Сирии; утратив связи на своей старой родине и обзаведясь таковыми по месту службы (ср. Тас., *Hist.*, 2, 80), они оставались там, или примерно там, где служили, включаясь в гражданский коллектив. Другую группу ветеранов составляли воины местного происхождения, несшие службу подчас далеко от дома, но после демобилизации возвращавшиеся на родину, присоединяя к традиционному положению своей семьи в обществе преимущества ветеранства и римского гражданства⁵⁶. Римское гражданство приобреталось, несомненно, и иным путем (например, занятием высших должностей в городах), однако сирийским материалом по этому поводу мы не располагаем. Принимая помет правящего императора (что происходило в подавляющем большинстве случаев), новый гражданин становился клиентом императорского дома и обеспечивал себе тем самым помощь и поддержку со стороны властей во всех сферах хозяйственной и общественной деятельности. Само собой разумеется, что и сам гражданин, выполняя свои обязанности клиента, должен был оказывать поддержку римским властям; иными словами, такая политика приводила к созданию социальной опоры Империи в провинции⁵⁷.

⁵⁵ О порядке выхода римских воинов в отставку см.: E. S a n d e r, *Das Recht des römischen Soldaten*, — «*Rheinisches Museum für Philologie*», Bd 101, 1958, 2, 166—170.

⁵⁶ Э. Зандер указывает только на привилегии ветеранов, связанные с налоговыми и повинностными иммунитетами, подчеркивая постоянное стремление властей ограничить эти последние (E. S a n d e r, *Das Recht*, стр. 203—208). Однако перечисленными чертами характерные особенности статуса римских граждан не исчерпываются.

⁵⁷ Как показал А. фон Премерштейн (A. v o n P r e m e r s t e i n, *Vom Werden und Wesen des Prinzipats*, München, 1937, стр. 13—22), власть принцепса выросла, между прочим, из взаимоотношений между патроном и клиентом, распространенных на все римское гражданство и — шире — на все население Империи.

Кроме того, переходя из среды управляемых в сферу управляющих, новые граждане приобретали доступ, при наличии соответствующих материальных возможностей, в аппарат управления провинциями; перед ними и их потомками открывалась дорога даже во всадническое и сенаторское сословия, а также к высшему положению в Империи.

В нашем распоряжении имеются примечательные данные о карьерах некоторых римских граждан сирийского происхождения, показывающие, что упомянутые возможности фактически претворялись в жизнь.

Одним из первых известных нам сирийцев, сделавших блистательную, с точки зрения римлянина I—III вв., карьеру, был Л. Эмилий Юнк⁵⁸. Согласно OGIS, 587, он был гражданином и благодетелем финикийского Триполиса; большинство исследователей обоснованно, на наш взгляд, полагают, что Л. Эмилий Юнк происходил из этого города⁵⁹. В 125 г. он был назначен легатом провинции Ахайи (CIA, III, 622); согласно CIG, 1346 из Спарты, исполнял функции дикеодота. В 127 г. он был *consul suffectus* вместе с Секстом Юлием Севером (CIL, X, 7854; Iuvén., 15, 27; Dig., 40, 5, 28, 4). Возможно, этот же Л. Эмилий Юнк являлся и проконсулом Азии (IGRR, IV, 1275 из Фиатеры).

Потомки этого человека и после его смерти продолжали играть важную роль в жизни Рима. Некий Эмилий Юнк занимал должность *consul suffectus* в 182 г. вместе с Атилием Севером (SHA, Comm., 4, 11)⁶⁰.

Не менее интересна и судьба рода Авидиев из Кирры. Первый его представитель, известный нам, — ритор Г. Авидий Гелиодор (ср. Cass. Dio, 71, 22, 2). Он был *ab epistulis* в аппарате Адриана со 120 по 122 г. (Cass. Dio, 69, 3, 5; SHA, Nadr., 15, 5, 16), а в царствование Антонина Пия со 138 и, возможно, по 150 г. — префектом Египта⁶¹. Его сын, Г. Авидий Кассий (SHA, Marc., 25, 12; Cass. Dio, 71, 22, 2), в промежутке между 161 и 168 гг. фигурирует как *consul suffectus* вместе с Цельсом Планцианом. Будучи легатом III Галльского легиона, он участвовал в войне с парфянами и разгроме Вологеза (164 г.) (Cass. Dio, 71, 2, 2—4; SHA, Verus,

---

⁵⁸ Биографические данные о нем см.: P. v. R o h d e n, Aemilius, — P.-W. RE, Stuttgart, 1893, Bd I, стлб. 549—550, № 54; «Prosopographia Imperii Romani», ed. 2, vol. I, Berolini et Lipsiae, 1933, № 355.

⁵⁹ H. D e s s a u, Die Herkunft der Offiziere und Beamten des Römischen Kaiserreichs während der ersten zwei Jahrhunderte seines Bestehens, Hermes, Bd 45, 1910, стр. 18; B. S t e c h, Senatores Romani qui fuerint inde a Vespasiano usque ad Traiani exitium (Klio, Beiheft, X), Leipzig, 1912, стр. 174; P. v. R o h d e n, Aemilius. Автор заметки в «Prosopographia» полагает более вероятным, что триполитанское гражданство было предоставлено Л. Эмилию Юнку властями этого города.

⁶⁰ См. о нем: P. v. R o h d e n, Aemilius, № 53; «Prosopographia», I, № 352.

⁶¹ Все источники указаны в: «Prosopographia», I, 1405. Его биографию см. также: P. v. R o h d e n, C. Avidius Heliodorus, — P.-W. RE, Bd II, Stuttgart, 1896, стлб. 2383—2384.

8, 3—4; Av. Cass., 6, 5). В течение длительного времени (168(?)—175 гг.) был легатом Сирии (Wadd., 2212, 2237, 2231, 2438, 2525, 2528; «L'année épigraphique» 1909, 131; 1930, 140). В 175 г. пытался овладеть императорским тронном и погиб⁶².

Почти аналогичной была карьера пальмиряннина Л. Юлия Юлиана, предки которого, видимо, стали римскими гражданами уже в первой половине I в. Он в царствование Коммода занимал должность префекта претория⁶³.

Этот же пост занял в конце своего жизненного пути и Домиций Ульпиан, известнейший римский юрист, родившийся в Тире (Dig., 50, 15, 1, pr). Судя по его согномен, его предки по материнской линии получили гражданство, по всей видимости, при Траяне. В 203—211 гг. он участвовал в совете префекта претория Папиниана (SHA, Pesc., 7, 4, Alex., 26, 2); в марте 222 г. был префектом анноны (Cod., 8, 37, 4), а с декабря 222 г. — префектом претория⁶⁴.

Наконец, укажем еще на одну блестящую биографию — выходца из Антиохии Тиберия Клавдия Помпейяна⁶⁵. Судя по имени, его предки по отцу получили римское гражданство в первой половине I в. н. э., тогда как предки его матери стали гражданами, возможно, в I в. до н. э. Его отец был римским всадником (SHA, Marc., 20, 6), тогда как сам он достиг звания сенатора. В 167 г., быть может уже в качестве консуляра, был легатом Нижней Паннии (CIL, III, стр. 888). В 169 г. он женился на дочери Марка Аврелия, Люцилле Августе, вдове Люция Вера (Marc., 20, 6; Herod., 1, 6, 4; 8, 3). В 137 г. он исполнял обязанности консула вместе с Гн. Клавдием Севером (CIL, VIII, 18068; IX, 4970; III, 6176; SHA, Marc., 20, 6; Carac., 3, 8). При Пертинаксе, который предлагал ему разделить императорскую власть (SHA, Pert., 4, 10), он заседал в сенате (Cass, Dio, 73, 3, 2—3).

Весьма важным представляется, что уже Траян требовал, чтобы сенаторы-провинциалы треть своего состояния вкладывали в земельную собственность непосредственно в Италии; при Марке Аврелия эта квота была снижена до четвертой доли (Plin., Ep., 6, 19, 4; SHA, Marc., 11). Тем самым провинциалы не только формально, но и фактически становились неотъемлемой составной частью имперской, более конкретно — итальянской, аристократии.

Появление сирийцев в сенате и на высших должностях находит свое объяснение в рамках общей политики императоров по отно-

⁶² См.: P. v. R o h d e n, Avidius Cassius, P.-W. RE, Bd II, Stuttgart, 1896, Sp. 2378—2383; «Prosopographia», I, 1402. Об Авидиях упоминает также: H. D e s s a u, Herkunft, стр. 18—19.

⁶³ ILS, 1327, 8869. Ср. о нем: H. D o s s a u, Herkunft, стр. 18—19.

⁶⁴ «Prosopographia», III, № 169; J ö r s, Domitius Ulpianus, — P.-W. RE, Halbbd. 9, Stuttgart, 1903, стлб. 1435—1509.

⁶⁵ «Prosopographia», II, 973; G r o a g, Claudius, — P.-W. RE, Bd III, Stuttgart, 1899, стлб. 2842—2845; H. D e s s a u, Herkunft, стр. 18—19.

шению к провинциям, и в частности к Востоку ⁶⁶, стремления римских властителей привлечь на свою сторону местную аристократию. В большей или меньшей степени эффективно эта политика велась начиная уже с царствования Августа.

Само собой разумеется, что далеко не каждому удавалось достичь таких же высот. Тем не менее и Лукиан, выходец, как уже говорилось, из обедневшей семьи, сумел занять видный пост в канцелярии префекта Египта (Лус., Ар., 4). Встречаемся мы и с неудачами на жизненном пути: выходец из Берита, известный грамматист М. Валерий Проб, домогался внеочередного центурионата (Suet., Gr. et rhet. 24), но безуспешно ⁶⁷.

Как можно было видеть, социальное положение лиц, носивших римские имена и, насколько об этом можно судить, бывших гражданами, не было однородным. Среди них мы встречаем ремесленников, но также и лиц, обладавших более или менее значительными состояниями, имевших возможность позволить себе дорогостоящие посвящения и громадные пожертвования (вплоть до 10 тыс. денариев). Встречаются среди них и магистраты, а также люди, носящие характерный титул «благодетеля» своего полиса. Иными словами, мы наблюдаем проникновение римских граждан в среду местной аристократии. В ряде случаев в надписях оговаривается, что ветеран является одновременно и гражданином данного города. Такое упоминание не случайно: оно показывает, что ветераны, приобретшие римское гражданство и поселившиеся в сирийских городах или (как это было в Пальмире и Герасе; см. стр. 132—133, 150) возвращавшиеся на родину, сохраняли местное гражданство или приобретали его.

Остается неясным, было ли изъятие римских граждан, приобретавших гражданство по окончании военной службы или иными путями, но в результате пожалования, из-под юрисдикции местных органов власти специальной привилегией, даруемой особым постановлением римских властей, как это было с Селевком сыном Феодота (и, следовательно, не распространялось на всех людей этого круга), либо оно само собой подразумевалось. Обращают на себя внимание следующие обстоятельства: в известных «военных дипломах» соответствующая клаузула отсутствует; в разъяснении Августа о нераспространении на ветеранов налогового и имущественного иммунитета соответствующего постановления также нет (впрочем, Август мог его не включать как не относящееся к основному предмету, который в данном случае имелся в виду); наличие в случае с Селевком специальной оговорки свидетельствует, скорее, в пользу первого предположения. Тем не менее нам представляется вероятным, что в обычной ситуации проблема подсудности

⁶⁶ Общую характеристику императорской политики по отношению к восточной аристократии см.: C. S. Walton, *Oriental Senators in the Service of Rome*, — JRS, vol. 19, 1929, стр. 38—66.

⁶⁷ R. Hauslik, M. Valerius Probus, — P.-W. RE, 2. Reihe, Halbbd. 15, Stuttgart, 1955, стлб. 195—212.

перед гражданином «по пожалованию» не вставала и вопрос об этом не служил предметом спора между ним и римской или местной администрацией. Отсюда должно, по-видимому, следовать, что подсудность римского гражданина исключительно римским властям должна была считаться само собой подразумевающимся правилом. Действительно, в противном случае, предоставляя суверенитет над своими гражданами местным властям, римские власти рисковали ликвидировать само значение гражданства как своеобразного привилегированного статуса. Этому не противоречит и специальная оговорка в постановлении о Селевке, поскольку там излагается закон о порядке предоставления гражданства с указанием всех прав и привилегий гражданина.

Тем самым в городах создается (и это особенно важно, когда речь идет об аристократической среде) влиятельная и все более растущая прослойка общества, до известной степени независимая от местных органов управления, располагающая непосредственными связями с императорской властью, имеющая доступ в высшие (сенаторское и всадническое) сословия Империи и являющаяся ее прямой опорой в городах ⁶⁸. Итоги этого процесса подвел эдикт Каракаллы.

Как известно, в соответствии с эдиктом Каракаллы всему свободному населению Империи (видимо, за исключением так называемых дедитициев, происхождение которых и социальный статус применительно к данному случаю не могут быть выяснены ⁶⁹) было предоставлено римское гражданство. Цели, которые при этом преследовал император, не вполне ясны. Враждебная Каракалле традиция (Cass. Dio, 77, 9, 4—5) утверждает, быть может и не без оснований, что он хотел расширить круг лиц, обязанных платить налог с наследства (повинность, которой подлежали исключительно римские граждане), и тем самым увеличить доходы императорской казны ⁷⁰.

Однако, каковы бы ни были побуждения Каракаллы, значение его эдикта далеко выходит за рамки чисто финансовой политики. Рассмотренный выше материал, происходящий из Сирии, позволяет согласиться с теми исследователями, которые видели значение эдикта Каракаллы в том, что он завершил постепенное превращение ойкумены в *orbis Romanus*, а ее населения из подвластных Риму или непосредственно императору про-

---

⁶⁸ Ср.: F. Vittinghoff, *Römische Kolonisation und Bürgerrechtspolitik unter Caesar und Augustus*, Wiesbaden, 1951, стр. 11—13, 15.

⁶⁹ См. об этом: Е. М. Штаерман, К вопросу о *dediticii* в эдикте Каракаллы, — ВДИ, 1946, № 2, стр. 81—88; M. Hammond, *The Antonine Monarchy*, Rome, 1969, стр. 161—165.

⁷⁰ Трактовку реформы Каракаллы как чисто финансового мероприятия, усилившего унетение провинциалов, принял, исходя из указаний Диона Кассия, У. Т. Арнольд (W. T. Arnold, *The Roman System of Provincial Administration to the Accession of Constantine the Great*, Oxford, 1906, стр. 169—170). Ср. по этому поводу также: H. Bengtson, *Grundriss der Römischen Geschichte mit Quellenkunde*, München, 1967, стр. 371—372.

винциалов в граждан и тем самым расширил до максимально возможных пределов социальный фундамент римской императорской власти ⁷¹.

Сохранилось ли при этом местное гражданство, не ясно. Данные литературной традиции (Dig., 1, 5, 17; Cass. Dio, 77, 9, 5; Spart., Vita Severi, I, 1—2; Aur. Vict., De Caes., 16, 12; Ioann. Chrys., In acta apost. hom., 48, 1; Aug., De civ. Dei, 5, 17; Iust., Nov., 78, 5) не содержат каких-либо указаний на этот счет, между тем как Pap. Giss., 40, I ⁷² слишком поврежден и дает материал лишь для гипотетических построений. Впрочем, то обстоятельство, что и после 212 г. продолжало сохраняться полисное устройство, свидетельствует, по-видимому, что эдикт Каракаллы не предусматривал ликвидации местного гражданства ⁷³. Если бы сказанное оказалось верным, можно было бы утверждать, что этот законодательный акт целиком соответствовал предшествующей практике.

Ликвидировав противоречие между римлянами и подданными-провинциалами, эдикт Каракаллы, превратив тем самым почти все население Империи в единую массу подданных императора, сделал более отчетливыми противоречия социальные — между *honestiores* и *humiliores* ⁷⁴. Он подготовил создание государственной системы домината.

Таким образом, социальная структура сирийского общества I—III вв., ее сословная организация могут быть охарактеризованы по признаку личной зависимости — рабы и свободные (в том числе и формально свободные парамонарии — «временные рабы» из Дура-Европос); по признаку гражданского статуса свободного населения: подданные императора, римские граждане и люди, находившиеся под юрисдикцией полисов. Последние, в свою очередь, могли быть полноправными гражданами или неполноправными поселенцами.

Классовая структура сирийского общества I—III вв.: эксплуа-

⁷¹ См.: A. N. Sherwin-White, *The Roman Citizenship*, стр. 220—224.

⁷² Э. Бикерман пытался доказать, что Pap. Giss., 40 представляет собой не отрывок из *Constitutio Antoniniana*, а новеллу, касающуюся варваров, лишь сравнительно недавно вошедших в состав Империи (E. Bickermann, *Das Edikt des Kaisers Caracalla in P. Giss., 40*, Berlin, 1926). Однако эта концепция не была принята большинством исследователей.

⁷³ Именно такова позиция большинства ученых, изучавших данную проблему. Обзор материала и современного состояния вопроса см.: Ch. Sasse, *Die Constitutio Antoniniana*, Wiesbaden, 1958; M. Hammond, *The Antonine Monarchy*, стр. 140—145; а также: E. Schönbauer, *Rechtshistorische Urkundenstudien, Die Inschrift von Rhodos und die Constitutio Antoniniana*, — «Archiv für Papyrusforschung», Bd 13, 1939, стр. 177—209; А. Б. Ранович, Эдикт Каракаллы о даровании римского гражданства населению Империи, — ВДИ, 1946, № 2, стр. 66—80; P. Petit, *Libanios et la vie municipale à Antioche au IVe siècle après J.-C.*, Paris, 1955, стр. 87. Противоположную точку зрения см.: L. Mitteis, *Reichsrecht und Volksrecht in den östlichen Provinzen des Römischen Kaiserreichs*, Leipzig, 1891.

⁷⁴ Ср.: A. H. M. Jones, *The Decline of Ancient World*, London, 1966, стр. 22—23.

тируемые¹ непосредственные производители, лишенные средств производства (в том числе рабы, формально свободные парамонарии, а также, по-видимому, свободные наемные работники); мелкие и средние хозяева, непосредственно участвующие в процессе производства и эксплуатирующие, если имеется возможность, чужой труд; крупные хозяева, непосредственно в процессе производства не участвующие, живущие за счет эксплуатации чужого труда. Среди обеих последних групп могли быть как рабы, так и свободные.

СИРИЙСКИЙ ГОРОД: ГРАЖДАНСКИЙ КОЛЛЕКТИВ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ УСТРОЙСТВО

Население сирийского города

Сведения о численности свободного населения сирийских городов I—III вв. весьма отрывочны. Известно, правда, что, по данным Юстина (40, 2, 1), во время землетрясения, постигшего Сирию в первой половине I в. н. э., погибло 170 тыс. человек, многие города были уничтожены, а вся страна, по оценке нашего источника, опустошена. Однако эта цифра вряд ли соответствует истинной численности населения Сирии в названный период; сравнение с цифрами, известными из других источников, показывает, что, если количество убитых при землетрясении соответствует действительности, общий вывод Юстина об опустошении страны следует признать преувеличенным.

В самом деле, общее число граждан одной только Апамеи, согласно цензу, произведенному по приказу Квирина (6—7 гг. н. э.), составляло 117 тыс. человек (CIL, III, 6687: *censum egi Araemene civitatis millium homin(um) civium CXVII*). Принимая во внимание, что здесь не учтены рабы и неграждане (использован термин *hominum civium*), Ф. Кюмон полагал, что население Апамеи должно было достигать «по меньшей мере» 400—500 тыс. человек¹. Однако Ф. Кюмон не указал, какими критериями он воспользовался, определяя данную цифру. Сравнение с материалом, относящимся к Антиохии, заставляет усомниться в достоверности его расчетов. Согласно I Макк., 2, 45 в восстании против Деметрия I участвовали 120 тыс. человек. Вопрос о том, насколько эта цифра достоверна, окончательно в настоящее время едва ли может быть решен; думается все же, что она отражает более или менее обычные для второй половины II в. до н. э. представления о населении города. Иоанн Златоуст (Homil. in Ign., 4) для конца I в. н. э. указывает цифру 200 тыс. человек. Разница может быть объяснена как показатель естественного прироста населения. Не лишена

¹ F. Cumont, *The Population of Syria*, — JRS, vol. 24, 1934, стр. 187—190; F. Heichelheim, *Roman Syria*, — *An Economic Survey of Ancient Rome*, ed. by T. Frank, vol. IV, Baltimore, 1938, стр. 158. Ср.: M. Rosztovtzeff, *La Syrie Romaine*, — *«Revue historique»*, t. 175, 1935, стр. 17.

оснований аргументация Ж. Хаддада, когда он утверждает, что Иоанн Златоуст имел в виду все свободное население города². Действительно, последний в своей гомилии стремится подчеркнуть достоинства и значение Игнатия, бывшего епископом в городе со столь огромным населением. В этой ситуации автору должно было быть безразлично, входили в их число неграждане или нет. Такому пониманию, по-видимому, не противоречит и терминология данного отрывка. У Иоанна Златоуста мы читаем: *δῆμον εἰς εἰκόσιν ἑκατομβέων μοριάδας*. Как любезно указал нам Г. Л. Курбатов, слово *δῆμος* в языке церковных писателей, в том числе и у Иоанна Златоуста, обозначало всю паству, без каких-либо различий; отсюда должно следовать, что автор говорит обо всем населении Антиохии. По-видимому, он черпал свои сведения из официальных, скорее всего, местных источников, хотя в настоящее время и невозможно уточнить, каких именно. Исходя из данных Иоанна Златоуста, кажется правдоподобным, что не только в Антиохии, но и в Апамее население в I в. н. э. не могло превышать 200 тыс. человек. Очевидно, таково было среднее население крупного сирийского города.

Гражданский коллектив

Имеющиеся в настоящее время материалы показывают, что не только в эллинистический период, но и в I в. многие сирийские полисы продолжали оставаться замкнутыми коллективами, доступ в которые был чрезвычайно осложнен. Происходящая из Селевкии Пиерии надпись JMI, IV, 1183 (июнь 186 г. до н. э.) содержит декрет о предоставлении некоему Аристолаху, приближенному царя Селевка IV (он носит титул «из почитаемых друзей», один из высших при дворе Селевкидов), гражданских прав. Показательно, что решение по этому поводу принимается народным собранием по представлению царского эпистата и городских магистратов. Этим действиям предшествовало обращение царя непосредственно к эпистату и городским властям, которое точно воспроизводится в надписи. Предоставление гражданских прав предстает в данном декрете как одна из наград, которыми чествуется Аристолах за его — действительные или мнимые — заслуги перед царем и городом и за его добрые качества. Учитывая, что повеление (или просьба, рассматривавшаяся как повеление) царя объясняется тем, что речь шла в данном случае о придворном высокого ранга, мы обнаруживаем в надписи следующую процедуру предоставления гражданских прав: предложение о принятии вносилось магистратами, а окончательное решение принималось народным соб-

² G. H a d d a d, Aspects of Social Life in Antioch in the Hellenistic-Roman Period, Chicago, 1949, стр. 68—71. Ср.: е г о ж е, The Population of Antioch in the Hellenistic-Roman Period, — «Annales archéologiques de la Syrie», vol. I, 1951, стр. 19—31.

ранием. Имеющиеся в нашем распоряжении данные не содержат каких-либо сведений о том, что под властью римлян этот порядок был изменен. Между тем рассчитан он был явно на лиц, уже обладающих достаточно высоким общественным положением и соответственным имущественным цензом.

Ф. Кюмон³ отметил указание Диона Хрисостома (Orat., 34, р. 420), согласно которому в Тарсе, находившемся до 73 г. под властью легата Сирии, стать гражданином можно было, только уплатив в городскую казну 500 драхм. Некоторые дополнительные сведения Диона по этому поводу представляют особый интерес. Оказывается, без внесения этой суммы не мог получить гражданских прав даже уроженец Тарса, чьи предки также были таковыми. Это ограничение относится, по словам оратора, к беднякам, а также к лицам, чьи имена не внесены при очередном цензе в список граждан полиса. Классовый характер первой из этих клаузул очевиден. Именно с этим связано и то обстоятельство, что, по словам Диона (р. 419), значительная часть жителей Тарса находится «как бы вне государства».

О том, насколько принадлежность к гражданскому коллективу была существенно важной, можно судить по тому, что в целом ряде случаев составители надписей считают необходимым отметить происхождение и гражданство данного лица. Так, в уже упоминавшейся надписи из Пальмиры, датируемой 132 г. н. э. (CIS, II, 3973), назван некий «Убайду сын Анаму сына Ша^адуллахи. Этот человек, будучи всадником в Хирте, назван в тексте «набатеец-рухеец»; иными словами, резидируя в Пальмирене, он сохранил свой набатейский этникон (и соответственно гражданство), не приобретя вместо него или дополнительно к нему пальмирского. По-видимому, аналогичная ситуация отмечается и в билингве OGIS, 588, в которой чествуется Марк Юлий Максим Аристид, гражданин Берита, отец Лукиллы, жены Пертинакса. Он также, надо полагать, не приобрел пальмирского гражданства. В тех случаях, когда пальмирец сооружал свою надпись вдали от родины (CIS, II, 3901—3903, 3905, 3906, 3908, 3909, 3911), он, естественно, указывал свое происхождение и гражданство (лат.: *Palmyrenus*, вариант: *Palmyrenus*, греческое: Παλμυρηνός, пальмирское: *tdmry'*). В одном случае (CIS, II, 3924, Пальмира, 19 г. н. э.) надежно восстанавливаемый этникон Πα[λμυρηνοί] находится в одном ряду с ['Ελλην]ες, соответственно с пальмирским *uwny'*; здесь, очевидно, идет речь о двух группах участников каравана, и термин «пальмирец» должен был означать не только гражданскую (в противоположность всем остальным, не имеющим пальмирского гражданства), но и этническую принадлежность (в противоположность грекам). Политевма камнийцев (OGIS, 592), чествуя ряд лиц, сочла необходимым сделать существенную оговорку: τοὺς ἀπὸ τῶν [πο]λίτ[ας]. В сидонской надписи Wadd., 1866a отмечено,

³ F. Cumont, *The Population*, стр. 188—189.

что ее изготовил Τιμόχαρις Ἐλευθεραίος. (Подобные факты см. и в надписи из Герасы — IGRR, III, 1357, вторая половина II в.) Финикийский город Триполис, чувствуя императорского легата Эмилия Юнка, не упускает случая добавить: τὸν ἑαυτῶν πολεῖτην (OGIS, 587, начало II в.). Наконец, в надписи CIS, II, 3912 (соотв. IGRR, III, 1057; Тайбе, август 134 г.) упомянут Ἀγαθάγγελος Ἀβιληνός τῆς Δεκαπόλεως. В то же время оказывается не менее важным отметить, что данное лицо не имеет гражданских прав. Так, в стихотворной надгробной надписи Юлии с Тибра (JMI, IV, 1364, I в. н. э.), составленной в Апамее, особо подчеркнуто, что Юлия — чужестранка. Интересно, что еще Либаний (Orat., р. 3) считал необходимым опровергнуть слухи о том, что его прадед был родом из Италии. Тем самым антиохийский ритор утверждал свое природное антиохийское гражданство, что было немаловажным даже в его время.

Характерно, что в начале III в. н. э. со стороны римских властей наблюдается тенденция ограничить гражданский коллектив и, во всяком случае, не допускать, чтобы кто-нибудь мог проникнуть в него извне насильственным путем, иными словами, без согласия данного коллектива. Показательна в этом отношении надпись IGRR, III, 1119 из Фэны, представляющая собой копию письма легата Сирии Юлия Сатурнина «метрокомии Фэнейцев», которая была административным центром Трахонитиды. Здесь содержится прямое указание римского администратора: «если кто-нибудь к вам приселится насильно, воин или частное лицо, после того, как вы сообщите мне, он будет наказан». Как видим, в данном случае запрещается даже простое поселение на территории коллектива без его согласия, даже если поселяющийся — лицо, до известной степени привилегированное. Одновременно подчеркивается, что жители метрокомии освобождены от совместных взносов в пользу приезжих и не могут быть принуждены, имея в поселении гостиницу, принимать их в своих домах. Таким образом, цитированное выше запрещение проводится в рамках регулирования постоев и их ограничения. Эти действия, как кажется, противоречат охарактеризованной выше политике, стремлению римских властей опираться на ветеранов и создавать соответствующую прослойку населения. Однако это противоречие — чисто внешнее. Поселение с согласия граждан метрокомии не запрещается; вряд ли можно сомневаться в том, что и римские власти, и богатые и влиятельные ветераны имели в своем распоряжении разнообразные способы добиться требуемого согласия.

Нам известны случаи, когда одно и то же лицо было гражданином нескольких полисов. Выше мы упоминали о выходцах из Библа (SEG, XVIII, 191) и Антиохии (SEG, XVIII, 192), приобретших дельфийское гражданство (причем один из них стал даже булевтом этого города). Однако в обоих случаях речь идет о философах, и дельфийское гражданство может рассматриваться как награда за их деятельность. В надписи SEG, XIV, 613 (Рим,

около 60 г.) упоминается победитель многочисленных игр Тиберий Клавдий Патробий, получивший римское гражданство, очевидно, от Нерона и приписанный к Квирийевой трибе; он происходил из Антиохии и одновременно имел александрийское гражданство. Согласно одной поздней надписи из Лаодикеи (Wadd., 1839; соотв. IGRR, III, 1012; соотв. JMI, IV, 1265; 221 г. н. э.) чествуемый в ней Аврелий Септимий сын Евтиха был $\kappa\omicron\lambda\omega\nu[\delta\varsigma]$ $\Lambda\alpha\omicron\delta[i]\kappa\eta\delta\epsilon$ $\text{Μετροπολ}ι\tau\eta\varsigma$ $\kappa\alpha[i]$ $\alpha\lambda\lambda\omega\nu$ $\pi\acute{o\lambda\epsilon\omega\nu$ $\pi\omicron\lambda\epsilon\iota\tau\eta\varsigma$. На основании этих источников трудно сделать определенные выводы о распространенности этого явления в I—III вв., а тем более о том, насколько оно было характерно для изучаемой эпохи. В данном случае речь идет о победителях целой серии игр, в связи с чем ситуация может рассматриваться как не вполне обычная: города предоставляли Патробию и Аврелию Септимию свое гражданство в качестве почетной награды. Симптоматична тем не менее принципиальная возможность возникновения двойного, тройного и т. д. гражданства.

Существенно важным кажется, что, по распространенным в изучаемую эпоху представлениям, быть гражданином значило не только быть жителем города, но и активно использовать свои гражданские права. Филон Александрийский (Philo, Quod omnis probus liber sit, 6—7) писал: «Как же, чтобы это не было нелепым и удивительным, называть изгнанниками тех, кто не только живут в городе, но и участвуют в совете, и суде, и народном собрании, или выполняют агораномию, гимнасиархию и другие литургии, а гражданами тех, кто или вообще не внесен в список, либо приговорен к бесчестию и изгнанию». В отрицательной форме здесь выражены представления о совокупности правомочий и обязанностей гражданина, показывающие, что политическая активность в пределах своего полиса была не только идеалом, относимым в далекое прошлое, но и реальностью, современной для автора трактата. Наличие гражданских прав предполагало возможность участвовать в управлении городом, в осуществлении на его территории публично-правовой власти; при таких обстоятельствах естественно стремление ограничить круг лиц, пользующихся этими возможностями.

Внутренняя организация гражданского коллектива

Важнейшей структурной единицей классического античного полиса была административная ячейка, условно называемая «племенем» и выросшая, несомненно, из кровнородственных объединений, на раннем этапе конституировавшихся в полис. В интересующий нас период на территории Сирии «племена» были, несомненно, искусственными образованиями, созданными, надо полагать, по территориальному признаку (правда, прямыми указаниями на этот счет мы не располагаем). Более сложным, как увидим, было положение в Пальмире, где кровнородственные и админи-

стративные «племена» — филы на протяжении длительного времени сосуществовали.

В документах и иных источниках, происходящих непосредственно из греческих полисов Сирии, о филах говорится редко. Но такие упоминания все же имеются. Так, в декрете властей Селевкии Пнирии о предоставлении гражданских прав Аристолоху (JMI, IV, 1183) имеется клаузула, обязывающая местного грамматевса включить Аристолоха в списки Олимпийского дема филы Лаодикиды. Отсюда, бесспорно, следует, что в данном городе существовали два основных административных подразделения: дем и фила, причем включение в гражданский коллектив подразумевало также включение в списки тех и других. Аналогия с положением, существовавшим в Афинах, позволяет утверждать, что дем был составной частью филы. По свидетельству Либания (Orat., pp. 236, 354, 651), подобная организация существовала и в Антиохии: здесь гражданский коллектив был разделен на 18 фил (Либаний использует термин *φυλή*)⁴. Остается, однако, неясным, как это деление сочеталось с исторически сложившейся четырехчастной структурой Антиохии (см., например, Strabo, p. 750). По словам Страбона, каждый из этих районов был окружен своей стеной. Один из них был основан непосредственно Селевком I, другой, очевидно, возник стихийно в результате притока новых поселенцев, третий был создан Селевком II Каллиником и четвертый — Антиохом IV Эпифаном. Так как число фил не кратно числу районов, вряд ли филы были распределены среди них равномерно, хотя несомненно, что то и другое деления как-то перекрещивались между собой, поскольку каждый гражданин Антиохии, в каком бы районе он ни проживал, входил в ту или иную филу. В известном сирийском документе о продаже рабыни, о котором уже говорилось выше (DEPP, p. 26), упоминается двенадцатая фила Эдессы (*pylys dtrt ^{sr}*); в этом городе, следовательно, филы не имели названий, и их было, во всяком случае, не меньше двенадцати⁵.

Особенно обильный материал о «племенной» структуре сирийского полиса содержат пальмирские надписи, к анализу которых мы теперь переходим. Среди упоминаемых в этих документах «племен» целесообразно выделить две группы: племена, носившие местные, пальмирские, названия, и племена анонимные.

⁴ Ср. по этому поводу также: C. O. Müller, *Antiquitates Antiochenae*, Cottingae, 1839, стр. 30.

⁵ С. Бредфорд Уэллес видел в эдесских филах арабские кровнородственные объединения (A. R. Belling er, C. B. Welles, *A Third-Century Contract of Sale From Edessa in Osrhoene*, — *Yale Classical Studies*, vol. V, 1935, стр. 133—135). Он ссылаясь при этом на указание Suid., s. v. *φυλάρχης*, согласно которому властителей Эдессы называли филархами, потому что «и их страны назывались филами» (*ἐτι καὶ τὰ χωρία αὐτῶν φυλαὶ ὀνομαζόνται*). Однако цитированный отрывок ясно показывает, что филы в Эдессе были территориально-административными ячейками; к тому же отсутствие названия филы, ее обозначение порядковым номером неопровержимо свидетельствует об искусственности всей данной системы.

Говоря о первых из них, Ж. Феврие отмечал их независимость друг от друга и параллелизм их действий деятельности пальмирского совета; в авторитете и престиже этих, по его характеристике, кланов он видел «наследие кочевой жизни»⁶. М. И. Ростовцев полагал, что многие из фил имели свои центры в виде поселений и что некоторые из них превратились, будучи включенными в городскую организацию, в территориально-административные единицы данного полиса⁷. Р. дю Мениль дю Бюиссон видит в делении пальмирского общества на племена наследие эпохи номадизма; совокупность племен, бывших, как он полагает, структурными подразделениями городского населения, составляла общину⁸. Далее мы увидим, что эти указания нуждаются в определенной конкретизации и уточнениях.

Терминология надписей, в которых названы эти родо-племенные образования, не сложна. В греческих текстах мы встречаем обычные термины $\phi\upsilon\lambda\acute{\eta}$ и $\gamma\acute{\epsilon}\nu\omicron\varsigma$; в пальмирских частях надписей обычно либо слово $\text{p}\acute{\eta}\text{d}$ (варианты $\text{p}\acute{\eta}\text{z}$ и $\text{p}\acute{\eta}\text{wz}$), либо указание «сыны NN». Слово $\text{p}\acute{\eta}\text{d}/\text{z}$ представляет собой, несомненно, прямое заимствование из арабского языка, где оно засвидетельствовано в формах fahiz^{un} , fihz^{un} , fahz^{un} со значением: «часть, наименьшее подразделение племени»⁹. В собственно арамейских, в том числе и сирийских, текстах это слово, насколько нам известно, не засвидетельствовано. В пальмирских текстах интересующий нас термин употреблялся в значении, существенно отличавшемся от того, которое засвидетельствовано для классического арабского языка. По-видимому, в пальмирском словоупотреблении не ощущалась еще разница между племенами и более мелкими подразделениями. Безразличное употребление в греческих частях надписей слов $\phi\upsilon\lambda\acute{\eta}$ и $\gamma\acute{\epsilon}\nu\omicron\varsigma$ свидетельствует также, вероятно, в пользу этой точки зрения. Возникает, однако, немаловажная проблема: что собой представляло то сообщество, отдельными членами которого были $\phi\upsilon\lambda\acute{\alpha}\iota$ или, что в данном случае то же самое, $\gamma\acute{\epsilon}\nu\eta$? Может ли сообщество быть отождествлено с гражданским коллективом пальмирцев?

⁶ J.-G. F é v r i e r, *Essai sur l'histoire politique et économique de Palmyre*, Paris, 1931, стр. 11.

⁷ M. R o s t o v t z e f f, *Une nouvelle inscription caravanière de Palmyre*, Berytus, vol. II, 1935, стр. 145. Заметим здесь же, что, как показал Д. Шлюмберже (D. S c h l u m b e r g e r, *Palmyre et Mésène*, — «Syria», vol. 38, 1961, стр. 256—260), предложенное М. И. Ростовцевым чтение надписи, опубликованной в данной статье, неточно; какие-либо племена в ней не упоминаются. Ср. также: M. R o s t o v t z e f f, *The Social and Economic History of the Roman Empire*, Oxford, 1926, стр. 251—253; A. H. M. J o n e s, *The Cities of the Eastern Roman Provinces*, Oxford, 1937, стр. 267.

⁸ R. d u M e s n i l d u B u i s s o n, *Les tesseres et les monnaies de Palmyre*, Paris, 1962, стр. 453—463.

⁹ A. d e B i b e r s t e i n - K a z i m i r s k i, *Dictionnaire arabe-française*, vol. II, Paris, 1846, стр. 552. Ж. Феврие (J.-G. F é v r i e r, *La religion des Palmyréniens*, Paris, 1931, стр. 212) справедливо отмечал, что какие-либо термины, обозначающие совокупность данных $\text{p}\acute{\eta}\text{d}$ в пальмирских надписях, не обнаружены. Это указание остается верным и в настоящее время.

Ответ на эти вопросы может быть дан, очевидно, только после рассмотрения имеющегося в нашем распоряжении конкретно-исторического материала, прежде всего упоминаний этих племен в надписях.

1. Сыны Хомара (bny kmr'). В одной из ранних пальмирских надписей, датируемой 6 г. н. э. (месяцем кануном 307 г. селевкидской эры), отмечается принадлежность к этому племени чествуемого лица — некоего ^cУгайлу сына Адана, статую которого воздвигли жрецы бога Харта в воздаяние за его посвящения храму ¹⁰. В близкой по времени надписи CIS, II, 4112 (Пальмира, апрель 4 г.) имеется указание, что владелец мавзолея (qbr') Забдибол сын ... сына Аташури происходил из «сынов Хомара» (bny kmr'). Подобные сведения содержит и опубликованная Ж. Кантино надпись из западного некрополя, датируемая 67 г. Строитель надгробных сооружений Йеди^cбел сын Таймаха происходит «из отрасли сынов Хомара» (dy mn rhz bny kmr'; греческое: $\phi\alpha\lambda\eta\varsigma \chi\omicron\mu\alpha\rho\eta\nu\omicron\nu$) ¹¹. В 39 г. (340 г. селевкидской эры) сыновья ^cУгайлу сына Таймай сына Забдибола, «что из сынов Хомара» (dy mn bny kmr'), воздвигли статую в его честь (CIS, II, 3922). В одной пальмирской надписи из Дюра-Европос, датируемой 32 г., упомянут Малику сын Раму, «что из сынов Хомара» (dy mn bny kmr'), принимавший участие в постройке храма пальмирским богам Белу и Йарихболу ¹². В ряде случаев мы встречаем «сынов Хомара» не только как коллектив, к которому принадлежат те или иные лица, но и как коллектив, активно действующий. Так, надпись CIS, II, 3963 (Пальмира, март 83 г.) сопровождала статую ^cАтам, дочери лица, имя которого до нас не дошло, и жены Болха; статую воздвигли в ее честь ^cАглибола (очевидно, ее сын) и «сыны Хомара» (bny kmr'). То обстоятельство, что последние приняли участие в этом акте, носившем по преимуществу частный, внутрисемейный характер, свидетельствует, надо полагать, о значительной роли, которую семья Болха и, возможно, сама ^cАтам играли в их жизни. Согласно другой надписи из Пальмиры от 25 февраля 198 г., «сыны Хомари» (bny kmrg; ср., однако, в греческом тексте: $\chi\omicron\nu\nu\epsilon\iota\tau\omicron\nu\phi\alpha\lambda\eta$) участвовали в оказании почестей стратегу Элию Бора, сыну Тита Элия ^cУгайлу ¹³. Впрочем, написание bny kmrg вместо обычного bny kmr' свидетельствует против отождествления обеих ячеек. Наконец, в 21 г. н. э. «сыны Хомара» (bny kmr') вместе с «сынами Маттабола» (bny mtbwl) участвовали в изготовлении статуи в честь Хашаша сына Неша, установившего мир и союз между этими двумя племенами. С данной надписью (CIS, II, 3915) неко-

¹⁰ J. C a n t i n e a u, Tadmora, — «Syria», vol. 17, 1936, стр. 268—271.

¹¹ J. C a n t i n e a u, Textes funéraires palmyréniens, — «Revue Biblique», t. 39, 1930, стр. 520—549, № 4А.

¹² R. d u M e s n i l d u B u i s s o n, Inventaire des inscriptions palmyréniennes de Doura-Europos (32 avant J.-C. à 256 après J. C.), Paris, 1939, № 1.

¹³ H. I n g h o l t, Deux inscriptions bilingues de Palmyre, — «Syria», vol. 13, 1932, стр. 278—292, № 1.

торые исследователи сопоставляют надпись CIS, 4478 (соотв. Wadd., 2578), содержащую краткий текст, составленный на греческом языке: «Малиха сына Неша сына Кома, прозванного Хашашем, из племени Хомаренов, — народ пальмирцев благорасположения ради». Попытка Ш. Клермон-Ганно и Ж. Б. Шабо увидеть здесь надпись в честь лица, чествовавшегося в CIS, II, 3915, вряд ли обоснованна, поскольку подобное толкование предполагает внесение ряда коррективов в дошедший до нас текст. Особо следует заметить, что в греческом тексте «сыны Хомара» именуются $\phi\omega\lambda\acute{\eta}$.

2. «Сыны Гаддибола» (bny gdybwl). В уже отмечавшейся выше надписи из Дура-Европос о постройке храма Белу и Йарихболу среди участников этого предприятия назван Забдибол сын Ба^сиху, «что из сынов Гаддибола» (mn bny gdybwl)¹⁴. Значительный интерес представляет двуязычная надпись CIS, II, 3917 (Пальмира, ноябрь 108 г.). Греческий текст этой надписи очень краток: «Аккея сына Ноарая сына Аккея, — гаддиболии чести ради». Пальмирская часть значительно более подробна и обстоятельна: «Статуя эта Аккиха сына Ну^сари сына Аккиха, которую соорудили ему сыны Гаддибола (bny gdybwl), так как он построил для них врата и створки их, а также построил в Вологесии алтарь для воскурений (hmn') целиком, его и место его ('trh), а также украсил целлу всю, и он был угоден им во всем (wšpr lhwn lkl šbw klh). Вот почему соорудили ему статую эту в его честь. В месяц канун, год 420». Как видим, «сыны Гаддибола», как и «сыны Хомара», представляли собой коллектив, члены которого могли принимать постановления, составленные, как увидим далее, по образцу постановлений общепальмирских властей. Так как какие-либо магистраты гаддиболиев или их совет в надписи не упомянуты, можно думать, что постановление о том, чтобы воздвигнуть статую Аккиха, было принято на общем собрании племени. Не менее важно и другое обстоятельство — какую роль играл среди «сынов Гаддибола» Акких сын Ну^сари, отмеченный наградой по их решению. Он явно не был общепальмирским магистратом: столь важное обстоятельство не могло не быть указано во вводной части надписи. Следовательно, все совершенные им благодеяния были действиями частного лица, располагавшего, несомненно, значительными средствами и пытавшегося (небезуспешно) приобрести у гаддиболиев определенное влияние. Наконец, существенно важен и характер деяний чествуемого лица. Одна из построек была возведена в священном для всех гаддиболиев месте на территории Пальмирены, тогда как другая — в святилище гаддиболиев в Вологесиаде. Помимо указаний на существование общего для всех гаддиболиев места культа, важным представляется указание и на наличие у гаддиболиев определенных интересов в Вологесиаде, видимо связанных с караванной торговлей, а также их собствен-

¹⁴ R. du Mesnil du Buisson, Inventaire, № 1.

ного культового центра в этом городе, что, несомненно, предполагает проживание в этом городе компактной группы гаддиболиев.

3. «Сыны Забдибола» (bny zbdbwl). Эта племенная группа упоминается в нескольких надписях, различных по содержанию. Одна из них, представляющая собой подпись к статуе Мукайму сына «Угайлу сына Пацайэла сына Таймана (CIS, II, 3923), воздвигнутой в его честь по постановлению народного собрания пальмирцев (gbl tdmry'), содержит указание на то, что чествуемый персонаж происходил из «сынов Заб[ди]бола» (mn bny zb[dbwl]). Вероятно, аналогичное указание было и в другой сильно фрагментированной надписи из Пальмиры (CIS, II, 3961), дата которой неизвестна. Любопытно, что наряду с этим в данной надписи имеется и этникон [td]mry' — [паль]мирец». В трех случаях (CIS, II, 3950, 3951 и 3953) «сыны Забдибола в их совокупности» (bny zbdbwl klhwn — такова стандартная формула) появляются в качестве некой компактной группы, принимающей решения об установлении почетных статуй. Эти надписи датируются последней четвертью II в. н. э. В греческих частях названных надписей принимающие постановление именуются: οἱ ἐν γένους Ζαβδιβωλείων. «Сыны Забдибола» (bny zbdbwl) упоминаются также и в пальмирских тессерах (RTP, 138 и 141).

4. «Сыны Аннубата» (bny 'nwbt). Согласно надписи Inv., X, 87 (соотв. CIS, II, 3960, Пальмира, март 157 г.), статуя Марка Ульпия Йархайа сына Хайрана сына Абгара была сооружена «сынами Аннубата» (bny 'nwbt) Хайраном сыном Йархайа сыном Тайме и Хабиби сыном Йархайа сына Хайрана. Последние охарактеризованы как «его друзья» (ghmwhy), что дает право видеть в них клиентов чествуемого персонажа. Из надписи, к сожалению, не ясно, был ли Марк Ульпий Йархай членом племени «сынов Аннубата».

5. «Сыны Ма'азйана» (bny m'zyn). Один из персонажей, упомянутых в надписи Inv., X, 40 (Пальмира, август 81 г.), охарактеризован как принадлежащий к «сынам Ма'азйана» (mn bny m'zyn). Ж. Кантино опубликовал в 1936 г. надпись, в которой также упомянуто было лицо из «сынов Ма'азйана»¹⁵. Надпись CIS, II, 4197 (Пальмира, 81 г.) представляет собой надпись на мавзолее, выстроенном одним из представителей этой группы (mn bny m'zyn), имя которого не сохранилось. Согласно ex-voto CIS, II, 3983 (соотв. Inv., 1, 4 и RES, 390, Пальмира, 67 г.), посвятителем был Забдай сын Кахзана, «что из сынов Ма'азйана». Согласно другой надписи, также датируемой 67 г. н. э., посвятителем был Йархай сын Лишамша сына Ра'а'а, «что из сынов Ма'азйана» (Inv., 1, 5). Наконец, надпись CIS, II, 3953 (Пальмира, сентябрь 181 г.), сильно фрагментированная, представляет собой подпись к почетной статуе лица, имя которого не сохранилось, происходившего, очевидно, из «сынов Ма'азйана». В сохранившейся ча-

¹⁵ J. C a n t i n e a u, Tadmora, стр. 349—350.

сти надписи, во всяком случае, отчетливо читается слово m^czup, находящееся в начале текста. Наибольший интерес, однако, представляет двуязычная надпись CIS, II, 3966 (Пальмира, 64 г. н. э.), сопровождавшая почетную статую Шаламаллата сына Йарихбола. Греческий текст, первые строки которого утрачены, гласит: «...[Шалам]аллата [сына Йарихбо]ла сына Нур[бела], прозывав[шего]ся ... [паль]мирца, из этой же филы, благочестивого и [оказавшего услуги им во многих делах, и [в] постройках, и в посвящениях, и затратами немалыми, чести ради. В год 375, месяц перитий». Пальмирский текст: «Ста[туя] это Шаламаллата сына [Йарихбо]ла сына Нурбела, что прозывается... сы[на] Йеди^c-бела, пальмирца, что из сын[ов Ма]^aзайана, которую ему воздвигло племя ('lt)... [т]ак как он воздвиг, и построил, и посвятил... [и был угоден и]м во всем ... [с]татуя эта и колонна [эта. В месяц шebet], год 37[5]». Одной из важнейших проблем, связанных с интерпретацией этой надписи, является истолкование слова 'lt. В комментарии к изданию надписи в «Корпусе» Ж. Б. Шабо отмечал, что значение этого слова не определено; если оно является именем, то, писал Шабо, оно должно, судя по форме предшествующего глагола, обозначать коллектив либо представлять собой форму множественного числа. М. Лидзбарский, как отмечает Шабо, исходя из значения этого слова в языке южноарабских надписей, предлагал истолкование «эти»¹⁶. Первоиздатель надписи М. Собернхейм переводил 'l — «семья», полагая, что знаком t начинается следующее слово¹⁷. Однако уже Ш. Клермон-Ганно возражал против этого, так как, по его мнению, количество последующих знаков было слишком ограничено, чтобы составить имя «семьи», воздвигшей статую¹⁸. Нам представляется несомненным, что истолкование этого слова зависит от содержания греческой части надписи. Формула φιλῆς τῆς ἀντῆς предполагает, что ранее, в разрушенной части надписи, это племя было названо либо в качестве коллектива, воздвигшего статую, либо в качестве того сообщества, к которому принадлежала группа, воздвигшая статую. В обоих случаях тому или иному обозначению должно соответствовать пальмирское 'lt. Параллель с арабским 'al^{un} — «семья»¹⁹ позволяет, как нам кажется, думать, что исследуемый термин обозначает группу кровных родственников, возможно какое-то подразделение племени «сынов Ма^aзайана». Впрочем, в одной набатейской надписи²⁰ упоминается 'l^cmrt — несомненно родо-племенная группа ^cАмрат. В сафаитских надписях (см. CIS, V, 5089,

¹⁶ M. Lidzbarski, Ephemeris für semitische Epigraphik, Bd II, Giessen, 1908, стр. 293.

¹⁷ M. Sobernheim, Palmyrenische Inschriften, — «Mitteilungen der Vorderasiatischen Gesellschaft», Bd. 10, 1905, № 2, стр. 35—37, № 29.

¹⁸ Ch. Clermont-Ganneau, Recueil d'archéologie orientale, t. VII, Paris, 1906, стр. 18.

¹⁹ A. de Biberstein-Kazimirski, Dictionnaire, vol. I, стр. 69.

²⁰ J. T. Milik, Nouvelles inscriptions Nabatéens, — «Syria», vol. 39, 1958, № 6.

5162, 5279 и др.) термин 'l обычен для обозначения родо-племенных образований. Отсюда должно следовать, что и в разбираемом пальмирском тексте исследуемый термин должен иметь аналогичное значение, что не противоречит первому допущению, сделанному нами.

В целом кажется наиболее правдоподобным, что термин 'lt наряду с rhd/z представлял собой в Пальмире одно из обозначений племени. Однако мы вынуждены пока оставить открытым вопрос о том, почему в пальмирском тексте использована необычная форма 'lt с окончанием женского рода -t вместо ожидаемого 'l.

6. «Сыны Маттабола» (bhy mtbwl). Один из членов этой группы, Йеди^сбел сын ^сАзизу сына Йеди^сбела, «[что из] сынов Маттабо[ла]» ([dy mn] bny mtbwl), упомянут в надписи CIS, II, 3924 (Пальмира, 19 г. н. э.). Этот человек принял участие в постройке храма Бела, в связи с чем группа торговцев — пальмирцев и греков — воздвигла статую в его честь. Примечательна терминология греческой части надписи, восстановление которой вполне надежно: φ[υλῆς] Μαρταβω[λ]εῖων. Другая надпись (CIS, II, 4115, Пальмира, июль 41 г.) содержит следующий текст: «В месяц сиван, год 352. Мавзолей это Кайтута сына Таймарцу сына Кайтута сына Таймахе, эпимелета (rb'), что из отрасли сынов [Матта]бола (rhd bny [mt]bwl), который он соорудил для себя и для сыновей своих навечно». Эта надпись позволяет установить соответствие между пальмирским rhd и греческим φυλή, подтверждаемое также надписью Inv., III, 24: Μαθθαβωλλέων φυλή. Особый интерес приобретает вопрос о значении термина rb', который в комментарии истолкован как когномен данного лица. Между тем надписи, опубликованные Дж. ал-Хассани и Ж. Старки, дают точную параллель: «эпимелет источника Эфка, избранный богом Йарихболом», и в пальмирском варианте rb' cl sup 'rq' ²¹. Сказанное позволяет и в данном случае термин rb' перевести «эпимелет». В надписи CIS, II, 4187 содержится перечисление лиц, портретные изображения которых находились в мавзолее. Этот документ предположительно датируется ноябрем 166 г. н. э. По правдоподобию восстановлению Ж. Б. Шабо, они принадлежали к rhd bny mtbwl. Надпись CIS, II, 4113 (Пальмира, 9 г. н. э.) представляет собой надгробие Шалмана сына Таймарцу сына Шукайа, «что из отрасли сынов Маттабола» (rhd bny mtbwl). Несколькими необычно по своему формуляру посвятельная надпись CIS, II, 3975 (Пальмира; надпись не датирована): «Принес (qrb) Рабэль сын Амрише, что из сынов Маттабола (dy mn bny mtbwl), алтарь этот Арцу — богу». В одной из надгробных надписей, опубликованных Ж. Кантино ²², указано, что строитель погребения Таймарцу сын Буррофа сына Малику сына Ушайлат принадлежал к «отрасли сынов

²¹ Dj. al-Hassani, J. Starcky, Autels palmyréniens découverts près de la source Efca, — «Les annales archéologiques de Syrie», vol. 7, 1957, стр. 94—122, № A1167.

²² J. Cantinneau, Textes funéraires palmyréniens, № 1.

Маттабола» (dy mn pḥwz bny mtbwl). Орфография этого документа позволяет утверждать, что написания pḥd и pḥz не вызваны диалектными особенностями, как можно было бы думать, но представляют собой две равноценные передачи арабского z. Очевидно, написание pḥd было возможно вследствие щелинного произношения пальмирского d в поствокальном положении. Надпись датируется ноябрем 159 г. Другой текст этой же серии, происходящий из Гава'ед и датируемый 101 г.²³, также сообщает, что строители погребения принадлежали к «сынам Маттабола» (bny mtbwl). Наконец, обращает на себя внимание надпись из Пальмиры, Inv., III, 24, составленная на греческом языке: «Фила маттаболиев — Тита Флавия Кереалия, [ри]тора (?)». Надпись не датирована, однако имя чествуемого лица позволяет утверждать, что он стал римским гражданином в период правления династии Флавиев; соответственно надпись может быть отнесена ко второй половине I в. н. э. Характер отношений между этим персонажем, не известным по другим источникам, и филой маттаболиев в надписи не раскрывается. Можно думать, что имелось в виду оказание каких-то услуг племени.

7. «Сыны Йеди'бела» (bny ydy'bl). До сих пор известна только одна надпись, в которой имеется формула: «из сынов Йеди'бела» (mn bny ydy'bl; CIS, II, 3959; соотв. Inv., 1, 2). Она происходит из Пальмиры и датируется 131 г.; ее контекст не ясен. «Сыны Йеди'бела» упоминаются и в пальмирских тессерах (RTP, 95, 124, 586).

8. «Сыны Хатрайа» (bny ḥtry). Известна одна надпись (CIS, II, 4164, ноябрь 128 г.) — памятник (prš'), построенный Мукайму сыном Зебиды сыном Йархана, «что из сынов Хатрайа» (dy mn bny ḥtry).

9. «Сыны Майте» (bny myt'). В надписи CIS, II, 4116 (Пальмира, апрель 56 г.) содержится следующий текст: «Мавзолей это, дом вечности Эт'акаба сына Гада'я сына Эт'акаба, что из отрасли сынов Майте (dy mn pḥd bny myt'), который построил он при жизни своей в свою честь и в [че]сть своих сыновей, ради Гада'я, отца[своего]. В месяце нисан, год 367». К этой надписи очень близко по времени и формуляру надгробие «Угайлу сына Аушайа сына Кухайлу (CIS, II, 4119), который охарактеризован следующим образом: «пальмирец, что из отрасли сынов Майте» (tdmry' dy mn pḥd bny myt'). Ш. Клермон-Ганно, ссылаясь на имена khylw и ḡylw, обнаруживающие, по его мнению, не пальмирское, а набатейское происхождение (см. комментарий и надписи), полагал, что данное лицо не было прирожденным гражданином Пальмиры. Однако широкая распространенность этих имен в пальмирской эпиграфике свидетельствует против этой концепции. В заключение следует указать на надпись CIS, II, 4109 (Пальмира, 9 г.) — надгробие «Атенатана сына Кухайлу, которое воздвигли его сыновья Кухайлу и Хайран, «что из сынов Майте» (dy mn bny myt').

²³ Там же, № 13А.

10. «Фила Магеренов». До настоящего времени известно только одно упоминание этой фило — в греческой части надписи CIS, II, 4120 (Пальмира, апрель 59 г.), пальмирская часть которой почти полностью разрушена. Это — надгробие, воздвигнутое неким лицом, имя которого не сохранилось, сыном Нурбела «из фило Магеренов». Надгробие воздвигнуто «в его честь, и Огела (соотв. Угайлу. — И. III.), брата его, и сыновей его, навечно».

11. «Сыны Замры» (bny zmr'). Единственное упоминание этой группы содержится в посвяtitельной надписи Inv., X, 145, датированной, вероятно, 30/31 г.; посвяtitелем был Малику сын Бел-акабу «из отрасли сынов Замры» (mn pḥd bny zmr').

12. «Сыны Агруда» (bny °grwd). Эта группа упоминается в нескольких документах. Один из них — недатированная надпись Inv., VIII, 71, сильно фрагментированная, однако, судя по сохранившемуся тексту и, как отмечает Ж. Кантино, по месту находки (она обнаружена в храме Бела), представлявшая собой надгробие, построенное Мукайму сыном Забдибола сына Арима, «что [из] отрасли сы[нов] Агруда» (dy [mn] pḥd b[ny] °grwd), для себя и для его сыновей, а также для его отца Забдибола. Другая надпись (Inv., X, 131), датированная августом 81 г., содержит подпись с почетной статуе Малику сына Лишамша сына Ханибела, которую воздвигли в его честь агрудены (°Агрудηναι; bny °grwd). Как отмечает в комментарии к этой надписи Ж. Старки, они упоминаются и в неопубликованной тессере: «сосуд посвятили сыны Агруда» (bny °grwd).

13. «Сыны Канбата» (bny knbt). Единственное упоминание о них содержит надгробие Хайрана сына Балшури сына Гаддарцу (CIS, II, 4114, Пальмира, ноябрь 33 г.), «что из отрасли сынов Канбата» (dy mn pḥd bny knbt).

14. «Сыны Мигдата» (bny mgdt). Упоминаются в посвяtitельной надписи (CIS, II, 3978, Пальмира, сентябрь 85 г.) следующего содержания: «В месяц элул, год 396. Алтарь для воскурений (ḥmn') этот, и алтарь этот соорудили и посвятили Лишамш и Зубайда, сыновья Малику сына Йедибела сына Неша, что прозывается братом Абдибела, что из отрасли сынов Мигдата (dy mn pḥd bny mgdt), Шамшу, богу дома отца их, во здравие их и во здравие братьев их». Кроме того, «сыны Мигдата» (bny mgdt) упоминаются в одной из пальмирских тессер (RTP, 105).

Помимо перечисленных по упоминаниям в пальмирских тессерах известны: «сыны Бур» (bny bwr', RTP, 62 и 64), «сыны Таймарцу» (bny tymrsw, RTP, 66, 67), «сыны Гугу» (bny gwgw, RTP, 81; в тессере 98 сохранилась форма этого же, по-видимому, имени: bny gwg'), «сыны Булха» (bny bwlh', RTP, 82, 718), «сыны Булае» (bny bwl', RTP, 83, 107), «сыны Хашаша» (bny ḥšš, RTP, 93, 457), «сыны Сакны» (bny skn' RTP, 96), «сыны Ханура» (bny ḥnwr, RTP, 97), «сыны Аалай» (bny' °ly, RTP, 98, 109, 503), «сыны Кацмита» (bny kšmyt, RTP, 106), «сыны Таймай» (bny tymy, RTP, 108; в нескольких тессерах — RTP, 274—277, 279 — упомянут

бог-покровитель этой группы: gd tūmy), «сыны Нурбела» (bny nwrbl, RTP, 123), «сыны °Алайайа» (bny °lyu, RTP, 137), «сыны °Абада» (bny °bd, RTP, 176), «сыны Шиме°она» (bny šm°wn, RTP, 252), «сыны Рабэля» (bny rb'l, RTP, 276), «сыны Ша°аду» (bny š°dw, RTP, 341), «сыны Хакиййама» (bny ḥkum, RTP, 364). В одном случае название полностью не сохранилось (RTP, 96): bny mzy' ...

Как показывает надпись CIS, II, 3915 (Пальмира, 21 г.), названные выше коллективы пользовались значительной самостоятельностью. Интересующий нас текст гласит: «Статуя Хашаша сына Неша сына Булха сына Хашаша, которую воздвигли ему сыны Хомара (bny kmg') и сыны Маттабола (bny mtbwl), так как он стоял во главе их (bršhwn) и сотворил мир между ними, и спешествовал им в ... их (brmnhwn)²⁴, во всех делах, в большом и в малом, в его честь. В месяц канун, год 333». Обе группы предстают перед читателями данной надписи в двух положениях: а) между ними имел место конфликт, однако благодаря деятельности чествуемого лица был восстановлен мир; б) обе стороны совместно чествуют миротворца. Иными словами, обе группы (каждая порознь) могли вести самостоятельную политику, враждовать между собой или объединяться для совместных действий. Так как Хашаш сын Неша не был пальмирским должностным лицом, можно думать, что пальмирское правительство не вмешивалось в конфликты между отдельными племенами. Хашаш, согласно тексту интересующей нас надписи, стоял «во главе» обеих групп. Трудно представить себе, чтобы он мог быть одновременно вождем той и другой, особенно в условиях ожесточенной вражды между ними. Хашаш был примирителем, и в качестве такового он некоторое время осуществлял власть над обоими. Те же соображения позволяют полагать, что Хашаш вряд ли принадлежал к какой-нибудь из этих группировок; наиболее вероятно, что в качестве примирителя либо было приглашено извне нейтральное лицо, либо выступал один из руководителей того объединения племен, в которое входили сыны Хомара и сыны Маттабола.

В то же время имеются данные, показывающие, что пальмирские власти могли вмешиваться в жизнь некоторых групп, носивших название «фила», и давать им определенные указания. Документом такого рода является надпись Inv., X, 44 (Пальмира, январь 199 г.), греческий текст которой был опубликован Х. Ингхольтом²⁵. Согласно этой надписи, «по постановлению совета и народа» четыре филы воздвигают статуи в честь °Угайлу сына Макайа сына °Угайлу сына Севира. Вводные формулы греческого

²⁴ Значение слова gmn неизвестно. Ж. Б. Шабо переводит: *et providit negotiis eorum*; Ш. Клермон-Ганно (*Ch. Clermont-Ganneau, Recueil d'archéologie orientale*, t. II, Paris, 1898, стр. 84): *veillé à leurs intérêts*. М. Лидзбарский пытался возвести выражение *brmnhwn* к арабскому *brm*.

²⁵ H. Ingholt, *Deux inscriptions*, стр. 278—292.

и пальмирского текстов почти полностью совпадают (ср.: «по постановлению совета и народа четыре филы °Угайлу сына Агега сына Севира» и т. д., соотв.: *btw̄hyt bwl' wdmws šlmy' 'ln 'rb̄ethwn dy °gylw br mqy °gylw šwyr' dy °hd lh 'rb °ph̄zy'* — «по постановлению совета и народа статуи эти четыре °Угайлу сына Маккайа <сына> °Угайлу <сына> Севиры, которые соорудили ему четыре племени»), за исключением одной, однако весьма существенной детали: в пальмирской части указано количество статуй, возведенных в честь °Угайлу сына Маккайа, — четыре в соответствии с количеством фил, участвующих в данной акции.

Эта деталь, как показывают и некоторые другие надписи, нуждается в дополнительном анализе. Обратимся, в частности, к одной из них, датируемой ноябрем 171 г.²⁶ Она также представляет собой надпись в честь неизвестного лица, статую которого воздвигли в соответствии с постановлением совета и народа четыре филы — каждая в своем храме. Соответствующая греческая формула гласит: «четыре п[о]лис[н]ые филы, кажд[ая] в с[воем] святилище». Приводим также ее пальмирский вариант: *['rb̄c] ph̄zy' ph̄z ph̄z bt 'lhyh*. Подобная же клаузула встречается и в надписи от 25 февраля 198 г. в честь стратега Элия Бору сына Тита Элия Угайлу:²⁷ «четыре филы в своих святилищах на свои средства четыре статуи, из коих эту — фила Хонитов». В пальмирском варианте словам: *Χονειτῶν φυλαί* соответствует *hny km̄ry*.

Каждая фила действует во исполнение постановления «совета и народа» самостоятельно. Они имели определенные денежные средства, следовательно, располагали собственной казной, а также и собственными святилищами. Существенно важна формула *αἱ δὲ τῆς πόλεως τέσσαρες φυλαί*, показывающая, что филы, о которых идет речь, представляли собой структурные ячейки политической организации города. Эти четыре филы не названы, за одним исключением. В надписи в честь Элия Бору названа фила Хонитов (в пальмирском варианте — «сыны Хомари») в связи с указанием, что именно данная фила воздвигла соответствующую статую. Причины различия наименований филы в греческой и пальмирской частях надписи не ясны. Как бы то ни было, безымянность «четырех полисных фил» позволяет полагать, что они были достаточно хорошо известны любому читателю и, более того, этой цифрой их число исчерпывалось. В самом деле, если бы полисных фил было больше, то в интересующих нас надписях следовало бы указать их имена, иначе осталось бы неясным, какие именно филы выполняли решение «совета и народа». Мы видели, однако, что всего в пальмирских надписях упоминаются 34 племенные ячейки. Несоответствие этих двух цифр показывает, что эти ячейки с полисными филами отождествлены быть не могут, по крайней мере все целиком. Правда, можно думать, что члены всех $3\frac{1}{4}$ «от-

²⁶ J. C a n t i n e a u, *Tadmorea*, стр. 277—288.

²⁷ H. I n g h o l t, *Deux inscriptions*, № 1.

раслей» были распределены в четырех полисных филах. Если бы это предположение оказалось правильным, из него можно было бы заключить, что последние строились не по кровнородственному, а по иному, вероятнее всего по территориальному, признаку. Можно было бы предполагать, что 34 «отрасли» представляли собой подразделения четырех полисных фил. Однако против этого свидетельствует, как нам кажется, безразличное употребление по отношению к тем и другим греческого термина *φυλή*.

Каждая из названных «отраслей» носит обычное для семитских этнонимов такого рода название — «сыны такого-то», что, видимо, связано с наличием общей родословной, возводимой в конечном счете к единому предку. В течение определенного времени (согласно приведенным выше данным, до конца II в. н. э.) в надписях часто отмечается принадлежность к той или иной «отрасли». Однако это правило соблюдалось не систематически, из чего можно заключить, что в пальмирской гражданской практике обозначение принадлежности данного лица к одной из этих ячеек было необязательным. Впрочем, в надписях не обнаружены в подобном контексте упоминания и полисных фил (за одним возможным исключением, о котором см. ниже). Каждая «отрасль» представляла собой замкнутый коллектив, принимавший решения без санкции пальмирских властей. Они располагали культовыми сооружениями. В отличие от этого полисные филы действовали в соответствии с волеизъявлением «совета и народа» и, следовательно, органически включались в систему государственных учреждений Пальмиры. Остальные известные нам признаки совпадают.

Таким образом, материалы, происходящие из Пальмиры, позволяют утверждать, что здесь существовали две группы фил: полисные (четыре филы, к которым принадлежали наряду с другими фила Хомари и, по-видимому, Клавдиева фила, к которой принадлежал Малик сын Мукайму сына Болбарака, упоминаемый в надгробной надписи CIS, II, 4122, происходящей из Пальмиры и датируемой 79 г.; последняя фила получила свое название, видимо, в царствование императора Клавдия)²⁸ и кровнородственные, насколько об этом можно судить, арабские. Вероятно, правы те исследователи, которые видят в последних образованиях «наследие номадизма»; лучше было бы сказать — наследие периода догосударственного существования этих арабских насельников Пальмирены.

Как чисто полисные организации филы выступают и в ряде надписей из Соады. Так, согласно одной из них (Wadd., 2038; 187 г.), полис осуществляет мероприятия по устройству переселенных от источников групп населения и воздвигает храм Афины «в епископство филы Сомэфенов». В другом случае (Wadd., 2309; 171 г.) строительные работы совершаются «в епископство булев-

---

²⁸ См. комментарии Ваддингтона (Wadd., 2613) и Ж. Б. Шабо в «Корпусе».

тов филы Битэенов»; наряду с этим, однако, имеется (Wadd., 2310) формула: «в епископство филы Битэенов». Очевидно, обе формулы равноправны. Они позволяют представить себе городскую организацию Соады следующим образом: совет состоял из представителей полисных фил; каждая такая группа булевтов в течение определенного времени осуществляла епископию — судя по всему, надзор за ведением полисных дел.

Тем не менее следует заметить, что в сирийских городах эллинистического и римского времени административное устройство по филам и демам не получило повсеместного распространения. Оно не засвидетельствовано в финикийских городах, где, очевидно, принципы этого устройства были иными. Правда, Филон (Philo, De conf. linguar., 111) считал естественным членение полисного коллектива *κατὰ φύλιν καὶ δῆμους*, однако в данном случае он, несомненно, ориентировался на греческие образцы. Это деление (или аналогичное) не засвидетельствовано и в доэллинистический период.

Общины чужеземцев в сирийских городах

Особенное положение в городах занимали те слои населения, которые не образовали с гражданским коллективом органического целого и зачастую не входили в его состав, образуя самостоятельные общины. К их числу относились, очевидно, прежде всего прирожденные римляне; как известно, римские *negotiatores*, действовавшие на территории Сирии еще в I в. н. э., известны по данным литературной традиции (Тас., *Ann.*, 2, 82). По аналогии с положением, существовавшим в Малой Азии ²⁹, можно думать, что они создавали в сирийских городах свои общины, которые могли принимать решения совместно с полисными властями ³⁰. Подобные общины организовывали и граждане других городов, представители иных обществ, оказывавшиеся на чужбине. Согласно надписи OGIS, 593 из Телль Сандаханна (вблизи Элевтерополиса), в Марисе существовала община сидонян; известны также сидоняне, жившие в Берите ³¹, и арадяне — в Марафоне ³². В надгробных надписях из Бет Ше'арим, опубликованных в 1954 г., упоминается дама по имени Калиопа, родом из Библа (SEG, XIV, 833—834). Заметим, кстати, что в этой же серии имеется и надгробная надпись

²⁹ G. D o u b l e t, V. B e r a r d, *Inscriptions de Dinair (Apamée)*, BCH, vol. 17, 1893, стр. 301—321. Ср.: G. S c h u l t e n, *De conventibus civium Romanorum*, Lipsiae, 1892, стр. 30—31.

³⁰ Материалы, происходящие из малоазиатской Апамен, не позволяют согласиться с точкой зрения, по которой общины римских торговцев на Востоке сравнительно быстро прекратили свое существование. Ср. J. R o u g é, *Recherches sur l'organisation du commerce maritime en Méditerranée sous l'Empire Romaine*, Paris, 1966, стр. 279—280.

³¹ BCH, 20, 1898, стр. 409.

³² BCH, II, 1887, стр. 273.

Апсиса сына Эдесия, герусиарха из Антиохии (SEG, XIV, 835). К сожалению, более подробных сведений об этих общинах мы не имеем.

Значительную роль в жизни городов Сирии играли, насколько об этом можно судить, иудеи. В частности, известно о существовании иудейской общины в Антиохии, где, по словам Иосифа Флавия (С. Ар., 2, 39), иудеи пользовались гражданскими правами, предоставленными им, по словам нашего источника, еще основателем города Селевком I. Подобные указания у Иосифа Флавия встречаются неоднократно. Так, в «Иудейской войне» (7, 44) он писал, что Селевкиды, преемники Антиоха IV Эпифана, «предоставили им (иудеям.— *И. Ш.*) владеть городом (Антиохией.— *И. Ш.*) на равных правах с эллинами». В другом месте (Fl. Ios., Antt., 12, 199) он писал: «И Селевк Никатор в городах, которые он основывал в Азии и нижней Сирии, и в самой метрополии Антиохии удостоил их (иудеев.— *И. Ш.*) гражданских прав и объявил их равными по достоинству поселенным там македонянам и эллинам, так что эти гражданские права сохраняются еще и ныне». Эти указания источника, не вполне, впрочем, согласующиеся между собой, когда речь идет о времени предоставления иудеям гражданских прав, были оспорены рядом современных исследователей. В. Тарн³³, в частности, считал это невозможным, поскольку полисное гражданство предполагало участие в полисном культе, что в данном случае было исключено. Он склонен был думать, что эллинистические цари предоставляли иудеям в основывавшихся ими городах исополитию, т. е. потенциальное гражданство. В. Чериковер, показав, что аналогичное сообщение Иосифа Флавия об иудеях Александрии было апологетическим вымыслом, столь же недостоверными расценивает и его замечания об иудеях Антиохии³⁴. Однако имеются и противоположные точки зрения. Э. Шюрер считал сведения Иосифа Флавия заслуживающими доверия и взял их за основу своего изложения³⁵. С. Х. Крелинг полагает, что, согласно С. Ар., 2, 39, иудейские ветераны Селевка I получили от последнего определенные привилегии и смогли создать в Антиохии свою политивму³⁶.

Оставляя в стороне вопрос о положении иудеев в Александрии, нуждающийся в специальном рассмотрении и находящийся за пределами темы настоящей работы, заметим, что доводы, выдвигаемые против сообщений Иосифа Флавия, не кажутся нам достаточно убедительными. В частности, хотя апологетический характер

³³ В. Т а р н, Эллинистическая цивилизация, М., 1949, стр. 202—203. Аналогичную точку зрения см.: G. D o w n e y, A History of Antioch in Syria From Seleucus to the Arab Conquest, Princeton, 1961.

³⁴ V. T c h e r i k o v e r, Hellenistic Civilization and the Jews, Philadelphia, 1959, стр. 328—329. Ср.: G. H a d d a d, Aspects, стр. 50—51.

³⁵ E. S c h ü r e r, Geschichte des Jüdischen Volkes im Zeitalter Jesu Christi, Bd III, Leipzig, 1898, стр. 79—80.

³⁶ C. H. K r a e l i n g, The Jewish Community at Antioch, New Haven, 1932 («Antioch Index Publications», № 1).

сочинений этого автора не подлежит сомнению, тем не менее трудно представить себе, чтобы в подобных целях могла быть использована явная фальсификация, не имеющая никакой опоры в традиции. Ведь в таком случае автор фальсификации мог быть легко опровергнут. К тому же до сих пор не обнаружены какие-либо документы, которые бы опровергали сведения нашего источника. Довод о несовместимости гражданства с иудаизмом в принципе также вряд ли выдерживает критику: ведь обладание римским правом тоже предполагало — по крайней мере в теории — участие граждан в римском культе. Между тем это не мешало иудеям не только получать права римского гражданства, но и активно пользоваться ими. Против этого предположения свидетельствует и борьба за равноправие между греками и иудеями в Кесарии, послужившая одним из предлогов Иудейской войны 66—73 гг. Самая возможность конфликта на этой основе свидетельствует о том, что в принципе существование единого гражданского коллектива при наличии различных культов у отдельных групп населения не было исключено. По-видимому, до обнаружения новых материалов решение этого вопроса приходится пока оставить открытым. Необходимо, однако, учитывать, что, согласно Inst., 1, 9, 1 (цитируется рескрипт, датированный 213 г.— *И. III.*), в Антиохии существовала *universitas Iudaeorum, qui in Antiochen-sium civitate constituti sunt*, т. е. замкнутая иудейская община. Впрочем, существование такой общины не исключает и наличия общеантиохийского гражданства.

Как бы то ни было, иудейские общины, обладавшие, подобно уже упоминавшимся финикийским (ср. стр. 202), каждой своим культовым и административным центром (в данном случае — синагогой), имелись во многих крупных городах Сирии.

Согласно арамейской синагогальной надписи из Дура-Европос (ED, VI, р. 390), датированной 245 г., во главе иудейской общины в этом городе стоял старейшина; текст сообщает, что строительные работы были проведены «в старейшинство Шемуэля-жреца сына Йадда[йа]» (bqšyšwṯh dšmw' l khnh br yd[yl]). Ими руководили Аврам, казначей общины ('brm gyzbrh), и Шемуэль (не тождественный с упомянутым), носящий титул [m lprn[sh] — распорядитель, администратор (бросается в глаза близость этого термина к слову *prns*, которым в документах Бар Кохбы обозначены чиновники этого последнего)³⁷. Греческие надписи из этой синагоги позволяют уточнить отдельные детали (ED, VI, р. 388). Первый из упомянутых персонажей носит титул *πρεσβύτερος τῶν Ἰουδαίων* (ср. Cod. Iust., 1, 9, 15, где названы *seniores Iudaeorum*, обладающие судебными функциями, но лишь в пределах общины; дата рескрипта — 415 г.). Остальные греческие титулы и званий не имеют, что вряд ли можно признать случайным. Аврам упомянут

³⁷ Мур. 42, а также: Y. Yadin, Expedition D — the Cave of the Letters, — IEJ, vol. 12, 1962, № 3—4.

в перечислении вместе с тремя другими лицами, причем если в первом случае указано, что Шемуэль сын Йаддаи основал синагогу, то относительно последних говорится лишь, что они оказали помощь в строительстве. Наконец, о втором Шемуэле: он не имеет титулатуры, хотя названо его отчество, но он, как и первый, «ос[но]вал это так». Отсутствие титулатуры объясняется в данном случае, как нам кажется, тем обстоятельством, что занятие этих должностей представляло во всех отношениях внутреннее дело иудейской общины; эти магистраты могли выступать за ее пределами только в качестве частных лиц, тогда как при официальных надобностях греческие полисные власти имели дело только со «старейшиной иудеев». Употребление в двух случаях глагола ἔκτισεν показывает, что оба Шемуэля играли в постройке синагоги, несомненно важнейшем внутреннем деле иудейской общины Дура-Европос, одинаковую роль, что позволяет установить примерную последовательность данных магистратур, своего рода общинный *cursus honorum*. Наименее значительной из них была, видимо, должность казначея, более высокой — *mnps*, а возглавлял всю систему старейшина.

Иосиф Флавий (Fl. Ios., BJ, 7, 47) упоминает архонта антиохийских иудеев; однако, по справедливому замечанию Э. Шюрера³⁸, в данном случае это, возможно, не титул, а лишь термин, обозначающий правителя вообще. До нас дошли надписи из Апа-меи, характеризующие общину антиохийских иудеев в этом городе; они датированы 391 г., но позволяют, как нам кажется, представить себе и более ранний период. Более того, они, отражая структуру общины антиохийских иудеев в Апамее, дают возможность судить и об иудейской общине в самой Антиохии, поскольку представляется наиболее правдоподобным, что организация первой копировала вторую. Согласно надписи JMI, IV, 1319, в этой общине существовала коллегия архисинагогов (в надписи упомянуты четверо, носящие этот титул: Евсевий, Немей, Финей и сам посвяtitель — Класий), должность герусиарха, которым является Феодор (и, очевидно, герусия), а также старейшины. Эти последние упомянуты следующим образом: καὶ τῶν τιμωτάτων πρεσβυτέρων Εἰσακίου καὶ Σαούλου καὶ λοιπῶν ἔκτισεν. Не исключено, что Исакий и Саул осуществляли коллективное руководство коллегией старейшин и именно по этой причине выделены из общей массы. Однако этот вопрос, равно как и вопрос о соотношении между герусией и пресвитерами, остается пока не ясным (вряд ли можно вслед за издателями полагать, что πρεσβύτεροι в иудейской общине занимали место ἱερεῖς, поскольку никакими сведениями об их деятельности мы не располагаем). Из всего сказанного следует, как нам кажется, что организация иудейских общин на территории Сирии не была единообразной, хотя она, в общем, копировала полисную.

³⁸ E. Schürer, Geschichte, Bd III, стр. 39.

Дошедшие до нас многочисленные надписи и деловые документы позволяют с достаточной полнотой охарактеризовать административное устройство сирийских полисов времени римского господства. Наиболее обильный материал по этому вопросу доставляют нам пальмирские надписи, поэтому мы остановимся прежде всего на их характеристике.

Административное устройство Пальмиры

Материалы, происходящие из Пальмиры, показывают, что значительную роль в политической жизни этого города играли два коллективных органа власти: совет и народное собрание. В их административной терминологии обращает на себя внимание прежде всего слово *gbl* — одно из немногочисленных дошедших до нас семитских слов, связанных с этим кругом понятий. В современной пальмироведческой литературе указывалось, что этот термин обозначает народное собрание как объединение всех пальмирских племенных образований³⁹. Однако этот тезис нуждается в известном уточнении. Те два контекста, в которых употребляется слово *gbl*, во всяком случае, не дают возможности видеть в нем сходку племен.

Один из этих контекстов доставляет надпись CIS, II, 3923 (соотв. Inv., IX, 8; март 51 г.). В ее греческой части мы читаем: «Пол[ис пальмира]н [Παλμυρη]νῶν ἡ πόλις), — Мокима сына Огейла... который также и Оххайсу». В пальмирской части этому соответствует формула: «[C]татуя это Мукайму сына °Угайлу сына Пациэля сына Таймайа, что прозывается Хукайшу, что из сынов Забдибола, которую воздвигли ему *gbl tdmry'*». В другой надписи (Inv., IX, 12) понятию *gbl tdmry'* соответствует Παλμυρηνῶν ὁ δῆμος. И в том и в другом случае несомненно, что термином *gbl* обозначался в Пальмире I в. н. э. гражданский коллектив в его совокупности. Такому пониманию не противоречит и значение слова *gbl* в классическом арабском языке (*ḡbillun*) — «сходка», «толпа». Интересно, что термин *gbl* встречается в надписях из Лихьяна⁴⁰ как обозначение народного собрания (*gbl ddn*). Здесь оно, видимо, исполняло распорядительные функции; в частности, оно могло возлагать на отдельных лиц наблюдение за порядком. Заслуживает внимания проникновение арабской лексики в пальмирскую документацию, которое объясняется арабизацией населения города, прослеживаемой по многочисленным собственным именам, встречающимся в пальмирских надписях. В то же время исполь-

³⁹ J. S t a r c k y, Palmyre, Paris, 1952, стр. 36 sq. Ж. Феврие, полагая, что *gbl tdmry'* не тождественно с буле, демосом или полисом, считал, что его характер неясен. См.: J.-G. F é v r i e r, Essai, стр. 12—13.

⁴⁰ W. C a s k e l, Lihyan und Lihyanisch, Köln, 1954, № 52, 71, 77, 91.

зование негреческого термина свидетельствует о существовании тенденции, враждебной греческому влиянию, хотя сам термин встречается крайне редко, что говорит о слабости этого сопротивления и его малой эффективности. В подавляющем большинстве случаев мы сталкиваемся с чисто греческой административной терминологией.

Среди греческих терминов особое место занимают два: *bwl'* — *βουλή* и *dmws* — *δῆμος*, соответственно «совет» и «народ»⁴¹. Судя по тому, что, как отмечалось выше, арабо-пальмирское *gbl* эквивалентно греческому *δῆμος*, можно полагать, что словом *dmws* был вытеснен упомянутый более ранний термин. Можно было бы исходя из этого факта думать, что изменения терминологии были вызваны какими-то изменениями в структуре и функциях данного органа (пальмирский эквивалент *βουλή* пока неизвестен)⁴². Однако имеющиеся в нашем распоряжении материалы не подтверждают подобных предположений. Наоборот: указанное выше соответствие *gbl* — *δῆμος* — *dmws* показывает, на наш взгляд, что речь шла в данном случае о переменах чисто внешних, о привлечении более распространенного в административной среде и более употребительного термина.

В некоторых пальмирских надписях имеются данные о членах совета. Одна из них (Inv., X, 57) сопровождает почетную надпись, которую совет воздвиг в честь одного из своих сочленов. Подобное же указание содержится в греческом тексте другой надписи (Inv., X, 69), датированной августом 112 г. н. э. Интересно, что аналогичная титулатура встречается в одной из надписей середины III в. (Inv., III, 12, соотв. CIS, II, 3957, соотв. IGRR, III, 1036; датируется предположительно 258/9 г. н. э.) в честь Аврелия Ворода. Этот персонаж охарактеризован следующим образом: *βουλευτὴν Παλμυρηνῶν* (греческий текст) и соответственно *bylwt' tdmry'* (пальмирский текст). Показательно, что в середине III в., когда в Пальмире складывается уже единоличная диктатура, здесь продолжает функционировать совет, членство в котором по-прежнему остается для аристократической верхушки (Аврелий Вород был римским всадником) существенно важным как с точки зрения карьеры, так и для охраны классовых интересов. Этим же объясняется, очевидно, и та финансовая поддержка, которую еще в середине III в. совет получал от представителей пальмирской аристократии. Согласно одной надписи (CIS, II, 3934), которая датируется октябрём 254 г., некий Юлий Аврелий ^cOge, называемый

⁴¹ А. Б. Ранович («Восточные провинции Римской империи», М.—Л., 1949, стр. 138), исходя из того, что в семитских частях двуязычных пальмирских надписей термины *βουλή* и *δῆμος* передаются в их греческой форме, пришел к парадоксальному выводу, по которому «политическая жизнь по форме греческих полисов здесь не получила развития». Между тем именно этот факт свидетельствует о все более глубокой эллинизации, о стремлении согласовать даже внешний облик своей организации с греческими образцами.

⁴² J.-G. F é v r i e r, Essai, стр. 22—23.

также Селевком, предоставил в распоряжение совета 10 тыс. аттических драхм.

О функциях пальмирского совета известно мало. Огромное большинство надписей, в которых он упоминается, представляют собой подписи к почетным статуям, установленным по его постановлению в честь отдельных лиц. Ж. Феврие утверждал, что в надписях, датированных временем до 118 г., участвовал только совет, тогда как в надписях после 121 г. участвовал «совет и народ». Он связывал это явление с римской аннексией, полагая в то же время, что оно свидетельствует о каких-то изменениях в конституции Пальмиры ⁴³. Это построение, однако, представляется слабо обоснованным. Известна надпись, датированная 74 г. н. э., в которой упоминаются «совет и народ» одновременно ⁴⁴. Из материала, приведенного нами выше, также можно видеть, что пальмирский демос выступал в качестве самостоятельно действующей организации залолго до 118 г.

В то же время в важнейшем из дошедших до нас пальмирских документов — пошлинном тарифе 137 г. н. э. — действующим органом власти, принимающим постановления о его введении, был совет. Приведем в связи с этим вводную формулу упомянутого документа (CIS, II, 3913): «[В го]д 448, месяца ксандика 18. Постановление совета (Δόγμα βουλῆς)». Пальмирский текст точно воспроизводит терминологию греческого: «Постановление совета (dgm' dy bwl')», в месяц нисан, день 18, год 448» и т. д. Впрочем, в близкой по времени надписи, Inv., 1, 2 (соотв. CIS, II, 3959), мы находим и чисто арамейское обозначение постановления: mn twhyt bwl' wdmws — «по постановлению совета и народа» (ср. также Inv., X, 44). Пошлинный тариф был для Пальмиры документом исключительной важности. Он практически регулировал всю торговую жизнь города, и, так или иначе, его положения отражались на повседневной жизни каждого гражданина. То обстоятельство, что этот тариф был введен в действие постановлением пальмирского совета, свидетельствует о том, что еще в первой половине II в. этот орган обладал значительной властью, причем не только формальной. Он был компетентен принимать решения по важнейшим вопросам жизни полиса и, как это видно из вводной части тарифа, направлять деятельность полисных магистратов.

Значительный интерес во вводной части пошлинного тарифа представляет также формула: «когда сове[t] заседал законом», чему в пальмирской части соответствует kd hwt bwl' knys' mn pmws'. В обоих случаях речь идет об одном и том же: заседание совета, на котором был принят тариф, созывалось и проводилось в соответствии с установленными процедурными нормами. В частности, имелось в виду, очевидно, то обстоятельство, что совет

⁴³ J.-G. Février, *Essai*, стр. 22—23.

⁴⁴ На этот факт указал, критикуя построение Ж. Феврие, еще А. Сеппинг. См.: H. Seyrig, *L'incorporation de Palmyre à l'Empire Romaine*, — *Syria*, t. 13, 1932, стр. 269.

мог заседать только при наличии определенного кворума, чему имеются свидетельства в памятниках римского права (Dig., 50, 9, 2).

Какие-либо постановления пальмирского народного собрания, за исключением надписей, связанных с выполнением почетных декретов, будь то совместно с советом, будь то самостоятельно, до нас не дошли. Учитывая, что пока известен только один документ такого рода, трудно на этом основании делать какие-то далеко идущие выводы. Показательно, однако, что почетные декреты составлялись от имени народа, что приводит к мысли о функционировании, по крайней мере в этой сфере государственной деятельности, народного собрания.

Пальмирские надписи II—III вв., содержащие данные о карьере некоторых персонажей либо описание их деятельности, позволяют установить существовавшую в этом городе систему магистратур.

Уже многократно упоминавшийся пошлинный тариф показывает, что в этом городе существовали две категории должностных лиц. К первой группе можно отнести тех, кто был непосредственно связан с работой совета и народного собрания. В их число входит прежде всего председатель совета — проедр, имя которого указано в тексте постановления. Соответствующий греческий текст гласит: «При Боннее сыне Боннея сына Хайрана проедре». Его пальмирский вариант отличается только тем, что здесь указано: «в проедрию» (bplhdrwt') данного лица. В другой надписи, датированной временем около 200 г. н. э. (Inv., X, 55), также упомянут проедр — Малх сын Барей сына Малха сына Симанея. «[Совет и] народ» воздвигают статую в его честь. Другим важным должностным лицом, принадлежавшим к этой же группе, был «грамматевс совета и народа». В пошлинном тарифе указано имя одного из этих чиновников — Александра сына Александра сына Филопатора. Формула «грамматевс совета и народа» показывает, что он выполнял секретарские функции не только в совете, но и в народном собрании. Такое совмещение полномочий позволяло координировать деятельность обоих органов, ориентируя политику последнего в направлении, желательном совету. Вследствие этих обстоятельств названное должностное лицо не могло не пользоваться большим влиянием. Не случайно в нашем распоряжении имеются надписи в честь грамматевсов, деятельность которых оказывается весьма далекой от выполнения чисто секретарских функций. Одна из надписей (Inv., X, 39), правда, содержит лишь глухое упоминание об исполнении обязанностей грамматевса Забдилом сыном Шамшигерара. Она сопровождала статую этого лица, воздвигнутую по постановлению совета (bwl') в 75/6 г. н. э. Соответствующая формула в греческом тексте гласит: «[и] непорочно бывшего граммат[евс]ом»; ее пальмирская параллель: «а также в грамматию свою (bgrmt'y' dyh) он поступал [хоро]шо» (hlk špylr). Более подробно уже упоминавшаяся по другому по-

воду надпись Inv., 1, 2 (соотв. IGRR, III, 1054; CIS, II, 3959; 130/1 г. н. э.), которую «по постановлению совета и народа» был почтен грамматевс Мале — Агриппа сын Йархайа, принявший на себя поставку масла для обтирания и позаботившийся о приеме войск, сопровождавших Адриана при его посещении Пальмиры в 129 г. В другой надписи (Inv., X, 18; апрель 218 г.) указывается, что грамматевс в то время, когда он исполнял свои обязанности, принял на себя какую-то долю расходов по строительству. Впрочем, остается неясным, входили ли эти действия непосредственно в круг обязанностей грамматевса, или же последний был вынужден прибегать к ним, несмотря на то что они выходили, казалось бы, за пределы его непосредственной компетенции, для упрочения своей популярности. В надписи Inv., 1, 2 привлекает внимание и относящаяся к Мале — Агриппе формула: «будучи грамм[а]тевсом вторично» (пальм.: *dy hw' grmtws dy trty'*). Она показывает, что магистратура грамматевса была ограничена определенным сроком и могла исполняться неоднократно одним и тем же лицом. Интересно в связи с этим, что в одной из надписей, которые опубликовал в 1933 г. Ж. Кантино⁴⁵, содержится формула *bgrmt'y' qdmt'* — «в первую грамматию». Текст сильно фрагментирован; поэтому неясно, упоминались ли в надписи случаи повторного исполнения данной обязанности, хотя это и весьма вероятно. Во всяком случае, не подлежит сомнению, что герой надписи неоднократно выполнял обязанности грамматевса.

Из магистратов, не связанных непосредственно с деятельностью совета, следует указать прежде всего на архонтов. В Пальмирском пошлинном тарифе архонты, перечисленные поименно (Малику сын «Алайайа сына Мукайму и Забида сын Неша), упоминаются во вводной формуле постановления вместе с проедром и грамматевсом. Маловероятно, чтобы названные во вводной формуле магистраты, в том числе и архонты, были эпонимными. Пальмирские надписи обычно датируются только по селевкидской эре (тариф имеет датировку также и по римской системе), либо не датируются вовсе. Пошлинный тариф в этом отношении не является исключением.

Как показывает тариф, в коллегии архонтов входили два человека, наделенные, видимо, одинаковыми полномочиями. Постановление совета предусматривает для них одинаковую сферу деятельности, исходя, несомненно, из того, что одинаковой была их компетенция в целом. Архонты должны были определить размеры пошлин, заключать договоры об откупах, составить и записать текст закона, а также следить за его выполнением. Иными словами, в компетенцию архонтов входило осуществление административных и распорядительных функций, надзора и по поручению совета даже законодательных функций. Для суждения о том, какими причинами определялась численность коллегии архонтов, каким

⁴⁵ J. C a n t i n e a u, Tadmorea, — «Syria», vol. 14, 1933, стр. 176—177.

способом она конституировалась, у нас нет применительно к Пальмире достаточных данных.

Помимо этой магистратуры конституция Пальмиры предусматривала, насколько об этом можно судить, существование и иных должностных лиц, о которых имеются упоминания в надписях. Так, в *cursus honorum* Септимия Ворода, о котором уже говорилось выше, отмечается, что он «блистательно» исполнял должность стратега и агораном (CIS, II, 3942; соотв. IGRR, III, 1045; 267 г.). Учитывая, что в подобного рода перечислениях должностей они указываются обычно в порядке, обратном прохождению магистратур, можно утверждать, что положение стратега в пальмирской должностной иерархии было выше положения агораном. Подобную карьеру проделал и Юлий Аврелий Зенобий Забдила. В надписи, установленной в его честь (CIS, II, 3932; соотв. IGRR, III, 1033; 242 г.), отмечаются его деяния во время стратегии (στρατηγῆσαντα; пальм.: 'srtg lqluy'), а также во время агораномии (ἀγορανομῆσαντα; пальм.: rb šwq). Укажем также на надпись в честь Юлия Аврелия Малику (Inv., X, 115; предположительно начало III в.), который был стратегом и агораномом. Аналогичная карьера отмечается и в сильно поврежденной надписи Inv., X, 85 (июнь 193 г.): «исполнявшего обязанности [стратега] с пышностью [и] обязанности [а]горанома безупречно и [у]спешно». Стратегом Пальмиры был и Юлий Аврелий Небузабад, воздвигнувший в 262 г. надпись в честь Септимия Ворода (CIS, II, 3939). Как показывает надпись Inv., X, 44 (199 г.), стратегия как полисная магистратура развилась в Пальмире из должности, связанной с организацией борьбы против кочевников и обеспечением безопасности караванных путей ⁴⁶. Исходя из датировок приведенных нами надписей можно предполагать, что это произошло в конце II в. Как бы то ни было, однако вряд ли есть основания думать, что появление стратегии было вызвано ликвидацией архонтата. В нашем распоряжении имеется билингва (CIS, II, 3934; соотв. IGRR, III, 1047; 254 г.), повествующая о деятельности Юлия Аврелия °Oge, бывшего дуумвира, который «честолюбиво» исполнял обязанности стратега; правда, в пальмирской части надписи речь идет только о стратегии (b's'trgwth — «в стратегию его»).

Причина того, что пальмирский текст умалчивает о дуумвира-

⁴⁶ Интересно, что, согласно надписи, опубликованной Ж. Кантино и датированной июнем 225 г. (J. C a n t i n e a u, Tadmora, стр. 178—180), начальники пальмирских гарнизонов, находившихся в отдельных пунктах Пальмирены и, видимо, оборонявших торговые пути от кочевников, также именовались стратегами. В интересующем нас тексте, происходящем из Умм ас-Салабих, упомянуто лицо (имя, к сожалению, не сохранилось), которое было «стратегом над °Ана и Гамла» ('s'rīg cl sp' w gml'), а также его «заместитель» (hlpth) Кафтут сын Шалома. Пселение °Ана находилось, по указанию Ж. Кантино, на правом берегу Евфрата; Гамала — в четырех километрах от нее. Надпись показывает существование своеобразных «военных (а может быть, и административных?) округов» на территории Пальмирены, а также иерархии офицерских должностей в пальмирских войсках.

те, не ясна; несомненно, однако, что, как показывает греческий текст, функции дуумвиров и стратегов не совпадали. Дуумвират следует, очевидно, рассматривать как преемника ранее существовавшего архонтата. Его возникновение связано, надо полагать, с изменениями в политическом статусе Пальмиры, прежде всего, получением италийского права в середине или второй половине II в. н. э. В то же время надпись CIS, II, 3934 показывает, что возникновение стратегии не привело к уничтожению архонтата (соответственно дуумвирата); тем не менее последняя магистратура в пальмирском *cursus honorum* перестает завершать пошленную карьеру.

В надписи в честь «высочайшего Зевса», посвященной «тому, чье имя благословенно в вечности» (lbryk šmh l'lm'; CIS, II, 3994; март. 114 г. н. э.), упомянута коллегия аргиротамиев (пальм.: b'nwšwt), в которую входили четыре человека: Забайда сын Таймурамеда, Мукайму сын Йарихбола, Йархай сын Нурбела и ^сАнану сын Малику. Надпись повествует о каких-то строительных работах в честь упомянутого божества, произведенных полисом (пальм.: mdynt), на денежные средства, находившиеся в городской казне (mn ksp ^сn'št). Аргиротамии упомянуты в данном тексте как лица, ведавшие расходованием средств из городской казны и соответственно организацией строительных работ. Другое упоминание аргиротамиев, значительно более раннее, имеется в одной из пальмирских билингв (Inv., IX, 12), которая датируется июнем 25 г. н. э.⁴⁷ Согласно этому тексту, статуя Малику сына Неша сына Вулха из племени хомаренов воздвигнута аргиротамиями и демосом. Несомненно, и в данном случае упоминание аргиротамиев вызвано необходимостью произвести затраты за счет казны.

Существовали в Пальмире и иные коллективные магистратуры, к числу которых должны быть отнесены прежде всего названные в пошлинном тарифе декапроты (^сšrt) и синдики (sdqy'). Характер обязанностей тех и других, как он определен в постановлении пальмирского совета, предшествующем тарифу, сводится к следующему. Декапроты совместно с архонтами должны принимать участие в определении размеров пошлины, заключении договора с откупщиком, составлении и записи текста закона, а также в контроле за его исполнением. Последняя, но только последняя, обязанность возлагалась также на синдики. Очевидно, согласно существовавшим в Пальмире нормам, коллегия синдики, не располагая законодательными и исполнительными функциями, действовала исключительно как орган надзирающий. В то же время компетенция декапротов не отличалась от компетенции архонтов. Каковы были причины этого явления, пальмирский материал не дает возможности установить.

⁴⁷ J. C a n t i n e a u, Textes palmyréniens du Temple de Bel,— «Syria», t. 12, 1931, стр. 123—125, № 5.

Одной из наиболее существенных проблем, возникающих при изучении административной структуры пальмирского общества, является вопрос об отношении городской верхушки к полисной организации. На протяжении всего исследуемого периода мы наблюдаем явное стремление городской аристократии к тому, чтобы занимать городские должности, не останавливаясь при этом, как уже отмечалось выше, перед значительными затратами. Объяснение этому факту можно найти в том, что, как показывает, например, пошлинный тариф, еще во II в. полисные органы играли активную и значительную роль. Неудивительно поэтому, что в этот период пальмирские аристократы не только проделывали обычную полисную карьеру, но даже по несколько раз исполняли функции одного и того же магистрата, как поступил, в частности, упоминавшийся выше Мале сын Йархайа. В середине III в., несмотря на существование в этот период государства Одената — Зенобии, пальмирская знать продолжала участвовать в совете и исполнять обязанности магистратов. Это и неудивительно: довольно многочисленные почетные надписи, установленные от имени «совета и народа» либо только от имени совета (CIS, II, 3932, 3934, 3942), показывают, что оба полисных органа продолжали оставаться достаточно действенными и, следовательно, могли использоваться в определенных ситуациях в интересах правящих кругов. Как показывает карьера Септимия Ворода, даже представители правящей верхушки Пальмиры, которые вышли из среды приближенных к местной династии, были заинтересованы в укреплении полисной системы. Создается впечатление, что, несмотря на связанные с этим расходы, полисные магистратуры и членство в совете еще не стали обременительными повинностями, от которых хотя бы любыми способами избавиться. Объясняется сказанное, очевидно, тем, что только через полисную систему знать могла осуществлять наиболее эффективно свое господство.

Административное устройство Антиохии

Коллективные органы власти — совет и народное собрание — засвидетельствованы также и для Антиохии (ср., в частности, OGIS, 234, где речь идет об антиохийской демократии, сохранению которой способствовал Антиох III). Народное собрание этого города упоминает Тацит (Hist., 2, 80): «тогда он вошел в театр антиохийцев, где они обычно совещаются» (*ubi illis consultare mos est*, речь идет об обстоятельствах возведения Веспасиана на императорский престол). О том, что народное собрание антиохийцев проводилось в театре, свидетельствует неоднократно и Иосиф Флавий (Fl. Jos., BJ, 7, 47; 7, 107). Оба источника определенно показывают, что во второй половине I в. н. э. и даже еще во II в. народное собрание Антиохии было органом действующим.

Правда, эти указания не содержат сведений о том, какие именно вопросы рассматривало народное собрание.

Что же касается совета, то его антиохийская традиция, как она отражена, например, в речах Либания (*Orat.*, p. 315), восходила к прадедовским временам. Согласно одному указанию Малалы (*Chron.*, ed. Dind., p. 205), первым построил в Антиохии бульварий Антиох IV Эпифан. Это сообщение нуждается, однако, в специальном рассмотрении. Малала пишет: «Этот самый царь Антиох, по прозвищу Эпифан, первым основал в Антиохии так называемый бульварий вне города, чтобы туда собирались все его сенаторы вместе с членами совета и всеми хозяевами города и там совещались относительно происходящих событий, что, должно быть, и потом представляли ему решение». Весь этот текст показывает, что речь идет о создании совещательного органа при особе царя, состоявшего из царских советников и чиновников, а также из членов совета и зажиточных граждан Антиохии. В особенности характерно, что все решения этого органа поступали на рассмотрение царя, который, очевидно, делал окончательный вывод. Таким образом, совет, созданный Антиохом IV Эпифаном, какую бы роль в нем горожане ни играли, советом города Антиохии в собственном смысле слова не был. Тем не менее упоминание *οἱ πολιτεύμενοι* говорит о существовании совета в городе и о заметной роли, которую он играл в политической жизни.

Другая традиция о создании бульвария у того же Иоанна Малалы (*Chron.*, ed. Dind., p. 211) связывает его возникновение с деятельностью в Антиохии Помпея. Очевидно, в этом случае имелось в виду помещение для городского совета; создание специального здания для него должно было подчеркнуть внимание римских завоевателей к этому органу власти и одновременно действительность этого последнего. Как бы то ни было, в уже разбиравшейся надписи из Рососа (*JMI*, III, 718; 36—34 гг. до н. э.) предлагается направить копию императорского эдикта «совету и народу» Антиохии.

Уже цитировавшаяся выше речь Либания показывает, что в ранний период истории города в совет Антиохии входили представители зажиточной верхушки города (*Liban.*, *Or.*, p. 315). Судя по описанию этого оратора (там же), совет осуществлял в Антиохии контроль над правами. Он ведал всеми сторонами жизни города и контролирует магистратов.

В нашем распоряжении нет сведений, относящихся ко времени принципата, которые позволили бы установить порядок пополнения совета. Более поздний материал (произведения Либания и Юлиана) дает возможность выделить среди бульваров IV века две группы: прирожденных, принадлежавших по происхождению к соответствующему сословию, и тех, кто был включен в совет путем кооптации, согласно решению самого совета ⁴⁸. Имеющийся

---

⁴⁸ P. Petit, *Libanius et la vie municipale à Antioche au IVe siècle après J.-C.*, Paris, 1955, стр. 27—43.

материал не позволяет с достаточной определенностью установить время, когда возникает наследственность членства в совете. Можно только предполагать, что она складывалась постепенно уже в период принципата в результате того, что совет пополнялся представителями сравнительно узкого круга богатых и влиятельных семей. Однако наследственность сама по себе не есть процедура; возникновение и существование ее не противоречат тому, чтобы относительно каждого случая замещения вакансий в совете принималось хотя бы формально специальное решение. Тот порядок назначения булевтов, который засвидетельствован для IV в., — кооптация, вряд ли сложился непосредственно в IV в. Подобно тому как вся деятельность совета, по крайней мере в ее внешних проявлениях, восходила к практике времени принципата и даже ранее — периода эллинизма, процедура его пополнения также должна была существовать без серьезных изменений, во всяком случае с I—III вв., а может быть и с периода греческой колонизации Сирии. Иными словами, данные Либания и Юлиана позволяют ретроспективно предполагать, что в Сирии I—III вв., и в частности в Антиохии, совет пополнялся путем кооптации⁴⁹. Антидемократизм такого порядка (если бы данное предположение подтвердилось) очевиден.

Что же касается народного собрания, то оно, по описанию Либания (р. 321—322), фактически действовало в соответствии с указаниями совета; недаром Либаний говорил, что «у нас» народное собрание напоминает детей, а совет — родителей.

Правда, описание Либания рисует несколько идеализированную картину, что обусловлено апологетическим характером его речи; к тому же его описание относится к концу IV в., однако оно дает достаточно ясное представление о взаимоотношениях и функциях совета и народного собрания в Антиохии. Показательно, что еще Либаний мог говорить об этих организациях как о действующих⁵⁰. Заметим, кстати, что антиохийский булевт Марк Эмилий Маркиан Асклепиад упомянут в греко-пальмирской надписи Inv., X, 29.

Система магистратур, существовавшая в Антиохии, известна далеко не достаточно. Плутарх (Cato, 13) упоминает архонтов этого города (ср. также надпись из Рососа). В надписях на гирях названы антиохийские агораномы⁵¹. Можно полагать, следовательно, что в своих основных чертах она не отличалась от пальмирской.

---

⁴⁹ Мы не имеем данных, которые позволили бы вслед за А. Х. М. Джонсом утверждать, что уже в начале III в. членство в совете было наследственным не только фактически, но и юридически. См.: A. H. M. Jones, *The Decline of the Ancient World*, London, 1966, стр. 241.

⁵⁰ См. об этом также: G. Downey, *A History of Antioch in Syria From Seleucus to the Arab Conquest*, Princeton, 1961, стр. 112 sq.; P. Petit, *Libanius et la vie municipale à Antioche au IVe siècle après J.-C.*, Paris, 1955, стр. 63—69.

⁵¹ E. Bickerman, *Institutions des Séleucides*, Paris, 1938, стр. 158.

Деятельность народного собрания в Дура-Европос до сих пор не засвидетельствована ⁵², однако Г. А. Кошеленко, по-видимому, прав, когда он считает возможным, что в Дура-Европос селевкидского времени оно существовало ⁵³. Более того, не исключено, что косвенно наличие этого органа власти еще во II в. н. э. подтверждает надпись ED, II, pp. 86—87, датируемая 160 г. В ней речь идет о том, что «полис» воздвигает алтарь «Зевсу величайшему». В комментарии к этому тексту К. Гопкинс в весьма осторожной форме высказал мысль, согласно которой термин *ἡ πόλις* подразумевал не только *ἡ βουλή*, но *ὁ δῆμος*. Во всяком случае, застройка агоры в Дура-Европос в период господства там парфян и римлян сама по себе не свидетельствует вопреки мнению И. А. Шишовой ⁵⁴ и Г. А. Кошеленко о прекращении деятельности народного собрания, которое могло собираться и в других местах (например, как это было в Антиохии и вообще широко, видимо, распространено в Сирии, — в театре).

Значительно более определенно засвидетельствована источниками деятельность совета. В нашем распоряжении имеется, в частности, надпись ED, III, D, 149 (не ранее 212 г.) в честь Юлии Домны, статуя которой была воздвигнута местным буле. Упоминаются в надписях и булевты, носящие, между прочим, и сирийские имена, имея при этом римское гражданство (см. Cumont, 9с, 50).

Система магистратур в Дура-Европос имела следующую примечательную черту. В надписях, происходящих из этого города, неоднократно упоминаются стратеги — высшие должностные лица (Cumont, 116; ED, V, 418), один из которых, Селевк сын Лисия, принадлежавший к знатнейшему местному роду, в надписи, датированной предположительно III в. н. э. (Cumont, 52), назван *στρατηγὸς πόλεως γενεάρχης*. В нескольких случаях (Cumont, 91, 118, 134; ED, II, pp. 92—93; IDE, 6 — посвящение «Зевсу величайшему» в его храме, 169/70 г.) стратег назван одновременно и эпислатом; лишь в надписях Cumont, 53 и IDE, 16 эпислат не является также и стратегом. Г. А. Кошеленко объясняет это совмещение тем, что по мере укрепления своей власти в Дура-Европос, при котором происходило одновременно сращивание аристократической верхушки этого города с парфянским государственным аппаратом, парфяне механически назначали эпислатом стратега, избранного населением ⁵⁵. Однако, судя по списку стратегов, при-

⁵² См. по этому поводу, в частности: F. Cumont, *Fouilles de Doura-Europos*, Paris, 1926, стр. XXII—XXIII.

⁵³ Г. А. Кошеленко, *Городской строй полисов западной Парфии*, — ВДИ, 1960, № 4, стр. 76—77.

⁵⁴ И. А. Шишова, *Дура-Европос — крепость Парфянского царства*, — УЗ ЛГУ, 192 (1956), сер. ист. наук, 21, стр. 122.

⁵⁵ Г. А. Кошеленко, *Городской строй*, стр. 77—79.

веденному в комментарии к IDE, 6, подобное совмещение имело место уже в 32/1 г. до н. э.; в то же время в ряде последующих случаев (хотя и не систематически) стратег не является эпистатом. По-видимому, дело в данном случае все же не в автоматизме. К различным кандидатам верховные власти подходили по-разному, избирательно. Очевидно, принималась во внимание степень их лояльности по отношению к парфянским и, надо полагать, римским (в тех случаях, когда города, как это имело место на протяжении длительного времени, входили в состав римской Сирии) властям.

Материалы к характеристике административного устройства других сирийских полисов

Крайняя скудость и отрывочность сведений, относящихся к другим городам Сирии, приводит к необходимости рассмотреть вопрос об их административном устройстве не порознь для каждого отдельного случая, но применительно к совокупности всех этих городов. Такое рассмотрение дает возможность представить себе в целом наиболее характерную форму городского устройства и одновременно заполнить лакуны предшествующего изложения исходя из весьма вероятных аналогий. Это не препятствует, естественно, выявлению местных особенностей там, где они могут быть обнаружены.

Характерным свидетельством существования совета и народного собрания (а в некоторых случаях только совета) являются вступительные формулы писем, которые направлялись сирийским городам по различным поводам. Так, Гай Юлий Цезарь адресовал свое письмо «сидонян архонтам, совету, народу» (Fl. Jos., Antt., 14, 190). О том, что оба этих органа функционировали в Сидоне еще в первой половине II в., свидетельствует надпись IGRR, III, 1098. Аналогичная формула имеется и в письме Марка Антония Тиру: «Тирян архонтам, совету, народу привет» (Fl. Jos., Antt., 14, 314). Деятельность «совета и народа» в этом городе засвидетельствована и надписью IGRR, III, 1102. Особо следует отметить уже упоминавшуюся выше надпись IGRR, I, 421 (Путеолы, 174 г.), в которой цитируется выписка из протоколов совета; ее датировка сопровождается формулой: «в дежурство Г. Валерия Калликрата, сына Павсания, проедра». Иными словами, проедры совета регулярно чередовались в исполнении своих председательских функций. Интересна и процедура принятия решения: зачитывается письмо путеоланской общины, после чего один из членов совета (в данном случае — Филокл) вносит предложение («сказал»), затем формулируется само постановление, начинающееся с одобрения речи Филокла («хорошо сказал Филокл»). Существенно, что постановление совета отвечает на письмо, адресованное «архонтам, совету и народу владычной отчизны».

Надписи, поставленные в честь различных лиц от имени «совета и народа» отдельных сирийских полисов, известны в довольно большом количестве. Укажем, например, на надписи из Арада (IGRR, III, 1015, 1017; Wadd., 1840—119 г. н. э.; CIL, III, 14165₁₀: civitas et bule Aradia), Триполиса (OGIS, 587), Берита (IGRR, III, 1540; Wadd., 1841 d: ex decr<eto> dec<urionum> et [pol]puli voluntate), Мариаммы (JMI, V, 2106; Эмессена, 195 г.), Апамен (время Каракаллы; JMI, 1346). Подобная же формула содержится и в надписи IGRR, III, 1077 неизвестного происхождения.

Имеются также надписи, в которых упоминается слово «народ». Одна из них происходит из Арада и датируется серединой I в. н. э. (IGRR, III, 1018; соотв. Wadd., 1841), другая — из Эйты (IGRR, III, 1142). В некоторых случаях в надписи фигурирует только совет; такова, например, CIL, III, 167, в которой названо *ordo Berytiorum*. Значительный интерес представляет надпись из Берита Wadd., 1849, согласно которой некий Л. Деллий воздвигает статую своей жены Флавии Александры Аттициллы на свои средства, но в соответствии с декретом декурионов.

Было бы очень соблазнительно видеть в подобных единичных упоминаниях признак усиления в одном случае совета, а в другом — народного собрания. Однако дошедший до нас материал не позволяет сделать подобное умозаключение. Думается, что до появления дополнительных источников этот вопрос следует оставить открытым.

В одном случае мы сталкиваемся со своеобразной терминологией. В надписи из Селевкии Пиерии (IGRR, III, 1185; 121/2 г. н. э.) использована необычная формула: *ὁ δῆμος καὶ ἡ προβούλη*. Издатели надписи справедливо сопоставляют ее с двумя адресными формулами в посланиях Аполлония Тианского: *Σελευκείων τοῦτε προβούλοις* (Epist., XII) и *Καίσαρέων προβούλοις* (Epist., XI). К этому следовало бы, вероятно, добавить и отрывок из сочинений Филона Александрийского (Philo, De spec. leg., 1, 124), где булеты и пробулы выступают как лица, не пользовавшиеся равными правами; возможность такого равноправия рассматривается Филоном как предпосылка волнений и катастроф.

Эти сопоставления, однако, проливают мало света на характеристику пробуле как органа власти. Издатели надписи полагают, что в данном случае упомянут орган власти, который руководил работой совета и в котором каждый член носил титул *πρόβουλος*. Такое допущение, хотя оно и весьма правдоподобно, вызывает все же сомнение. Если бы оно подтвердилось, пришлось бы признать, что такой «президентский совет» внутри полисного буле мог, минуя последнее, передавать свои предложения непосредственно на рассмотрение народного собрания. Такая процедура представляется весьма маловероятной; она, во всяком случае, насколько нам известно, в иных ситуациях не засвидетельствована. Поэтому кажется более правдоподобным, что несколько необычная терминология свидетельствует в данном случае о функциях, которыми

был облечен совет Селевкии Пиерии. Речь идет о том, что этот совет, по-видимому, располагал правом принимать предварительные решения по тому или иному обсуждаемому вопросу до того, как он будет передан на обсуждение народного собрания («пробулема»). В то же время в надписи о предоставлении гражданских прав Аристолоху действует народное собрание, принимающее соответствующее постановление.

Переходя к рассмотрению системы магистратур, засвидетельствованной надписями, происходящими из различных районов Сирии, отметим прежде всего, что существование архонтата подтверждается, в частности, надписью Wadd., 1894 (Пания), где упомянут Агриппа сын Марка, архонтство которого приурочено к определенному году; соответственно архонтат оказывается в этом случае одногодичной магистратурой. Оно засвидетельствовано и надписью из Триполиса (OGIS, 587) в честь императорского легата и пропретора Эмилия Юнка, который пользовался в городе гражданскими правами и осуществлял по отношению к нему «благodeяния». Эта надпись была воздвигнута от имени архонтов, «совета и народа». Как показывает помимо приведенной выше адресной формулы сообщение Иосифа Флавия (Fl. Jos., BJ, 1, 245), эта магистратура продолжала сохраняться в I в. н. э. и в Тире; в интересующем нас отрывке не названный по имени «архонт тирян» выступает в качестве исполнителя поручений Антония; ему предписано подвергнуть наказанию иудеев, бунтовавших против Ирода. Это последнее обстоятельство вряд ли означает, что тирский архонт не имел самостоятельной сферы деятельности; то, как он действует в данном случае, должно быть объяснено, несомненно, специфическими обстоятельствами, в которых он находился. В качестве эпонимных магистратов архонты упоминаются в одной надписи из Ба^албека («L'année épigraphic», 1964, № 61: anno Q. Vini et C. Cassaei <et> T. Vetti archontium), — здесь, как видим, коллегия архонтов состояла из трех человек. Одна из сидонских надписей, к сожалению не поддающаяся датировке ⁵⁶, упоминает некоего Аполлофана, бывшего архонтом вторично.

Значительный материал для характеристики архонтата представляют документы, происходящие из Герасы и Босры — крупных центров в Заиорданье. Особенно важна надпись IGRR, III, 1376: «[Счастливой судьбы.] В го[д] 129 от Августова ми[ра, в] правление Аполлон[и]я сына Арис[т]она проедра и ... сына Деметрия декапр[ота по]жизненного города, и Антиох[а сына ...]она архонтов, и Ксер...эрея — грамматевса». Так как надпись датирована 129 г., после битвы при Акциуме, она, как справедливо указано в комментарии к ней, должна быть отнесена к 98 г. н. э. Как показывает приведенный текст, всего архонтов в Герасе было не менее

---

⁵⁶ L. Robert, *Inscription grecque de Sidon*, — «Syria», vol. 6, 1925, стр. 365—366.

трех; из них только один был архонтом в собственном смысле слова. Первый из упоминаемых здесь лиц был проедром, а второй — пожизненным декапротом. Возникает, однако, вопрос: является ли архонтство этих членов данной коллегии неразрывно связанным с осуществлением этих должностных функций?

В какой-то степени свет на эту проблему проливает надпись G, 74 (259 г. н. э.), где датировочная формула гласит: ἐπὶ γραμματίας Μάρωνος Ἀβιβου καὶ συναρχίας αὐτοῦ Γάμου ἀρχοντος καὶ Μαλχαίου. В данном случае состав коллегии архонтов не совпадает с указанным выше, что может быть только следствием внутренней реформы. Обращает на себя внимание, что на первом месте упомянут в нашем тексте грамматевс; видимо, роль и положение этого магистрата в Герасе к середине III в. существенно изменились: его функции расширились и он стал входить в коллегию архонтов. В то же время ни проедр, ни декапрот архонтами не являются. Нам представляется, что по порядкам, существовавшим в Герасе, коллегия архонтов включала в свой состав должностных лиц с различной степенью компетенции, однако состав этой коллегии с течением времени по неизвестным причинам претерпел определенные изменения.

Аналогичную ситуацию мы находим и в надписи IGRR, III, 1325 из Босры, которая датируется, вероятно, временем около 188 г. н. э. (если упомянутый в ней Фронтон, легат провинции Аравии, может быть отождествлен с Флавием Юлием Фронтоном, правившим провинцией в 183 г.). Ее датировочная формула гласит: «при Сабине сыне Амрилия, проедре вторично, и соархонтах». Показательно, что названный по имени персонаж не имеет титула ἀρχων, который сам собою подразумевался (иначе упоминание соархонтов было бы необъяснимым). В этом случае надлежит признать, что проедр являлся одновременно по занимаемой должности и архонтом. Впрочем, в нашем распоряжении имеется и другая надпись из Босры (Wadd., 1910), датируемая 320 г., об основании святилища ἐκ προνοίας καὶ σπουδῆς Μεσσηδίου β' καὶ Χερίωνος Μαλχίωνος ἀρχόντων. В данном случае упоминаются члены коллегии архонтов, не занимавшие других должностей. В то же время в надписи IGRR, III, 1321, в качестве эпонимного магистрата Босры времени Каракаллы называется проедр Юлий Маркиан без упоминания об его архонтстве, может быть само собой подразумевавшимся.

Значительно сложнее вопрос о совмещении архонтства с пожизненной декапротией. Если признать, что архонтство было магистратурой, ограниченной определенным временем (а весь предшествующий материал не дает оснований для иных умозаключений), то возможность обязательного совмещения этих магистратур кажется исключенной. Обращает на себя внимание, однако, оговорка: δεκαπρόωτου [ῥιχ β']ου. Думается, что она должна была оттенить исключение из общего правила, и если так, то декапротию следует рассматривать как магистратуру не пожизненную, а ог-

раниченную определенным временем. Каков был порядок совмещения обеих магистратур в этом случае, остается пока невыясненным, хотя можно предполагать, что персонаж, упомянутый в интересующей нас надписи, стал архонтом, уже будучи декапротом, и именно в этом качестве.

Для характеристики административных функций архонтов некоторый интерес представляет надпись SEG XIV, 829 (неподалеку от Абу-Кемаль, 227 г.): три архонта, Ахлаб, Тирадат и Баросин, устанавливают какое-то наказание (надпись испорчена) лицам, которые попытаются сбрасывать нечистоты на вымощенной каменными плитами агоре. Иными словами, архонты имели право издавать от своего имени, хотя в данном случае и со ссылкой на волю божества, административные постановления; они должны были обеспечивать соблюдение порядка и благочиния.

Наряду с этим весьма распространенным обозначением высшего (или одного из высших) полисного магистрата был термин «стратег». Он весьма многозначен и используется в различных ситуациях, в том числе и в таких, когда полисная магистратура явно не имеется в виду. Так, в рассказе Иосифа Флавия (Antt., 13, 359) о столкновениях между жителями Газы и иудеями упомянут Аполлодот, стратег Газы, который возглавлял отряд из 8 тыс. наемников и 10 тыс. рабов, совершивших нападение на иудейский лагерь. Здесь стратег, бесспорно, не является высшим магистратом города; он возглавляет одно из воинских подразделений или, возможно, все вооруженные силы. Весьма часто стратегами назывались царские чиновники, которым было поручено управление определенными территориальными единицами⁵⁷. Дион Кассий постоянно обозначает этим словом римских провинциальных наместников. Стратегами во многих случаях именуются и царские полководцы (см., например, Fl. Ios, Antt., 13, 180).

Однако весьма часто стратеги — городские должностные лица; эпиграфический материал, дошедший до нас, позволяет утверждать, что во многих случаях стратегия увенчивала полисную карьеру данного лица. Так, почетная надпись из Балани (JMI, IV, 1303, II в.) в честь некоего человека, имя которого полностью не сохранилось (...дор сын Антиоха сына Деметрия), дает следующее перечисление его должностей: стратег, архонт, посол к божественному императору, ситон (на свои средства), грамматевс, агораном, декапрот. Судя по расположению должностей чествуемого лица, его карьера началась с декапротии и завершилась стратегией; существенно, что наличие в городе стратегии отнюдь не исключало и существования архонтата, хотя последний в этом случае и оттеснялся с первого места. Отметим также и надпись JMI, V, 2114 из Мариаммы (Эмессена; 272/3 г. н. э.) — надгробие некоего Марка, бывшего одновременно стратегом и членом совета. Надпись

---

⁵⁷ Н. Bengtson, Die Strategie in der hellenistischen Zeit, Bd III, München, 1952.

IGRR, III, 1125 из Шаары показывает, что стратегия могла быть и коллегиальной магистратурой; здесь названы три стратега, совершающие посвящение. Согласно IGRR, III, 1097, стратегия существовала и в Сидоне, видимо параллельно с архонтатом. Известный сирийский документ из Эдессы о продаже рабыни (DEPP, 28) показывает, что и в этом городе высшие магистраты также именовались стратегами; в состав коллегии стратегов входили два человека; должность эта была эпонимной и могла, по-видимому, предоставляться на несколько сроков. Эпонимным магистратом был и стратег, упоминаемый в надписи IGRR, III, 1137, относящейся ко времени царствования Александра Севера.

Происхождение данной магистратуры и причины ее выдвижения на передний план очевидны. Возникает она в связи с необходимостью вести интенсивные военные действия либо против бедуинов, либо против иных врагов; на это мы уже указывали, когда речь шла о Пальмире. Этим военным характером магистратуры определяется и ее место в жизни города. У нас нет пока оснований думать, что оттеснение архонтата стратегией явилось следствием какого-то переворота. Представляется более правдоподобным, что сосредоточение высших правительственных функций в руках стратегов явилось следствием естественной эволюции административного аппарата.

Неоднократно в надписях встречается упоминание эпимелетов, которые выступают, как правило, в качестве лиц, проводящих в жизнь постановления городских властей, в частности в области строительства, возведения почетных статуй и т. д. В особенности характерна надпись IGRR, III, 1138 из Эйты, хотя она и не поддается точной датировке, а упомянутые в ней персонажи пока не идентифицированы. Она гласит: «Элий Максим, эпарх, для отечества основал через Ирода сына Ирода, своего приближенного, и через Филиппа сына Малха, и Адда сына Акрабана, эпимелетов». Из этого документа следует, что даже лицо, занимавшее в иерархии императорских чиновников высокое положение (эпарх, безусловно принадлежал к их числу), желая произвести на родине строительные работы (в надписи употреблен глагол *ἐκτίσεν* «основал»; объект строительства не указан) и выступая уже в качестве гражданина, оказывается перед необходимостью обратиться, во-первых, к услугам своего приближенного и, во-вторых, к эпимелетам. Так как в надписи употреблен предлог *διὰ*, очевидно, что эти люди были непосредственными производителями работ. Представляется при этом наиболее правдоподобным, что Ирод сын Ирода был подрядчиком, которому Элий Максим поручил строительство, тогда как эпимелеты участвовали в нем в качестве полисных магистратов. В надписи названы два эпимелета; иными словами, и в данном случае перед нами — коллегиальная магистратура, хотя и не обязательно, что в состав коллегии входили только два человека.

Аналогичные указания имеются и из других районов Сирии.

Так, надпись IGRR, III, 1354 сопровождает статую Марка Аврелия и Люция Вера, которую воздвиг [ἡ πόλις δι' ἐπιμελητοῦ Νέστορος. В одной надписи из Хомарии (Эмессена), датированной 226 г. (JMI, V, 2118), упомянуты в качестве строителей два эпимелета. В другой надписи из этого же района (JMI, V, 2089; соотв. IGRR, III, 1021; Бордж ал-Кай, 196 (?) г. н. э.) шесть человек, в том числе и эпимелет, воздвигают святилище «через указанного ранее эпимелета». В данном случае эпимелет как должностное лицо непосредственно руководит постройкой. В этом же качестве эпимелеты выступают в надписях из Апамеи (JMI, IV, 1315), ал-Мусафиры (Wadd., 2070 с., соотв. IGRR, III, 1285), Филиппополя (Wadd., 2077), Хина (IGRR, III, 1096; 282/3 г.), Хельбона (IGRR, III, 1089; видимо, вторая половина I в.). Укажем и на посвятельную надпись IGRR, III, 1009 из Кафр-Небо (124 г.). В этом документе речь идет о посвящении «Сеймию, и Симбетилу, и Леонту, отеческим богам» пресса для выжимания масла со всеми необходимыми принадлежностями, изготовленного на средства, полученные из доходов храма этих богов. Для нас особенно существенно перечисление лиц, имевших отношение к изготовлению пресса: «через эпимелетов Нумерия, и Берриона, и Дария, и Клавдия — эвоката, и Антония, и Сопара — мраморных дел мастеров — да будет помянут Дометиан — плотник, — и Гая, и Селевка — плотников». Среди этих персонажей отчетливо выделяются две группы: ремесленники (мраморных дел мастера и плотники), которые непосредственно вели работы, и полисные магистраты (эпимелеты), ведавшие этими работами. Существенно, что в данном случае список эпимелетов, по-видимому, полный, включает четырех человек. Как показывает надпись из Герасы (IGRR, III, 1360), датированная 231 г., в этом городе коллегия эпимелетов включала пятерых человек. Текст сопровождает статую Александра Севера, которую воздвигает ⁵⁸ «город через эпимелетов Марков Аврелиев Антония сына Марка — всадника, Клавдия сына Комаха, Випсана сына Ауса и Ликинна сына Марса, Юста сына Антония».

Несколько раз должность эпимелета оказывается совмещенной с выполнением иных функций. Так, в надписи из Дафне (JMI, III, 993) имеется формула — «когда эпимелетом был Ликиний Максим, грамматевс». В уже упоминавшихся надписях из Филиппополя речь идет о Юлии Малхе, который был одновременно булевтом, синдиком и эпимелетом (Wadd., 2077; соотв. IGRR, III, 1201). В другой надписи оттуда же (Wadd., 2072) содержится формула «когда в должности эп(и)мелет[а] были Юлий Сентий Малх, и Аманий, и Александр, бул(евты)».

Пальмирские надписи, открытые в районе источника Эфка, позволяют установить и семитскую параллель греческому ἐπιμελητής. В одной из них (A, 1167), датированной 162 г.

⁵⁸ Полностью список надписей с аналогичными формулами см.: K r a e l i n g (ed.), Gerasa, стр. 603.

н. э., имеется формула: «эпимелет источника Эфка, избранный богом Йарихболом». Параллельный арамейский текст: ḡb ʿyn 'rk'. Интересно, что в данном случае эпимелет избран божеством; очевидно, в данном случае речь идет об особом порядке (возможно, жеребьевке), который исключал участие народных масс и местных властей в назначении должностного лица. Объясняется этот порядок, надо полагать, особым статусом данного источника, который представлял собой местную святыню. В другой надписи (А, 1169) речь идет о сооружении какой-то конструкции, связанной с источником (bn' bnyu' dnh dy ʿyn), и двух стен, которое осуществлено b'rbnwt' ʿyn', т. е. в эпимелетию над источником⁵⁹.

Интересные указания о функциях эпимелетов в греческих городах Сирии сохранила и талмудическая традиция. Здесь (Менахот, 85б) мы находим анекдот о некоем эпимелете (pwlmsṭws), которому граждане Лаодикеи ('nšy lwdqy') поручили достать масло для умащения; разыскивая его, эпимелет побывал в Иерусалиме, Тире и Аленпо. Автор рассказа явно исходит из предпосылки, что в обязанности эпимелета входило снабжение города необходимыми запасами продовольствия и т. п.

В некоторых городах Сирии значительную роль играли епископы. В надписи Wadd., 1990 из Салхада (252 г.) перечислены четыре епископа: Θαῖμος Ναέμου, Σάββας Σίχμου, Βάσσος Οὐλπίου, Βόρδος Σαυ[ρή]λου, которые на средства, полученные из храмовой казны, совершили постройку. В другом случае (Wadd., 1989; соотв. IGRR, III, 1361; надпись также происходит из Салхада) упоминаются «ветераны-епископы». Некоторое представление о функциях епископов дает надпись IGRR, III, 1075 из Калаат-Джаудаль, где назван «надзиратель над всеми происходившими там работами». Из этого сделано было (см. комментарий к надписи) справедливое заключение, что в функции епископов входил надзор за строительством. К аналогичным выводам позволяют прийти и некоторые надписи из Адры. Одна из них (IGRR, III, 1287; 262 г.) сопровождала посвящение в честь Галлиена, которое было осуществлено за счет средств, пожалованных императором. Для нас особый интерес представляет заключительная формула надписи, где перечислены граждане Адры, имевшие отношение к данному мероприятию: «под руководством Вера—архитектора, в проедрию Магна сына Басса, епископию Элия сына Басса, в Зенодора сына Таврина, и Сабина сына Германа был». В другой надписи (IGRR, III, 1288), видимо близкой по времени, сохранился только отрывок формулы: «когда [е]пископ[ом]». Итак, в IGRR, III, 1287 указаны, во-первых, архитектор, непосредственно ведший строительные работы, проедр в качестве верховного эпонимного магистрата и трое епископов (очевидно, весь состав коллегии) как должностные лица, ведавшие данными работами. Наконец, согласно IGRR, III,

⁵⁹ Dj. al-Hassani, J. Starcky, Autels palmyréniens découverts près de la source Efa, — «Les annales archéologiques de Syrie», vol. VII, 1957, стр. 94—122.

1284 (Каната, 252/3 г.), был построен «дом», «когда епископами были Анем сын Сабина, и Балуан сын Оденита, и Пасифил сын Камасана».

В Дигестах дано определение, указывающее и на иную сферу деятельности епископов (50, 4, 18). Здесь они фигурируют в качестве должностных лиц, ведающих торговлей хлебом и другими продуктами повседневного быта (*episcopi, qui praesunt pani et ceteris venalibus rebus, quae civitatum populi ad cotidianum victum usui sunt*). Иными словами, их функции совпадают с функциями, которые традиция приписывает эпимелетам. К стати сказать, к такому же выводу приводит и сравнительный анализ эпиграфического материала. Согласно классификации, принятой Аркадием Харизием, из сочинений которого извлечен в Дигесты процитированный отрывок, эта должность принадлежала к *munera personalia*.

Совпадение функций епископов и эпимелетов вряд ли объясняется случайным стечением обстоятельств. Весьма заманчивым кажется предположение, что в одних полисах эти обязанности были возложены на епископов, тогда как в других — на эпимелетов. Однако имеющийся в нашем распоряжении материал недостаточен для каких-либо окончательных суждений по данному вопросу.

Выше, говоря о карьере одного из граждан Баланей, не известного по имени, мы имели возможность отметить среди других и должность агораномы, которая была, как можно видеть, одной из важных ступеней местного *cursus honorum*. В подобном же контексте агораномия выступает и в надписи из Герасы в честь Марка Аврелия Марона (IGRR, III, 1875), предположительно датированной 195 г. В нашем распоряжении имеются надписи и другие материалы, позволяющие утверждать, что эта магистратура была широко распространена в различных полисах римской Сирии. Так, надпись Wadd., 1840 (Арал, 119 г.) в честь Дамиса сына Мнасея, ἀγορανομίαρχα καλῶς καὶ φιλοτιμῶς ἐν ζῳ᾽ ἔτει, позволяет утверждать, что в этом городе агораномия была одногодичной магистратурой. Важность этой магистратуры подчеркивается и тем обстоятельством, что в Библе, видимо в первой половине или середине II в. н. э., ее занимал Аспасий сын Аполлодора сына Аспасия — верховный жрец Диониса (соотв. Адониса)⁶⁰. В другой надписи, из Канаты (IGRR, III, 1224), датированной 124 г., агораном выступает в качестве эпонимного магистрата в датировочной формуле: ἀγορανομῶντος Μ. Οὐλπίου Φιλίππικου.

Неоднократно в надписях упоминаются иеротамии, ведающие сакральными имуществами и распоряжающиеся строительством, ведущимся на эти средства (IGRR, III, 1093, 1146, 1293, 1314; Wadd., 1969).

Должность синдика, если не считать пальмирского материала, фигурирует в наших эпиграфических памятниках еще только один

⁶⁰ H. Seyrig, *Antiquités syriennes* 55. Le grand prêtre de Dionysos à Byblos, — «Syria», vol. 31, 1954, стр. 68—73.

раз—в надписи IGRR, III, 1201 из Филиппополя, которая, однако, не проливает света на то, какие именно функции выполняет этот магистрат. Дигесты показывают, что в его обязанности входила юридическая защита интересов гражданского коллектива (ср. Dig., 50, 4, 18, 13, со ссылкой на De muneribus Аркадия Харизия: *defensores quoque, quos Graeci syndicos appellant et qui ad certam causam agendam vel defendendam eliguntur*). В другом отрывке (Dig., 50, 4, 1) со ссылкой на эпитомы Гермогениана сказано: *defensio id est ut syndicus fuit*. Аналогичные указания дает и параллельный папирологический материал, происходящий из Египта.

Во многих сирийских городах существовала и декапротия. В надписи из Герасы, IGRR, III, 1376 (98 г.), упоминается некий человек, имя которого не сохранилось, сын Деметрия, в качестве пожизненного декапрота данного полиса. Этот персонаж был и одним из трех архонтов данного города. Однако, судя по всему, декапротия была наименее значительной магистратурой в карьерной лестнице сирийских полисов времени римского господства. Ею обычно начинался *cursus honorum*. Не случайно и общеимперские законы (Dig., 50, 4, 3, 10—11) допускали, чтобы ее занимали даже лица, не достигшие 25-летнего возраста. В их обязанности (Dig., 50, 4, 18, 26) входило взыскание податей, обеспечение выполнения повинностей, связанных с физическим трудом, а также возмещение убытков, которые имперская казна могла понести в связи со смертью лица, выполнявшего ту или иную повинность. Так как, согласно Dig., 50, 4, 3, 10—11, взыскание податей и т. п. представляло собой *onus patrimonii*, очевидно, что определяющим фактором при выдвижении на эту должность того или иного лица был не возрастной ценз предполагаемого кандидата, а имущественное положение его семьи⁶¹.

Пожизненный характер декапротии в отдельных случаях объясняется, несомненно, стремлением гражданского коллектива возложить расходы, связанные с выполнением тех или иных повинностей, на определенную, надо полагать зажиточную, семью на достаточно продолжительный срок. В этом факте можно видеть, как нам кажется, начальный этап превращения полисной магистратуры из «почести» в повинность.

---

⁶¹ См. об этой магистратуре также: М. И. Ростовцев, История государственного откупа в Римской империи, СПб., 1899, стр. 229—231, а также: Е. Г. Туег, Egypt and the Roman Empire, the *δεκαπρωτοι*,— JEA, vol. 22, 1936, стр. 7—19.

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТАТУС
СИРИЙСКИХ ОБЩЕСТВ
в I—III вв.**

Аппиан (App., B. Civ., 1, 102) среди политических образований, в той или иной форме находившихся под властью Рима, различает следующие: союзные цари; полисы, находившиеся в союзе и договорных отношениях с Римом; союзные — освобожденные от уплаты податей и автономные податные. Аналогичное указание мы находим и у Сервия (Serv., In Aen. 3, 20): «у предков были либо податные (владения), либо союзные, либо свободные». Сирия не составляла в этом отношении исключения. Во времена римского господства она не была политически однородным целым; наряду с собственно провинцией здесь имелся ряд государственных образований, которые, находясь в зависимости от Империи, не входили тем не менее в состав провинции и сохраняли многочисленные атрибуты политической самостоятельности. Они неоднократно упоминаются в наших источниках. Юлий Цезарь (Caes., B. civ., 3, 3) рассказывает, что Помпей взыскивал подати с царей, династов и тетрархов Сирии (*Syriae regibus omnibus et dynastis et tetrarchis*). В другом отрывке из этой же книги (3,31) сообщается, что помпеянец Сципион требовал деньги с сирийских городов и тиранов. Наконец, в Caes., B., Al., 65, 4 перечисляются сирийские цари, тираны, династы, владеющие пограничными с провинцией областями.

Несколько более подробные сведения на этот счет мы находим у Плиния Старшего. Он называет следующие тетрархии: Трахонитиду, Панею, Абилу, Арку, Амелуссу, Габе (Plin., NH, 5, 74), тетрархии Декаполиса (Plin., NH, 5, 77), тетрархию назеринов (*Nazerinorum*) и две тетрархии Гранукомы (*Granusomatae*; по правдоподобному предположению И. Добиаша, видимо, подразумеваются Тигранукомы¹), а также Маммисею (Plin., NH, 5, 81—82). Кроме того, по словам Плиния, на территории Сирии имелись 17 государственных образований (Plin., NH, 5, 82: *praeter tetrarchias in regna descriptas barbaris nominibus XVII*). В Эдессе, начиная со 133/2 г. до н. э., правила династия арабского происхожде-

¹ J. D o b i a š, *Dějiny římske provincie Syrske, d. I, Praha, 1924, стр. 91—92.*

ния², которая была смещена только при Каракалле в начале III в. (Cass., Dio, 77, 12, 1). Показательно, что Дион Кассий следующим образом определяет статус эдесского царя: «он стал при Помпее союзником римлян». На протяжении длительного времени формально самостоятельными были Коммагена и Набатей. Как увидим, основная тенденция римской политики по отношению к подобного рода политическим единицам заключалась в том, чтобы постепенно инкорпорировать их в состав провинции.

На территориях, которые находились под непосредственным контролем римской администрации и образовывали провинцию в собственном смысле слова, мы также наблюдаем общества с различным статусом: колонии; союзные города, обладающие налоговым иммунитетом; податные города. Для политики римских властей в Сирии характерно весьма широкое предоставление местным городам прав союзников, колонии и «италийского права». В известном отрывке из трактата Ульпиана *De sensibus* (Dig., 50, 15, 1—7), в котором подытожены результаты предшествующего развития, упоминаются следующие сирийские колонии, обладавшие к III в. н. э. «италийским правом»: Тир, Берит, Гелиополь, Лаодикея, Гозлемаида, Эмесса, Пальмира. Фактически, однако, их было гораздо больше и различные привилегии они получили гораздо раньше.

Наиболее подробно и разносторонне источники позволяют проследить положение в составе провинции Сирия такого центра, как Пальмира, которая играла в политической жизни I—III вв. важную роль, занимая положение буфера на стыке римских и парфянских владений.

По вопросу о ее статусе в литературе до сих пор не выработана единая точка зрения. Еще Т. Моммзен отмечал, что, хотя уже в первые годы Империи город, вероятно, считался римским, зависимость Пальмиры от Рима носила своеобразный характер, напоминая отчасти «вассальные» отношения зависимых от Рима царств³. По существу, к этой же точке зрения близка и позиция М. И. Ростовцева, который писал: «Следует заметить, что Пальмира никогда не была римским провинциальным городом, ни после Адриана и Л. Вера, ни после Септимия Севера, когда она получила титул колонии... Она, во всяком случае, располагала значительной автономией. Подобно Боспорскому царству, город со своей территорией был вассальным государством Империи. Римское государство, однако, включало город Пальмиру в сферу своей защиты, как оно включало Крым в территорию города Херсонеса, хотя гарнизон города и крепостей, которые защищали территорию города против парфян... состоял (как и в Боспорском царстве) из вспомогательных войск, рекрутировавшихся в городе и на территории

² L. Hallier, *Untersuchungen über die Edessenische Chronik*, Leipzig, 1892, стр. 88; A. v. Gutschmid, *Untersuchungen über die Geschichte des Königreichs Osroëne*, St.-Petersbourg, 1887.

³ Т. Моммзен, *История Рима*, т. V, М., 1949, стр. 381—384.

Пальмирены»⁴. Правда, в более ранней работе М. И. Ростовцев, хотя и не высказывается об этом прямо, исходит из тезиса о полном подчинении Пальмиры римским властям⁵. Последней точки зрения придерживается Ж. Феврие, полагающий, что Пальмира была аннексирована Римом после 106 г. (образование провинции Аравии и дата, по его мнению, захвата римлянами Дамаска), и связывающий эту аннексию с походом Траяна против парфян в 114—115 гг.⁶ А. Сеириг, критикуя концепцию Феврие, отметил, во-первых, хронологические неточности в его построении, указав, что в 62—65 гг., а также в 75 г. н. э. Дамаск чеканил монеты с изображением Нерона и, следовательно, уже тогда входил в состав Империи, и, во-вторых, неточности в истолковании эпиграфического материала⁷. Указывая, в свою очередь, на ряд пограничных надписей, А. Сеириг отмечает, что уже в 75 г. н. э. Пальмира входила в состав Империи. Однако он же говорит о неясности статуса Пальмиры, присоединяясь в основном к точке зрения М. И. Ростовцева, которую, по его словам, разделял также Ж. Каркопино⁸. В 1937 г., подробно анализируя Пальмирский пошлинный тариф, к решению этой «трудной» проблемы обратился Д. Шлюмберже. По его мнению, хотя некоторые отрывки из названного документа и содержат указания на правила и нормы, действовавшие в провинции Сирия, можно тем не менее полагать, что к 137 г. н. э. Пальмира не входила в ее состав. Присоединяясь к Ростовцеву и Каркопино, он полагает, что, предоставив Пальмире некоторую долю политической самостоятельности, римляне стремились сохранить иллюзию ее независимости⁹.

В 1941 г. к рассмотрению этой проблемы вновь вернулся А. Сеириг. Подробно исследовав имевшиеся в его распоряжении источники, он пришел к выводу, что Пальмира входила в состав провинции. Он писал теперь: «Пальмира была не более чужда Империи, чем Антиохия или Апамея. Построения, которые видят в ней вассальное государство, основываются на примерах, слишком удаленных территориально, как, например, статус Боспора Киммерийского, либо на общей теории римской границы. Эти аргументы имеют свои достоинства, однако желательно, чтобы они были подкреплены местными документами». В качестве даты аннексии римлянами Пальмиры А. Сеириг считает наиболее вероятным цар-

---

⁴ M. Rostovtzeff, *Roman Empire*, стр. 532.

⁵ М. И. Ростовцев, *История государственного откупа в Римской империи*, СПб., 1899, стр. 94—96.

⁶ J.-G. Février, *Essai sur l'histoire politique et économique de Palmyre*, Paris, 1931, стр. 21—23. Эту точку зрения высказывал уже Ф. Кюмон («Syria», vol. 3, 1922, стр. 206).

⁷ H. Seyrig, *L'incorporation de Palmyre à l'Empire Romaine*, — «Syria», t. 13, 1932, стр. 269.

⁸ Там же, стр. 270—272.

⁹ D. Schlumberger, *Réflexions sur la loi fiscale de Palmyre*, — «Syria», t. 13, 1937, стр. 295—297.

ствование Тиберия ¹⁰. К этой точке зрения практически присоединились Ж. Старки ¹¹ и А. Ричмонд ¹². Последний считает возможным говорить о раннем фактическом протекторате Рима над Пальмирой. Наконец, А. Б. Ранович видел в автономии Пальмиры ее особую политическую привилегию ¹³.

Как известно, наиболее ранним столкновением пальмирцев с римлянами, о котором сохранила сведения дошедшая до нас письменная традиция, была экспедиция Антония против Пальмиры, состоявшаяся в 41 г. до н. э. Единственный рассказ об этом эпизоде дошел до нас в сочинениях Аппиана (App., B. civ., 5, 9—10). Ввиду его важности этот отрывок необходимо привести целиком: «Когда Клеопатра отплыла на родину, Антоний послал всадников ограбить город Пальмиру, находящийся неподалеку от Евфрата, выдвинув против них незначительное обвинение, что, будучи соседями римлян и парфян, они ловчили по отношению к тем и другим (ибо, являясь купцами, они вывозят от персов персидские и арабские товары и продают их во владениях римлян), на деле же замыслив обогатить всадников». Исходя из этого отрывка обычно полагают, что в 41 г. до н. э., а возможно, и в 63 г. до н. э. Пальмира не входила в римскую Сирию ¹⁴. Действительно, в пользу такого понимания говорит, казалось бы, употребление слова *ἐφόροι*, которое как будто свидетельствует о политической независимости Пальмиры.

Однако проблема эта, на наш взгляд, гораздо сложнее и требует более тщательного анализа. Прежде всего обращает на себя внимание, что само слово *ἐφόροι*, во-первых, не исходит от Аппиана непосредственно, но вложено в уста Антония при изложении того предлога, который был изобран Антонием для набега, и, во-вторых, что наиболее существенно, характеризует не столько юридический статус, сколько географическое положение Пальмиры, позволявшее городу вести прибыльную посредническую торговлю. Интересно, что и Плиний Старший (Plin., NH, 5, 88), писавший в то время, когда, как увидим далее, Пальмира несомненно была составной частью провинции, также указывает на своеобразное промежуточное положение Пальмиры между Римом и Парфией, что придавало ей первостепенное значение при столкновениях между ними (*privata sorte inter duo imperia summa Romanorum Parthorumque et prima in discordia semper utrinque cura*). В то же время поход, организованный Антонием, мог со-

¹⁰ H. Seyrig, Le statut de Palmyre, — «Syria», t. 22, 1941, стр. 155—175; ср.: F. M. Heichelheim, Geschichte Syriens und Palästinas von der Eroberung durch Kyros II, bis zur Besitznahme durch den Islam, — «Handbuch der Orientalistik», Abt. I, Bd 2, Abschn. 4, Lief. 2, Leiden, 1966, стр. 249.

¹¹ J. Starcky, Palmyre, Paris, 1952, стр. 31 sqq.

¹² I. A. Richmond, Palmyra under the aegis of the Romans, — JRS, vol. 53, 1963, стр. 43—54.

¹³ А. Б. Ранович, Восточные провинции Римской империи в I—III вв. н. э., М.—Л., 1949, стр. 151—152.

¹⁴ J. Starcky, Palmyre, стр. 31; J.-G. Février, Essai, стр. 6.

стояться только при наличии определенных притязаний со стороны римских властей и каких-то юридических оснований для того, чтобы городу были предъявлены претензии. Наш источник (App., B. Civ., 5, 10) рассматривает пальмирский поход Антония на фоне ситуации, сложившейся в Сирии после смерти Цезаря. Он указывает, что после поражения, постигшего Красса (53 г. до н. э.), парфяне вторглись в пределы Сирии и там установили дружеские отношения с местными тиранами. Пребывание Цезаря в Сирии на некоторое время ликвидировало парфянское влияние в этой провинции, однако после того как он был убит, оно было восстановлено. Аппиан пишет, что парфяне помогали тиранам сирийских городов в их деятельности. В этой обстановке поход Антония должен был выглядеть (и, надо полагать, так и был задуман) как военная демонстрация, имевшая целью показать власть Рима и ликвидировать парфянское влияние. Не случайно Аппиан высказывает мнение, что война между парфянами и Антонием, в ходе которой местные тираны присоединились к первым, была вызвана этим походом. Антонию удалось изгнать тиранов в Парфию (очевидно, при этом были разгромлены парфянские войска); он наложил на сирийские города, в том числе и на Пальмиру, очень тяжелые подати. Любопытно в связи с этим, что Аппиан подчеркивает идентичность политики Антония по отношению к взбунтовавшимся тиранам и по отношению к Пальмире. Ничто не препятствует предположению, по которому одинаковая политика была вызвана и одинаковыми причинами.

Все сказанное позволяет сделать следующее заключение. Когда в 63 г. н. э. Гней Помпей установил римское господство в Сирии, Пальмира не избежала общей участи сирийских полисов и попала под власть римлян. Однако в конце 50—40-х гг. до н. э., после вторжения в Сирию парфян, как и другие сирийские города, Пальмира на некоторое время обрела политическую независимость. Поход Антония в связи с этим должно рассматривать как попытку возобновить римское господство в Пальмире. Если бы это построение оказалось правильным, тогда вложенное Аппианом в уста Антония обвинение против пальмирцев в двуличном поведении как по отношению к Риму, так и по отношению к Парфии следует рассматривать как попытку нейтрализовать парфян.

Однако, если факт вхождения Пальмиры в пределы римской провинции Сирии уже в середине I в. до н. э. устанавливается с большей или меньшей степенью достоверности проделанным выше разбором источника, то о юридическом положении Пальмиры в этот период сведений мы не имеем. В какой степени материал, черпаемый из более поздних источников, можно было, хотя бы ретроспективно, отнести к этому времени, не вполне ясно. Впрочем, уже заранее можно утверждать, что если Пальмира находилась под властью римлян, сохраняя при этом свои полисные учреждения и автономию, то ее статус должен был совпадать со статусом других сирийских городов.

Значительный и очень ценный материал по этому поводу содержался в пограничных надписях I—II вв., а также в Пальмирском пошлинном тарифе. Интересные данные доставляет также надпись CIS, II, 3959, уже упоминавшаяся выше по другому поводу, связанная с пребыванием в Пальмире императора Адриана.

Наиболее ранние указания, сохранившиеся до нашего времени и относящиеся к определению границ Пальмиры, связаны с деятельностью Квинта Метелла Кретика Силана — легата Сирии с сентября 11/2 по сентябрь 16/7 г. н. э. Из этого факта можно, как кажется, заключить, что римские власти уже тогда осуществляли над Пальмирой верховный суверенитет, что уже в этот период они держали в своих руках решение всех важнейших вопросов жизни города (а определение границ, бесспорно, принадлежит к их числу). Римские власти тщательно сохраняли в своих руках эту важнейшую прерогативу и в дальнейшем: она входила целиком и во II в. н. э. в ведение римских наместников Сирии, действовавших от имени императора. Интересен в этой связи и опубликованный А. Сеиригом милоевой столп, датируемый 75 г. н. э., установленный, согласно содержащейся в нем надписи, в царствование императора Веспасиана легатом Сирии М. Ульпием Траяном — отцом будущего императора¹⁵.

Впрочем, вмешательство римских властей в дела Пальмиры этим не ограничивалось. Значительный интерес в этой связи представляют данные о деятельности в Пальмире Германика — племянника императора Тиберия, проводшего два года (17—19) на Востоке. Упоминания о нем мы находим прежде всего в пошлинном тарифе (CIS, II, 3913), где имеется ссылка на рескрипт Германика Статилию (*grmnqws qysr b'grt' by ktb lsttlys*), в котором содержатся указания на размер и характер пошлин. Иными словами, в своей финансовой политике Пальмира должна была сообразоваться с общим направлением имперской политики в этом вопросе. Помимо этого имеются две надписи, в которых также упоминается Германик. Одна из них, опубликованная А. Сеиригом¹⁶ и датируемая, видимо, вторым десятилетием I в. н. э., содержит следующий текст (на латинском языке): «[Др]узу Цезарю; Ти[берию] Цезарю с[ыну] божественного Авг[уста], Августу, внуку божественного Юлия; Ге[рманику Цезарю] императорам соорудил [Мин]уций сын Т[ита], Гор[ациевой трибы], Руф, легат лег[иона] X Fretensis. Наличие этой надписи подтверждает нахождение в Пальмире римских войск. Другая надпись сильно фрагментирована. Она была найдена в 1930 г., а в 1931 г. опубликована Ж. Кантино¹⁷, который датирует ее по контексту началом I в. н. э. Надпись установлена в честь пальмирца (*[td]mry*), носящего имя Александр (*'lksndrws*). Этот человек был направлен Германиком в качестве

¹⁵ H. S e y r i g, L'incorporation, стр. 276—277.

¹⁶ Там же, стр. 274—276.

¹⁷ J. C a n t i n e a u, Textes palmyréniens du Temple de Bêl, — «Syria», t. 12, 1931, стр. 139—141, № 18.

посла, по-видимому, к царю Месены ([ml]k mušny[']') Самсигераму II и Оробазу, царю Спасинова Харакса. Этот документ, разумеется, не свидетельствует о юридическом статусе Пальмиры, однако он содержит важные указания. Прежде всего, римские власти использовали в своей дипломатической практике пальмирских купцов, их связи и влияние по ту сторону Евфрата. Вместе с тем участие пальмирца в дипломатической миссии Германика показывает, очевидно, его заинтересованность в том, чтобы цели, которые Германик ставил перед собой в Южном Междуречье, были достигнуты¹⁸. В конце концов этот факт свидетельствует о глубоких контактах Пальмиры с Римом уже в первой половине I в.

Имеется в пошлинном тарифе (CIS, II, 3913) ссылка и на рескрипт Корбулона к Барбару, также касающийся проблем взимания пошлин и также служащий прецедентом для пальмирян. Кроме того, некоторые установления тарифа обосновываются практикой Киликии, вольноотпущенника Цезаря. Как показал Г. Шантрен¹⁹, формула *Caesaris libertus* и ее соответствия встречаются преимущественно в первой половине I в.; уже в царствования Клавдия и Нерона они редки, а в послефлавианские времена отсутствуют. Отсюда деятельность «Киликия, вольноотпущенника Цезаря», упомянутого в Пальмирском тарифе, может быть датирована первой половиной I в.²⁰ Заключительная часть тарифа, возможно, представляет собой эдикт легата Сирии Г. Лициния Муциана (68—69 гг.)²¹.

Ссылки на Германика, Корбулона и Киликию, вероятная цитата из эдикта Муциана содержатся во втором, более раннем законе, включенном в Пальмирский тариф. Как уже отмечалось ранее, они показывают, что Пальмира в своей обычной практике взимания пошлин уже в I в., когда, по-видимому, действовавшая в городе фискальная система неоднократно пересматривалась, соотносилась с установлениями, действовавшими на территории провинции Сирии в целом. Однако этим зависимость Сирии от императорской римской власти не ограничивалась. Важный материал по этому поводу содержит заголовок раннего закона, гласящий: «За[кон о пош]линах Пальмиры и источниках вод и соли, кото[рые] в го[ро]де и пределах его, согласно до[говору, кото]рый был за[к]лючен перед

¹⁸ О деятельности Германика в Сирии см.: H. Seyrig, *L'incorporation*, стр. 267—268; E. Koester, *Die Mission des Germanicus im Orient*, — «Historia», Bd 7, 1958.

¹⁹ H. Chantreine, *Freigelassene und Sklaven im Dienst der Römischen Kaiser*, Wiesbaden, 1967, стр. 143—147.

²⁰ Г. Шантрен (H. Chantreine, *Freigelassene*, стр. 145) обоснованно отмечает, что в данном случае соответствующая формула исходит из арамейского текста. Он не учитывает, однако, что арамейский текст, которому должен был соответствовать и параллельный греческий, воспроизводит латинский или восходящий к латинскому формуляр. К тому же деятельность Киликии должна быть отнесена, во всяком случае, ко времени до составления тарифа.

²¹ Ср.: H. Seyrig, *Le statut*; S. J. de Laet, *Portorium*, Brugge, 1949, стр. 358.

Марином префектом» (huk'lgwry' dly 't[ɪ] gr qdm mryns hygmwn'). Дата деятельности Марина неизвестна; во всяком случае, она должна быть датирована временем после Корбулона. Но в данном случае важно другое. Закон, как можно видеть, соответствует договору о сдаче пошлин на откуп ('gwty'), составленному в присутствии видного римского чиновника и, несомненно, нуждавшегося в его санкции. Смысл этой формулы будет более понятен, если обратиться к вводной части надписи, содержащей постановление пальмирского совета. Оно предусматривает следующую процедуру: первоначально архонты и декапроты совместно с откупщиками определяли сумму пошлины, затем она вносилась в договор об откупе и лишь после этого в текст закона. Очевидно, подобная же процедура имела место при составлении не только первого, но и второго законов. Однако пальмирские власти не могли устанавливать самостоятельно размеры взыскиваемых пошлин. Они могли только принять их к сведению и включить в собственный закон, хотя пошлина и взималась в пользу пальмирской казны (иначе пальмирский закон оказался бы излишним). Эта регламентация важнейших вопросов жизни города римскими властями плохо вяжется с представлениями об особом положении Пальмиры уже в ранний период ее зависимости от Рима. Наконец, и разрешение споров между откупщиком и плательщиком должно было производиться, хотя и по пальмирским законам, императорским чиновником — дикеодотом; в пользу такого толкования говорит использование глагола *δικαιοδο[τεῖς]θω*. Наконец, Пальмира была обязана предоставлять римским властям свои войска в качестве вспомогательного контингента. Мидраш «Берешит Рабба» (56) говорит об участии пальмирских лучников в разрушении Иерусалимского храма. Как уже отмечалось, в Дура-Европос еще в первой половине III в. н. э. находилась XX когорта пальмирских лучников.

Все изложенное выше не противоречит, как нам кажется, процитированной характеристике политического положения Пальмиры, которую мы находим у Плиния Старшего (Plin., NH, 5, 88). Нам нет необходимости принимать гипотезу о том, что Плиний будто бы не знал истинного положения вещей или что интересующий нас отрывок был написан до установления милевого столпа с именем Веспасиана. В особенности неприемлема последняя гипотеза: она не устраняет кажущегося противоречия, переноса его лишь на более ранний период. А. Сеириг склоняется к третьей гипотезе, согласно которой текст Плиния свидетельствует о том, что римляне оставили Пальмире «тень свободы», которую пальмирцы воспользовались для заигрывания с парфянами²². Однако возможность эта определялась для пальмирцев не их политическим статусом, предусматривавшим, с одной стороны, отношения зависимости и, с другой — сохранение определенных черт суве-

²² H. Seiri g, L'incorporation, стр. 273.

ренности, но тою конкретной ситуацией, которая существовала на границе Римской империи и Парфии.

Важный этап в истории политического статуса Пальмиры в системе римских владений начался после того, как в 129 г. н. э. Пальмиру посетил император Адриан. Об этом событии мы информированы надписью Inv., 1, 2 (соотв. CIS, II, 3959; IGRR III, 1054). В ней упоминается прибытие божественного Адриана (пальм.: *wkdy 't[ʰ]mrln hdry[n]' 'lh'*), войска (пальм.: *[mš]ryt'*), а также «чужеземцев» (пальм.: *'ksny'*). С этим событием было связано повторное основание города и принятие им имени Адрианополиса (St. Byz., s. v. *Πάλμυρα*). Как уже говорилось, этот последний акт, хотя он и представлял собой не более чем формальность, имел весьма важное значение; обычно предполагается, что Пальмира получила при этом статус *civitas libera et immunis*, т. е. освобождение от налогов в пользу императорского фиска²³. Это весьма вероятно, хотя прямых доказательств в пользу этой точки зрения пока нет. Подобное мероприятие, во всяком случае, хорошо вписывалось бы в общее направление политики Адриана, которую он проводил на Востоке. Во время своей поездки по этой части Империи Адриан стремился, как рассказывает наш источник (Ael. Spart., Hadr. 13, 8), привлечь на свою сторону местных правителей (*toparchas et reges ad amicitiam invitavit*). Такая политика не могла не распространяться и на Пальмиру, особенно если учесть ее стратегическое положение. О стремлении снискать благосклонность населения провинций свидетельствуют и жестокие наказания, которым, по сведениям этого же источника (13, 10), император подвергал прокураторов и президов, очевидно в связи с их взаимоотношениями с местным населением, находившимся под их властью. Вероятно, в целом факт повторного основания Пальмиры Адрианом следует рассматривать в русле этой общей политики; он, несомненно, связан и с общими административными реформами этого императора в Сирии.

В какой-то степени судить о характере изменений в положении Пальмиры позволяет уже многократно упоминавшийся пошлинный тариф, составленный в 137 г., спустя несколько лет после пребывания Адриана в Пальмире и повторного основания и переименования города. Уже сам факт включения в тариф раннего закона, содержащего ссылки, как уже говорилось, на Германика и Корбулона, свидетельствует о том, что и теперь Пальмира должна была соотноситься с финансовой политикой императорской власти, что прецеденты, созданные распоряжениями римских должностных лиц, продолжали оставаться в силе. Более того, в новом законе мы находим ссылку на практику, введенную императорским вольноотпущенником Киликием (пальм.: *hyk [dy] gb[ʰ]' qlyqs br hru qysr*). Соответственно сохраняется и судебная компетенция дикеодота. Однако теперь существенно изменился порядок состав-

²³J.-G. F é v r i e r, Essai, стр. 26; J. S t a r c k y, Palmyre, стр. 46.

ления закона. Если раньше определение суммы платежей и заключение договора с откупщиком находились в руках римских чиновников, то теперь эти операции перешли в ведение полисных органов власти.

Это последнее обстоятельство очень важно. Общепринято, что одной из привилегий городов, имевших союзнический статус, было право устанавливать свои пошлины на ввозимые и вывозимые товары²⁴. Известный сенатусконсульт, определявший статус Амбракии (Liv., 38, 44, 4), оговаривал, что ее граждане имели право собирать какие угодно пошлины (*portoria quae vellent*) на суше и на море при условии иммунитета римлян и их латинских союзников. Отсюда должно следовать, что к моменту составления раннего тарифа, т. е. в I в., Пальмира должна была считаться союзницей Рима, хотя фактически порядок взимания налогов и их размеры определялись римской администрацией и только подтверждались пальмирскими властями. Иначе говоря, ранний тариф свидетельствует о том, что по крайней мере по отношению к Пальмире римляне проводили в I в. политику, направленную на ограничение суверенных прав своего союзника, на сведение их к совершению чисто формальных актов. Но если бы это оказалось верным, тогда с пребыванием Адриана в Пальмире можно было бы связать расширение фактической компетенции пальмирских властей, выполнение некоторых формальностей, определявшихся союзническим статусом, реальным содержанием.

В то же время, согласно Inv. X, 34, в Пальмире в первой половине II в. уже имелся куратор города, каковым был императорский легат Фульвий Татиан. Интересное указание о вмешательстве императорской власти во внутреннюю жизнь Пальмиры в конце II в. содержит надпись SEG. VII, 138 (Пальмира, 198 г.), согласно которой «стратег, ведающий миром», или, в пальмирской версии, «стратег, устанавливающий мир» (пальм.: 'strtg' dy^cbd šlm'), иными словами, стратег, облеченный полицейскими функциями, Элий Бора был назначен на эту должность проконсулами Маниием Фуском и Венидием Руфом, а также «отечеством». Вмешательство римских властей, очевидно заставивших Пальмиру выполнить их решение, может быть объяснено волнениями, видимо происходившими в городе. Характерно, однако, что и в этом, надо полагать исключительном, случае обойти местные органы власти оказалось невозможным.

Следует отметить также, что Пальмира чеканила и свою монету — бронзовую, в значительной части мелкую, различных типов, с надписью ПААМУРА²⁵.

Еще один этап взаимоотношений Пальмиры с Римом связан с приобретением ею статуса колонии италийского права. Прямым

²⁴ Ср.: Т. М о m m s e n, *Römisches Staatsrecht*, Bd 3, Abt. 1, Leipzig, 1887, стр. 691; И. В. Н е т у ш и л, *Очерк римских государственных древностей*, т. I, Харьков, 1894, стр. 489.

²⁵ В. В. Н е а d, *Historia Nummorum*, Oxford, 1887, стр. 656.

указанием на то, что Пальмира обладала таким статусом, служит приведенный выше фрагмент Ульпиана (Dig., 50, 15), однако, как справедливо заметил Д. Шлюмберже²⁶, указание Ульпиана содержит не более чем *terminus ante quem*, поэтому датировать приобретение Пальмирой италийского права можно только по косвенным данным. Обычно считают, что это событие следует отнести ко времени царствования императора Каракаллы²⁷. Особый интерес в этом отношении представляет произведенный Д. Шлюмберже исчерпывающий анализ римских гентилицев, встречающихся в пальмирских надписях. Он установил, что после 212 г. в пальмирских надписях фигурируют только гентилиции типа Юлий Аврелий, Септимий или Юлий Аврелий Септимий. Гентилиции, которые бы указывали на получение римского гражданства от более ранних императоров, отсутствуют, хотя отдельные пальмирцы получали римское гражданство еще от первых императоров династии Юлиев — Клавдиев. Более того, надпись Inv., VII, 1В показывает, что римские граждане заменяли свои старые гентилиции на указанные выше. Это последнее обстоятельство Д. Шлюмберже рассматривает как выражение лояльности по отношению к правящему императору. В целом же, по его мнению, все пальмирцы после 212 г. обладали римским гражданством, которым они обязаны только эдикту Каракаллы. С этим же он связывает, по-видимому, и установление италийского права. Однако в колонию италийского права Пальмира могла превратиться и до вступления Каракаллы на престол. В пользу такого заключения свидетельствует, как кажется, следующее обстоятельство. В названном выше эксперите из Ульпиана мы сталкиваемся с тем, что автор вопреки своему обыкновению не уточняет, какой именно император предоставил Пальмире италийское право. Это умолчание кажется трудно объяснимым, если предположить, что указанный статус ей даровали Север или Каракалла.

Приобретение италийского права, бесспорно, явилось важным этапом в политической жизни Пальмиры. Оно свидетельствовало и о ее лояльности по отношению к римским властям. Предоставление Пальмире этого статуса должно было, несомненно, способствовать укреплению позиций римлян на римско-парфянской границе.

История взаимоотношений других сирийских городов с римскими властями менее известна, однако и она позволяет в какой-то мере реконструировать основное направление римской политики в этом вопросе.

---

²⁶ D. Schlumberger, Les gentilices romains des Palmyréniens, Bulletin d'études orientales de l'Institut française de Damas, t. 9, 1942—1943, стр. 57—64.

²⁷ Ж. Феврие, не решая окончательно вопроса, приходит к выводу о том, что Пальмира получила италийское право в 216—217 гг. (J.-G. Février, Essai, стр. 27). Ж. Старки склонен, по-видимому, относить это событие к самому началу царствования Каракаллы — 211 г. (J. Starcky, Palmyre, стр. 47—48).

Об Антиохии, в частности, известно, что уже Помпей предоставил ей автономию (Porph., fr. 26; FHG, III, стр. 716). С этим перекликается и сообщение Иоанна Малалы (Chronogr., p. 211), правда весьма неопределенное, согласно которому Помпей оказал Антиохии многочисленные милости. По сведениям этого же источника (Chronogr., p. 216), Цезарь провозгласил «свободу» Антиохии. Действия Цезаря фактически сводились к подтверждению и расширению привилегий, предоставленных городу Помпеем. В этом, в частности, убеждает и приводимое Малалой начало соответствующего эдикта Цезаря. Плиний Старший (Plin., NH, 5, 79) без дальнейших комментариев называет интересующий нас город: *Antiochia libera, Epidaphnes cognominata*. Папиниан (Dig., 42, 5, 37) цитирует закон Антиохии по поводу имущества умершего должника. Отсюда следует, что во времена римского господства в Антиохии сохранялось собственное законодательство, рассматривавшее наряду с другими проблемами вопросы имущественных отношений. По сообщению Тацита (Tac., Hist., 2, 82), Антиохия пользовалась правом чеканить собственную монету. Дошедший до нас нумизматический материал позволяет утверждать, что, предоставляя Антиохии автономию, Помпей, в общем, следовал политике своих предшественников²⁸. Монеты, датированные временем Селевкидов (относятся к 92—40 гг. до н. э.), содержат надписи следующих типов: *ANTIOXEΩN, ANTIOXEΩN THΣ MHTPOΠOΛEΩΣ, THΣ MHTPOΠOΛEΩΣ THΣ IEPAC KAI AΣYΛOY, MHTPOΠOΛEΩΣ AYTONOMOY*. Таким образом, все названные титулы и связанные с ними привилегии Антиохия получила уже от Селевкидов. Аналогичные надписи дают и монеты, датируемые временем от 63 г. до н. э. до 25 г. н. э. (если эра определена достоверно): *ANTIOXEΩN AYTONOMOY, MHTPOΠOΛEΩΣ KAI AYTONOMOY, MHTPOΠOΛEΩΣ THΣ IEPAC KAI AΣYΛOY*. Иными словами, Помпей полностью сохранил статус города, существовавший до римского завоевания. Приведенное выше указание Иоанна Малалы показывает, что эта титулатура Антиохии сохранялась и при Цезаре²⁹. Подобные легенды содержат и монеты императорского времени; лишь в правление Элагабала появляются монеты с легендой: *ANTIOXEΩN MHTPOKOLONIA*; они отмечаются вплоть до царствования Валериана.

Показательно, что в списке колоний италийского права, составленном Ульпианом, Антиохия не отмечена. Это умолчание вряд ли

²⁸ B. V. Head, *Historia Nummorum*, стр. 656—658.

²⁹ А. Сеириг показал, что в Антиохии последовательно одна другую сменяли помпейская, цезарианская и августова (от битвы при Акциуме) эры (H. Seyrig, *Antiquités syriennes*, 42. Sur les ères de quelques villes de Syrie, — «Syria», t. 27, 1950, стр. 5—15). Их введение объясняется получением от соответствующих властителей привилегий и должно было подчеркнуть верность города этим правителям. Обращает внимание отсутствие эры, определявшейся годами правления Антония.

объясняется случайными обстоятельствами. Согласно одному указанию, сохранившемуся в словаре «Суды» (s. v. Σεῦρος), Септимий Север в наказание за то, что Антиохия поддерживала Песценния Нигера в его борьбе за императорский престол, лишил ее статуса полиса (не говоря уже, несомненно, о «свободе») и в качестве «поселения» подчинил Лаодикие. Наш источник сравнивает положение Антиохии в этот момент с аналогичной ситуацией, в которой оказался тогда же Византий по отношению к Перинфу. Этот эпизод в истории Антиохии, однако, был непродолжителен. По указанию Павла во второй книге *De censibus* (Dig., 50, 15, 8, 5) статус колонии, однако без податного иммунитета, Антиохия получила от «божественного» Антонина (*Divus Antoninus Antiochenses colonos fecit salvis tributis*), т. е., очевидно, от Каракаллы. Превращение Антиохии в метрополию представляло собой, несомненно, следующий этап в «карьере» этого города; однако сопровождалось ли оно сложением податей, сведений нет.

В уже упоминавшемся фрагменте (Dig., 50, 15, 1 pr.) среди городов, имевших италийское право, Ульпиан называет и свою родину — Тир (ср. также: *Paulus, lib. sec. De censibus*, Dig., 50, 15, 8, 4). Оно было предоставлено Тиру Севером и подтверждено Каракаллой. Он отмечает постоянную верность Тира союзу с Римом, из чего, несомненно, должно следовать, что до того, как ему был представлен статус колонии италийского права, этот город входил в группу *civitates foederatae*. Происходящие из Тира монеты³⁰ показывают, что до мероприятий, проведенных Севером, этот город имел статус метрополии (на монетах монограмма ΤΥΡ часто сопровождается формулой: ΙΕΡ. ΑΣΥ. ΜΗΤΡΟΠΟΛΕΩΣ). Согласно IGRR, I, 132, Тир именовался и Клавдиополем, получив новое имя и, надо полагать, какие-то привилегии от императора Клавдия. Судя по данным «Суды» (s. v. Παῦλος), местный ритор Павел выхлопотал титул метрополии для Тира у Адриана. Это возвышение Тира, несомненно, объясняется общим направлением восточной политики упомянутого императора. Не исключено, что превращение Тира в метрополию находилось в прямой связи с выделением провинции Финикия, центром которой он стал. Этот титул был сохранен и Септимием Севером; ср. легенды на монетах типа COL. SEP. TYRUS METROP.; SEP. TYRO. METROP. COL. PENIC.; COL. TYRO. METRO. Следует заметить, что выпуск собственной монеты по финикийскому стандарту в Тире, когда он попал под власть Рима, не прекратился и продолжался на протяжении всего периода римского господства. Заметим к тому же, что, согласно надписи IGRR, I, 421 в 174 г., Тир носил следующие титулы: τῆς ἱερᾶς καὶ ἀσύλου καὶ αὐτονομίου μητροπόλεως Φοινικῆς καὶ ἄλλων πόλεων καὶ ναυαρχίδος. В IGRR, 1,419 (в ее латинской части) Тир назван *foede[rata]*, что соответствует, видимо, его наиболее ранней титулатуре.

³⁰ В. В. Н е а d, *Historia Nummorum*, стр. 676.

Приведенный выше материал позволяет представить себе «карьеру» Тира следующим образом. При установлении римского господства он приобрел союзнический статус, подвергся переименованию при Клавдии, стал метрополией при Адриане и, наконец, при Севере стал колонией италийского права. К сказанному следует добавить указание Иосифа Флавия (Fl. Jos., Antt., 15, 95), по которому Тир и Сидон были «издревле», т. е. задолго до установления римского господства, свободными. Очевидно, данный статус был сохранен и римскими властями; показательно, что Антоний не решился передать эти города Клеопатре.

Колонией и метрополией, хотя и не получавшей никогда италийского права, Сидон был от правления Элагабала до царствования Севера Александра (ср. легенды на монетах этого времени: COL. AUR. PIA METROP. SIDON)³¹. Более ранние монеты не содержат указаний подобного рода, хотя сам факт их чеканки весьма показателен.

Помимо названных колоний италийского права была Лаодикея. Она получила этот статус от «божественного Севера» (Dig., 50, 15, I, 2—3). Приведенные выше материалы, использованные «Судой» (s. v. Σεῖρος), позволяют думать, что этот статус Лаодикея получила в награду за свое сопротивление Песценнию Нигеру.

Еще от Антония, в награду за сопротивление Кассию, Лаодикея получила статус свободного полиса с налоговым иммунитетом (App., B. Civ., 5, 7). Как показывают происходящие из Лаодикеи монеты, и в данном случае римские власти следовали политике селевкидских правителей. На бронзовых монетах времени Антиоха IV, Александра Баласа и Антиоха VIII встречаются легенды: ΛΑΩΔΙΚΕΩΝ ΤΩΝ ΠΡΟΣ ΘΑΛΑΣΣΗΝΙ И ΛΑΩΔΙΚΕΩΝ ΤΗΣ ΙΕΡΑΣ ΚΑΙ ΑΥΤΟΝΟΜΟΥ. Последняя легенда сохранялась и на монетах, выпускавшихся в первые десятилетия римского господства и датированных фарсальской эрой, что подтверждает и сообщение Аппиана. Наряду с этим Лаодикея приобрела и титул Юлиевой. В царствование Августа она становится метрополией, а на монетах, выпускавшихся в период от Севера до Валериана, мы видим, в соответствии с указанием Ульпиана, титул колонии³².

После формального присоединения к Империи италийское право получила Эмесса (Dig., 50, 15, I, 4).

Согласно имеющимся в нашем распоряжении нумизматическим данным, Дамаск в императорское время (во всяком случае, от правления Августа до Севера Александра) имел статус метрополии и колонии. Монеты, происходящие из этого города, имеют легенды: ΔΑΜΑΣΚΟΥ ΜΗΤΡΟΠΟΛΕΩΣ и ΔΑΜΑΣΚΟΥ ΜΗΤΡΟΠ.

³¹ Там же, стр. 673.

³² Там же, стр. 660. О способах летосчисления, употреблявшихся в Лаодике, см.: H. S e y r i g, Sur des ères, стр. 26—32.

ΚΟΛΩΝΙ³³. «Метрополией Аравии» Дамаск назван и в надписи SEG, VII, 224 (I в.).

Известен и ряд других сирийских городов, пользовавшихся правом чеканить собственную монету³⁴. К их числу относится, в частности, Апамея. Монеты римского времени, происходящие из этого города, имеют обычно легенду ΑΠΑΜΕΩΝ с добавлением ΤΗΣ ΙΕΡΑΣ ΚΑΙ ΑΣΥΛΟΥ или ΑΥΤΟΝΟΜΟΥ. Подобную легенду сохранили и монеты из Аретузы: ΑΡΕΘΟΥΣΑΤΩΝ ΤΗΣ ΙΕΡΑΣ ΚΑΙ ΑΥΤΟΝΟΜΟΥ. Не содержат специальных указаний на автономию города монеты из Балanei, Эпифаней, Габалы, Ларриссы, Мириандра, Никополиса, Палтуса и Рафаней. На монетах из Рососа в ряде случаев наряду со стандартной формулой ΡΩΣΕΩΝ ΤΗΣ ΙΕΡΑΣ ΚΑΙ ΑΣΥΛΟΥ встречается характерное добавление: ΚΑΙ ΑΥΤΟΝΟΜΟΥ. Без каких-либо указаний легенды монет из Деметриады, Лаодикеи Ливанской и Абилы (впрочем, последняя носит титул Клавдиева). Автономной, судя по надписям на монетах, была Абила, входившая в состав Декаполиса; кроме нее в этом районе чеканили монету Антиохия при Гиппе, Каната, Канафа, Дион, Гадара, Гераса, Пелла и Филадельфия. Помимо упомянутых городов собственную монету чеканили Арад, Босра, Кесария у Ливана, Карне, Дор, Деметриада, Ортосия и Триполис. Легенды на монетах Триполиса II—I вв. до н. э. содержат указания на его автономию; монеты императорского времени пышно именуют город «владычицей морей». Автономия города, по-видимому, была сохранена.

Во всех перечисленных выше случаях вне зависимости от того, упомянут ли в легенде той или иной монеты статус города, сам факт чеканки монеты служит бесспорным свидетельством автономии данного города³⁵.

Судя по дошедшим до нас источникам, римляне во взаимоотношениях с городами этой группы полностью восприняли и по крайней мере еще в I в. до н. э. использовали выработанную при эллинистических дворах механику управления и канцелярский стиль. В «Иудейских древностях» Иосифа Флавия приведено значительное количество писем различных римских должностных лиц, в том числе и осуществляющих верховную власть, по вопросу о предоставлении иудеям, живущим на территории Сирии, тех или иных прав; обычно эти письма адресованы полисам в лице их магистратов. Письмо Гая Юлия Цезаря к сидонянам (Fl. Ios., Antt., 14, 190) открывается формулой: «Гай Юлий Цезарь, император и понтифик, диктатор вторично, архонтам, совету и народу сидонян. Если вы благополучны, я доволен, и я благополучен с войском». Дважды Иосиф Флавий приводит стандартную адресную формулу письма Марка Антония к властям Тира (Fl. Ios., Antt., 14, 314 и

³³ В. V. H e a d, Historia Nummorum, стр. 662.

³⁴ Там же, стр. 658—681.

³⁵ Ср.: Th. M o m m s e n, Römisches Staatsrecht, Leipzig, 1887, Bb., 3, Abt. I, стр. 709—710.

319): «Марк Антоний, император, архонтам, совету, народу тирян привет». Аналогичные формулы содержит и переписка Августа с властями Рососа (JMI, III, 718): «[Импе]ратор Цезарь, божественного Юлия сын, император четвертый раз, кон[сул вто]рично и на третий раз назначенный, рососцев священного и неприкосновенного и [автономн]ого полиса архонтам, совету, народу — здравствовать; и я сам с войском здравствую». Наконец, подобную формулу, хотя и без упоминания о благополучии отправителя и адресата, мы находим в послании Клавдия гражданам и властям Иерусалима (Fl. Ios., Antt., 20, 11).

Для эллинистической царской канцелярии была характерной на раннем этапе ее функционирования формула «совету и народу — здравствовать» (OGIS, 224, 223, 227, 237), из которой, если верно восстановление надписи OGIS, 257, принятое Диттенбергом (а оно, по нашему мнению, не вызывает сомнений), выросла формула «архонтам, и совету, и народу — здравствовать».

Существенным представляется и то, как формулировали римские властители свои предписания, обращенные к отдельным городам. В качестве образца можно упомянуть письмо Юлия Гая властям и народу «шарийцев» по поводу того, что в этом городе иудеям было запрещено исполнять свои религиозные обряды и жить по своим законам. Возражая против этого, отправитель письма пишет (Fl. Ios., Antt., 14, 216): «И вы бы хорошо поступили, если бы относительно наших друзей и союзников приняли постановление». Иными словами, представитель римской власти не считает возможным *предписывать* полису те или иные действия; приведенная формула представляет собой *совет* привести политику данного полиса в соответствие с линией поведения, принятой римлянами³⁶. Именно такой образ действий объясняется, несомненно, тем, что Юлий Гай явно вмешивался в дела полиса, причем в наиболее существенной области: при определении гражданско-правового статуса одной из групп его населения. В другой ситуации мы имеем возможность наблюдать и иные формулы. В уже упомянутом послании (Fl. Ios., Antt., 14, 190—195) Цезарь доводит до сведения властей Сидона копию своего постановления относительно Гиркана и статуса иудеев, с тем чтобы она хранилась в архиве этого города. Само решение вводится формулой: Ἰσὼλιος Καῖσαρ, αὐτοκράτωρ τὸ δεύτερον καὶ ἀρχιερεὺς, μετὰ συμβουλίου γνῶμης ἐπέκρινε. И далее: Ὑρχανὸν Ἀλεξάνδρου καὶ τὰ τέκνα αὐτοῦ ἐθνάρχας Ἰουδαίων εἶναι βούλομαι κτλ.

В данном случае речь идет о решении римских властей, которое непосредственно Сидона не касалось; им устанавливался опреде-

³⁶ Как показывает материал, происходящий преимущественно из Малой Азии, влияние римских властей на внутреннюю жизнь полисов осуществлялось в форме советов (consilia), что целиком восходит к эллинистическим образцам. Единственным формальным ограничением полисного суверенитета было право римских наместников разрешать спорные случаи, когда речь шла о выполнении honores или munera. См.: D.N. 6 г г, Imperium, стр. 16—19.

ленный тип внутреннего устройства Иудеи и ее статус относительно Рима. И то и другое оформляется как акты, входящие исключительно в сферу компетенции римских властей. Аналогичным образом формулируется и указ Цезаря об освобождении иудеев от уплаты фороса в субботний год (Fl. Jos., Antt., 14, 202: «Гай Цезарь, император вторично, постановил»). Подобная формулировка и в данном случае определяется тем, что речь идет исключительно о мероприятии, исходящем от римских властей и осуществляемом исключительно ими.

Изложенный выше материал показывает, что среди городов, в большей или меньшей степени пользовавшихся внутренней автономией, могут быть отчетливо выделены две основные группы: те, чья автономия сопровождалась налоговым иммунитетом, и те, которые обязаны были выплачивать римским властям налоги. В связи с этим создается впечатление, будто сохранение в неизменном виде органов городского управления объясняется фискальными потребностями римских властей, в результате подобной политики перекладывавших сбор податей, равно как и функции управления и администрирования, на плечи местных администраторов и тем самым избавлявшихся от необходимости содержать громоздкий и дорогостоящий налоговый аппарат ³⁷. Однако это предположение справедливо, как нам кажется, лишь частично и, во всяком случае, не дает представления о корнях данного явления. Более того, существование откупной системы сбора налогов показывает, что римские власти в конце концов прибегли к такой форме взимания податей, которая могла существовать и параллельно местным органам власти, и независимо от них. Сказанное не противоречит тому, что, как уже говорилось, пальмирский совет специальным постановлением определил, в каких размерах должны были откупщики взимать пошлины. Это мероприятие объясняется тем, что пошлины взыскивались в пользу местных властей, а отнюдь не римских ³⁸. Значительно более существенными были мотивы чисто политические: устанавливая привилегированный статус крупнейших сирийских городов, римляне, несомненно, рассчитывали тем самым создать социальную опору своей власти, привлечь на свою сторону их население. Это особенно важно было в условиях постоянной борьбы с парфянами и восстаний отдельных групп местного населения. Не случайно значительная часть привилегированных сирийских городов получила свой статус в конце II — начале III в. В то же время подобная политика продолжала, как можно было видеть, политику эллинистических правителей. Само со-

³⁷ Ср. по этому поводу: J. M a r q u a r d t, *Römische Staatsverwaltung*, Bd I, Leipzig, 1873, стр. 238; A. H. M. J o n e s, *The Decline of the Ancient World*, London, 1966, стр. 201, 241.

³⁸ Противоположную точку зрения см.: В. Н. Дьяков, Социальная и политическая борьба в Римской империи в середине III в., — ВДИ, 1961, № 1, стр. 100. Но тогда непонятна потребность в постановлении пальмирских органов власти; в этом случае было бы достаточно указаний римской администрации.

бой понятно, что римские власти могли ухудшать статус того или иного полиса, если они сознательно шли на то, чтобы вызвать недовольство его населения. Последнее явно не входило в их расчеты.

Представляется маловероятным, чтобы положение автономных городов Сирии сколько-нибудь существенно отличалось от положения автономных политических образований в других районах Империи. Как известно, оно предусматривало сохранение местных законов и управления (что, как видим, полностью соответствует и приведенному выше материалу); ограничение суверенитета сводилось, в общем, к отказу от проведения активной внешней политики³⁹. Согласно существовавшим в римской юридической теории воззрениям в отношениях между «свободными» и «союзными» обществами, равно как и в отношениях с царями, сохранялся так называемый *postliminium* — правовое отношение, действовавшее между Римом и не зависимыми от него обществами (Dig., 49, 15, 19; Festus, s.v. *postliminium*, p. 218). В соответствии с этим, когда данное установление перестало действовать, Прокул (Dig., 49, 15, 7) считал необходимым подчеркнуть, что, несмотря на отсутствие *postliminium*, «союзники» и «свободные» формально находятся за пределами Римской державы. Само собой ясно, что римские власти делали все от них зависящее, чтобы свести городской суверенитет к формальности, по возможности его ограничить. Однако полностью его ликвидировать они не могли.

В то же время предоставление отдельным городам статуса колонии или италийского права, несомненно, влекло за собой либо приобретение — с теми или иными ограничениями — прав римского гражданства, либо приобретение союзнического статуса (по одному из определений колонии, которое приводит Сервий, in Aen. 1, 12, указывается, что она представляет собой *pars civium aut sociorum missa*). Как справедливо отмечает Корнеман, при всех обстоятельствах получение статуса колонии представляло собой шаг к приобретению налогового и повинностного иммунитета⁴⁰. К тому же обладание *ius Italicum* предусматривало превращение земельных владений в *dominium ex iure Quiritium*, что имело важные правовые последствия для граждан города, предоставление налогового и повинностного иммунитета и освобождение от постоянной опеки римских властей⁴¹.

³⁹ См.: W. Liebenam, Städteverwaltung im Römischen Kaiserreiche, Leipzig, 1900, стр. 464—465.

⁴⁰ Kornemann, Coloniae, — P.-W. RE, Halbbd. VII, Stuttgart, 1900, стр. 511—2518.

⁴¹ Как показал Э. Шенбауер, понятие «свобода» в условиях принципата означало свободу соответствующей области (или, добавим мы, политического организма) от непосредственной власти римского аппарата управления; эти области располагали самостоятельным правительством, правда связанным указаниями римских чиновников. «Автономия» предполагала возможность иметь самостоятельные законодательные органы. См. по этому поводу: E. Schönbauer, Municipia und coloniae in der Prinzipatszeit, — «Anzeiger der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-historische Klasse, Jg. 91, 1954, стр. 22—23; D. Nörr, Imperium, стр. 62.

Все это свидетельствует о том, что поименованные титулы представляли собой не пустую формальность, как их иногда изображают. Показательно вместе с тем, что эти изменения не вносили новых моментов в организацию внутригородского управления, в полисную систему, как таковую. Речь идет об уровне самостоятельности города и свободы от вмешательства римских властей.

Основная масса населения Сирии подлежала различным видам налогообложения в пользу римских властей. Эти подати возникли, как известно, из военной контрибуции⁴²; они, следовательно, и генетически, и по самому своему существу представляли собою форму эксплуатации в пользу чужеземных захватчиков местного свободного населения. В этом отношении безразлично, была ли провинция сенатской (и соответственно налог именовался *stipendium*) или императорской (в каком случае налоги назывались *tributa*; ср.: Gaius, 2, 21). По-видимому, М. И. Ростовцев прав, когда он считает, что римляне вряд ли отменяли какие-либо подати, взимавшиеся при Селевкидах⁴³. Наши источники упоминают о взимании поземельной подати, а также подушной (App., Syr., 50). Согласно указанию Ульпиана (Dig., 50, 15, 3), в Сирии подушная подать подлежала (*tributo capitis obligantur*) мужчины с 14-летнего и женщины с 12-летнего возраста до 65 лет. По сведениям Аппиана (App., Syr., 50), она взималась ежегодно в размере одной сотой доли имущества. Вообще, налоги, взыскивавшиеся в сирийских владениях Рима, считались, даже по сравнению с обычным средним уровнем, исключительно высокими (см. об этом, в частности, Тас., *Annal.*, 2, 42).

Известное представление о повинностях, которыми могли облагаться сирийские города, дает сравнительно поздняя надпись, JMI, V, 1998, происходящая из Хамата. Она содержит отрывок одного из указов Домициана прокуратору Клавдию Афинодору. Домициан запрещает без специального повеления императора брать у граждан вьючный скот и проводников. Характерна мотивировка этого решения: если земледельцы притесняются, то земли остаются необработанными; последнее обстоятельство, несомненно, отрицательно сказывалось и на уплате налогов. Вряд ли можно с достаточной определенностью выяснить, насколько эти и подобные повинности были характерны для всех периодов римского господства в Сирии, однако исключить их существование вряд ли возможно. Заметим здесь же, что по свидетельству Каллистрата (Dig., 50, 4, 14, 2) содержание в порядке дорог (*viarum munitioes*), а также сбор податей с земельных владений, находившихся на территории данной общины (*praediorum collationes*), представляли собой *locorum munera*, иными словами, за их выполнение отвечал данный гражданский коллектив в целом.

⁴² Th. Mommsen, *Römisches Staatsrecht*, Bd 3, Abt. I, стр. 728; J. Marquardt, *Römische Staatsverwaltung*, Bd 2, Leipzig, 1876, стр. 186.

⁴³ М. И. Ростовцев, *История государственного откупа в Римской империи*, СПб., 1899, стр. 240—248.

Из рассказа, сохраненного в Евангелии от Луки (20, 20—26), видно, что, задавая Иисусу провокационный вопрос: следует ли платить императору налог? — те, кто это делал, рассчитывали найти повод для того, чтобы передать его римским властям. Иначе говоря, преступления, связанные с уплатой податей, рассматривались как находящиеся исключительно в компетенции римских властей. Тем не менее ответственность за взыскание и своевременное поступление налогов и, как мы видели, выполнение повинностей лежала на полисных властях. Согласно римской государственно-правовой теории, *exactio tributorum* рассматривалось как *onus patrimonii* (Dig., 50, 4, 3, II), соответственно как одно из *munera civilia*, возлагавшихся на магистратов и членов совета.

С целью систематического взимания податей римские власти производили ценз. Он включал перепись населения, при которой требовалось учитывать возраст (см. указание Ульпиана в Dig., 50, 15, 3), а также составление кадастра. В последнем случае, по словам того же автора (Dig., 50, 15, 4), требовалось указать название землевладения и кому оно принадлежит, а также двух ближайших соседей. Кроме этого, указывались его размеры и доходность: количество пахотной земли, урожайность за ближайшие 10 лет, количество лоз в винограднике, размеры оливковой плантации и количество деревьев и т. д. Такого рода ценз, по указанию многочисленных источников (см. упоминавшуюся выше, стр. 185, надпись из Апамеи, а также Fl. Ios., Antt., 17, 355 и 18, 1), провел в самом начале нашей эры Квирий. Интересны материалы по этому поводу, дошедшие до нас в Евангелии от Луки (2, 1—5). Как известно, автор этого произведения допустил анахронизм, отнеся ценз одновременно к годам правления Квирия и царствования Ирода. Не ясно также, насколько обоснованы его утверждения, что ценз проводился в общеимперском масштабе⁴⁴. Тем более важно его указание, совпадающее с данными Ульпиана (Dig., 50, 15, 4), о том, что каждый должен был подвергаться цензу в «своем городе». Соответственно и Иосиф, глава семьи, в которой родился Иисус, должен был направиться из Назарета⁴⁵ в Вифлеем, откуда был родом и где подлежал налогообложению.

⁴⁴ По мнению Х. Браунерта, ценз, о котором идет речь, касался только провинциалов Иудеи (H. Braunert, *Der römische Provinzialzensus und die Schätzungsbericht des Lukas-Evangeliums*, — «Historia», Bd VI, 1957, 2, стр. 201). Не исключено тем не менее, что евангелист имел в виду ценз, проведенный Квирием на всех подчиненных ему территориях.

⁴⁵ Обнаружение эпиграфических памятников, содержащих «список 24 жреческих чередов», в котором упоминается Назарет, исключает сомнения в существовании этого города уже в I в. См.: M. Avi-Yonah, *A List of Priestly Courses From Caesarea*, — IEJ, vol. 12, 1962, № 2, стр. 137—139; Я. Б. Грунтфест, Новый документ о йеменско-палестинских связях доисламского периода, — «Палестинский сборник», вып. 25, 1974, стр. 105—114.

Интересно в связи с этим, что с точки зрения административно-правовой римские юристы видели отличительный признак гражданства в том, что он обязан выполнять повинности (Dig., 50, 1, 1, 1).

Именно это обстоятельство — взимание налогов и разнообразных поборов — послужило предпосылкой того, что, будучи кровно заинтересованными в регулярном поступлении податей, римские власти активно вмешивались во внутреннюю жизнь городов⁴⁶. Судить об этом мы можем главным образом на основании общих норм, действовавших на всей территории Римской империи (в том числе, естественно, и в Сирии) и нашедших свое отражение в поздних сводах римского права. При этом, однако, приходится иметь в виду, что само это вмешательство лишь постепенно стало принимать постоянный характер, развившись в конечном счете в стройную и последовательную систему. Мы имеем, во всяком случае, указания и о солидарной ответственности магистратов (Dig., 50, 1, 11). Гай (Dig., 50, 1, 29) подчеркивает, что лицо, не имеющее в данном городе гражданских прав (*incola*), обязано повиноваться как магистратам того города, где оно живет, так магистратам того города, гражданином которого оно является. При этом Гай делает характерное примечание, в котором речь идет о выполнении общественных повинностей. По словам Павла (Dig., 50, 1, 26), из компетенции магистратов был изъят целый ряд имущественных дел, связанных либо с восстановлением в правах, либо с обеспечением прав собственника и наследника. В то же время был тщательно разработан вопрос о том, каковы обязанности полисных магистратов и членов совета. Согласно господствовавшей в римской практике точке зрения формально эти обязанности делились на две группы: *honores* и *munera*. По определению Каллистрата (Dig., 50, 4, 14), первые представляли собой функции управления городом при условии, что лицо, их осуществляющее, занимает почетную должность. В отличие от этого *munus* не предполагал занятия должностей, хотя *publicum munus* в отличие от *privatum* также был связан с выполнением административных функций. Что же касается непосредственно существа деятельности, то она, как это показывает и приведенный выше эпиграфический материал, сводилась к решению разного рода внутригородских проблем (см., в частности, Dig., 50, 4, 18). Римские власти устанавливали и возрастной ценз лиц, которые могли добиваться той или иной магистратуры или призываться к выполнению *munera personalia*, — не менее 25 лет (Dig., 50, 4, 8).

Они же устанавливают, что решения, принятые советом, признаются имеющими законную силу только при наличии определенного кворума (Dig., 50, 9, 2). Впрочем, сфера компетенции совета постепенно сужается. Согласно указанию Ульпиана (Dig., 50, 9, 4), следовало отменять «тщеславные» постановления советов,

⁴⁶ Ср.: D. N ö r r, *Imperium*, стр. 35—39.

а также те решения, которые так или иначе были связаны с затратой общественных средств. Недействительными считались и постановления, касающиеся общественных зданий, имуществ и т. п. Судя по тому, что сведения почерпнуты из сочинения названного автора *De officio curatoris rei publicae*, очевидно, что именно куратор приостанавливал действие соответствующих постановлений. В связи с необходимостью обеспечить выполнение повинностей римские власти заботились о том, чтобы в случае переезда вызывать декурионов в тот город, гражданами которого они были. Это, однако, еще весьма далеко от их прикрепления к месту жительства. Более того, многочисленные надписи, свидетельствующие о выполнении местной аристократией различных повинностей и обязанностей в пользу полиса, говорят, по-видимому, о том, что меры принуждения не были необходимыми.

Вмешательство римских органов власти в жизнь городов, не пользовавшихся «свободой», создавало внутренне противоречивую ситуацию: сохраняя внешние признаки формального суверенитета, города фактически постепенно его лишались; местные органы власти не только сосуществовали параллельно с имперскими, но в известных ситуациях и подчинялись им, становясь интегральной частью общимперской системы управления.

Верховная власть Рима на территории Сирии получила свое внешнее, и пожалуй наиболее отчетливое, выражение в сборе *portoria* — торговых пошлин, в данном случае в пользу императорской казны⁴⁷.

Эти пошлины взыскивались прежде всего на границах Империи. До нас дошло описание (*Phil., Vita Ap., I, 20, I*) одного таможенного пункта в Зевгме. Этот рассказ, принадлежащий перу Филострата, интересен, между прочим, тем, что он показывает откупщика императорской пошлины непосредственно за работой: «Когда они (герои повествования. — *И. III.*) достигли Месопотамии, откупщик, поставленный в Зевгме, подвел их к таблице и спросил, что они везут. А Аполлоний, — «везу, — сказал, — мудрость, справедливость, добродетель, самообладание, мужество, воздержанность» — и так назвал много женских имен. Тот же, заботясь о собственной выгоде, — «запиши, — сказал, — этих рабынь». А этот, — «не подобает, — сказал, — ибо те, кого я везу, — не рабыни, но госпожи».

Смысл этого анекдота об Аполлонии Тианском, построенного на том, что рабыням часто давались имена, обозначающие различные добродетели, очевиден. Однако ситуация, с которой мы здесь сталкиваемся, позволяет установить следующее. Откупщик, взимающий пошлину, имел на таможенном пункте таблицу — несомненно экземпляр таможенного тарифа с указанием товаров и суммы сбора. Мытарь не интересуется, предназначены ли рабыни

⁴⁷ Обзор материала, относящегося к Сирии, см.: S. J. de Laet, *Portorium*, Brugge, 1949; F. Fittinghoff, *Portorium*, — P.-W. RE, Halbbd. 43, Stuttgart, 1953, стлб. 374.

для продажи. Очевидно, пошлины взимались при ввозе товара независимо от намерений его владельца. Привлекает внимание и другая подробность: проезжающий обязан представлять свою образную таможенную декларацию (в данном случае — устную).

Подобный пункт имелся, очевидно, и в Дура-Европос. Надпись SEG, VII, 570, во всяком случае, упоминает $\tau\acute{\epsilon}\lambda\omicron\varsigma \kappa\acute{\omicron}\rho\tau\alpha\varsigma$, что соответствует латинскому *portorium* ⁴⁸.

Вероятно, аналогичные пошлины в пользу императорской казны взимались и в глубине провинции, в городах, бывших более или менее значительными торговыми центрами. Правда, вопрос этот недостаточно выяснен.

Применительно к Пальмире соответствующее предположение позволяют сделать надписи Inv., X, 29 (июль 161 г.) и Inv., X, 113 (август 174 г.). В первой из них чувствуется антиохийский булеут Марк Эмилий Маркиан Асклепиад, названный в тексте $\tau\epsilon\tau\alpha\rho\tau\acute{\omega}\nu\eta\varsigma$ (пальмирский вариант: *dy rb^c*). Во второй надписи упоминается Люций Антоний Каллистрат, обозначенный тем же термином ($\tau\epsilon\tau\alpha\rho\tau\acute{\omega}\nu\eta\varsigma$) $\mu\alpha\pi\varsigma<i>\dot{\iota}\rho\dot{\iota}>$ III *mer<calurae>*, *dy rb^c*). Согласно общепринятой точке зрения (ср. комментарий Ж. Старки к Inv., X, 29) термин $\tau\epsilon\tau\alpha\rho\tau\acute{\omega}\nu\eta\varsigma$ обозначает откупщика пошлины, составлявшей четвертую долю товара. Поскольку в Пальмирском пошлинном тарифе такая пошлина не предусматривалась, можно считать, что она шла не в городскую казну, а в фиск. Не исключено, однако, что этим термином именовался откупщик, получавший четверть суммы, которую он собирал.

Для Селевкии Пиерии такой сбор засвидетельствован Pap. Brit. Mus., 229. Здесь речь идет о налоге на продажу раба, а также о пошлине за его вывоз.

Пожалуй, единственной отраслью в сфере налогообложения, которая оставалась в распоряжении полисных властей и доходы от которой шли непосредственно на нужды города, было взимание местных торговых пошлин. До нас дошли квитанции об их уплате, происходящие из Берита и Тира, с надписями соответственно: *col<oniae>* *Ber<ytehsis>* и *Tyr<i>\acute{\omega}\nu</i>* ⁴⁹. Известное представление о порядке их введения и взимания дает Пальмирский пошлинный тариф (CIS, II, 3913). Выше мы уже останавливались на этом вопросе в связи с характеристикой пальмирских магистратур и органов власти. Представляется, однако, целесообразным вновь вернуться к этому материалу, с тем чтобы представить себе «работу» всего государственного механизма.

Как отмечалось, размеры взимаемых пошлин были установлены архонтами и декапротами Пальмиры, которым совместно с синдиками было вменено в обязанность контролировать правильность взыскания пошлин. Эти действия были предприняты местными магистратами во исполнение постановления совета,

⁴⁸ Ср.: S. J. de Laet, *Portorium*, стр. 335—336; F. Fittinghoff, *Portorium*, стлб. 374.

⁴⁹ F. Fittinghoff, *Portorium*, стлб. 374.

озабоченного тем, что, поскольку точная сумма сборов в договоре об откупе не зафиксирована, между откупщиками и плательщиками возникали, видимо систематически, судебные дела по этому поводу. Фиксация пошлин должна была ограничить аппетиты откупщиков. Насколько об этом можно судить по постановлению совета, между откупщиками и магистратами заключался договор, на основании которого откупщик развешивал свою деятельность. В договоре указывались максимальные размеры пошлин, которые он мог взыскивать. Любопытно, что пошлинный тариф, составленный на основании подобных договоров, должен был в будущем служить образцом. Обложению подлежали все виды товаров — от рабов до масел, шерсти, благовоний. Кроме этого, пошлины взыскивались с разработок соли, ремесленников и гетер; иными словами, внутригородскому налогообложению подлежали все виды деятельности, так или иначе приносящей доход (за исключением земледелия). В позднем тарифе пошлины были твердо зафиксированы в денежном выражении, отдельно для ввоза товара и отдельно для вывоза. При их взыскании исходили из двух основных единиц измерения — груза, приходящегося на одного верблюда, и груза, приходящегося на одного осла. В случае возникновения спора между откупщиком и плательщиком пошлины дела должны были решаться в соответствии с пальмирскими законами дикеодотом-сановником, имевшим судебные полномочия. Откупщику предоставлялось право брать с неплательщиков залоги, и, если они не были выкуплены в течение трех дней, продавать их.

Откупная система существовала в Пальмире уже в I в. До нас дошла происходящая из этого города надгробная надпись откупщика (mks') Л. Спендия Хрисанфа, датированная сентябрем 58 г. (CIS, II, 4235).

В связи со сказанным значительный интерес представляет надпись IGRR, III, 1283, происходящая из Соады — небольшого городка неподалеку от Босры. Как справедливо отметил еще Дессау⁵⁰, и именно в связи с анализом пальмирского тарифа, эта надпись содержит фрагмент местного пошлинного тарифа: «За сто денариев откупщик возьмет один серебряный обол». В качестве единицы измерения здесь принята не единица груза, как в Пальмире, но единица денежная, выражавшая цену облагаемого пошлиной груза, что и позволило местным законодателям дать более абстрактную формулировку. Надпись из Соады показывает, что пошлины взымались практически во всех населенных пунктах, находившихся на торговых путях, что приводило, естественно, к резкому подорожанию товаров.

Весь приведенный выше материал позволяет констатировать, что в Сирии I—III вв. продолжала существовать система двойного

---

⁵⁰ H. D e s s a u, Der Steuertarif von Palmyra, Hermes, Bd 19, 1884, стр. 592, Anm. 2. Cp.: S. J. L a e t, Portorium, стр. 38.

суверенитета, основы которой сформировались уже в эллинистический период. При этом суверенную власть в пределах гражданского коллектива осуществлял, во-первых, он сам и, во-вторых, император через назначенных им чиновников и разного рода должностных лиц. Однако суверенитет императора являлся высшим суверенитетом, поскольку именно он определял статус гражданского коллектива и пределы его самостоятельности. Развитие императорской власти в пределах провинции имеет тенденцию к ограничению полисного суверенитета, хотя одновременно наблюдается и противоположное устремление — предоставление, по крайней мере, важнейшим городам привилегированного положения и соответственно большей или меньшей самостоятельности, что объясняется стратегическим и политическим положением провинции. Противоречие между императорским и полисным суверенитетом начинает устраняться только в период домината, хотя полностью не было ликвидировано и тогда.

* * *

Наряду с полисами на территории Сирии в I—III вв. существовали многочисленные поселения, не располагавшие этим статусом и тем не менее имевшие внутреннюю структуру, не отличающуюся от структуры полиса⁵¹. Как уже говорилось, поселения такого типа могут быть условно разделены на две группы: 1) находившиеся на территории полисов и соответственно под полисной юрисдикцией; 2) не зависевшие от полисов. О том, что различие между полисами и неполисами было чисто формальным, свидетельствует то обстоятельство, что статус полиса мог быть предоставлен поселению (ср., например, Fl. Ios., Antt., 18, 28; здесь статус полиса предоставляет тетрарх Филипп) или отобран, как это произошло с Антиохией (SHA, Sev., 9, 4; Carac. 1, 7).

В ряде случаев удастся проследить в поселениях существование народного собрания, возможно совета и определенной, хотя и менее развитой, чем в полисах, системы магистратур. В связи с этим, естественно, преобразование поселения в полис не требовало сколько-нибудь сложных административных реформ. В частности, уже упоминавшаяся надпись (Wadd., 2505) из Шакры сохранила постановление жителей поселения Корины, которым регулировались отдельные проблемы землепользования. Вводная формула документа не оставляет сомнения в том, что постановление было принято народным собранием поселения. Интересно сопоставить с этим надпись IGRR, III, 1192 (соотв. Wadd., 2136) из Шакки, содержащую важную формулу: καὶ ὅχλου γενομένου τῆς

⁵¹ Ср.: A. H. M. Jones, The Urbanization of the Ituraean Principality, — JRS, vol. 30, 1931, стр. 270—273. Их характеристике посвящено специальное исследование Дж. Маклина Харпера. См.: G. McLean Harper, Village Administration of the Roman Province of Syria, — «Yale Classical Studies», vol. 1, 1928, стр. 105—168.

κόμης ἐν τῷ θεάτρῳ. Надпись повреждена; можно тем не менее предполагать, что и в данном случае имеется в виду народное собрание, проводившееся, как и в Антиохии, в театре.

Соответственно с этим получают объяснение и строительные надписи, происходящие из различных поселений Сирии и поставленные от имени поселения как целого. Еще Дж. Маклин Харпер справедливо, на наш взгляд, считал наиболее вероятным, что встречающееся в ряде надписей выражение τὸ κοινὸν τῆς κόμης обозначает собрание всех жителей поселения; в свете приведенного материала это кажется несомненным. «Община поселения» выступает в качестве организации, от имени которой ведутся работы по строительству сакральных сооружений. Таковы, в частности, надписи IGRR, III, 1186 и 1187 из Умм-аз-Зитуна (282 г.), где речь идет о постройке священной скинии. Из этой группы особый интерес представляет вторая надпись, имеющая существенное дополнение: τὸ κοινὸν τῆς κόμης καὶ τοῦ θεοῦ. Соответственно «община поселения» должна была представлять собой не только гражданский коллектив, но и сакральную организацию, объединенную общим культом. Аналогичную ситуацию отражает и надпись Wadd., 2209 из Эглы, согласно которой οἱ ἀπὸ κόμης Ἑγλῶν воздвигают «своему богу Этаю» δημοσίαν τὴν οἰκοδομήν. Очевидно, речь идет о создании сакрального центра общины. Наряду со словом κοινὸν употребляются и иные. Так, помимо только что приведенной в надписях из Зоравы встречаются формулы: Ζοραυητῶν γενοῖσι ἀνέθηκον (Wadd., 2479), [εἰ ἀπὸ μητροκομίας Ζοραυητῶν (Wadd., 2480). Укажем еще формулу οἱ κομῆται ἔκτισαν ἑῖς ἰδίαν τῶ(ι) κοινῶ(ι) (IGRR, III, 1213; из Кафр-Лаха, 263 г.).

Деятельность совета в поселениях прямо засвидетельствована только Сирийским судебником V в. (§ 95), где упомянуты старейшины (sābē), которые управляют поселением (meṣarnesīn qritā). В присутствии старейшин должно было вскрываться завещание, причем следовало соблюсти обычаи данного поселения (diqā'-ūmātā deqrītā). В надписях упоминаются булевты (IGRR, III, 1187; Wadd., 2331a, 2339). По справедливому замечанию Харпера, это упоминание свидетельствует о существовании в подобных поселениях совета. К соображениям Харпера можно добавить, что в надписи Wadd., 2188 из Джамайны плохо сохранившийся фрагмент может быть восстановлен следующим образом: ἔθηνεν τὸ σ[υνέδριον] κόμης ἀπάσης. Если бы данное восстановление оказалось обоснованным, перед нами был бы документ, отражающий сакральное посвящение по постановлению совета общины. Булевты в надписях выступают в роли людей, на средства или попечением которых возводятся те или иные сооружения.

Одним из высших магистратов в поселениях был стратег. Надпись Wadd., 2399 (соотв. IGRR, III, 1213) из Кафр-Лаха, датируемая 236 г., показывает, что стратегия была здесь эпонимной магистратурой; единственная датировочная формула в данном тексте гласит: στρατείας Οὐλ(πίου) Σχαυριανοῦ. Надпись Wadd.,

2520 (соотв. IGRR, III, 1125) из Шаары, датируемая началом III в., установлена от имени трех стратегов: Прокла сына Германа, Сэя сына Зобайда и Алея сына Абаба. Очевидно, в данной местности должность стратега была коллегиальной. Кроме того, известны ἐπιμεληταὶ ἀπὸ κομῆς Αἰνκαρίας⁵². В надписях неоднократно упоминаются иеротамии (Wadd., 2286, 2396; IGRR, III, 1074), проноэты, синдики и πιστοί (Wadd., 2237—2240, 2394—2395), а также диойкеты (Wadd., 2188). Все эти магистраты фигурируют в перечисленных выше документах в связи с различными строительными работами, входившими, очевидно, в сферу их деятельности. Надпись Wadd., 2188 из Джамайны имеет примечательную формулу, относящуюся к названным в ней диойкетам: τοὺς πάντοτε σπουδαίους κομῆς ἀπελέξατο δῆμος. Иными словами, эти магистраты и, видимо, остальные, хотя об этом прямых указаний нет, избирались на народном собрании.

Надписи не содержат материала, который бы позволил с достаточной степенью достоверности определить различие в правовом положении полисов и поселений, хотя таковое, несомненно, существовало; в противном случае противопоставление тех и других не имело бы смысла, равно как и предоставление статуса полиса или его аннулирование. История Антиохии, которая, как уже отмечалось, на короткое время утратила статус полиса и в качестве комы была присоединена к Лаодикее, показывает, что разница между теми и другими определялась в конечном счете наличием или отсутствием общепризнанного суверенитета. Очевидно, в пределах полисной округи поселения были подчинены суверенной власти полиса, а на императорских землях — императора.

Эти обстоятельства не мешали установлению определенной градации в титулатуре поселений: наряду с κομῆ существовали μη-ροκομία (IGRR, III, 1119; Wadd., 2480, 2396b; IGRR, III, 1112). Видимо, возведение комы в ранг метрокомии должно было сопровождаться предоставлением поселению определенных привилегий, однако конкретными материалами по этому поводу мы не располагаем.

* * *

Формально, как правило, независимые от Рима политические образования на территории Сирии, существовавшие там в конце периода до нашей эры и в первые века нашей эры, в общем, продолжали традиции эллинистической государственности как по своей организации, так и по характеру своих взаимоотношений с городами и иными структурными ячейками, входившими в их состав, а также в области идеологической (наиболее характерный

⁵² R. M o u t e r d e, Inscriptions grecques relevées par l'Institut Française de Damas, — «Syria», vol. 6, 1925, № 40, стр. 359—361.

пример — обожествление всех этих царьков, тетрархов и т. п.). В то же время фактическая их зависимость от Рима была подчас настолько велика, что иногда трудно бывает провести границу между ними и территориями, входившими в состав провинции. Римские власти предоставляли или, наоборот, отнимали те или иные права, земли и т. п., расширяли или сужали сферу деятельности этих царьков, постоянно заискивавших перед ними и добивавшихся расширения своей власти. Как показал еще О. Бон⁵³, зависимость подобных царей от римских императоров выражалась прежде всего в том, что последние признавали того или иного правителя царем (как мы увидим далее, императоры могли изменять «ранг» правителя, соответственно меняя его титул) и утверждали его власть. О. Бон думал, что царская власть в этом случае была прекарной. Однако степень и характер зависимости различных властителей от Рима не были стабильными: они менялись в зависимости и от политической ситуации и в немалой степени от того, насколько удалена была данная область от римских властей, насколько она была им доступна. Некоторые общества были полностью самостоятельными. Не случайно в конечном итоге накануне падения Республики власть римлян над зависимыми от них правителями характеризовалась как «покровительство» (Caes., V. Alex., 65); правда, это «покровительство» имело тенденцию перерасти в более или менее полный суверенитет. К тому же взаимоотношения между Римом и зависимыми от него царствами понятием прекарности не исчерпываются. Они были более сложными.

Коммагена

История Коммагены и ее взаимоотношений с Римом, представляющая бесспорный интерес, известна главным образом по случайным упоминаниям в нарративных источниках, по ряду надписей, в которых речь идет о царях этой территории, а также по монетам⁵⁴. Впервые римляне и Коммагена столкнулись между собой в 69 г. до н. э., когда Лукулл осаждал Самосату; лаконичное сообщение об этом, которое мы находим у Плиния Старшего (Plin., NH, 2, 235), не дает оснований судить, насколько осада была успешной. Аппиан (App., Mithr., 106) рассказывает, что Помпей воевал с Антиохом Коммагенским до тех пор, «пока Антиох не заключил с ним союз»; имеются в виду, очевидно, те же события (ср. Dio Cass., 36, 4, 5). В дальнейшем (App., Mithr., 114) мы узнаем, что Помпей присоединил к территории, находившейся под властью Антиоха I, Селевкию и некоторые другие, в источниках не упомянутые, города Месопотамии. Интересно, что

⁵³ O. B o h n, *Qua condicione iuris reges socii populi Romani fuerunt*, Berolini, 1877.

⁵⁴ Очерк истории Коммагены см. также: E. B a b e l o n, *Les Rois de Syrie, d'Arménie et de Commagène*, Paris, 1890, стр. CCVIII sqq.

в надписях (см., например, OGIS, 383, 390 и др.) Антиох I носит уже титул *φίλορωμαῖος*, явно указывающий на его зависимость от Рима. Правда, одновременно он считает необходимым подчеркнуть, что власть свою он получил по наследству от предков (OGIS, 383) и в ряде надписей (OGIS, 389, 391, 392) возводит свою генеалогию к Селевкидам и Ахеменидам (непосредственно к Дарию). Все эти явления объясняются, надо полагать, стремлением утвердить и отстоять в той или иной форме свою самостоятельность. Этим стремлением наряду с общеполитической ситуацией, позволявшей надеяться на освобождение от римского господства, объясняется и то, что легату Марка Антония, Вентидию, пришлось в 38 г. до н. э. снова осаждать Самосату (см., в частности, Plut., Ant., 34, 2). Наш источник рассказывает при этом, что Антиоху было предъявлено требование выплатить тысячу талантов и выполнять для Антония то, что было предписано. Иными словами, речь шла о том, чтобы заставить Антиоха I выполнять обязательства, вытекавшие из его статуса союзника, восстановив тем самым положение, существовавшее до отпадения царя Коммагены. Овладеть городом римляне не сумели (ср., однако, Fl. Ios., Antt., 14, 447, где говорится о том, что Антиох сдал крепость и τὸ ἔργον; см. также Fl. Ios., BJ, 1, 321—322; более правдоподобны, видимо, указания Диона Кассия, 49, 22, 2, и Плутарха, согласно которым Антоний заключил соглашение с Антиохом на условии, что последний выплатит 30 талантов) и были вынуждены ограничиться изъятиями внешней покорности.

Тем не менее цари Коммагены должны были исполнять обязанности, которые накладывали на них союзнические отношения с римскими правителями. В частности, по сообщению Плутарха (Plut., Ant., 61), Митридат II участвовал в битве при Акциуме (31 г. до н. э.) на стороне Антония; характерно, что наш источник упоминает его при перечислении βασιλεῖς δὲ ὑπάρχοντες.

После смерти в 17 г. Антиоха III в Коммагене имели место волнения: местная аристократия требовала превратить страну в римскую провинцию, тогда как народные массы выступали за сохранение царской власти (Fl. Ios., Antt., 18, 53). Сообщение Иосифа Флавия опровергает указание по этому поводу, которое мы находим у Тацита (Tac., Ann., 2, 42), писавшего (вероятно, не без воздействия официальной римской трактовки событий, происходивших на Ближнем Востоке), что большинство стремилось к подчинению римлянам, тогда как остальные добивались сохранения царской власти. Эта расстановка политических сил вряд ли была случайной: зная, добиваясь включения Коммагены в состав Империи, видимо, надеялась на укрепление своих торговых связей в римской Сирии; кроме того, мелкое царство на границе между двумя мощными государствами едва ли могло ощущать себя политически устойчивым и прочным, в связи с чем местная аристократия могла рассчитывать на определенную политическую стабильность только под властью Рима. Какую-то роль должны были

сыграть и враждебные отношения между местной знатью и царской династией, без чего подобная позиция аристократов вряд ли мыслима. Позиция народных масс объясняется, очевидно, тем, что они обоснованно опасались быть включенными непосредственно в сферу римского налогообложения. Источники не сообщают, как был урегулирован вопрос, ограничиваясь лишь краткой информацией о том, что Германик, наделенный особыми полномочиями, был направлен на Восток для решения тамошних проблем. Однако, судя по тому, что Страбон (Strabo, p. 749) называет Коммагену провинцией, чаяния аристократии осуществились. В 38 г. в Коммагене снова была восстановлена царская власть, причем Антиох IV, получивший ее, приобрел одновременно право взыскивать в свою пользу налоги (Suet., Calig., 16). С перерывами Антиох IV царствовал в Коммагене до 72 г., когда Веспасиан окончательно превратил эту область в римскую провинцию (Flav. Ios., BJ, 7, 220—237). Характерно, что предлогом для этой операции послужило подозрение, согласно которому Антиох намеревался отложиться от Рима, заключив союз с парфянским царем Пакором. Правда, и позже упоминается Антиох Филопапп, носивший царский титул (Plut. Quaest. con. 628B; OGIS, 407, 409, 410), однако осуществлял ли он фактическую власть, неизвестно.

Итурея

История Итуреи⁵⁵, крайне скудно обеспеченная источниками, известна плохо. Тем не менее очевидно, что в период I в. до н. э. — I в. н. э. основным ее содержанием была непрекращающаяся борьба против римской экспансии за самостоятельность, борьба, в конечном итоге закончившаяся поражением.

Во второй половине I тысячелетия до н. э. итуреи, занимавшие обширные территории в долине между Ливаном и Антиливаном, являли собою грозную политическую силу. Страбон (p. 735) дает им чрезвычайно нелестную характеристику, объясняющуюся, видимо, их непрерывными набегами на соседей, а также на торговые караваны. Впрочем, тот же Страбон характеризует долинных итуреев как земледельцев.

Во время установления римского господства в Сирии итуреям удалось сохранить, по крайней мере формально, свою независимость; их правитель Птолемей сын Меннэя откупился от Помпея, выплатив ему тысячу талантов (Fl. Ios., Antt., 14, 3, 2). Однако дипломатическое искусство Птолемея все же не избавило его страну от нашествия римлян, которые сочли за благо разрушить важнейшие крепости Итуреи (Strabo, p. 755). В дальнейшем между этой страной и римской администрацией в Сирии установ-

⁵⁵ Ср.: E. Schürer, *Geschichte des Jüdischen Volkes im Zeitalter Jesu Christi*, Leipzig, 1901, Bd I, стр. 707—725; B e e r, *Ituraea*, — P.-W. RE, Halbbd. 18, 1916, стлб. 2370—2377.

ливаются союзнические отношения: мы узнаем, во всяком случае, об участии итуреев в войсках Цезаря (Caes., B. Afr., 20) и Антония (Cic., Phil., 2, 19; 2, 112; 13, 18).

В 34 г. до н. э., после гибели Лисания сына Птолемея, казнённого Антонием (Cass. Dio, 49, 32; Fl. Ios., Antt., 15, 4, 1; BJ, 1, 22, 3), Итурея, очевидно, перешла под управление римской администрации, распорядившейся ею по своему усмотрению. Около 23 г. до н. э. территории, принадлежавшие Лисанию, оказываются арендованными, по-видимому у римлян, неким Зенодором (Fl. Ios., Antt., 15, 10, 1); после его смерти в 20 г. Август передал их иудейскому царю Ироду (Fl. Ios., Antt., 15, 10, 3; BJ, 1, 20, 4; Cass. Dio, 54, 9), за потомками которого они сохранялись, по-видимому, в течение едва ли не всего I в. Аналогичная судьба постигла и Абилену, которую Калигула передал Агриппе I (Fl. Ios., Antt., 18, 6, 10). Дальнейшая судьба этих территорий неизвестна.

В начале I в. н. э. возникает вооруженный конфликт между римскими властями и собственно Итуреей (CIL, III, Suppl., 6687). В 38 г. Калигула передал власть над нею Соэму (Cass. Dio, 59, 12), после смерти которого в 49 г. Итурея стала интегральной частью провинции (Tac., Ann., 12, 23).

Рассмотрение всего изложенного выше материала показывает, что, несмотря на невхождение формально независимых царств в состав провинции Сирия, политика римских властей по отношению к ним определялась теми же принципами, что и политика Рима по отношению к сирийским городам. Формальный союз перерастал в фактическое верховенство, носившее характер римского сюзеренитета; при этом наблюдается тенденция к ликвидации местной царской администрации и установлению непосредственного контроля римских властей.

СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В СИРИИ В ПЕРИОД КРИЗИСА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ II—III вв.

Экономическое развитие Сирии и соответствующие изменения социальной структуры этой страны в период принципата имели своим последствием возникновение глубоких противоречий между отдельными социальными слоями внутри сирийского общества. Разобранный выше материал позволяет постулировать конфликт между зажиточной торгово-ремесленной верхушкой и разоряющейся, закабаляемой беднотой. При этом противоречие между рабами и свободными усугублялось тем, что имущественное положение раба, в той или иной форме владевшего и самостоятельно распоряжавшегося значительными ценностями, его активное участие в экономической жизни не соответствовали его формальному рабскому статусу. В среде юридически свободных углубляется социальная дифференциация; отчуждаемость и свободное обращение земельных фондов не могли не привести к разорению одних и обогащению других; одним из последствий этого было возникновение новых форм зависимости при сохранении личной свободы. В свете сказанного получают свое объяснение те весьма нелепые и тенденциозные отзывы о сирийцах, которые мы встречаем в поздней античной литературе. В наиболее концентрированном виде ходячие представления о сирийцах были сформулированы Геродианом (2, 7): «сирийский народ по природе легкомыслен и склонен к изменению существующего порядка». «Легкомыслие» и стремление к новшествам — этими выражениями античная историография обозначала, как правило, глубокое брожение и недовольство, которые по тем или иным причинам охватывали общество.

Идейная борьба в сирийском обществе в I—III вв.

Распространение в Сирии религиозно-этических учений

Глубокие социальные конфликты внутри общества, тяга самых различных его слоев и группировок к радикальному преобразованию существующего строя создали благоприятную об-

становку для распространения в Сирии религиозно-этических учений, в той или иной форме проповедовавших борьбу со злом, уничтожение греховного мира, создание царства добра и справедливости. Одним из таких учений, наиболее влиятельным, было христианство.

Идейная и политическая эволюция христианства на протяжении более 150 лет является предметом углубленного историко-филологического исследования. Историки-марксисты, прежде всего Ф. Энгельс, глубоко раскрыли основные направления его развития, социальное содержание тех идей, которые оно проповедовало на различных этапах своей истории. Сказанное извещает нас от необходимости снова подробно анализировать этот процесс и позволяет ограничиться лишь замечаниями, касающимися непосредственно интересующей нас страны.

Как известно ¹, Сирия фигурирует в церковной традиции как страна, где христианские общины существовали уже в I в. А. Харнак отмечает, что они засвидетельствованы в Тире (Деян., 21, 4), Сидоне (Деян., 27, 3), Птолемаиде (Деян., 21, 7), Дамаске (Деян., 9, 2 и 10—20), Триполисе (Const. Apost., 7, 46), Антиохии (Деян., 11, 19—30; 13, 1—3; 15). Нет основания не доверять этим данным, хотя легенды о деятельности апостола Павла, в которых эти объединения фигурируют, и являются продуктом относительно позднего (II в.) христианского мифотворчества. Предания о переписке эдесского царя Абгара с Иисусом Христом, о миссионерской деятельности в Эдессе одного из христианских апостолов и о том, что уже с I в. Эдесса была целиком христианской, А. Харнак считает недостоверными; с нашей точки зрения, они отражают определенную объективную реальность — существование на раннем этапе истории этого вероучения христианской общины в Эдессе. Мы не имеем сведений непосредственно из Сирии об этническом и социальном составе древнейших христианских коллегий. Очевидно, как и повсеместно, первоначально христианство развивалось в иудейской среде, в рамках иудейской диаспоры. Победа паулизма, сложившегося преимущественно на сирийской территории под непосредственным воздействием гностицизма (Р. Ю. Виппер показал огромную роль, которую сыграли в этом процессе Маркион и его последователи ²), и разрыв с ортодоксальным иудаизмом заметно облегчили распространение христианства среди сирийских «язычников». Не случайно именно здесь, в Антиохии, создаются первые сообщества христиан неиудейского происхождения. Некоторое представление о темпах распространения христианства дает список участников Никейского собора (325 г.), где Сирию представляли епископы Тира, Сидона, Триполиса, Берита, Антарада, Панаеды, Антиохии, Селевкии, Лаодикеи,

¹ Подробно см.: A. H a r n a c k, *Die Mission und Ausbreitung des Christentums in den ersten drei Jahrhunderten*, Leipzig, 1902, стр. 427—448.

² Р. Ю. В и п п е р. *Возникновение христианской литературы*. М.—Л., 1946.

Рафани, Гиераполя, Германиция, Самосаты, Эмессы, Пальмиры, Долихе, Баланей, Габулы, Зевгмы, Ларисы, Эпифании, Аретусы, Неокесарии, Кирра, Гиндара, Аброкадамы, Габбалы. Крупными центрами христианства стали Босра и Гераса.

По известному рассказу Лукиана (*Lucian, De morte Per.*, 11—13), сирийские христианские общины были достаточно тесно спаяны, чтобы оказывать друг другу взаимопомощь в случае, если кто-нибудь из них подвергнется преследованиям, и достаточно богаты, чтобы доставлять в тюрьму своему главе и пророку денежные средства, а также подкупить охрану. Очевидно, среди сирийских христиан в середине II в. (именно к этому периоду относится повествование Лукиана) имелись не только социально обездоленные и граждански пассивные элементы (Лукиан говорит о старухах, вдовах и сиротах), но и люди, обладавшие денежными и иными средствами. Однако описанные Лукианом явления, в том числе и использование христианских общин авантюристами вроде Перегринна для обеспечения своего преуспевания, — итог длительного предшествующего развития.

На раннем этапе своей истории христианство обращалось к бедноте, к социальным низам; не случайно в Малой Азии еще в первой половине II в. видную роль в этих общинах играли рабыни (*Plin., Epist.*, 10, 96—97). Вероятно, нечто аналогичное имело место и в Сирии. Представителей социальных низов привлекал характерный для христианской проповеди мессианизм, эсхатологические учения о близкой гибели Римской империи и вместе с нею существующего миропорядка, о возникновении на ее развалинах тысячелетнего царства божьего — царства добра и социальной справедливости. Отрицательное отношение к частной собственности и богатству сочеталось здесь с идеей равенства всех людей перед богом, равенства, которое не только абстрактно провозглашалось, но и реализовывалось в повседневной жизни христианских общин. Нравственное совершенствование человека представало перед верующим как путь преодоления царящего в мире зла.

Изменение социального состава христианских общин, приход зажиточных, а то и просто богатых людей, победа паулинизма существенно изменили само содержание учения. Правда, христианство, сохраняя прежние мотивы своей проповеди, что привело к серьезным внутренним противоречиям, как и раньше, обращалось к угнетенным и обездоленным. Однако оно переносило теперь возникновение царства божьего, которое к тому же оказывалось не от мира сего, в отдаленное и крайне неопределенное будущее. Христианство теперь склонно к примирению с Империей и идеологическому оправданию существующего общественно-политического строя. Оно требует, чтобы рабы безропотно несли свою ношу, покорно, не за страх, а за совесть служа своим господам.

Эта идейная эволюция христианства, победа паулинизма и

создание на этой основе монархической епископальной церкви были результатом ожесточенной борьбы внутри общин, проследить которую при нынешнем состоянии источников едва ли возможно. Тем не менее показательно, что в Сирии были широко распространены еретические движения, в том числе иудеохристианство. Апамея в III в. была центром (или одним из центров) ереси элkesаитов³, в Сирии разворачивалась борьба с монтанизмом, новатианством и антиринитаризмом. Как известно, для монтанизма характерно отрицательное отношение к государству и стремление к добровольному мученичеству, проповедь о близком сошествии небесного Иерусалима, строгость брачной жизни, отказ от имущества. Новатианство, получившее распространение в III в., в условиях антихристианских гонений, резко выступало против примирения ортодоксальной церкви с «падшими», в трудной ситуации так или иначе отрекавшимися от христианства, в конечном итоге — против попыток ортодоксальной церкви достичь примирения с государством. Антиринитарики пытались сопротивляться приспособлению христианства к «языческим», политеистическим представлениям⁴.

В Сирии сложилось или получило широкое распространение и своеобразное направление гностицизма, связанное с именами Сатурнина, Маркиона и Бардесана. Сатурнин, современник императора Адриана, учил, что от «неведомого бога» исходят зоны, семь из которых (космократоры), возглавляемые иудейским богом, создали свое царство из враждебной свету материальной субстанции, похищенной у сатаны. По ниспосланному им образу неведомого всевышнего бога они создали человека, который первоначально не мог даже стоять прямо и ползал подобно червю. Бог заронил в людей искру света, однако этим, духовным людям сатана противопоставил других, сотворенных только из материи, беспощадно преследующих первых. Для их спасения всевышний бог послал в призрачном теле спасителя, мессию, который научил людей путем познания и аскетизма освободиться от уз материи, ее властителя — сатаны и космократоров⁵. Для учения Маркиона, по преданию, сына синопского епископа, характерны полный разрыв с иудаизмом и построение монархической церкви. Он утверждал, что благому богу-отцу противопоставлено злое начало (демиург Йахве, сотворивший мир и давший миру закон, но не вдохнувший в человека силу исполнить его и поддерживающий порядок на земле строгими предписаниями и жестоким посмертным воздаянием). Благой бог, чтобы освободить от демиурга страждущее человечество, в образе сына в призрачном теле сошел на землю, научил людей, как избавиться от власти демиурга, но за

³ А. Н а г н а с к, Mission, стр. 431, 437.

⁴ Подробно: П. З. К о з и к, Социальные основы христианского сектантства II—III вв., Казань, 1966.

⁵ В. В. Б о л о т о в, Лекции по истории древней церкви, т. II, СПб., 1910, стр. 224—225.

это последний пригвоздил его ко кресту. Свою призрачной смертью бог воспользовался, чтобы освободить всех умерших. Освобождение живых осуществляется, по Маркиону, при втором пришествии спасителя, являющегося в своей славе, показывающего нарушение демиургом собственного закона. Чтобы избежать наказания, демиург отдает спасителю всех, кто уверует в него, за чем следует явление Христа апостолу Павлу и проповедь последнего со всеми присущими ей чертами ⁶. Как уже говорилось, из учения Маркиона вырос паулинизм, однако и в чистом виде общины маркионитов засвидетельствованы эпиграфически еще в начале IV в. (Wadd., 2558). Воззрения Бардесана (154—222) известны плохо. Насколько об этом можно судить ⁷, он был противником Маркиона ⁸. С его точки зрения, бог — создатель мира, оказывающий воздействие на мир опосредствованно и в соответствии с им самим установленными законами, так что все предметы, в том числе и человек, обладают определенной степенью самостоятельности, хотя бог и может в любой момент вмешаться в течение мировых событий. Человек обладает, по Бардесану, свободой воли и, в зависимости от собственного поведения, грешен или праведен. Однако при всех условиях должна быть выполнена божья воля; то, что ей соответствует, — добро, что противоречит, — зло. Из этого исходят этические принципы Бардесана: делай для других то, что ты желаешь, чтобы другие сделали тебе; не делай того, чего ты не хочешь, чтобы другие сделали тебе. Он призывал христиан воздерживаться от выполнения законов, противоречащих христианской этике. Болезнь и здоровье, богатство и бедность, однако, не зависят от свободного самоопределения человека: последний, каким он является окружающим, не в состоянии уклониться от воздействия направляющих сил, исходящих от божества. Отвергая воскресение плоти, Бардесан учил, что в ином мире души пребывают в раю — обители благодати. Существующий миропорядок установлен на 6 тыс. лет, после чего бог создаст царство добра и покоя. Оставляя в стороне чисто богословские, мистические построения (гностический дуализм, несомненно, развился под влиянием иранских культов), отметим только следующее. Сама по себе повышенная сложность гностических построений не означает, что его создатели обращались только к «образованной» и, следовательно, зажиточной аудитории. Ожесточенная полемика христианских апологетов против гностических учений, в особенности против Маркиона, свидетельствует о большом размахе гностической пропаганды. Во всех своих разновидностях гностицизм призывал к примирению с действительностью; преобразование мира и спасение здесь не имело последствием сколько-нибудь радикальное изменение общественной организации: речь шла о

⁶ В. В. Болотов, Лекции, II, стр. 228—230.

⁷ Подробно см.: А. Мерх, Bardesanes von Edessa, Halle, 1863.

⁸ См. об этом также: Л. Дюшэн, История древней церкви, т. I, М., 1912, стр. 304—305.

правственном совершенствовании личности, подчиняющейся установленному богом миропорядку. Независимо от субъективных устремлений того или иного проповедника, эта идеология была выгодна верхним слоям общества, заинтересованным в сохранении существующих в данную эпоху общественных отношений.

Итак, в течение II—III вв. в христианских общинах, в том числе и в Сирии, велась ожесточенная идейная борьба, за которой скрывалось противоборство двух социальных группировок: бедноты, угнетенных, мечтавших о радикальных преобразованиях, и выходцев из среды господствующего класса, стремившихся к укреплению и идеологическому оправданию существующего строя. Победили (в общемперском и локальном, сирийском, масштабе) последние.

В Сирии интересующего нас времени известно было и другое религиозно-этическое учение — митраизм. В начале текущего столетия Ф. Кюмон говорил о том, что, хотя митреумы имелись в таких приморских гаванях, как Арад и Сидон, в целом митраизм в Сирии известен был слабо⁹. В то же время он склонен приписывать распространение митраизма на Западе наряду с солдатами и ветеранами влиянию сирийских колонистов¹⁰. Раскопки Дура-Европос позволили обнаружить митреум в пределах римского лагеря¹¹. М. И. Ростовцев считал возможным, что в Дура-Европос митраизм занесли воины пальмирского происхождения, может быть пальмирские лучники, а в Пальмиру его занесли не обязательно римские солдаты: это могли сделать и купцы. М. И. Ростовцев указывает и на памятник митраистского культа из Соады. Предположения Ф. Кюмона о том, что почитание Митры не было распространено в глубине Сирии, таким образом, не оправдывается.

Как известно, в основу митраистских представлений о мире положена идея борьбы сил света и тьмы и конечной победы первых над вторыми. Миром управляет судьба, которой невозможно избежать; развитие вселенной подчинено неизменным законам, а ее различные элементы внутренне связаны между собой; расположение планет, их взаимосвязи вызывают поток земных событий. Неумолимая необходимость влечет род человеческий к неведомой цели; враждебные злобные духи стремятся погубить человека; однако существуют и благие силы, исполненные милосердия и сострадания к смертным. Митраисты возлагали надежду на их покровительство и защиту, на то, что они одолеют силы зла. Посредником между страдающим человечеством и недоступным, непознаваемым божеством, владычествующим в эфирных сферах, является Митра — рожденный камнем, вооруженный ножом и

⁹ F. Cumont, *Die Mysterien des Mithra*, Leipzig, 1911, стр. 30.

¹⁰ Там же, стр. 54—56.

¹¹ M. Rostovtzeff, *Das Mithräum in Dura*, — «Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Römische Abteilung», Bd. 49, 1934, стр. 180—207.

несущий факел, которым он осветил тьму, осеняющий тех, кто в него веруют, свою защитой и покровом. Он — творец природы, он следит за поддержанием в ней порядка; иначе говоря, по обоснованному наблюдению Ф. Кюмона, Митра предстает перед своими почитателями в облике Логоса — эманации божества, демиурга и космократора. Жизнь — испытание, считали митраисты, и, чтобы его выдержать, необходимо подчиняться законам, которые бог дал древним магам, стремиться к полной чистоте, преодолевать искушения плоти, вести непрерывную борьбу с силами зла. Дуалистическая система митраизма, — замечает Ф. Кюмон, — была устремлена к тому, чтобы способствовать развитию и совершенствованию человеческой личности. Добро митраисты видели в деянии, в мужественном подвиге; именно здесь человек ощущает поддержку Митры — защитника добра и справедливости. Существенным элементом митраизма была вера в загробную жизнь обитающей в человеке божественной субстанции и в посмертное воздаяние. Митра выступает в роли судьи, определяющего судьбу каждого на том свете; он сопровождает верующих на их пути к эмпирею; он — небесный отец, встречающий их в своем светлом жилище, как детей, вернувшихся из далекого странствия. Знал митраизм и веру в воскресение во плоти. В конце мира силы зла будут побеждены, а добрые отделены от злых; первые обретут бессмертие, а вторые будут уничтожены божественным огнем. Все изложенное определяло и политическое содержание митраизма. С точки зрения адептов этого учения, император, едва родившись, уже предназначен звездами для власти; император божествен, так как он несет в себе определенные элементы солнечного божества, земным, хотя и преходящим воплощением которых он является. После смерти император возвращается на звездное небо, чтобы там жить как равный среди равных в сонме богов¹². Как видим, митраизм приводит к идейному оправданию императорской власти и, следовательно, всех тех явлений общественной жизни, которые так или иначе связаны с нею. Классовый смысл этой позиции очевиден.

Политические идеалы сирийского общества

Наряду с этими религиозно-этическими учениями, которые, с одной стороны, отражали стремление угнетенных и эксплуатируемых слоев общества к социальным преобразованиям и, с другой — желание угнетателей и эксплуататоров так или иначе закрепить существующий порядок вещей, в Сирии интересующего нас времени, несмотря на скудость и отрывочность дошедшего до нас материала, можно констатировать распространение настрое-

---

¹² Реконструкцию идейного содержания митраизма см.: F. Cumont, *Mysterien*.

ний и концепций, далеких от мистицизма, но тем не менее выявляющих политические идеалы различных общественных группировок.

В связи с этим значительный интерес представляет рассказ Геродиана (2, 7) об отношении сирийцев, в частности антиохийцев, к Песценнию Нигеру. Геродиан пишет: «Была у них (сирийцев. — *И. Ш.*) и некая страсть к Нигеру, который кротко всем управлял и чаще всего праздновал вместе с ними. Ведь сирийцы — по природе любители праздников, из них в особенности жители Антиохии, города величайшего и богатого, которые почти целый год справляют праздники и в самом городе, и в пригородах. Нигер, постоянно устраивая для них зрелища, о которых они больше всего заботились, и даруя освобождение от податей ради устройства празднеств и развлечений и делая приятное, заслуженно был почитаем». Далее Геродиан повторяет (2, 8): «Песценний Нигер развлекался вместе с антиохийцами, отдав себя празднествам и зрелищам».

Параллельные материалы, относящиеся к центру Империи, а также к другим ее провинциям, позволяют думать, что наиболее заинтересованы в празднествах и сопровождающих их раздачах были «низшие» и в какой-то мере средние слои общества. Очевидно, их расположения Песценний Нигер добивался прежде всего. Данная группа населения рассчитывала, по-видимому, на изменение своего имущественного и общественного статуса после прихода к власти Песценния Нигера; почти непрерывные празднества должны были послужить своеобразным преддверием грядущего «золотого века» и общего благополучия. Претендент, устраивавший празднества и зрелища, и его войска казались реальной силой, способной выполнить требования этих кругов.

Демагогическая политика Песценния Нигера обнаружила стихийное, едва ли четко формулировавшееся, но тем не менее определенное стремление социальных низов и «средних» слоев поддержать «хорошего» императора, готового, как казалось, удовлетворить их пожелания.

Наиболее активно в жизни сирийского общества участвовала городская знать. Обычно предполагается¹³, что политические идеалы городской рабовладельческой верхушки Империи нашли свое отражение в сочинении Флострата «Жизнеописание Апполлония Тианского». Мы остановимся здесь на двух важнейших вопросах, затронутых в этом сочинении: о судьбах полисной организации и об императорской власти.

С точки зрения Флострата, полис есть объективно существующая реальность; проблема заключается в том, чтобы обеспечить гражданский мир. Он пишет: «Также и о том, как управлять полисами, избегая опасности, он (Аполлоний. — *И. Ш.*) спорил со смиреннейшими, видя, что они не согласны друг с другом и их

¹³ Е. М. Штаерман, Кризис рабовладельческого общества в западных провинциях Римской империи, М., 1957, стр. 284—292, 309.

мнения не совпадают. Он сказал, что правильно управляемый полис нуждается в конфликтующем единомыслии. Так как окружающие думали, что это сказано и необедительно, и внутренне противоречиво, Аполлоний, сознавая, что многие не поняли его речи, — «белое», — сказал, — «и черное никогда не будут одним и тем же, горькое не смешать со сладким без вреда, единомыслие же будет порождать столкновения ради спасения городов. Убедимся же в том, что я говорю. Противоборство, ведущее к мечам и к тому, чтобы люди побивали друг друга камнями, да минует полис, который нуждается в воспитании детей, и в законах, и в людях, владеющих словом и делом. А честолюбивое соревнование друг с другом в ведении государственных дел и в том, чтобы высказать лучшее мнение, лучше другого выполнять обязанности магистрата, быть более блестящим послом, возводить более блестящие сооружения, чем в магистратуру другого, — эту вражду я считаю хорошей, как и противоборство друг другу из-за государственных дел» (Philostr., Vita Apoll., 4, 8, 1—2). Далее (Philostr., Vita Apoll., 4, 8, 3). Филострат говорит о благополучии полиса, возникающем потому, что граждане отдают для служения ему свои способности и каждый делает свое дело (см. также Philostr., Vita Apoll., 4, 9, где использовано древнее сравнение полиса с кораблем — на этот раз для того, чтобы подтвердить простую истину: каждый должен делать для полиса то, что он может, и тогда благодаря совместным усилиям граждан город процветает).

Оставляя в стороне вопрос о философских истоках концепции Филострата, заметим только, что она предполагает, во-первых, сохранение и укрепление полисной организации и, во-вторых, поощрение политической активности граждан. Именно она, эта активность, кажется Филострату надежным средством обеспечить мир и спокойствие государства. Хотелось бы обратить в этой связи внимание на существенные различия между концепциями Филострата и Плутарха. Если последний видел в общественно-политической деятельности нечто иллюзорное, поскольку реальная власть находится в руках чужеземцев-римлян, то первый считал эту деятельность важнейшим и неперемнным условием нормального функционирования полисной организации. Очевидно, в формировании взглядов этого рода нашло свое отражение стремление местной аристократии пройти городскую карьеру, использовать полисную организацию для защиты своих классовых интересов.

Другая проблема, стоявшая перед Филостратом, — роль и характер императорской власти. Ее решение он предлагает в следующих словах Аполлония (Philostr., Vita Apoll., 5, 35, 4): «Меня не заботит ни одно государственное устройство, ибо я живу под властью богов. Но я не хотел бы, чтобы человеческое стадо погибло из-за отсутствия справедливого и мудрого пастыря. Подобно тому как один, выдающийся добродетелью, преобразовывает демокра-

тию так, что она кажется режимом власти одного наилучшего мужа, подобно этому власть одного, целиком направленная на пользу государства, — демократия». Далее, в поучении, обращенном к Веспасиану от имени Аполлония, Филострат набрасывает некоторые черты идеального правителя (Philostr. Vita Apoll., 5, 36, 1—4): «Царствование — величайшее из человеческих дел; научить этому нельзя. Как поступая, ты, по моему мнению, поступал бы разумно, — про это я скажу. Богатство цени не спрятанное в сокровищнице (ибо чем оно лучше сvezенного песка?) и не приносимое людьми, оплакивающими уплату податей, ибо обманчиво золото и черно, если его приносят слезы. Ты бы воспользовался золотом лучше, чем другие цари, помогая нуждающимся, а имеющим много сохраняя в неприкосновенности богатство. Опасайся позволять себе все, что ты захочешь; пользуйся этой возможностью как можно умереннее. Не срезай самые высокие и выдающиеся колосья (ибо неверны слова Аристотеля), но лучше удаляй зависть, как сорняки с поля, и пусть совершающие новое считают тебя страшным не в том, что ты наказываешь, но в том, что они сами на себя навлекают наказание. Закон, о царь, пусть и тобою управляет, ибо ты самым умеренным образом будешь законодательствовать, если не станешь презирать законы. Богов почитай больше, чем прежде: ведь ты многое от них получил и еще большего желал бы. И то, что относится к государственным делам, совершай, как царь, а то, что к тебе лично, — как частное лицо. Об игре же в кости, и пьянстве, и любовных приключениях, и о ненависти, которую они навлекают, — что бы я мог посоветовать тебе, который, говорят, и в юности этого не одобрял? Есть у тебя, царь, двое благородных, как говорят, сыновей. Над ними властную особенно хорошо, ибо в их прегрешениях, несомненно, обвинят тебя. Пригрози им, что ты не передашь им власти, если они не останутся хорошими и прекрасными, чтобы они считали власть не наследственным достоянием, а наградой за добродетель. Наслаждения, обосновавшиеся в Риме (а их много), я думаю, о царь, следует ликвидировать постепенно: ведь трудно сразу сделать народ благоразумным, но должно понемногу внушать умеренность, одно улучшая явно, а другое — скрытно. Мы бы уничтожили высокомерие вольноотпущенников и рабов, которых дает тебе власть, привыкнув к тому, что они тем смиреннее, чем выше господин, которому они принадлежат. Что же еще сказать, если не о префектах, которые являются к народам, не о тех, кого ты сам пошлешь (ибо ты дашь власть по достоинству), но о тех, кто будет выбран по жребию на должность? Из них, я полагаю, следует посылать тех, кто соответствует народам, которые выделены по жребию, ... говорящих по-гречески — властвовать над греками, говорящих по-латыни — над теми, кто владеет этим языком. Я скажу, почему так думаю. В те времена, когда я жил в Пелопоннесе, Элладой управлял человек, не знавший греческого языка, и греки не понимали его. Многие колебалось и было поколеб-

лено: ведь члены синедриона и участники судебных заседаний торговали правосудием, принимая префекта за раба. Это, царь, я могу сказать сегодня; если же что-нибудь еще придет в голову, мы снова встретимся. Ныне же делай то, что приличествует власти, дабы подданные не сочли тебя лентяем». Наконец, укажем еще на один эпизод, главным действующим лицом которого является Аполлоний (Philostr., Vita, Apoll., 1, 27, 1): «Когда он явился в Вавилон, сатрап, ведавший большими воротами, полагая, что он прибыл, чтобы посмотреть город, подал золотой портрет царя, пред которым если кто не преклонит колена, не получит разрешения войти. Послам от римского властителя все это не было обязательно, тогда как приходивший от варваров или знакомившийся со страной, если предварительно не совершал обряда перед портретом, подвергался бесчестью; и господствует у варваров такая глупость. Так вот, когда он увидел портрет, — „кто, — сказал, — этот“? А услышав, что царь, — „этот, — сказал, — пред кем вы преклоняете колена, возвеличится, если заслужит мою похвалу, оказавшись хорошим и прекрасным“».

Итак, с точки зрения Филострата, императорская власть необходима для того, чтобы человечество могло существовать, и, следовательно, император выступает в роли гаранта существующего порядка. Он сохраняет богачу его богатство и помогает бедняку выбиться из нужды. Последнее особенно существенно: речь идет об устранении почвы для социальных конфликтов. Филострат резко отрицательно относится к «восточному» деспотизму, отвергая его внешнюю обрядность (проскинеза), настаивая на том, чтобы император подчинялся закону и проявлял умеренность, не допуская самовластия. Агенты императорской (и вообще центральной) власти должны подбираться так, чтобы был обеспечен контакт с населением. Отсутствие взаимопонимания ведет к бессилию верховной власти и в результате — к торжеству беззакония.

Все сказанное позволяет присоединиться к выводу Е. М. Штаерман: общественный идеал Филострата — «это империя, основанная на городской автономии, какой она и была на деле при Антонинах»¹⁴. Учитывая, что этот писатель принадлежал к литературному кружку Юлии Домны, едва ли можно сомневаться в том, что в «Жизнеописании Аполлония Тианского» нашла свое выражение правительственная программа ранних Северов, с помощью которой они рассчитывали привлечь на свою сторону все те слои, которые поддерживали и идеализировали режим Антонинов — сенат, муниципальную аристократию. Связи Филострата с кружком Юлии Домны могут свидетельствовать (учитывая его происхождение), что его идеи или близкая к ним система взглядов были распространены в Сирии в среде местной городской аристократии и жречества.

¹⁴ Е. М. Штаерман, Кризис, стр. 291.

Значительный интерес в этой связи представляет и повествование Геродиана. Живший в конце II — первой половине III в., сириец, а возможно и антиохиец, по происхождению¹⁵, Геродиан в своем историческом труде, охватывающем период от кончины Марка Аврелия до воцарения Гордиана III (180—238), несомненно, выразил политические симпатии и антипатии своего окружения. Судить об общественном положении Геродиана мы можем по его собственному указанию (1, 2, 5): «То, что после смерти Марка в течение всей своей жизни я видел и слышал, — а есть среди этих событий и такие, в которых я принимал непосредственное участие, находясь на императорских и общественных службах, — об этом я написал». Геродиан принадлежал, как видим, к тем кругам, из которых рекрутировались императорские чиновники и полисные магистраты (сам он проделал и ту и другую карьеру и, судя по его осведомленности, достиг высокого поста), т. е. был выходцем из среды сирийской городской аристократии. Взгляды последней на развитие событий в конце II — первой половине III в., ее оценки и суждения, очевидно, оказали решающее влияние на формирование мировоззрения этого писателя.

Идеалы Геродиана проявились в его оценках деятельности римских императоров конца II — первой половины III в. Наиболее благожелательно он относится к Марку Аврелию, Пертинаксу и Александру Северу.

Марк Аврелий в изображении Геродиана предстает как философ на троне, стремящийся к добродетельной жизни, выше богатства и знатного происхождения ценящий мудрость и скромность (по этим качествам он выбирает мужей для своих дочерей), благожелательный, умеренный и доступный (Herodian., 1, 2, 2—4). Предвидя свой близкий конец, Марк Аврелий опасается, что его юный наследник, получив неограниченную власть, откажется следовать добрым примерам и наставлениям, предастся пьяному разгулу (Herodian., 1, 3, 1). По этому поводу император обращается к своим друзьям, и в речи, которую Геродиан вкладывает в его уста, наш автор формулирует основные принципы поведения верховного владыки (1, 4, 2—6): «Неудивительно, что вы обеспокоены обстоятельствами, в которых видите меня: ведь от природы существует и человеческой природе свойственно сострадание несчастным себе подобных, а горести, бросающиеся в глаза, вызывают еще большее сочувствие. Но ко мне, думаю, вы испытываете нечто большее: ведь по тому, как я сам отношусь к вам, я обоснованно надеюсь на взаимное благорасположение. Ныне же для меня самый подходящий момент узнать, не напрасно ли я столько времени оказывал вам почести и проявлял благосклонность, а для вас — отблагодарить, показав, что вы не забыли того, что

---

¹⁵ D o p p, Herodianus, — P.-W. RE, Halbbd. 15, Stuttgart, 1912, стлб. 954—959.

получили. Вы видите у меня сына, которого сами воспитали, еще входящим в юношеский возраст и нуждающимся, как во время бури и шторма, в тех, кто бы направлял его, чтобы, увлекаемый людьми, не понимающими его обязанностей, он не предался дурной жизни. Будьте же вы ему вместо меня многочисленными отцами, заботясь о нем и наилучшее советуя. Ведь и огромного богатства недостаточно, чтобы удовлетворить неумеренность тирании, и преторианцы не в состоянии защитить властителя, если отсутствует благорасположение подданных. В особенности продолжительным и безопасным было правление тех, кто внушал подданным не страх жестокостью, но любовь своею добротою. Ведь не рабы по необходимости, но подчиняющиеся по убеждению стоят выше подозрений, и живут, избегая притворной лести и страданий, и не бунтуют, если их не толкает на это сила и высокомерие. Трудно, располагая властью, умерять и ставить предел желаниям. Советуя ему подобное и напоминая то, что он, присутствуя здесь, слышит, вы и для себя самих и для всех создадите наилучшего императора, и моей памяти воздадите наибольшую благодарность, и только так вы сможете ее (память.— *И. III.*) сделать вечной».

Принципы, которыми, по мысли Геродиана, предполагал руководствоваться в своей деятельности Пертинакс, изложены в речи последнего, обращенной к сенату (*Herodian.*, 2, 3, 5—10): «То, что вы оказали мне огромную честь и обнаружили ко мне исключительное расположение и избрали меня, предпочтя такому своему благородному происхождению, — не допуская подозрений в лести, но давая доказательство и залог благорасположения, другому придало бы дерзости и смелости с готовностью принять предложение и возбудило бы у него надежду на спокойствие, на то, что он легко будет править при столь благоприятном отношении управляемых, а меня такая великая и исключительная честь потрясает и внушает мне страх и немалую озабоченность. Ведь трудно, кажется, найти что-нибудь равноценное, отплачивая за прежние великие благодеяния: когда получившие немного воздают большим, это считается не столько легким делом, сколько выражением признательности, так как тот, кто первым совершил что-то хорошее, вызывает неодолимое чувство благодарности, а воздаяние несоразмерно заслугам называют не столько несостоятельностью, сколько бесчувственностью и неблагодарностью. Итак, я вижу: мне не нужно вступать в обычное соревнование, чтобы показать себя достойным такой чести с вашей стороны. Ведь не в кресле первенство, а в делах, если кто-нибудь его не позорит. Чем больше прошлое вызывает отвращение, так как оно было скверным, тем больше надежды на будущее, что оно будет прекрасно. Гнусные деяния постоянно помнятся (ведь то, что печалит, с трудом изглаживается из памяти), тогда как одновременно и проходит наслаждение хорошим, и изглаживается память о нем, потому что не так радуется свобода, как огорчает рабство, и

никто, без страха владея тем, что ему принадлежит, не приносит благодарность судьбе, полагая, что пользуется своим собственным, тогда как лишенный имущества помнит вечно того, кто причинил ему горе. Если в общественной жизни происходит благоприятная перемена, никто не считает, что он сам получил от этого слишком много, ибо поодиночке люди мало заботятся о полезном для общества и важном для всех, но каждый порознь, если дела идут не соответственно его мнению, считает, что лишился какого-то большого преимущества. Те, кто привык наслаждаться бесконечными и щедрыми роскошными дарами тирании, переход из-за недостатка средств к более благоразумному и умеренному правлению не считают ни мудрой, ни приличной, ни обдуманной политикой, но порицают мелочную и жалкую жизнь. Они не понимают, что невозможно оказывать как попало огромные милости, не грабя и не насильничая, тогда как принцип — раздавать, поразмыслив, все и в соответствии с заслугами каждого, — не заставляя совершать что-нибудь страшное, не создавая несправедливого богатства, учит мудро беречь то, что по-хорошему приобретено. Вам, понимающим это, следует помогать мне, считая общим делом управление государством, подчиняясь власти лучших, а не тирании, иметь самим добрые надежды и обещать это всем подданным». Подразумеваемая именно эти мысли, Геродиан пишет далее (2, 4, 1), что Пертинакс пытался во всем установить порядок и благочиние, а также (2, 4, 9), что он был умерен и стремился к равенству с окружающими.

Обращают на себя внимание следующие особенности речи Пертинакса. Явно сравнивая наступившие «хорошие» времена с предшествующими (царствование Коммода), он противопоставляет свободу рабству, говорит о гарантиях собственности, изменений к «лучшему» в общественной жизни, провозглашает умеренность основой своей политики и, наконец, приглашает свою аудиторию (сенат) разделить с ним власть, объявляя новый режим своеобразной формой аристократии. Сравнение с приведенными выше суждениями Филострата показывает, что концепция последнего и правительственная программа Пертинакса, которую одобряет Геродиан, в основных чертах совпадают. Напомним здесь еще раз высказывания Филострата о «демократической», т. е. коллективной и направленной на общую пользу, власти идеального правителя, о сохранении имущества богатых и материальной помощи беднякам, о подчинении императора закону и умеренности как следствии этого образа действий, наконец, о борьбе с «наслаждениями». Целиком в русле суждений Филострата — Аполлония и Геродиана — Пертинакса конкретные мероприятия последнего, вызывающие одобрение нашего автора: земельная реформа, которая дает возможность каждому желающему занять пустующие земли, в том числе и императорские, становясь впоследствии их собственником, получая на 10 лет освобождение от налогов (Herodian, 2, 4, 6); провозглашение императорских владений

общегосударственным достоянием (Herodian., 2, 4,¹7); обращение доходов от податей на ремонт дорог, т. е. на общегосударственные, а не личные нужды; подтверждение ранее данного освобождения от повинностей (там же).

В заключение приведем характеристику правления Александра Севера, которое Геродиан безусловно одобряет (Herodian., 6, 9, 8): «Когда Александр захватил власть, он был облечен одеянием и именем императора, но ведение дел и управление государством осуществлялось женщинами, которые стремились всему придать более разумный и достойный облик. И прежде всего они выбрали из сената 16 знатных мужей самого почтенного возраста и самого умеренного образа жизни, чтобы они были советниками императора; ничто не говорилось и не делалось, если они, приняв решение по данному поводу, не выражали согласия. Этот режим, при котором царская власть из позорной тирании превратилась в своего рода власть лучших, правился не только народу и войскам, но и сенату. Прежде всего, статуи богов, которые тот (император Гелиогабал. — *И. III.*) снимал с места и таскал, они возвратили в древние и им (богам. — *И. III.*) принадлежавшие храмы и святилища. Тех же, кого он (Гелиогабал. — *И. III.*) привел к почету и власти безрассудно или потому, что они отличались греховными деяниями, они лишили того, что было дано, приказав каждому вернуться к прежнему положению, соответствующему его достоинству. Ведение и организацию всех государственных и судебных дел они вручили самым образованным и сведущим в законах, а военных дел — испытанным и отличившимся на регулярной военной службе». Как видим, и в данном случае помимо восстановления древнего благочестия речь идет об «аристократии», т. е. о разделении императорской власти с сенатом (или сенатской комиссией), иначе говоря, выполняется основное положение политической программы Пертинакса, как ее излагает Геродиан.

Основное внимание Геродиана уделено организации императорской власти и управлению Империей как целым; поэтому его книга не содержит материала, который позволил бы судить о его отношении к полисной организации.

В целом, и общественное положение Геродиана, и близость его воззрений ко взглядам Филострата позволяют видеть в нем идеолога полисной верхушки, поставившей и кадры императорских чиновников. Настойчивое подчеркивание коллективного, аристократического характера императорской власти, того, что образцовый император делит свою власть с сенатом, дает возможность поставить вопрос о связях Геродиана с сенаторскими кругами. Как известно, идеалы по крайней мере части сенаторов были выражены Дионом Кассием в речи Мецената, обращенной к Августу (Cass. Dio, 52, 14—40); он призывал к созданию сильной централизованной монархии, властитель которой, неограниченный император, опирался бы на помощь и поддержку лучших (сенат, по мысли Мецената — Диона Кассия, должен иметь видимость власти и

пользоваться уважением). По мнению Е. М. Штаерман, на концепцию Диона Кассия оказала свое воздействие острая социальная борьба в городах Востока, особенно усилившаяся во время движений Авидия Кассия и Песценния Нигера, обусловившая ненависть этого писателя — сенатора, уроженца одной из восточных провинций, — к «черни» и стремление к способной ее обуздать «сильной» императорской власти¹⁶. Далее мы увидим, что подобные настроения проявились и в ходе политической борьбы на территории Сирии, причем в среде городской аристократии. О позиции сенаторов-сирийцев мы не имеем сведений, хотя едва ли можно сомневаться в том, что идеи Диона Кассия не были им чужды. Хотелось бы при этом подчеркнуть, что, как показал П. Ламбрехт, число сенаторов сирийского происхождения в конце II—III вв. было относительно велико. Из 461 сенатора в царствование Септимия Севера и Каракаллы ему удалось установить происхождение 183 (около 40%); из них — шесть сирийцев (т. е. от 183 — около 2,2%)¹⁷. Если допустить, что подобное соотношение существовало для всего сената, можно предполагать, что общее количество сенаторов-сирийцев достигало 15 — 20 человек. Соответственно и влияние, которое они могли оказать на развитие событий в Сирии, было достаточно ощутимым.

Как бы то ни было, интересы обеих общественных группировок (сенаторов и городской аристократии), насколько об этом можно судить, постепенно смыкались; но тогда благоприятная позиция Геродиана по отношению к сенату показывает, что он выражал настроения не только городской знати и императорских чиновников, но и части сенаторов.

Итак, рассмотренный выше материал позволяет выявить существование следующих, более или менее четко оформленных политических программ.

Во-первых, программа «низов»: ликвидация социальной несправедливости и установление царства добра, равенства и всеобщего благополучия. Достижение этой цели ожидалось либо как следствие явления в мир божественного спасителя и создания царства божьего, т. е. как следствие космического переворота, либо как результат прихода к власти императора, отстаивающего интересы народа.

Во-вторых, программа городской и имперской знати: сохранение и укрепление существующего мирового порядка (и, следовательно, системы общественных отношений) как с помощью проповеди нравственного совершенствования личности и приспособления к определенному высшими силами устройству вселенной (и, значит, человеческого общества), так и путем создания сильной государственной власти, способной подавить движения «черни» и обеспечить необходимую стабильность. Идеальная органи-

¹⁶ Е. М. Штаерман, Кризис, стр. 297.

¹⁷ P. Lambrechts, La composition du sénat romain de Septime Sévère à Dioclétien, Budapest, 1937.

зация государства представляется при этом либо как сочетание умеренной и подчиняющейся закону императорской власти с сильными и пользующимися далеко идущей самостоятельностью полисами (идеология части городской знати; этому соответствует и отмеченное нами стремление представителей сирийской полисной аристократии проделать полисную карьеру и использовать советы и магистратуры для обеспечения своих классовых интересов), либо как власть императора вместе с сенатом (идеология части городской знати и сената), либо как неограниченная, абсолютная императорская власть (также идеология части городской знати и сената).

Общественно-политическая борьба в Сирии во второй половине II — III вв.

Материал, имеющийся в нашем распоряжении, к сожалению, недостаточен для того, чтобы составить себе сколько-нибудь исчерпывающее представление о том, как развивалось общественное движение в Сирии во второй половине II—III вв., как переплеталась с ним идейная борьба. Объясняется это прискорбное обстоятельство не только своеобразием наших источников, основное внимание уделяющих чисто политической истории, борьбе за власть между различными претендентами и их характеристике. Дело еще и в том, что, насколько об этом можно судить, основными действующими лицами в общественно-политической жизни интересующего нас времени были люди, имевшие возможность, используя свое положение в военно-административной иерархии и опираясь на армию, реально претендовать на власть. Само собой разумеется, они выражали настроения определенных социальных группировок и объективно стремились к созданию ситуации, наиболее для этих группировок благоприятной. Складывается впечатление, что народные массы не играли, как правило, в этой борьбе роль активного участника; они лишь воспринимали те или иные изменения, поддерживали того или иного претендента или мечтали о его свержении, одобряли или отвергали те или иные тенденции в его политике. Тем не менее претенденты не могли не искать популярности в народной среде, не могли не прислушиваться к ее требованиям и, следовательно, не принимать мер, которые были бы направлены на удовлетворение ее нужд и предотвращение социальных конфликтов. До нас, правда, не дошли сведения о распространении в Сирии алиментарной системы, однако раздачи здесь, несомненно, имели место (о чем свидетельствуют, в частности, многочисленные пальмирские тессеры).

Первые признаки бунтарских настроений в сирийском обществе могут быть отмечены уже в 30-е годы II в.; они проявляются во время поездки императора Адриана на Ближний Восток. Как известно, эта поездка способствовала значительному укреплению социальной базы императорской власти в провинции: Адриан щедро раздавал привилегии, «основывал» города и т. д. Все это способствовало в конечном счете укреплению позиций городской аристократии и полисного строя в целом. На этом радужном фоне довольно неожиданным выглядит сообщение источника (Ael. Spart., Hadr., 14, 1) о «ненависти» Адриана к антиохийцам: из-за нее Адриан желал отделить Финикию от Сирии, чтобы Антиохия не считалась метрополией столь многочисленных городов (*Antiochenses inter haec ita odio habuit ut Syriam a Phoenice separare voluerit, ne tot civitatum metropolis Antiochia diceretur*)¹⁸.

При нынешнем состоянии источников едва ли возможно установить, какие именно конкретные обстоятельства заставили Адриана «возненавидеть» Антиохию. Несомненно только одно: враждебное Адриану движение в Антиохии могли возглавить только круги, по тем или иным причинам недовольные его политикой. Элий Спартиан видит цель мероприятия, которое задумал Адриан явнов ущерб Антиохии, в том, чтобы ограничить влияние этого города. Практически к этому вело не только разделение провинции, но и предоставление привилегированного положения другим городам. Соответственно оказывались нарушенными интересы антиохийской элиты. Если сказанное верно, перед нами парадоксальная ситуация: политика, благоприятствующая городам, вызывает протест Антиохии и приводит к конфликту между Адрианом и местной аристократией.

Хотя этот эпизод и выглядит единичным явлением на фоне общего внешнего благополучия, его можно считать, учитывая дальнейшие события, предшественником грозных столкновений более позднего времени. Однако новая серьезная схватка с императорской властью происходит в Сирии только спустя почти 40 лет, когда Авидий Кассий выступил в роли претендента на императорскую власть.

Повествуя об этом событии, биограф Авидия Кассия (Vulc. Gallic. Av. Cass., 6, 6) говорит о «любви», которую испытывали к последнему все жители Востока, и в особенности антиохийцы, активно поддерживавшие его притязания. О сирийцах, выступаю-

¹⁸ А. Кальдерини полагал, что данное указание источника ошибочно, поскольку наиболее раннее эпиграфическое свидетельство о разделе Сирии (CIL, III, 205) датируется 198 г. (A. Cald er i n i, La crisi del III secolo d. Cr., Milano, 1945, стр. 27). Он, однако, не учел, что в рассматриваемом тексте речь идет о намерении Адриана, которое по различным причинам могло быть и не осуществлено.

щих на стороне Авидия Кассия, говорится и в речи, которую Дион Кассий (Cass. Dio, 71, 25, 1) вкладывает в уста Марка Аврелия, обращающегося к воинам: «Ведь не сильнее нас киликийцы, и сирийцы, и иудеи, и египтяне». Наконец, Юлий Капитолин (Iul. Capit. M. Ant., 25, 8) повествует о том, что антиохийцы «много говорили против Марка, в поддержку Кассия» (*multa in Marcum pro Cassio dixerant*), а также (25, 10), что Марк Аврелий назвал в одной из своих речей антиохийцев «мятежными» (*seditiosos*). Антиохия сохранила верность Авидию Кассию и в момент, когда обстоятельства сложились для него неблагоприятно. Согласно Vulc. Gallic., Av. Cass., 7, 8, неудачливый претендент был убит «с одобрения всех, кроме антиохийцев» (*consensu omnium praeter Antiochenses Avidius interemptus est*).

В нашем распоряжении мало сведений о том, почему римский Восток, и в частности Антиохия, заняли такую позицию. Биограф Авидия Кассия рассказывает, между прочим, о мерах, которые последний предпринимал для установления дисциплины в войсках, в том числе и в особенности дислоцированных в Сирии, а также о суровых наказаниях, которым он подвергал воинов, грабивших провинциалов (Vulc. Gallic., Av. Cass., 1, 4—9; 6, 1—5). Привлекает внимание и характеристика, которую Вулкаций Галликан дает Авидию Кассию в начале своего повествования (1, 4): «Итак, этот Кассий из семьи, как мы сказали, Кассиев, которые составили заговор против Гая Юлия, тайно ненавидел принципат (*principatum*) и не мог переносить императорского титула, и говорил, что нет ничего тяжелее названия „империя“, потому что оно может быть удалено из государства только другим императором». Оставляя в стороне проблему происхождения Авидия Кассия (сведения его биографа в данном случае едва ли соответствуют действительности), заметим только, что репутация этого человека, нашедшая отражение в процитированном отрывке, отвечает некоей объективной реальности — тому представлению об Авидии Кассии, которое он сам и его сторонники стремились создать. Несомненно, этим целям служила и параллель с Кассием — одним из убийц Цезаря, и «родословная».

Е. М. Штаерман обратила внимание¹⁹ на так называемое письмо Авидия Кассия (Vulc. Gallic., Av. Cass., 14), которое, как она справедливо замечает, основано на традиции, благоприятной Авидию, и, добавим мы, отражает его официально провозглашенную идеологию. В письме сказано: «Несчастно государство, которое терпит этих жаждущих богатства и богатых. Несчастен Марк, человек, конечно, наилучший, который, желая прослыть милосердным, терпит, чтобы жили те, жизнь которых он сам не одобряет. Где Люций Кассий, имя которого мы напрасно носим? Где Марк Катон — цензор? Где вся строгость нравов наших предков? Она давно уже погибла; теперь никто к ней даже не

¹⁹ Е. М. Штаерман, Кризис, стр. 326—327.

стремится. Марк Антоний философствует и занимается вопросами об элементах, и о душах, и о честном и справедливом, и не думает о государстве. Видишь, много нужно мечей, много смертных приговоров (*elogiis*), чтобы государство вернулось к его древнему состоянию. Беда мне с этими наместниками провинций (*istis praesidibus provinciarum*): могу ли я считать проконсулами и наместниками тех, кто думает, будто сенат и Антонин для того дали им провинции, чтобы они роскошествовали, чтобы обогащались? Ты слышал, что префект претория нашего философа за три дня до назначения был нищим и бедным, но внезапно стал богачом. Откуда, спрашиваю, если не от плоти государства и имущества провинциалов? Но пусть будут богатыми, пусть будут состоятельными: они пополняют государственную казну. Только бы боги покровительствовали правым, — потомки Кассия возвратят государству власть принцепса (*principatum*). Е. М. Штаерман видит в этом отрывке свидетельство проявления оппозиции политике Марка Аврелия, требование ограничить крупных собственников. Оно исходило, по ее мнению, от муниципальных рабовладельцев и землевладельцев. К этой характеристике хотелось бы добавить следующее. Когда говорится о «возвращении» государству власти принцепса, когда выражается скорбь по поводу утраченной *disciplina maiorum*, речь идет о возрождении республиканского режима, об уничтожении императорской власти вообще. Протестуя против ограбления провинций и государственной казны императорскими чиновниками, автор письма выступает не против обогащения вообще, а против злоупотребления властью. Наконец, когда он осуждает богатство, это осуждение затрагивает и крупных собственников из среды полисной аристократии. Оно имеет все характерные черты социальной демагогии.

Все эти данные показывают, что Авидий Кассий пытался опереться на круги, принципиально враждебные Империи и искавшие защиты от произвола императорской армии и чиновников. Он стремился привлечь на свою сторону тех, от которых исходило осуждение роскоши и богатства.

Какие это круги, показывает сообщение о судьбе Антиохии после гибели Авидия Кассия. Специальным декретом Марк Аврелий запретил в этом городе зрелища, народные собрания и разного рода сходки (*Iul. Capit., M. Ant., 25, 9: quibus et spectacula et conventus publicos tulerat et omne contionum genus, contra quas edictum gravissimum misit*). *Vulc. Gallic., Av. Cass., 9, 1* к этому добавляет, что Антиохия была лишена и других полисных отличий (*multa alia civitatis ornamenta*). В дальнейшем Марк Аврелий «простил» Антиохию вместе с другими городами Востока, поддерживавшими Авидия Кассия, и вернул ей прежний статус. Нетрудно заметить направление репрессалий, предпринятых Марком Аврелием: он пытался устранить в наказанном городе всякую возможность народного волеизъявления и ликвидировать полисные органы коллективной власти; в результате Антиохия

подпадала целиком под контроль императорских чиновников. Создается впечатление, что меры победителя были обращены против движения, в котором участвовала не только знать, стремившаяся к максимальной самостоятельности своего города, но и шедшая за нею масса рядовых свободных, к которой была обращена социальная демагогия Авидия Кассия.

Значительную роль в общественно-политической жизни Сирии сыграла и попытка легата этой провинции Г. Песценния Нигера захватить императорскую власть (193—194). Как известно, Песценний Нигер был провозглашен императором при следующих обстоятельствах. Вскоре после убийства Коммода, в тот самый день, когда погиб его ближайший преемник Пертинакс (28 марта 193 г.), престол купил у преторианцев сенатор М. Дидий Юлиан. Однако уже 3 апреля императорский титул принял легат Верхней Паннонии Л. Септимий Север; примерно тогда же свои претензии на власть заявил и наместник Британии Альбин. Аккламация Нигера состоялась, вероятно, в конце апреля, его власть признали все восточные провинции Империи. Последнее обстоятельство и личная популярность делали его шансы предпочтительными в условиях, когда на Западе вели борьбу несколько претендентов. Однако победителем в борьбе за власть оказался Септимий Север. Нигер пытался, в начале безуспешно, оспаривать его победу, но уже в конце 193 г. потерпел поражение при Кизике, в 194 г. — при Никее и Иссе, бежал в Парфию, но по пути был схвачен и убит²⁰.

Население Сирии, насколько об этом можно судить, выступило на стороне Нигера. Выше мы уже говорили о демагогической политике Нигера, который, устраивая пиршества и зрелища (Herodian., 2, 7—8), привлекал на свою сторону тех, кто был в этих пиршествах и зрелищах заинтересован, — прежде всего городской пролетариат, мелких ремесленников и торговцев. Показательно, что в его армии было много необученных воинов-антиохийцев (Herodian., 3, 4, 1), в том числе ремесленников (Herodian., 3, 4, 9). В другом месте (3, 1, 3) Геродиан пишет: «Большинство также граждан Антиохии, главным образом юноши, по легкомыслию и из расположения к Нигеру вступали в армию; они делали это, скорее, поддавшись минутному побуждению, чем по зрелом размышлении». В высказывании Геродиана явно ощущается осуждение антиохийцев (может быть, для него было неприемлемым участие народных масс в событиях?), однако ощущается и энтузиазм населения. Об этом же пишет и биограф Септимия Севера (Ael. Spart., Sev., 9, 4): Север потому испытывал особенно сильный гнев на антиохийцев, что они насмеялись над ним даже тогда, когда он уже властвовал на Востоке, и поддерживали Нигера,

²⁰ О хронологии восстания Г. Песценния Нигера см.: M. Platnauer, On the Date of the Defeat of C. Pescennius Niger at Issus, — JRS, vol. 8, 1918; G. A. Harker, The Chronology of the Revolt of Pescennius Niger, — JRS, vol. 10, 1920.

уже побежденного (*Antiochenses iratior fuit, quod et administrantem se in Oriente riserant et Nigrum etiam victu iuverant*). Такое поведение и такая реакция победителя исключают оценку Геродиана: перед нами не легкомысленные и необдуманые действия, но выражение определенной, последовательной политики. До нас дошли и монеты Песценния Нигера, происходящие из Антиохии и Сидона ²¹. Все сказанное позволяет признать обоснованным вывод Е. М. Штаерман: за Нигером, как и за Авидием Кассием, шли «средние» слои (хотелось бы добавить, и местная знать, и низы общества) ²². Наши источники особенно отмечают враждебное отношение Песценния Нигера к сенаторам (правда, речь идет о его действиях на территории балканских провинций; см.: *Ael. Spart., Pesc., Nig.*, 5, 6). Как бы то ни было, Е. А. Черноусов, безусловно, прав, когда он констатирует, что движение Песценния Нигера поддерживали широкие массы населения и что именно поэтому его дело не было проиграно после первого поражения ²³.

Как известно, Дион Кассий (74, 6, 1) оценивает Песценния Нигера как ничем не выдающуюся серую посредственность, которая не заслуживает ни особенной похвалы, ни особого осуждения. Другую позицию мы находим у Геродиана (3, 4, 7), который пишет: «В остальном (иначе говоря, исключая медлительность и неповоротливость. — *И. III.*) он был, как говорят, неплохим человеком, и как правитель, и как частное лицо». Очевидно, деятельность Песценния Нигера, в общем, соответствовала охарактеризованным выше политическим идеалам Геродиана и была направлена на их воплощение в жизнь. Аналогичную оценку мы находим и у Элия Спартиана (*Ael. Spart., Pesc. Nig.*, 6, 10): «Он был наилучшим гоним, необыкновенным трибуном, превосходным военачальником, суровейшим легатом, замечательным консулом, человеком, выдающимся как в частной, так и в общественной жизни, несчастливым императором». И далее (12, 3): «Все убеждены, что, если бы он захватил власть (*rerum potitus fuisset*), он бы все исправил, что Север либо не мог поправить, либо не хотел, и при этом без жестокости, а, наоборот, с мягкостью, но военной, а не дряблой и смешной». Элий Спартиан особо подчеркивает поддержание дисциплины в войсках и защиту провинциалов от насилий.

Тем не менее, как отмечает и Е. А. Черноусов, уже первые победы Септимия Севера обнаружили и движение, враждебное Песценнию Нигеру. Наш источник (*Herodian.*, 3, 3, 3) дает событиям следующее объяснение: «Лаодикейцы в Сирии (восстали. — *И. III.*) из ненависти к антиохийцам, а в Финикии тириане — из вражды к беритянам». Узнав о разгроме Нигера в Малой Азии,

²¹ Н. С о h e n, *De la numismatique de Pescennius Niger*, — «*Revue numismatique*», 1868, стр. 432—445.

²² Е. М. Ш т а е р м а н, *Кризис*, стр. 332.

²³ Е. А. Ч е р н о у с о в, *Очерки по истории Римской империи 180—235 гг.*, Харьков, 1911, стр. 269.

они попытались уничтожить «почести», ранее воздававшиеся ему, т. е. отказались признать его власть. Восстание было жестоко подавлено мавританскими солдатами Нигера. Окончательная победа Севера резко изменила положение: как уже отмечалось, новый император лишил Антиохию статуса полиса и подчинил ее Лаодикее (Suid., s. v. Σεβήρος) и лишь некоторое время спустя восстановил ее статус. Объяснение Геродиана кажется наиболее правдоподобным: наряду с общесирийскими и даже общеимперскими интересами исключительно важным фактором общественной жизни были интересы локальные, в том числе старинное соперничество между городами, их борьба за экономическое и политическое первенство.

Важную роль в политической жизни Сирии в конце II — первой половине III в. сыграло то обстоятельство, что Септимий Север был женат на Юлии Домне, происходившей из эмесского жреческого рода (Ael., Spart., Sev., 3, 1). Этот брак, открывший впоследствии некоторым представителям данной династии путь к императорской власти, обеспечил Северу в Сирии поддержку влиятельных жреческих кругов и, несомненно, способствовал выдвижению на передний план в провинции Эмессы и жрецов бога Гелиогабала. Нося титулы *Pia, Felix, Augusta, Mater augustorum*, а также *Mater castrorum, senatus et patriae*²⁴, Юлия Домна не только в качестве супруги императора занимала высокое общественное положение, но и (в особенности после смерти Севера) могла осуществлять реальную политическую власть, явившись прямой предшественницей Зенобии. Перипетии борьбы за власть между эмесской жреческой династией и Макрином, борьбы, закончившейся гибелью последнего, показывают популярность династии вследствие действительного или предполагаемого родства с Севером и Каракаллой в армии. Впрочем, Дион Кассий (78, 39, 2) рассказывает и о вооруженной борьбе между сторонниками Макрина и эмесской династии в Антиохии. Очевидно, и в данном случае борьба между различными претендентами была по существу формой борьбы между различными социальными группировками, однако мы не имеем данных для того, чтобы судить о социальном составе сторонников и противников Макрина.

Как бы то ни было, придя к власти, ставленник эмесской династии император Гелиогабал начал последовательно воплощать в жизнь ее замыслы. Если отвлечься от скандальных подробностей, которыми переполнена античная традиция о его царствовании, можно, по-видимому, констатировать, что попытка распространить по всей Империи оргиастический культ бога Гелиогабала и

²⁴ См.: M. G. Williams, *Studies in the Lives of Roman Emperresses: Julia Domna*, — *AJA*, vol. 6, 1902, стр. 259—302; H. Bengtson, *Grundriss der Römischen Geschichte und Altertumskunde*, Bd I, München, 1967, стр. 368—369. Х. Бенгтсон указывает (стр. 369, Anm. 2) на точку зрения Х. У. Инстинского, соответствующая работа которого нам не доступна. По мнению последнего, эти титулы Юлия Домна получила уже после смерти мужа.

даже придать ему первенствующее положение означала переход общеимперской реальной власти в руки эмесских жрецов; соответственно основной центр этого культа — Эмесса в перспективе могла занять место Рима. Гибель Гелиогабала привела к краху подобных иллюзий (если допустить, что они действительно существовали, что нам представляется достаточно правдоподобным).

Его преемник и близкий родственник Александр Север круто изменил политику своей династии, рассчитывая именно таким путем сохранить свое и ее положение. Напомним благоприятные отзывы о его царствовании в сочинениях Геродиана и Элия Лампридия. Не случайно и то, что именно фигура Александра Севера была избрана для создания образа идеального императора.

Основные направления его политики детально проанализировала Е. М. Штаерман²⁵. Они сводятся к следующему: передача значительных массивов императорской земли в частное владение или в аренду на льготных условиях, раздача обедневшим представителям муниципальной знати земель, инвентаря и рабов, поселение солдат на пограничных землях и их превращение в военное сословие, ликвидация налогового и повинностного иммунитета ветеранов, возвращение декурионов в города, к которым они принадлежали, и принудительное выполнение повинностей (и одновременно расширение круга тех, кто мог стать или кого можно было заставить стать городским магистратом), освобождение от муниципальных повинностей императорских колонов и откупщиков фиска, а также членов купеческих и ремесленных коллегий. «Правительство Александра Севера, — замечает Е. М. Штаерман, — идя навстречу крупным собственникам и ущемляя военных и городские круги, наносило новый удар античной форме собственности (т. е. античным общественно-экономическим отношениям. — *И. Ш.*) и способствовало укреплению той формы собственности, которая развивалась вместе с экзимирированными сальтусами». С нашей точки зрения, наделение обедневших представителей муниципальной знати землей, рабами и инвентарем, а также принудительное выполнение ими повинностей, очевидно, связаны между собой. Исходя из потребностей своей фискальной политики, правительство Александра Севера делало все, чтобы не допустить развала полиса, закрепить полисные отношения, расширить их социальную базу, устранить тенденции, ведущие к их ликвидации. Применительно к Сирии речь шла, очевидно, о борьбе против абсентеизма части городской знати, о котором мы упоминали ранее, о противодействии ее разорению. Обращают на себя внимание и повинностные льготы гражданам — членам коллегий. Вероятно, всю эту систему можно поставить в связь с программой кружка Юлии Домны, которая нашла свое выражение в цитирувавшейся выше книге Филострата.

---

²⁵ Е. М. Штаерман, Кризис, стр. 370—386.

Как уже говорилось выше по другому поводу, многие сирийские города во второй половине II — первой половине III в. получили привилегированное положение. Антиохия в царствование Каракаллы становится колонией без повинностного имунитета, а при императоре Гелиогабале — метроколонией. Тир получает статус колонии от Септимия Севера, очевидно в награду за свое выступление против Нигера; то же происходит и с Лаодикеей. Сидон и Петра превращаются в колонии, по-видимому, в царствование императора Гелиогабала (Петра получает титул метроколонии), а Босра — при Александре Севере²⁶. Эту же политику осуществляют и Филипп Араб, основавший в районе Шухба город Филиппополь, предоставив ему статус колонии, а Босру превративший в колонию-метрополию²⁷.

Таким образом, если оставить в стороне соперничество между отдельными городами и претендентами, в политическом развитии Сирии во второй половине II — первой трети III в. можно наблюдать следующую определяющую тенденцию: городская аристократия и идущие за нею средние слои и низы общества стремятся к сохранению и укреплению полисной организации в рамках Империи и под властью «хорошего» императора, рассчитывая при этом первые — на сохранение и обеспечение своего господствующего положения, а вторые — на избавление от нужды и эксплуатации в тех благоприятных условиях, которые создадут городские власти и «добрый» император.

Сирийские узурпаторы в 230—240 гг.

Царствования Александра Севера и Филиппа Араба ознаменовались для Сирии появлением новых претендентов на императорскую власть. Наши сведения по этому поводу слишком ограничены, чтобы можно было сделать далеко идущие выводы, однако некоторые обстоятельства, известные по данным нарративной традиции, а также по нумизматическим материалам, заслуживают, несомненно, пристального внимания.

Наши источники довольно определенно говорят о том, что накануне персидского похода Александра Севера, иными словами, около 232 г., в Сирии имели место выступления, враждебные этому императору. Геродиан (6,4) классифицирует их как солдатские бунты; воины пытались совершить переворот и передать власть своему ставленнику. Аналогичные сведения сохранил и Зосима (1, 12): «Воины, мало-помалу уклоняясь от выполнения своего долга перед Александром. . . устраивали бунты». Однако у него имеются и существенные дополнения. По его словам, солдаты вручили власть некоему Антонину; последний оказался не в состоя-

²⁶ Benzinger, Bostra, — P.-W.RE, Halbbd. 5, Stuttgart, 1897, стлб. 790.

²⁷ E. Stein, M. Iulius Philippus, — P.-W.RE, Halbbd. 19, Stuttgart, 1917, стлб. 760.

нии нести бремя власти и скрылся бегством. Поэтому к Александру Северу, очевидно уже после подавления бунта, был приведен в императорской порфире некто Ураний, о котором говорили, что он — рабского происхождения. Само движение было разгромлено.

Как можно видеть, сведения Зосимы резко противоречат общепринятому²⁸ представлению, согласно которому существовал какой-то Ураний Антонин, «князь Эмессы», выступивший в роли «противоимператора». Источники не определяют места действия: известно только, что события разворачиваются в Сирии. Оказывается, что имя претендента было Антонин, тогда как Уранием назывался человек, выданный Александру Северу на расправу. По всей видимости, имя Антонин не было исконным; оно должно было символизировать определенную политическую программу, связанную с традициями династии Антонинов. Если бы такое предположение оказалось справедливым, можно было бы допустить, что узурпатор рассчитывал привлечь на свою сторону сенат и муниципальную знать. Наконец, Антонин оказался бессильным и вынужден был бежать; Ураний как активное действующее лицо не выступает.

Движение 232 г. предстает как неудачная и, видимо, лишенная за пределами военного лагеря какой-либо социальной базы, а потому заранее обреченная на провал попытка выдвинуть «солдатского императора».

Другой претендент, Л. Юлий Аврелий Сульпиций Ураний Антонин, засвидетельствован двумя ауревсами с характерной легендой: *saeculares Augg.*, *cos. 1*²⁹. По обоснованному замечанию Р. Хаузлика, близость этих монет к монетам Филиппа Араба, посвященным тысячелетию Рима, позволяет датировать попытку Юлия Урания Антонина захватить власть не позже 248 г.; в пользу именно такой датировки свидетельствует и формула *cos. 1*. Повидимому, он мог оказывать сопротивление до 253/4 г.; в доказательство Р. Хаузлик ссылается на одну бронзовую монету из Эмессы.

Узурпатор принял обычные для Рима императорские титулы; его имена указывают, кроме того, на явную попытку установить преемственную связь с движением 232 г. На монетах изображен бюст Юлия Урания Антонина, одетого в панцирь и плащ, с лавровым венком. Таким образом, движение развивалось целиком

²⁸ Ср.: W. Ensslin, in: *САН*, vol. X, стр. 70; R. Hauslik, *Uranus Antoninus*, — *P.-W. RE*, Supplbd. IX, 1962, стлб. 1867.

²⁹ W. Froeherr, in: *Annuaire de la société française de numismatique*, vol. X, 1886, стр. 189; H. Dressel, *Erwerbungen des Königlichen Münzcabinefs in den Jahren 1890—1897*, — *Zeitschrift für Numismatik*, Bd XXI, 1889, стр. 243—244. Долго дискутировавшийся вопрос о подлинности этих монет решается в настоящее время положительно. Ср. по этому поводу: H. Seyrig, *Uranus Antoninus, une question d'authenticité*, — *Revue numismatique*, 1958, стр. 54—57; R. Hauslik, *L. Iulius Aurelius Sulpicius Antoninus*, — *P.-W. RE*, Supplbd. IX, Stuttgart, 1962, стлб. 1867—1868.

в рамках римской политической традиции. На кого опирался этот претендент на власть, мы не можем судить за отсутствием данных; каковы были его связи с Эмессой и может ли он быть отождествлен с тамошним жрецом Самсигерамом, которому традиция (вероятно, по аналогии с Оденатом) приписывает сопротивление Шапуру I (Malala, Chron., 12, 296—297), также не ясно³⁰.

Пальмирское царство и его гибель

В середине III в. все более активную роль в политической жизни Сирии и всего Ближнего Востока начинает играть Пальмира. Причины ее возвышения не ясны. Едва ли можно сомневаться в том, что она выдвинулась на передний план благодаря своему богатству и разносторонним торговым связям. Однако это объяснение едва ли можно признать достаточным, поскольку оно имеет в виду постоянно действовавшие факторы и не учитывает специфических особенностей изучаемого периода. Думается, что, как бы парадоксально это ни звучало, политическая активность Пальмиры в середине III в. объясняется прежде всего и главным образом ослаблением центральной власти, для которой Пальмира была даже в нормальных условиях труднодоступной, а в период кризиса, персидских вторжений и поражений римского оружия Пальмира, формально входя в состав Империи, фактически оказалась самостоятельной. Не случайно первое известное нам самостоятельное выступление пальмирских властей на политической арене — война на свой страх и риск против Шапура I, разгромившего Сирию и затем взявшего в плен императора Валериана. Далее мы увидим, что императоры, будучи не в состоянии ликвидировать самостоятельность Пальмиры, предпринимали различные шаги для того, чтобы обеспечить ее формальное вхождение в Империю и лояльность ее правителей.

Для нас наиболее существенны внутренние процессы, которые привели в Пальмире к возникновению династической власти. Нарративная традиция не содержит материала для их изучения; в какой-то степени приблизиться к их пониманию позволяют, быть может, надписи, содержащие сведения о политической жизни пальмирского общества и о карьере семьи Одената — Зенобии, а также о характере ее взаимосвязей с окружающими людьми³¹.

Сколько-нибудь определенными и надежными сведениями о классовой и внутривнутриполитической борьбе в пальмирском обществе мы не располагаем. Тем не менее некоторые косвенные данные сви-

³⁰ К положительному решению этого вопроса склоняются А. Шенк фон Штауффенберг (A. Schenk von Stauffenberg, *Römische Kaiser-geschichte bei Malalas*, Stuttgart, 1930, стр. 372—373) и А. Альфельди (АН, vol. XII, стр. 170).

³¹ А. Альфельди видит основу могущества Одената в наличии сильной армии, прежде всего лучников. См.: A. Alföldi, *Studien zur Geschichte der Weltkrise des 3. Jahrhunderts nach Christus*, Darmstadt, 1967, стр. 188—189.

детельствуют о том, что Пальмира знала, по-видимому, периоды резкого обострения внутренних противоречий, выход из которых правящие круги искали, с одной стороны, в реформах и, с другой — в попытках умиротворения (подавления?). Как известно, принятие знаменитого и не раз упоминавшегося здесь пошлинного тарифа в постановлении совета мотивируется конфликтами между откупщиками и плательщиками пошлин (CIS, II, 3913). Можно, следовательно, говорить об обострении конфликта между различными группами пальмирской денежной аристократии из-за распределения доходов в середине 30-х годов II в. Надпись SEG, VII, 139 (Пальмира, 198 г.), говорящая о назначении стратега, облеченного полицейскими функциями (или, как говорит пальмирский вариант, «который создал мир»), городскими властями и проконсулами, также косвенно свидетельствует о возникновении и ликвидации конфликта внутри гражданского коллектива. Очевидно, диктаторский режим Одената — Зенобии сложился в ходе острой борьбы между различными группами населения города, однако ее направление и цели противоборствовавших группировок пока неизвестны.

Переходим к текстам, характеризующим семью Одената — Зенобии. Самая ранняя надпись здесь — греко-пальмирская билингва CIS, II, 4202 — происходит из Пальмиры и датируется временем 225 г. Она сопровождает погребальное сооружение (τὸ μνημῖον τοῦ ταφεῶνος; qbr'), которое построил на свои средства (ἐκτίσεν ἐξ ἰδίων; hn') Септимий Оденат (Σεπτίμιος Ὀδαίνατος; 'dynt), сенатор (ὁ λαμπρότατος συνκλητικός; sqlytq'), сын Хайрана сына Вахбаллата сына Нацора. Этот документ показывает, что интересующая нас династия приобрела римское гражданство, судя по попен, в самом конце II — начале III в.; попен достаточно определенно характеризует и политическую позицию семьи. Сенаторское достоинство получил, видимо, тот Септимий Оденат, который назван строителем погребального сооружения.

Другая надпись, также греко-пальмирская билингва (CIS, II, 3944), как и предыдущая, происходит из Пальмиры, однако датируется октябрём 251 г. Она установлена Аврелием Филином сыном Мария Филина сына Гелиодора сына Ра'а'я, воином одного из легионов, расквартированного в Босре (в греческом тексте восстанавливается: λεγ[ε]ῶνος Κυρηναῖ[κ]ῆς; в пальмирском сказано: plh' dy blgywn' dy bsr, — «воин, который в босрийском легионе»), в честь Септимия Хайрана сына Одената, сенатора (τὸν λαμπρότατον συνκλητικόν; sqlytq' nhyr') экзарха Пальмиры (ἐξα[ρχον Παλμυ]ρητῶν; ḡ tdmwr) и патрона посвяtitеля (τὸν πάτρονα; в пальмирском тексте соответствия этому нет). Таким образом, во-первых, данная семья сохранила к середине III в. сенаторское достоинство (оно перешло от отца к сыну), во-вторых, чествуемый персонаж стал правителем Пальмиры и, в-третьих, он осуществляет патронат. Вряд ли Аврелий Филин был единственным клиентом этого человека.

Особый интерес представляет титулатура Септимия Хайрана, которая определяет его положение правителя Пальмиры. Пальмирский титул ḡš tdmwr имеет точную аналогию в библейском (Второз., 20, 9) ḡš hācām — «глава народа», которое в Таргуме Онкелос передано ḡš cāmmā, в Пешитте — ḡš cāmmā, а в Септуагинте переведено в соответствии с конструкцией предложения — προηγούμενους τοῦ λαοῦ. В еврейской побиблейской литературе это выражение также встречается (например, Берешит Рабба, 60a: ḡš cāmmīn — «главы народов»). Все сказанное позволяет утверждать, что титул ḡš tdmwr — «глава Пальмиры» обозначал вожда, правителя города, однако не позволяет судить о юридическом оформлении его власти. Он показывает, во всяком случае, что никаких претензий на царскую или иную подобным образом оформленную власть представители интересующего нас рода пока не выдвигают.

Греческий титул Септимия Хайрана ἑξάρχος по своему буквальному значению («предводитель», «вождь»), в общем, соответствует пальмирскому ḡš, однако имеется и некая примечательная особенность. Как известно, словом «экзарх» (exarchus, варианты — exarchus, hexarchus) во времена поздней Империи обозначались командиры кавалерийских воинских подразделений; еще в царствование Юстиниана экзарх — это прежде всего командир военной экспедиции или воинской части³². Исходя из этого можно думать, что «экзарх пальмирян» — предводитель местного воинского ополчения. Если бы это оказалось справедливым, были бы основания предполагать, что к середине III в. в Пальмире возникла экстраординарная военная магистратура (быть может, в связи с тем, что императорские войска не обеспечивали надежной обороны города от вторжений из-за Евфрата); используя эту магистратуру, семья Одената установила свою власть над Пальмирой.

Другим инструментом, который позволил этой семье захватить власть, была широко, по-видимому, разветвленная клиентела. Клиентом Септимия Хайрана, как уже упоминалось, был Аврелий Филин. В своей посвяtitельной надписи (CIS, II, 3945), происходящей из Пальмиры и датируемой апрелем 258 г., корпорация золотых и серебряных дел мастеров называет Септимия Одената своим «господином» ([τ]ὸν δεσπότῃν; ἡγν); иными словами, они рассматривают себя как его клиентов. Сама Зенобия и ее супруг выступают в качестве «господ» и по отношению к своим высшим сановникам (CIS, II, 3946 и 3947; обе надписи из Пальмиры, датируются августом 271 г.). Само собой разумеется, что здесь мы имеем точную аналогию древневосточным «царским рабам», которые часто бывали ответственными чиновниками государственного аппарата; однако в нашем случае, коль скоро речь идет о юридически сво-

³² Fiebig er, Benjamin, Exarchos, — P.-W. RE, Halbbd. 12, Stuttgart, 1909, стлб. 1552—1553.

бодных людях, соответствующие отношения возникают из отношений клиента и патрона.

Значительный интерес для характеристики положения семьи Одената — Зенобия в Пальмире представляет сохранившаяся в надписях ее титулатура, и в особенности изменения последней. Ниже приводится соответствующая схема (стр. 289).

Интересующая нас схема позволяет установить, что в конце 60-х или в начале 70-х г. III в. положение династии резко меняется. Ее представители, осуществляющие власть в Пальмире, получают титул «восстановитель всего Востока» (*restitutor totius Orientis*), что было равносильно признанию центральным римским правительством их власти на всем римском Востоке, образующем теперь самостоятельный политический организм. Наряду с этим, принимая титул «царь царей», пальмирский правитель заявляет претензии на положение, равноправное положению царей Ирана (в данном случае — Сасанидов)³³. Интересно, что эти претензии нашли в какой-то степени отражение и в римской историографии (ср. титулатуру в *Treb. Poll., Gall. duo, 10, 1: Odaenatus rex Palmyrenorum*; в подложном письме Зенобии у *Fl. Vopisc., Div. Aurel., 27, 2: Zenobia regina Orientis*; ср. также *Treb. Poll., Tyr. trig., 15: Odaenatus princeps Palmyrenorum*).

Впервые мы встречаемся с пальмирскими владетелями в античной нарративной традиции в момент, критический для восточной части Империи. В 260 г., после сокрушительного разгрома под Эдессой, император Валериан попал в плен к иранскому царю Шапуру I; восточные провинции, уже и без того разграбленные и опустошенные, прежде всего Сирия, были открыты для новых нашествий. Тогда-то Оденат установил свой контроль над Востоком (*Treb. Poll., Gall., duo, 10, 1: Odaenatus rex Palmyrenorum optinuit totius Orientis imperium*) и, ведя собственными средствами успешную войну против Шапура, не только защитил Сирию, но и перенес боевые операции в Месопотамию: ему удалось захватить Карры и Нисибин (*Treb. Poll., Gall. duo, 10, 3*) и даже осадить Ктесифон (там же, 10, 6; 12, 1). «На востоке персы побеждены Оденатом, — так резюмирует Евтропий (9, 10) результаты кампании, — защищена Сирия, возвращена Месопотамия. Оденат проник до Ктесифона» (ср. *Oros., Hist. adv. pag., 7, 22, 12*)³⁴.

Интересно, что все без исключения источники (*Treb. Poll., Gall. duo, 10; Valer. duo, 4, 2—4*) подчеркивают лояльность Одената по отношению к царствовавшему в тот момент императору Галлиену, несмотря на явную неспособность последнего к ведению государственных дел. Традиция, сохраненная Зосимой (*Zos., 1, 39*), утверждает даже, что Оденат действовал по прямому прика-

³³ Ср. титулатуру иранских царей в «*Res gestae divi Saporis*»: «царь царей иранцев (Ирана) и неиранцев (Не-Ирана)». Цит. по: A. Maricq, *Res gestae divi Saporis, — Syria*, t. 35, 1958, стр. 305.

³⁴ Отсутствие упоминаний об этих событиях в «*Res gestae divi Saporis*» легко объясняется апологетическим характером этого документа.

№ надписи (по CIS, II), местонахождение и дата	Имя	Римская титулатура	Пальмирская титулатура	Примечание
4202, Пальмира, ок. 225 г.	Септимий Оденат сын Хайрана сына Вахбаллата сына Нацора	светлейший сенатор (τὸν λαμπρότατον συνκλητικόν; sqłtyq')		
3944, Пальмира, октябрь 251 г.	Септимий Хайран сын Одената	светлейший сенатор (τὸν λαμπρότατον συνκλητι- κόν; sqłtyq')	экзарх пальмирян (ἐξαρ- χον Παλμυρίωνων; rš td- mwr)	
3945, Пальмира, апрель 258 г.	Септимий Оденат	светлейший консуляр (τὸν λαμπρότατον ὑπατικ)- όν; hrtyq' nhyr')		
3971, Пальмира, 268— 270 гг.	Септимий Оденат		царь царей ([mlk] mlk')	
	Септимий Вахбал- лат Афинодор	восстановитель всего Во- стока ('pnrtt' dy mdnh' klh)	светлейший царь царей ([nhyr] mlk mlk')	сын предыдущего
	Септимия Зенобия (Батзаббай) дочь Антиоха		светлейшая царица, мать царя (царя царей) (τῆς λαμπροτάτης βασιλίσσης μητρὸς τοῦ βασιλέως nhyrt' mlkt' 'mh dy mlk mlk')	
			царь царей (mlk mlk')	
3946, Пальмира, август 271 г.	Септимий Оденат	восстановитель всего Во- стока (mtqnn' dy mdnh' klh) *		
3947, Пальмира, август 271 г.	Септимия Зенобия (Батзаббай)		светлейшая благочести- вая царица (τὴν λαμπρο- τάτην εὐσεβῆ βασιλίσσαν nhyrt' wsdqt['] mlkt').	

* III. Клермон-Ганно видел в пальмирском mtqnn' dy mdnh' klh перевод римского corrector totius Orientis (Ch. Clermont-Ganneau, Odeinat et Vaballat, rois de Palmyre, et leur titre Romain de corrector, — «Revue Biblique», t. 29, 1920, стр. 382—419). Однако Ж. Кантиньо (J. Cantinieu, Un restitutor Orientis dans les inscriptions de Palmyre, — «Journal Asiatique», t. 222, 1933, стр. 217—233), исходя из соот-
ветствия mtqnn'-'pnrtt' и значения греческого ἐπανορθῶν и ἐπανορθῶτης, показал, что титул Одената был restitutor totius Orientis.

занию Галлиена. Очевидно, все действия Одената имели целью продемонстрировать законность в рамках Империи его власти, которая была фактически узурпирована.

Это было тем более важно, что после победы над Шапуром Оденат и его сын Ирод, по старинному римскому воинскому обычаю, были провозглашены императорами (Treb. Poll., Tug. trig., 15, 5), что в конечном счете уравнивало Одената с императором — главою Римского государства, делало его фактически независимым государем римского Востока. В связи с этим становится понятной и титулатура Септимия Ворода в надписях 262—267 гг. (CIS, II, 3938, 3941, 3941, 3943, 3963): τὸν κράτιστον ἐπίτροπον Σεβαστοῦ δοουληνάριον (пальмирские варианты: qrtysts' p̄trp' dwqnr'; 'p̄trp' dwqnr' dy qsr mrn). Она показывает, что одновременно Септимий Оденат был провозглашен Августом (ср. Treb. Poll., Gall., duo: Odaenatum. . . Augustum vocavit).

Как бы то ни было, можно утверждать, что фактическая власть на Востоке вместе с титулами «императора», «Августа» и «восстановителя всего Востока» была добыта Оденатом в результате победоносной войны против Шапура. При этом Оденат, как показывают прямые свидетельства античной нарративной традиции, пользовался поддержкой сирийцев и за пределами Пальмиры. Орозий (Oros., Hist. adv. pag., 7, 22, 12), говоря о походе Одената на Ктесифон, писал, что его совершили «мужики сирийские вместе с Оденатом» (rusticani Syriae cum Odaenato). В тексте Орозия очевидно, противопоставление необученного военному делу и, во всяком случае, непрофессионального крестьянского ополчения (rusticani) профессиональной армии Сасанидов. Показательно тем не менее, что речь идет о сирийцах вообще, а не исключительно о пальмирцах.

Впрочем, есть основания полагать, что Оденат (или его преемники), создавая свое государство, наталкивались и на сопротивление отдельных сирийских обществ. До нас дошла сравнительно поздняя надпись из Босры, текст которой (восстановления в данном случае сомнений не вызывают) гласит: «...храм Юпитера-Хаммо[на, разрушенный паль]мирянами — враг[а]ми... который восстановил со статуей серебр[яной]...» (...templum Iovis Hammol[nis dirutum a Pal]myrenis hostib[uls]... quem refecit cum statua argen[teal]...) ³⁵. Даже учитывая враждебную по отношению к Пальмире тенденцию официальной идеологии Империи после гибели Пальмирского царства, едва ли можно сомневаться в том, что надпись повествует о событиях, действительно имевших место. Очевидно, храм в Босре был разрушен после того, как город был захвачен силой. Истоки позиции, занятой Босрой, очевидны: она опасалась за свое положение на торговых путях, ведущих в Южную Аравию. Тем не менее, несмотря на это сопро-

³⁵ H. Seyrig, Les inscriptions de Bostra, — Syria, t. 22, 1944, стр. 46—47.

тивление, власть Одената простиралась до побережья Красного моря (Euagr., Hist. eccl., 3, 41).

Таким образом, рассмотренный выше материал позволяет думать, что царская власть в Пальмире выросла из власти экстраординарного магистрата — командующего местным ополчением и из патроната, который претенденты на власть осуществляли по отношению к значительным, по всей вероятности, и влиятельным группам населения. Рубежом в ее развитии была война Одената против Шапура, позволившая первому принять императорские и царские титулы, распространить свою власть на весь римский Восток.

Явившись, по существу, основателем нового государства на Ближнем Востоке, Оденат предпринял необходимые шаги для того, чтобы обеспечить преемственность власти в соответствии со своими пожеланиями и в пределах своей семьи. Наш источник (Treb. Poll., Tug. trig., 15, 2) повествует о том, что Оденат выступил в поход против персов, «впервые присвоив царский титул (*adsumpto nomine primum regali*) вместе с женою Зенобией и старшим сыном, имя которого было Ирод (Herodes), и младшими Гереннианом и Тимолоаем». Как можно было видеть, императором провозглашается не только Оденат, но и его сын Ирод. Тем самым Ирод (и, возможно, другие члены семьи) провозглашался соправителем и в перспективе — преемником Одената.

В 267 г., однако, Септимий Оденат был убит вместе с Иродом; по некоторым предположениям, хотя они едва ли доказуемы, одновременно погиб и Септимий Вород, занимавший при Оденате высшие должности. Устранение Одената, сосредоточившего в своих руках слишком большую власть, могло быть выгодным для римского правительства (и это давало бы основания подозревать последнее в причастности к заговору), если бы Зенобия, фактически возглавившая государство, не продолжала придерживаться той политической линии, которую наметил ее супруг. Очевидно, правы те источники, которые видят в устранении Одената и Ирода результат внутридинастического конфликта. Зенобия была заинтересована в убийстве Одената, потому что оно открывало ей дорогу к положению самостоятельной правительницы; Ирод, ее пасынок, не только мог воспрепятствовать ее честолюбивым устремлениям, но и явно предназначался отцом в наследники. Поэтому убийство Одената и Ирода, вероятнее всего, явилось итогом заговора, инспирированного Зенобией (ср. Treb. Poll., Tug. trig., 16, 1—3). Тем не менее, как показывает надпись CIS II, 3946 (август 271 г.; Пальмира), статуи Одената с соответствующими надписями воздвигались и после его гибели; почитание памяти этого правителя должно было внушить народу мысль о непричастности Зенобии к преступлению, равно как и о том, что она является законной преемницей своего мужа.

Нарративная традиция (Treb. Poll., Tug. trig., 27, 1; 30, 2) утверждает, что Зенобия, узурпировав власть, осуществляла

ее от имени своих малолетних сыновей Геренниана и Тимолая. Однако эпиграфический и нумизматический материал, имеющийся в нашем распоряжении, называет только одного сына Зенобии, именем которого (или совместно с которым) она управляла, — Вахбаллата-Афинодора. Едва ли возможны при современном состоянии источников какие-либо обоснованные попытки согласовать эти показания. Думается, что либо традиция *Scriptores historiae Augustae* в данном случае не соответствует действительности (источник, к которому она восходит, мог и не иметь точных сведений о семье Одената и Зенобии), либо составитель биографии сам допустил неточность и путаницу. Поэтому до обнаружения дополнительных источников наиболее надежной информацией для характеристики государственного строя, установившегося после смерти Одената, следует признать ту, которую доставляет эпиграфический и нумизматический материал.

Как показал А. фон Заллет³⁶, монеты Вахбаллата-Афинодора дают следующую титулатуру этого правителя: «Юлий Аврелий Септимий Вахбаллат-Афинодор консуляр, император римлян, стратег римлян». Между тем, как уже говорилось, в надписи CIS, II, 3971 он титулуется: «Септимий Вахбаллат-Афинодор, светлейший царь царей и восстановитель всего Востока»; соответственно в греческой, почти полностью разрушенной, части надписи сохранился в родительном падеже относящийся к Вахбаллату титул βασιλεύς. Таким образом, Вахбаллат-Афинодор полностью унаследовал титулатуру своего отца (добавлено лишь: *dux Romanorum*).

Что же касается Зенобии, то, по нумизматическим данным, систематизированным А. фон Заллетом, она носила титул «Августы». Надписи, о чем уже шла речь, именуют ее «светлейшей и благочестивой царицей» (CIS, II, 3947) либо «светлейшей парицей» (CIS, II, 3971; ср. IGRR, III, 1028), причем обязательно указывается, что она — мать Вахбаллата, и приводится титулатура последнего. Наиболее интересна с точки зрения приводимых в ней титулов надпись IGRR, III, 1027, датируемая согласно бесспорному восстановлению кратковременным царствованием Клавдия II. Ее текст гласит: [«Императору Цезарю М(арку) Авр(елию) Клавдию, великом[у] [понтифику, κ]он[сулу], проконсул[у], отцу отечества], непобедимому Августу, и Септимии Зенобии Августе, матери непобедимого [госпо]дина нашего, [импе]ратора Вахбалла[та]-Афинодора». В целом титулатура Зенобии в ее наиболее существенных, часто повторяемых формулах показывает, что она претендовала на положение, аналогичное положению Юлии Домны после смерти Септимия Севера, и, по всей видимости, власть Зенобии именно так и была оформлена с точки зрения римских правовых норм.

³⁶ A. von Sallet, *Die Fürsten von Palmyra unter Gallienus, Claudius und Aurelian*, Berlin, 1866.

В то же время и Вахбаллат, и Зенобия сохранили «восточные» царские титулы, следуя опять-таки политике Одената. Нарративная традиция (Treb. Poll., Tug. trig., 30, 2) также обращает внимание на то, что Зенобия претендовала одновременно на императорскую (*imperiali sagulo perfuse per umeros*) и царскую (*diademate etiam asserpto*) власть; она подчеркивает смещение при пальмирском дворе персидских и римских черт (Treb. Poll., Tug. trig., 30, 13—14).

Фактическая сторона событий последних лет существования Пальмирского царства хорошо известна. В 270 г. под власть Зенобии и Вахбаллата подпал Египет; пальмирским правителям удалось установить свое господство и в Малой Азии (Zos., 1, 50). Однако уже в 271 г. император Аврелиан возвратил себе Египет; в 272 г., разгромив пальмирские войска при Тиане, он принудил их покинуть Малую Азию, после новой победоносной битвы при Оронте вступил в Антиохию и, нанеся еще одно сокрушительное поражение Зенобии в битве у Эмессы, приступил к осаде Пальмиры. Зенобия и Вахбаллат попытались бежать в Иран, но были захвачены в плен и отправлены в Рим. После этого Аврелиану дважды пришлось подавлять восстания в Пальмире (последнее — осенью 272 г.). В конце концов непокорный город был сожжен, разграблен и больше никогда не восстанавливался в прежнем виде; более поздний Тадмор, сохранившийся до наших дней, — это сравнительно небольшое (в настоящее время бурно развивающееся) поселение на окраине древнего города. Сама Зенобия как военнопленная участвовала в триумфе Аврелиана в 274 г., а затем до самой смерти жила в вилле, которую предоставил в ее распоряжение победитель.

Рассмотрим несколько подробнее те сообщения источников, которые дают возможность судить, хотя бы приблизительно, об общественной жизни этого бурного времени.

Как известно, Зенобия имела возможность использовать в своих интересах раскол среди христиан Антиохии и опереться на главу антитринитариев Павла Самосатского и его сторонников. Павел получил от нее должность прокуратора — дуценария. Характерно, что Аврелиан лишил его епископского положения и признал епископом того, которого поддерживали итальянские иерархи (в том числе римский), т. е. представителя группировки, на которую можно было опереться в борьбе против Пальмиры. Здесь интересно и вмешательство Империи в дела церкви, предвосхищающее политику Константина, и то, что церковь превратилась в заметную политическую силу. Однако не менее важна и другая сторона вопроса: чьи интересы представлял Павел Самосатский, иначе говоря, на какие круги опиралась через него Зенобия. Евсевий (Euseb., Hist. eccl., 7, 30, 7) приводит следующую его характеристику: «будучи раньше бедняком и нищим, и ничего не получив от родителей, не приобретя какие-либо богатства ремеслом или какой-то деятельностью, ныне он приобрел

огромное богатство беззакониями и ограблениями святынь, и тем, что он вымогает у братьев, обманывая потерпевших и обещающая помощь за плату, но вводя в заблуждение и этих, и, не принося им пользу, эксплуатирует готовность судящихся платить за избавление от тягот». Враждебное отношение источника к Павлу Самосатскому очевидно. Однако ясно другое: за этим человеком шли определенные круги населения Антиохии — христианская беднота, из среды которой он вышел и которой оказывал покровительство ³⁷.

Привлекает внимание также рассказ Зосимы (1, 51) о положении, сложившемся после поражения при Эмессе. Оказывается, Забда, полководец пальмирской властительницы (он упоминается как один из посвятителей надписи CIS, II, 3947), желая избежать восстания антиохийцев против пальмирян, провел по улицам Антиохии человека, похожего на Аврелиана и одетого в императорские одежды, сделав таким образом вид, что император, в действительности одержавший победу, разгромлен и взят в плен. Эта хитрость помогла ему сохранить в Антиохии спокойствие и затем ночью безопасно покинуть город. Очевидно, у Забды были основания думать, что после известия о победе Аврелиана в Антиохии может вспыхнуть мятеж. В городе, вероятно, имелась группа, враждебная Зенобии. В то же время, по рассказу Зосимы, Аврелиан, вступив в город, нашел, что многие покинули Антиохию, опасаясь возмездия за свое действительное или предполагаемое сочувствие пальмирской царице. Приглашая беглецов вернуться, Аврелиан призывает их не бояться наказания.

Источник не дает сведений о том, к какой общественной группировке принадлежали сторонники и противники Зенобии в Антиохии. Известно, однако, что в этом городе были люди, имевшие экономические интересы в Пальмире. Привлекает внимание в этой связи фигура антиохийского булвта — сборщика пошлин в Пальмире (см. выше, стр. 250). В то же время реальной представляется и другая группировка, заинтересованная в восстановлении первенства Антиохии и потому враждебная пальмирскому господству. Едва ли можно сомневаться в том, что решающую роль в этих группировках играли люди, определявшие политическую позицию города, стоявшие у власти и привлекавшие на свою сторону социальные «низы».

В Эмессе граждане встретили Аврелиана с энтузиазмом (Zos., 1, 54); здесь возникло и предание, что бог Гелиогабал являлся к Аврелиану во время войны и проявлял к нему особую благосклонность (Fl. Vopisc., Aurel., 25, 5). Конечно, доброжелательное отношение эмессян к Аврелиану, вступившему в город, легко объясняется самим фактом его победы. Однако возможно и иное объяс-

³⁷ О политической позиции Павла Самосатского см.: А. Нагпакс, Mission; Л. Дюшен, История древней церкви, стр. 315—317; П. З. Козик, Социальные основы, стр. 306. Отрицательное отношение к этой традиции см.: A. Alföldi, Studien, стр. 357, Anm. 32.

нение. Эмесса и ее жречество могли рассчитывать восстановить положение города и храма, которое существовало при Северах. Сыграло свою роль и соперничество с Антиохией. Как бы то ни было, создание легенды о благоволении бога Гелиогабала к Аврелиану, жертвования последнего местному культу, основание новых святилищ — все это должно было закрепить союз эмесского жречества с Аврелианом.

Наконец, в Пальмире уже после поражения Зенобии наблюдается попытка восстановить ее государство, причём власть вручается одному из родственников плененной царицы (Fl. Vorisc., Aurel., 31, 1—4; ср.: Zos., 1, 60—61; IGRR, III, 1029).

В целом история возвышения и гибели Пальмирского царства обнаружила резкий перелом в политическом развитии Сирии и изменение тех целей, которые ставили перед собой (или достижения которых стихийно добивались) социальные слои, определявшие направление общественного движения в Сирии во второй половине III в. Они теперь стремились к монархии сасанидского образца, к абсолютному единодержавию, отказываясь, по существу, от традиций Антонинов, от идеалов, нашедших отражение в сочинениях Филострата и Геродиана. Однако одновременно они, и в том числе приближенные претендентов на власть, как показывает пример Септимия Ворода, использовали в своих интересах и механизм городского самоуправления.

Наши источники не содержат информации о том, какие события середины III в. вызвали в Сирии столь резкое изменение общественных настроений. Насколько можно об этом судить, определенную роль должны были сыграть соображения внешнеполитические. Очевидная слабость центральной власти, особенно в условиях непрерывных военных переворотов, делала Сирию легкой добычей иранских захватчиков. Интересы обороны требовали, как показал пример Одената, создания сильной общесирийской (и шире — общеимперской) власти. Однако главные причины были, конечно, внутренние. В условиях нескончаемых переворотов, борьбы за власть между армией и сенатом, солдатских бунтов только абсолютная центральная власть могла быть представителем порядка в беспорядке и, следовательно, обеспечить экономические интересы землевладельческой и торгово-ремесленной аристократии. Видимо, особенно острой стала в середине III в. и угроза выступлений городской бедноты и средних слоев против местной знати. В этой связи особенного внимания заслуживает традиция об измене Мариада, который предал Антиохию Шапуру I и указал ему дорогу, так что последний мог внезапно напасть на город. При приближении Шапура местная аристократия покинула Антиохию, тогда как основная масса населения осталась — из приверженности к Шапуру и в ожидании перемен (Petr. Patr., frg. 1, FHG, IV, p. 192)³⁸. Очевидно, в основе этих событий

---

³⁸ A. Alföldi, Studien, стр. 45.

лежал социальный конфликт внутри города. Не случайно гонения на христиан Деция и Валериана, которые, как показала Е. М. Штаерман, стояли в связи с проаристократической политикой этих императоров, затронули Сирию. В царствование Деция погиб в тюрьме епископ Антиохии Бабила (Euseb., Hist. eccl., 6, 39, 4); он был известен, между прочим, тем, что не допустил в христианскую общину императора, по некоторым данным, Филиппа Араба³⁹. Надо полагать, что это наиболее известная, но далеко не единственная жертва репрессий. Не случайно и то, что Евсевий в уже цитировавшемся отрывке говорит о покровительстве претерпевшим несправедливость от Павла Самосатского. Не случайно и то, что враждующие стороны — Зенобия и Аврелиан — пытаются опереться на различные группировки внутри христианской общины, выросшие в самостоятельную политическую силу. Вероятно, только императорам удалось привлечь эту силу на свою сторону, сделать ее опорой «порядка» и в той или иной форме снять острый социальный конфликт, косвенным отражением которого была деятельность Павла.

Неудивительно, что политическое развитие Сирии в III в. привело в конце концов к созданию государства Одената — Зенобии, явившегося едва ли не первым реальным прообразом Восточной Римской империи⁴⁰. Судя по тому, что известно о государственном строе Пальмиры этого времени, она была не только хронологически, но и типологически предшественницей системы домината, установившейся после прихода к власти Диоклетиана. Как известно, уже Евтропий (9, 26) отмечает, что Диоклетиан «первый привнес в римскую систему управления форму царствования более, нежели римской свободы»⁴¹. В этом он был прямым продолжателем Зенобии, установившей при своем дворе, как уже отмечалось выше, иранский царский церемониал (Treb. Poll., Tyr. trig., 13: *vixit regali pompa. more magis Persico adorata est. regum more Persarum convivata est*). В особенности существенным представляется Евтропию (9, 26) введение Диоклетианом адорации — коленопреклонения, но и в этом, как показывает текст Требеллия Поллиона, он, по существу, только продолжал начатое Зенобией.

В целом, несмотря на то что после гибели Пальмирского царства отдельным императорам пришлось бороться с соперниками, в том числе и в Сирии (против Проба выступил наместник Сирии Сатурнин, 276—282 гг.), и самому Диоклетиану, как показывают сообщения Либания, расправляться со своими противниками в

³⁹ E. S. Bouchier, *A Short History of Antioch*, Oxford, 1921, стр. 137; G. D o w n e y, *Ancient Antioch*, Princeton, 1963, стр. 136—137.

⁴⁰ Х. Бенгтсон видит историческую роль возвышения Пальмиры только в том, что оно означало первую в истории серьезную экспансию арабского мира (H. B e n g t s o n, *Grundriss*, стр. 387). Такая постановка вопроса неточна и чрезмерно создает проблему.

⁴¹ Подробно о созданной Диоклетианом системе см.: O. S e e s k, *Geschichte des Untergangs der antiken Welt*, Bd 2, Berlin, 1901; A. H. M. J o n e s, *The Decline of the Ancient World*, London, 1966.

Антиохии, — в целом устойчивость режима, который был создан на Востоке Зенобией и окончательно оформлен Диоклетианом и его преемниками, показывает, что для него уже имелась определенная социальная база.

Естественным следствием такого поворота событий было полное подчинение полисов императорской власти и — впоследствии — постепенная ликвидация традиций полисного суверенитета, превращение органов городского самоуправления в составную часть имперского бюрократического аппарата. Однако изучение этого процесса находится за пределами нашей работы.

ПРИЛОЖЕНИЯ

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ПАЛЬМИРСКОГО ОБЩЕСТВА В XI ВЫПУСКЕ INVENTAIRE DES INSCRIPTIONS DE PALMYRE (DAMAS, 1965)

Наша работа по социальной и экономической истории сирийского общества I—III вв. уже была подготовлена и сдана в печать, когда благодаря любезности Х. Прайслера (ГДР) и А. Г. Лундина мы получили возможность ознакомиться с XI выпуском «Инвентаря пальмирских надписей», изданным известным семитологом-эпиграфистом Ж. Теишидором. Материалы, содержащиеся в этой публикации, в ряде случаев подтверждают, а иногда и дополняют сделанные ранее выводы.

ЗАВИСИМОЕ НАСЕЛЕНИЕ ПАЛЬМИРЫ

Надпись Inv., XI, 13 (сентябрь 219 г.) представляет собой посвящение «тому, чье имя благословенно в вечности», которое совершил некий Хайран, «раб» (tly'; ср. употребление данного термина в надписях CIS, II, III и Inv., IX, 28)... сына Йаде сына Масае; после патронима в надписи читается формула: «во здравие его и во здравие сыновей господина его» ('l hywhy why' bn' mrgwhy). Термин tly' как обозначение раба встречается в еврейской побиблейской литературе, а также в сирийском языке; он точно соответствует слову 'lm, использованному в Пальмирском пошлинном тарифе, и греческому παῖς.

Поскольку раб делает посвящение, в его распоряжении, очевидно, имелись денежные средства, чтобы оплатить изготовление надписи и, возможно, другие действия, совершающиеся вместе с этим сакральным актом.

В ходе работы над данной надписью автору этих строк было указано, что форма mrgwhy предполагает наличие множественного числа — «сыновей господина его», что требует истолкования надписи, отличающегося от предложенного выше. Однако в пальмирских надписях наряду с регулярными формами типа bnwhy — «сыновья его» имеются случаи, когда формант why играет роль энклитического местоимения третьего лица единственного числа. Ср., в частности, 'bwhy (Inv., II, 2) — «отец его», а также qdmwhy — «перед ним» (Inv., IV, 9 во фразе: qbr' dnh bt 'lm' w' stw' dy qdmwhy — «погребение это — дом вечности и стоя, которая перед ним») и 'lwhy — «над ним» (Inv., IV, 28 во фразе: qbr' dnh dy 'tntn br khylw

dy bnw 'lwhy bnwhy — «погребение это Атенатена сына Кухайлу, которое построили над ним сыновья его»). Таким образом, перевод слова mṛwhy — «господин его», принятый Ж. Теишидором и вслед за ним автором этих строк, подтверждается имеющимся в нашем распоряжении эпиграфическим материалом.

Формула «во здравие его (несомненно, самого Хайрана. — И. Ш.) и сыновей господина его», по-видимому, объясняется специфическими условиями семьи господина посвяtitеля. Напомним, в этой связи, что, как было показано выше, имелись случаи, когда почести, полагавшиеся отцу, пальмирские власти воздавали его сыновьям (стр. 138).

Две надписи из данной публикации — посвящения «тому, чье имя благословенно в вечности», от имени вольноотпущенников. Одна из них (Inv., XI, 42), не датированная, принадлежит Абнергалу, вольноотпущеннику (br ḥry) Лишамша сына Хайрана сына Гале, а другая — Тадэль, вольноотпущеннице (brt ḥry) Басаса сына Майну сына Аркатоса. Обе надписи показывают, что вольноотпущенники сохраняли связь с манумитторами и после освобождения.

Шесть надписей содержат упоминания «сынов дома». В одном случае (Inv., XI, 25; дата не сохранилась) «все сыны дома его» (bn' byth klwn) вместе с домовладкой Хайраном сыном Барики сына Хайрана выступают в роли посвяtitелей. В другом тексте (Inv., XI, 17; 216/7 г.) сохранилась с бесспорным восстановлением формула 'l ḥy' [bny] byth klwn — «во здравие всех [сынов] дома его». В двух случаях формула расширяется. Inv., XI, 16 [август 216 г.: «во здравие[е его] и здравие сынов его дома» ('l ḥy[wh]why bny byth); Inv., XI, 8: «во здравие его и здравие дома его» ('l ḥywh why byth). В последнем случае понятие «дом» соответствует использованному в других надписях выражению «сыны дома». В Inv., XI, 20 (июнь 263 г.) сообщается, что Иарихбола сын Иарихболы сына Арги совершает посвящение «тому, чье имя благословенно в вечности», «во здравие отца и сынов дома его всех» ('l ḥy' bwhy wbny byth klwn). Возможно, что речь идет в данном случае о домочадцах отца посвяtitеля. Наиболее подробно формула благопожелания дана в Inv., XI, 6 (март 182 г.): «во здравие его, и здравие сыновей [его], и здравие братьев его, и во здравие сынов дома» (wlḥy bny byt'). Таким образом, и в данной серии надписей выражение «сыны дома» — домочадцы употребляется либо для обозначения всех лиц, находящихся под патриархальной властью домовладыки, либо тех, кто не являются его родственниками, но тем не менее находятся у него в доме.

СВОБОДНОЕ НАСЕЛЕНИЕ ПАЛЬМИРЫ

Надписи, опубликованные Ж. Теишидором, содержат ценный материал для характеристики свободного населения Пальмиры.

Говоря о семейных отношениях в этой среде, надлежит отме-

тить, прежде всего, Inv., XI, 81 (август 79 г.), которая сопровождала статуи, воздвигнутые Мукайму сыном Мукайму в честь ряда лиц, в том числе и Мукайму, его отца. Автор надписи родился, вероятно, после смерти отца, и статуя и надпись были мемориальными. Почет, оказанный отцу, является, следовательно, выражением сыновней почтительности. Другая надпись (Inv., XI, 28) содержит формулу благопожелания: «во здравие его (посвяtitеля.— И. III.), и здравие б[р]атьев его (w[ə]lɣu 'lɣwɣu), и здравие Таймаллата сына. . .». Возможно, что перечисленные здесь лица, в том числе и братья, находились под патриархальной властью посвяtitеля (ср. также приведенную выше формулу из Inv., XI, 6). Не исключено, впрочем, что перед ними просто выражение родственных или дружеских чувств. Аналогичная формула имеется и в Inv., XI, 19(256 г.). Имеются и посвящения во здравие сыновей Inv., XI, 2; XI, 4; XI, 33. Надпись Inv., XI, 7 содержит посвящение «во здравие ег[о], и здравие б[р]атьев, и во здравие сыновей ег[о]».

Особый интерес представляет алтарь «тому, чье имя благо-словенно в вечности», который соорудила Ала дочь Забайды сына Атейа сына Рофе (Inv., XI, 23; приблизительная дата — август 189 г.) «во здравие ее, и во здравие Йадайа сына Таймарцу (сына) Йадайа, мужа ее (b'lh), и во зд[р]авие. . .» Очевидно, женщина в Пальмире могла, находясь в браке, сохранять имущественную самостоятельность и распоряжаться принадлежавшим ей имуществом.

Наконец, в целом ряде надписей встречается упоминание «отраслей» — кровнородственных родо-племенных объединений.

«Сыны Хомара» называются без каких-либо дальнейших уточнений в Inv., XI, 90. В Inv., XI, 85 контекст, в котором фигурируют bny kmr' в одном ряду с упоминанием богов Аглибола и Малакбела, не ясен. Вероятно, здесь, как и в Inv., XI, 84 (17 г. до н. э.), они совместно с богами (т. е. с действующими от имени богов жрецами) воздвигают почетную статую. В Inv., XI, 86 чувствуется некий выходец «из сынов Хомара».

«Сыны Ма'азйана». Inv., XI, 88 сопровождает почетную статую Малику сына Угайлу, «что из сынов Ма'азйана» (dy mn bny m'z[yn]). Inv., XI, 92 сопровождает почетную статую Шаилы сына Нурбела, «который из сынов Ма'азйана» (dy mn bny m'z[yn]). Обе надписи датируются временем до нашей эры.

«Сыны Агруды». В Inv., XI, 73 в качестве посвяtitеля упомянут Барсате сын. . ., «который из сынов Агруды» (dy mn bny 'grwd).

«Сыны Кахинаббу» известны только по двум надписям из данного собрания. Inv., XI, 100 (октябрь 44 г. до н. э.) сопровождает статую, воздвигнутую жрецами Бела в честь Гаримайа сына Небузабада «из отрасли сынов Кахинаббу» (mn p[hd] bny khnbw). В другой надписи (Inv., XI, 83) «сыны Кахинаббу» (bny khnbw) сооружают вместе с кем-то еще (текст сильно разрушен) две ста-

туи. Ж. Старки пытается истолковать данное имя, основываясь на арабском *kāhin* — «жрец», как обозначение лиц, связанных с культом Набу¹.

В двух случаях имя «отрасли» не сохранилось (Inv., XI, 84 и 89). В последней надписи фигурируют «жрецы, что из сынов. . .» (*kmry' dy mn bny*).

К ВОПРОСУ О ЧЕТЫРЕХ ПАЛЬМИРСКИХ ПЛЕМЕНАХ

В 1971 г. журнал «*Syria*» опубликовал статью Д. Шлюмберже «Четыре пальмирские филы»², в которой автор предлагает свое решение проблемы четырех безымянных пальмирских фил, упоминаемых в надписях и тессерах, происходящих из Пальмиры. Основные положения Д. Шлюмберже сводятся к следующему.

Четыре племени города он обоснованно считает теми четырьмя племенами, которые образовывали в своей совокупности город, однако сразу же замечает: Пальмира родилась — исторически или легендарно — из объединения четырех племен; когда город сложился, четыре племени не перестали существовать. Одно из четырех городских племен — «сыны Ма'аз'яна». Д. Шлюмберже основывается на том, что в CIS, II, 3966 (соотв. Inv., II, 11) имеется формула *tdmry dy mn bn[y m]'zup*, а в греческом тексте: Παλμυρηνῶν φυλῆς τῆς αὐτῆς (очевидно, название племени имелось до этой формулы в несохранившейся части греческого текста надписи), в Inv., X, 40 в пальмирской части — *d [y] mn bny m'zup* и в греческой — Παλμυρηνῶν. Однако во втором случае текст говорит только о том, что перед нами лицо, принадлежащее к «отрасли» сынов Ма'аз'яна и одновременно являющееся гражданином Пальмиры, а в первом — довольно частый в пальмирской эпиграфике факт, когда текст греческого варианта не точно и не полностью соответствует пальмирскому. Выводы Д. Шлюмберже из разбираемых текстов не вытекают.

В одной из надписей в честь Соада перечислены четыре храма, в которых установлены четыре статуи чествуемого персонажа: Зевса-Ба'алшамена, Священной Роши, Ареса и Атаргатис (SEG, XV, 849; февраль 132 г.). Исходя из того, что каждое из четырех племен имело свой храм и что существовал обычай воздвигать почетные статуи в каждом из этих четырех храмов, Д. Шлюмберже вслед за П. Коларом приходит к выводу, излагаемому в форме риторического вопроса: как можно сомневаться в том, что четыре храма, о которых идет речь, не являются храмами четырех племен? Заранее отметая возражение, что в тексте племена не упомянуты, Д. Шлюмберже замечает: легко понять, что в данной над-

¹ J. Starcky, *Inscriptions archaïques de Palmyre*, — «*Studi Orientalistici in onore Giorgio Levi Della Vida*», vol. II, Roma, 1956, стр. 514—515.

² D. Schlumberger, *Les quatre tribus de Palmyre*, — «*Syria*», t. 48, 1971, стр. 121—133.

писи могло быть опущено упоминание четырех племен. С нашей точки зрения, однако, дело обстоит далеко не так просто. Согласно тексту надписи, она установлена караваном, и именно поэтому в собственно посвяtitельной формуле четыре племени не фигурируют. Что же касается остального текста, то все же едва ли случайно, что составитель надписи не говорит об этих храмах как о храмах четырех племен. Нельзя при этом не учитывать, что культы Зевса-Ба'алшамена и Атаргатис были общесирийскими, культы Аглибола и Малакбела, со святилищем которых Д. Шлюмберже отождествляет Священную Рощу, были общепальмирскими, а Арес, отождествляемый с Арцу, выступает в данном случае как один из богов общеарабского пантеона. Какими-либо указаниями о специфическом (в пределах Пальмиры) племенном культе этих богов мы пока не располагаем. Материал, приведенный Д. Шлюмберже, не подтверждает его гипотезы; ясно только, что участники каравана воздвигли статуи в четырех пальмирских храмах. Окончательные выводы можно будет сделать только после публикации нового документального материала.

Д. Шлюмберже считает, что в Пальмире существовали четыре племени, делившиеся на более мелкие подразделения, обозначавшиеся тем же самым термином (*phd*). К их числу относились, по его мнению, хомарены, маттаболии, сыны Ма'азйана и мифении — все, к кому применялся греческий термин *φυλή*. Что же касается *φυλή Μαχερηνῶν*, то ее Д. Шлюмберже идентифицирует с сынами Ма'азйана. Д. Шлюмберже полагает, что в греческих текстах слово *φυλή* употреблялось только для обозначения городских племен, а другие — для обозначения семей и родов; он, правда, тут же сам замечает, что эта гипотеза может быть уничтожена находкой надписей, в которых слово *φυλή* будет применено к другим коллективам. Оставляя в стороне вопрос о будущих находках, необходимо обратить внимание на следующее. Известный нам материал показывает, что арамейское *phd/phz* в греческом передавалось безразлично словами *φυλή* и *γένος*. Сыны Ма'азйана в одном случае обозначены термином *'lt*. Такое смешение греческой и единообразие арамейской терминологии кажется странным, если допустить, что имелись в виду в одних случаях племена, а в других — роды. Оно понятно, если принять, что арамейским термином обозначались родо-племенные образования одного типа. Но в этом случае оказывается необоснованной и гипотеза Д. Шлюмберже; не случайно для ее подтверждения он был вынужден постулировать тождество фило Магеренов и сынов Ма'азйана, для чего нет решительно никаких данных.

Синей точки зрения рассматривает данную проблему Ж. Т. Милик³. По его мнению, в состав «четырех племен» входили сыны Комара (в его огласовке *benē komrē* — наследственная каста

³ J. T. Milik, *Dédicaces faites par des dieux (Palmyre, Hatra, Tyr) et des thiasés sémitiques à l'époque romaine*, Paris, 1972.

жрецов), связанные со Священной Рощей, сыны Ма'азйана, связанные с культом Ба'алшамена, сыны Маттабола, связанные с культом Арцу (отождествленного с Аресом) и 'Азизу, и сыны Атар-ра, связанные с культом Атаргатис. Появление этой системы он относит к началу 30-х гг. II в. (первое упоминание данной системы он датирует 132 г.); она появилась как следствие того, что Пальмира получила от Адриана статус свободного и автономного города. С нашей точки зрения, однако, нет никаких материалов, которые бы подтвердили эти предположения.

В уже упоминавшемся выше этнониме *bny khnbw* Ж. Т. Милик видит *kōhānē hol* — «жрецов Бола». Однако этнонимы типа «сыны NN», широко распространенные в Пальмире, означают только одно: родословие коллектива восходит к некоему лицу, носившему данное имя; считать, что им обозначалась какая-то жреческая группа, затруднительно, тем более что значение имени *khnbw* остается не вполне ясным.

Греческую передачу слова *khnb* Ж. Т. Милик видит в греческом *Χωνειτῶν φυλή*. Как известно, в надписи в честь Элия Бору хониты выступают как одна из «четырех фил» Пальмиры: *ὧν τοῦτον Χωνειτῶν φυλή*; в пальмирском тексте упоминаются *bny kmry* (см. стр. 201). Филологически соответствие *Χωνειτῶν* — *kōhānē представляется маловероятным. Обращает на себя внимание также тот факт, что арамейский текст надписи не точно соответствует греческому: если в греческом хониты представлены в качестве одной из четырех городских фил, то в арамейском сказано только, что «сыны Хомары» действовали, как все другие племена. Такое несоответствие едва ли случайно, и объясняется оно, по-видимому, из несовпадения греческого и арамейского обозначений племен, к которым принадлежали люди, воздвигавшие статую. Это несовпадение тем более бросается в глаза, что в происходящих из Пальмиры надписях хорошо известно греческое обозначение «отрасли» сынов Хомара *Χυλὴ χομαρηνῶν*. Если бы, как думает Ж. Милик, в греческой части надписи имелись в виду сыны Хомара, то ничто не мешало бы ее составителю употребить соответствующий греческий этноним.

Выше мы уже отмечали, что различия в написаниях *bny kmr'* и *bny kmry* свидетельствуют, скорее, против отождествления сынов Хомара и сынов Хомари. Эта проблема, во всяком случае, должна оставаться открытой до появления новых материалов. Несоответствие в надписи в честь Элия Бору греческого и арамейского обозначений фил объясняется, как нам кажется, совпадением знамений греческого и арамейского слов. Соответственно в греческом тексте был использован греческий, а в пальмирском — арамейский этноним. Ср. греч. *ῥή χωνεῖα* — «плавка и литье металла» и арам. *kēmar* — «нагревать» (в том числе, очевидно, и металлы до точки плавления).

Ж. Т. Милик уделяет внимание и Клавдиевой филе, упоминаемой в тексте CIS II, 4122 (соответств. Inv., VII, 6A; 79-80 гг.),

где, как он полагает, имеется и этноним ḥwml. Приходится, однако, заметить, что во всех без исключения случаях, с исчерпывающей полнотой представленных в труде Ж.-Т. Милика, слово ḥwml — это обычно имя предка, которым оканчивается счет родословной. Естественно, что греческое *φωλῆς Κλαυδίαδος* не может быть, как это считает и Ж.-Т. Милик, параллелью к пальмирскому этнику *ḥwml* — по той простой причине, добавим мы, что такого этника не было. Но тем самым устраняется и построение, предложенное автором для объяснения такого несоответствия. Клавдиева фила как одна из существовавших в Пальмире общественных организаций может быть объяснена только как одна из четырех городских фил, получивших свое имя в честь императора Клавдия и в его царствование.

К ИСТОРИИ ДИНАСТИИ ОДЕНАТА

В уже упоминавшейся выше монографии Ж. Т. Милик обращает внимание на надпись, опубликованную Ж. Кантино в 1931 г. (*«Syria»*, vol. 12, 1931, p. 138, № 17) «в [ч]есть Одената сына Хайрана сына Вахбалла[та], [вожд]я Тадмора» (*[l]yqr'dynt br hyrn whbl[t] [rš] dy tdmwr*). Восстановления, приложенные в данном тексте, сомнений не вызывают; перед нами, следовательно, одно из наиболее ранних свидетельств возвышения династии Одената. Показательно, что, будучи «вождем» Пальмиры, этот Оденат («древний») еще не имеет здесь сенаторского титула.

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ АРАДА В VII в.

«INSCRIPTIONS GRECQUES ET LATINES
DE LA SYRIE» (PARIS, 1970).

Предлагаемая работа была уже сдана в печать, когда ее автор получил возможность ознакомиться с VII т. издания греческих и латинских надписей из Сирии, подготовленного к печати Ж.-П. Рей-Кокэ и содержащего 60 надписей из Арада и его окрестностей, в том числе переиздание знаменитой монументальной надписи о привилегиях храма Бэтокеке.

Среди этих документов обращает на себя внимание прежде всего сильно фрагментированная надпись № 4002, содержащая, насколько об этом можно судить, посвящение имущества, выполненное по велению жезла. К сожалению, от обозначения объекта посвящения сохранились только слова *[ἐ]ν αὐτῇ<ι> καὶ τῇ;* однако в следующей строке за лакуной следует важное уточнение: «[с] семенами и побегами», из чего, несомненно, следует, что посвящен был земельный участок, уже засеянный и с проросшими побегами. В роли посвятителя выступает «[у]лица Зевса-Кроноса». Из текста надписи следует, во-первых, что в эллинистическо-римском Араде (более точной датировке надпись не поддается) «улица» представляла собой административную ячейку, которая способна была предпринимать самостоятельные действия. Ж.-П.

Рей-Кока указывает на существование подобных организмов и в других городах — Скифополисе (SEG, II, 44), Дамаске (SEG, II, 839), Лаодикее (JM 1, 1261), а также в Сиде. По всей видимости, «улица» входила как составная часть в территориальную филу. Земля для посвящения, вероятнее всего, была куплена в складчину. «Улица» носит имя божества и, по-видимому, как-то была связана с храмом Зевса-Кроноса. Разбираемая надпись обнаруживает и один из истоков храмового землевладения — посвящения коллективов и, надо полагать, частных лиц.

Другая надпись (№ 4016 bis; по-видимому III в.) сопровождала статую, которую власти Арада воздвигли в соответствии с решением «сиятельнейшего консуляра» Домиция Леонта Прокиллиана. Ниже мы остановимся на характеристике властей Арада, перечисленных в данном тексте; пока же рассмотрим сам акт, о котором идет речь. Воздвигается статуя τῷ(ι) Διμένι τῶν ἐν πόλει πορφυρέων. Исходя из этого отрывка можно заключить, что в Араде существовали ремесленники, занимавшиеся добычей и обработкой пурпура; они имели собственный специализированный рынок, божеству которого, собственно, воздвигается статуя.

Что касается административно-политической организации Арада, то она не отличалась сколько-нибудь существенно от организации других сирийских городов эпохи эллинизма и римского господства. В качестве инициатора изготовления почетных статуй в надписях выступает «город» (см. № 4006), «город и совет Арада» (*civitas et bule Aradia*; № 4009, соотв. CIL III, 14165, соотв. Dessau, 7205), «совет и народ» (№ 4011, соотв. IGRR, III, 1015; №№ 4013, 4014, 4015), «совет, и народ, и герусия» (№ 4016 bis), «народ» (№ 4008). Сопоставление этих формул показывает, что латинское *civitas* употреблялось в Араде параллельно греческому ὁ δῆμος; учитывая смысловую близость латинского *civitas* и греческого ἡ πόλις, можно думать, что термины ἡ πόλις и ὁ δῆμος (при отсутствии других обозначений правящих организаций) употреблялись в одном значении — суверенный самоуправляющийся гражданский коллектив, т. е. «город». Приведенные выше формулы показывают также, что Арад знал следующие органы власти — совет, герусию и, возможно, народное собрание. Особый интерес представляет вопрос о соотношении герусии и совета. В тексте № 4016 bis по этому поводу нет определенных указаний. Привлекает, однако, в этой связи внимание надпись № 4012 (соотв. IGRR, III, 1019), которая сопровождает статую Аристона сына Асклепиада, воздвигнутую его сыном Лукием. В той части текста, где перечисляются почетные должности Аристона, сказано: ἱερέα Καίσαρος Σεβαστοῦ, πρόβουλον, τῶν ναυαρχηράντων. Если верна точка зрения, согласно которой τῶν ναυαρχηράντων синтаксически от πρόβουλον не зависит, интересующая нас надпись свидетельствовала бы о существовании в Араде пробуле — своего рода президиума совета; тогда можно было бы допустить тождественность пробуле и герусии.

Система магистратур в Араде существенно не отличалась от обычной. Уже многократно упоминавшаяся № 4016 bis дает возможность установить наличие архонтата (здесь упоминается один архонт), коллегии грамматевсов (перечислены два грамматевса) и коллегии лименархов (перечислены четверо). Грамматевс упомянут также в № 4013. В 4014 упоминается агораном. Наконец, в № 4001 (сильно фрагментированная греко-финикийская билингва) речь идет об Аштартхиввите, который был *ἱεροποῖς* и в 25/4 г. — гимнасиархом. Все эти должности были одногодичными, однако могли быть заняты неоднократно одним и тем же лицом.

Надписи, опубликованные в интересующем нас сборнике, позволяют составить определенное представление и о взаимоотношениях Арада с провинциальной администрацией, а также о роли, которую играли в городе римские граждане. Выше уже говорилось, что, согласно № 4016 bis, «совет, народ и герусия» воздвигают стацию в соответствии с решением консулара Домиция Леонта Прокиллиана, а также в соответствии с постановлением властей города. Очевидно, прохождение дела можно представить себе следующим образом: Домиций Леонт принимает решение в качестве императорского чиновника или влиятельной персоны вне зависимости от должности, это решение доводится до сведения властей Арада, которые принимают соответствующее постановление, и лишь после этого оно осуществляется. По-видимому, и в других случаях высокопоставленные римляне и провинциальные администраторы должны были действовать аналогичным образом.

В надписи № 4015 (конец II — начало III в.) «совет и народ» арадян чествуют Марка Септимия Магна сына Марка из Фабиевой трибы центуриона IV Скифского легиона, своего согражданина. Из надписи следует, что в Араде, как и в других городах Сирии, существовала прослойка граждан города, которые были одновременно и римскими гражданами. Судя по именам, гражданство было получено уже отцом того М. Септимия Магна, о котором идет речь в надписи, в царствование Септимия Севера или его ближайших преемников. В честь этого же лица воздвигнута латинско-греческая надпись его братом Л. Септимием Марцеллом (I 4016). Из нее мы узнаем о военной карьере Магна, который служил в различных легионах (III Галльском, IV Скифском, XXV <aleria> V <ictrix> I <Minervia> X Fr <etensis>), однако не поднялся выше должности центуриона.

Власти Арада неоднократно чествуют римских должностных лиц. Так, в № 4008 чествуется Децим Лэлий сын Децима, командир флотилии. В № 4009 чествуется префект Люций Домиций Катулл родом из Берита (?). В № 4011 чествуется . . . иний Секунд, проделавший блестящую военно-административную карьеру: он был заместителем Тиберия Юлия Александра во время Иудейской войны 66—73 гг., а также заместителем легата Сирии.

Особое место среди этой группы надписей занимает № 4010 в честь Юлия Квадрата, который был в царствование Траяна легатом и пропретором. Воздвигает эту надпись Ноар сын Ноара сына Бадра; он чествует своего «благодетеля». Как видим, римские аристократы устанавливали отношения патроната-клиенты и с отдельными гражданами Арада. Показательно, что различия в гражданском статусе патрона и клиента не служили препятствием для установления патроната.

Среди надписей, опубликованных в интересующем нас сборнике, имеются тексты, происходящие из окрестностей Арада и позволяющие с известной степенью достоверности судить о положении, существовавшем на сельской территории, примыкавшей к Араду. Укажем среди них прежде всего на № 4055 (из Сахина) — пограничный столб селения Кариат-Асарис. Значительный интерес представляет надпись № 4052 (Калаат-Иахмур, 147/8 г.), в которой идет речь о постройке за счет средств общины какого-то сооружения. Здесь существенно важно уже само упоминание общинных имуществ, хотя мы и не знаем, из каких источников они складывались. Постройку осуществляет местный топарх (очевидно, должностное лицо общины) «второго семимесячия 407 г.». По-видимому, прав Ж.-П. Рей-Кокэ, полагающий, что топархи избирались на полугодие и что в данном случае имело место полугодие с дополнительным седьмым месяцем. Укажем, наконец, и на № 4027 из Сахина: посвящение небесному всевышнему богу ἐπὶ ἀρχῆς Σολημάνου. Очевидно, в этой местности существовал архонтат.

О налогообложении в государстве Селевкидов см. теперь специальное исследование: О. М. Зельдина. Финансовая политика Селевкидов (налоги и подати). Л., 1975. Значение горы Кармел как южной границы Финикии еще в доэллинистической период отметил И. Ахарони (Y. Aharoni. Mount Carmel as a Border. — Archäologie und Altes Testament. Tübingen, 1970, стр. 1 — 7). Подробное описание пальмирских погребений: M. Gawlikowski, Monuments funéraires de Palmyre. Warszawa, 1970. Тщательный анализ эдикта Каракаллы выполнен в 1976 г. Х. Вольфом (H. Wolff. Die Constitutio Antoniniana und Papyrus Gissensis 40 I, Bd 1—2, Köln, 1976). Нам, однако, трудно согласиться с автором, когда он считает, будто еще до эдикта разница между перегринами и гражданами постепенно утратила свое значение. Против этого свидетельствует существование перегринов (некоторых групп вольноотпущенников и пришельцев из-за рубежей Империи) и после эдикта Каракаллы.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВДИ — Вестник древней истории
 ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Русского Археологического общества
 ИРАИК — Известия Российского Археологического Института в Константинополе
 КС ИНА — Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР
 УЗ ЛГУ — Ученые Записки Ленинградского государственного университета
 AfO — Archiv für Orientforschung
 AJA — American Journal of Archaeology
 BASOR — Bulletin of the American Schools of Oriental Researches
 BCH — Bulletin de Correspondence Hellénique
 CIL — Corpus Inscriptionum Latinarum
 CIS — Corpus Inscriptionum Semiticarum
 CPJ — Corpus Papyrorum Judaicarum
 CRAIBL — Comptes-rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres
 DEPP — C. Bradford Welles, R. O. Fink, J. F. Gilliam, The Parchments and Papyri (The Excavations at Dura-Europos, Final Report, vol. V, pt 1), New Haven, 1955.
 ED — The Excavations at Dura-Europos, Preliminary Reports, Seasons I—IX, New Haven, 1929—1952
 FIRA — Fontes Iuris Romani Anteiustiniani
 G — Kraeling (ed.), Gerasa, New Haven, 1938
 IEJ — Israel Exploration Journal
 IG — Inscriptiones Graecae
 IGRR — Inscriptiones Graecae ad Res Romanas Pertinentes
 Inv. — Inventaire des Inscriptions de Palmyre, fasc. I—XI, Beyrouth — Damas, 1930—1965
 JEA — Journal of Egyptian Archaeology
 JJP — Journal of Juristic Papyrology
 JMI — Inscriptions grecques et latines de la Syrie. Publication commencée par Louis Jalabert et René Mousterde, continuée par Clauque Mondésert et Jean-Paul Fey-Coquais, tt. I—VII, Paris, 1929—1970.
 JNES — Journal of the Near Eastern Studies
 JRS — Journal of the Roman Studies
 OGIS — G. Dittenberger, Orientis Graeci Inscriptiones Selectae, vol. I—II, Lipsiae, 1903—1905
 PCZ — C. C. Edgar, Zenon Papyri (Catalogue général des antiquités égyptiennes du Musée de Caire), vol. I—V, 1925—1940.
 P. Col. Z — Zenon Papyri: Business Papers of the Third Century B. C. Dealing with Palestine and Egypt, vol. I—II, New York, 1934—1940
 PEQ — Palestine Exploration Quarterly
 PER — Papyrus Erzherzogi Raineri
 PSI — Papiri greci e latini. Pubblicazione della Società Italiana per la ricerca dei papiri greci e latini in Egitto, Firenze, 1917—1929
 P.-W. RE — Pauly's Realencyklopädie der klassischen Altertumswissenschaft, bearb. von G. Wissowa und W. Kroll.
 RES — Répertoire d'épigraphie sémitique

- SB — F. Preisigke, F. Bilabel, Sammelbuch griechischer Urkunden aus Aegypten, Strassburg — Berlin — Wiesbaden, 1915
- SEG — Supplementum epigraphicum Graecum
- Syll. — G. Dittenberger, Sylloge Inscriptionum Graecarum, ed. 3, vol. I—IV, Lipsiae, 1915—1924
- Wadd. — Ph. Le Bas, W. H. Waddington, Voyage archéologique en Grèce et en Asie Mineure, t. III, Paris, 1870
- WC — C. Bradford Welles, Royal Correspondence of the Hellenistic Period, New Haven, 1934
- ZDPV — Zeitschrift des Deutschen Palästina — Vereins

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
<i>Глава первая.</i> Сирия накануне римского завоевания	11
<i>Глава вторая.</i> Организация римской провинции на территории Сирии	44
<i>Глава третья.</i> Экономический строй сирийского общества эпохи принципата	60
<i>Глава четвертая.</i> Социальная структура сирийского общества I—III вв.	117
<i>Глава пятая.</i> Сирийский город: гражданский коллектив и административное устройство	186
<i>Глава шестая.</i> Политический статус сирийских обществ в I—III вв.	228
<i>Глава седьмая.</i> Социальная и политическая борьба в Сирии в период кризиса второй половины II—III вв.	259
Приложения	298
Список сокращений	308

Илья Шолеймович Шифман

**СИРИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО
ЭПОХИ ПРИНЦИПАТА
(I—III вв. н. э.)**

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор *В. Н. Юзаджян*
Младший редактор *И. В. Бушueva*
Художник *Л. С. Эрман*
Художественный редактор *И. Р. Бескин*
Технический редактор *М. В. Погоскина*
Корректор *Н. Б. Осягина*

Сдано в набор 4/II-1977 г. Подписано к печати
29/VIII-1977 г. А-02945. Формат 60×90¹/₁₆. Бум. № 1
Печ. л. 19,5. Уч.-изд. л. 21,19. Тираж 2400 экз.
Изд. № 3679. Заказ № 1877. Цена 2 р. 30 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, К-45, ул. Жданова, 12/1

2-я типография издательства «Наука»
Москва Г-99, Шубинский пер., 10.

Цена 2 р. 30 к.

